

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи
Емелин Вадим Анатольевич

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Специальность 09.00.08 - философия науки и техники

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант –
доктор философских наук
Тищенко П.Д.

Москва 2017

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1. Идентичность и технологические расширения	20
1.1. Идентичность как конструкция.....	20
1.1. Органопроекция: антропо-технологическая эволюция	50
1.2. Динамика технологических расширений телесности человека.....	71
Глава 2. Парадоксы постмодерной идентичности в информационном обществе.	93
2.1. Постмодернизм: идентификация ускользающего смысла.	96
2.2. Информационное общество и культура постмодерна.	118
2.3. Кризис идентичности в постмодерной культуре.	143
Глава 3. Технологические соблазны информационного общества.....	173
3.1. Телевидение: иллюзорность очевидности.	175
3.2. Интернет: эрозия истинности и диффузия идентичности.....	205
3.3. Симулякры и технологии виртуализации идентичности.	229
3.4. Мобильные телефоны: нателные трансформеры идентичности.	255
Глава 4. Пределы внешних расширений человека.	290
4.1. Технологическое ускорение и трансформация хронотопа.....	292
4.2. Удобство жизни и утрата приватности: идентичность в условиях тотального технологического контроля.	315
4.3. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека. 340	
4.4. Радикалы трансформации идентичности: от неолуддизма к трансгуманизму.	360
Заключение.	386
Библиография	391

Введение

Актуальность темы исследования. Проблема идентичности и самоидентификации становится в современном обществе одной из наиболее значимых и активно обсуждаемых. Это связано, в первую очередь, с нарастанием различного рода искажений, проявляющихся в самых разнообразных формах. С одной стороны, отмечается нарастающая тенденция диффузии идентичности, ее несостоятельности, незавершенности в виде затянувшихся поисков себя, невозможности самоопределения, а с другой стороны – разнообразные варианты гиперидентичности, проявляющейся в различных формах фанатизма, экстремизма и фундаментализма. В философии понятие идентичности конкретизируется широким спектром таких категорий, как: «самотождественность», «целостность», «аутентичность», «самость», «индивидуальность», «личность», «Я». В настоящее время идентичность чаще всего рассматривается сквозь призму экзистенциальной проблематики, этики, религии, психологии, культурной антропологии, истории. Проблема идентичности междисциплинарна, хотя можно отметить определенную неполноту ее современного философского осмысления.

Сегодня человек находится в ситуации непредсказуемости, обусловленной ускорением социокультурных и технологических изменений, приводящих к зыбкости жизненных ориентиров. Среди основных причин трудностей самоидентификации можно выделить причины мировоззренческого плана, имплицитированные культурой постмодерна в связи с доминированием принципа релятивизма, автоматически ставящего под сомнение саму возможность сохранения определенных, устойчивых и разделяемых в обществе ценностей, и причины технологического характера.

Рефлексируя современное состояние проблемы в контексте мировоззренческих трансформаций, необходимо подчеркнуть, что перед человеком появилась специальная неоднозначная задача самоопределения в условиях современного мира. Безусловно, индивид всегда идентифицировал себя в социуме, но этот процесс, как правило, не требовал от него личностного выбора и не предполагал особой рефлексии. Еще недавно человек занимал свое место в мире почти автоматически, кроме редких исключений, в силу классовой, профессиональной, сословной, национальной, конфессиональной и территориальной принадлежности. Упрощая, можно сказать, что идеальной моделью такой предопределенности являлось традиционное общество, где

самоидентификация была изначально приписана субъекту и не подлежала пересмотру. По мере распада традиционного общества, на смену которому приходит общество модерна, а затем и постмодерна, проблема поиска и обретения идентичности начинает занимать особое место. Возможно, именно трудности самостоятельного решения проблемы самоопределения и породили неожиданный всплеск фундаментальной идеологии в современном мире.

Еще большее влияние на изменение процесса идентификации оказал технологический прогресс. В информационном обществе масштаб и скорость развития технологий превзошли все предшествующие в истории технологические революции. Возникли новые формы передачи информации, способы и средства коммуникации, которые стали не только неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности индивида, но задают модели поведения, спектр интересов, способы удовлетворения потребностей, мировоззрение, и, в конечном счете, самоидентичность. Скорость технологических преобразований пошатнула устойчивость связей человека с окружающими его вещами, технологии радикально и стремительно изменили его пространственно-временные представления. В условиях непрерывных перемен во всех областях жизнедеятельности человека информационное общество уже не может пониматься как нечто стабильное, неизменное, что и позволило его характеризовать как «текущую современность»¹, затрудняющую возможность существования устойчивых моделей идентификации.

Технологический прогресс, его мировоззренческие, социокультурные и этические следствия также оказывают системное воздействие на идентичность. В связи с этим возникает проблема, связанная со сложностью оценки, с одной стороны, благ, а с другой – рисков, которые несут процессы повседневного и повсеместного включения в жизнь человека разнообразных технологических расширений вплоть до «машинного разума». Неопределенность векторов нарастающего развития технологий информационного общества, качественно трансформирующихся и одновременно трансформирующих человека, подводит к проблеме оценки возможных путей сосуществования технологий и человека. Неопределенность делает актуальным вопрос о возможных новых моделях идентификации. Особо важной становится задача анализа направлений возможного взаимодействия человека и технологий, определения концептуальных

¹ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.

оснований устойчивого развития человека в ускоряющемся потоке неизбежных преобразований и выработки философских оснований адаптации к ним.

Неопределенность ситуации делает актуальным вопрос о грядущих моделях идентификации, крайними точками которых могут стать неолуддиты и трансгуманисты. Подобные умонастроения ставят вопрос о сохранении родовой сущности современного человека, которую нельзя рассматривать вне контекста проблемы сохранения его идентичности в условиях ускоряющегося технологического прогресса.

Научная проблема исследования формулируется как ответ на ситуацию нестабильности и диффузности идентичности, сложившуюся в условиях развития информационного общества, и масштабных социокультурных изменений, связанных с распространением как постмодернистского плюралистического мировоззрения, так и ригидных радикалистских идеологий. Анализ воздействия технологических факторов в культурно-историческом контексте информационного общества на трансформацию идентичности призван дать методологическую основу междисциплинарного синтеза в науках о человеке в исследовании проблемы идентичности.

Степень научной разработанности проблемы. Существует множество различных, а зачастую конкурирующих точек зрения в понимании идентичности, самоидентичности, самоверификации или самоидентификации – понятий, которые, оказываются одними из самых важных и, при этом, неясных и парадоксальных для обретающего/не обретающего идентичность индивида.

Феномен идентичности оказался, несмотря на его кажущуюся очевидность и длительную историю обсуждения, совсем не так прост, и в ситуации глобализирующегося мира у философов не так много готовых ответов, объясняющих суть этого явления. Начиная с древних греков, стремившихся познать себя, и (не) заканчивая М. Хайдеггером, понимавшим идентичность как всеобщность бытия², «загадка человеческого Я» всегда оставалась неразрешенной для человека. Но именно в середине XX века проблема идентичности выделяется в качестве самостоятельной темы в науках о человеке. Как заметил Э. Эриксон: «Мы начинаем теоретически осмысливать вопросы идентичности именно в тот период истории, когда они становятся реальной проблемой»³. Последние десятилетия двадцатого века – это период начала кризиса культуры западного

² Heidegger M. Identität und Differenz: Gesamtausgabe. Pfullingen, 1957. Volume 11.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 194.

типа, причиной которому послужили не только трагические события, связанные с последствиями колониальных, мировых, холодных и информационных войн, но и утрата устойчивых ориентиров, разочарование, казалось бы, в незыблемых ценностях, ускорение ритма жизни и ряд других потенциально аномических процессов, связанных с разбалансированностью и поляризацией процессов идентификации. С одной стороны, мы имеем масштабную дисфункцию процессов идентификации, о чем, с одной стороны, свидетельствует кризис гендерных, семейных и других традиционных моделей, а с другой – нарастающая привлекательность фундаменталистской гиперидентичности, дающей человеку как в мысленном, так и действенном плане, иллюзорно незыблемые опоры и модели.

Изучением идентичности, в той или иной степени занимаются фактически все науки о человеке. В философии и социологии понимание идентичности формировалось в концепциях Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Ч. Кули, Дж.Г. Мида, Э. Гоффмана, А.П. Бергера, Т. Лукмана и др. В психологии проблемы, связанные с идентичностью, начинают рассматриваться З. Фрейдом, но как утвердившееся понятие в науках о человеке она окончательно концептуализируется в работах Э. Эриксона. Сегодня авторитетными теориями являются: модель статусов идентичности Дж. Марсия, трехфакторная процессуальная модель идентичности Е. Кроксети и С. Дж. Шварца, теория социальной идентичности А. Тэшфела, теория самокатегоризации Дж. Тернера, теория самоподтверждения У. Сванна, теория идентичности в рамках структурного символического интеракционизма Ш. Страйкера и др.

В настоящее время проблема идентичности активно разрабатывается российскими учеными в разных областях гуманитарного знания. В философской антропологии тема идентичности звучала у В.В. Бибихина⁴, П.С. Гуревича⁵, Э.А. Орловой⁶, в рамках эпистемологии современные аспекты идентичности исследовались Е.И. Труфановой⁷, в социологии в контексте процессов глобализации идентичность рассматривалась Н.Н. Федотовой⁸. В социальной

⁴ Бибихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998.

⁵ Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности. 2010. Т.IV. С. 63–87.

⁶ Орлова Э.А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 4. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой. М., 2010. С. 87–111.

⁷ Труфанова Е.И. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. №2. С. 13–22.

⁸ Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. №6. С. 50–58; Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 72–80.

психологии большой вклад в развитие отечественной теории идентичности внесли Г.М. Андреева⁹, Е.П. Белинская¹⁰, О.А. Тихомандрицкая¹¹, в психологии личности А.Г. Асмолов¹², в клинической психологии А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова¹³, в возрастной психологии О.А. Карабанова¹⁴, в изучении специфики этнокультурной идентичности Ю.П. Зинченко¹⁵, Г.У. Солдатова¹⁶, Т.Г. Стефаненко¹⁷, в рамках философии культуры и культурологии Х. Г. Тхагапсоевым¹⁸ др.

Как правило, идентичность в философии принято рассматривать сквозь призму логической, экзистенциальной, этической, этнической, религиозной, культурно-антропологической и историко-культурной проблематики. В психологии в понимании идентичности на первый план выходят возрастные, гендерные, ролевые, телесные, личностные и другие аспекты. Но такой важнейший аспект трансформации идентичности, особенно влиятельный в современном технологизирующемся обществе, как воздействие на человека используемых им орудий, инструментов, машин, технологий и гаджетов – медиумов, опосредующих его деятельность и формирующих способы коммуникации, передвижения, удовлетворения потребностей, остался где-то на периферии теории идентичности. Ключевой идеей, положенной в основу предлагаемой работы, является попытка ввести в философию техники феноменологическую составляющую проблемы идентичности человека,

⁹ Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. №6(20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html>

¹⁰ Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т.8. №40. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaia40.html>; Белинская Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. №2. С. 31–40.

¹¹ Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.

¹² Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. №1. С. 65–86; Асмолов А. Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. №3. С. 3-15.

¹³ Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т.5. №26. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771-rasskazova26.html>

¹⁴ Карабанова О.А. Прежде всего, мы формируем гражданскую идентичность // Образовательная политика. 2010. №1-2. С. 9-14.

¹⁵ Зинченко Ю. П., Шайгерова Л. А. Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России / Под редакцией Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой. В 2-х томах. М., 2016.

¹⁶ Солдатова Г.У. Содержание этнической идентичности: стереотипы и ценности // Психологическое обозрение. 1997. №2(5). С. 22–26.

¹⁷ Стефаненко Т.Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии. 2004. №3(39). С. 38–43.

¹⁸ Тхагапсоев Х. Г. Проблема идентичности в культурологии // Альманах «Мир культуры и культурологи», СПб., 2011. С.23-36.

используя одновременно методологические подходы философии техники для выработки понимания идентичности, связанного с изучением влияния на нее технологических инструментов.

Сформированная относительно недавно, в XIX веке, как самостоятельная отрасль философии немецкими философами Э. Каппом, Л. Нуаре, А. Эпинасом, философия техники получила развитие в трудах П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Ф.Г. Юнгера. В современной отечественной философии большой вклад в изучение проблем науки и техники: И.Ю. Алексеева¹⁹, В.И. Аршинов²⁰, И.А. Асеева²¹, В.Г. Буданов²², В.Л. Васюков²³, А.А. Воронин²⁴, И.А. Герасимова²⁵, В.Г. Горохов²⁶, Е.Г. Гребенщикова²⁷, Д.И. Дубровский²⁸, Ю.В. Ивлев²⁹, И.Т. Касавин³⁰, Е.Н. Л.П. Киященко³¹, Князева³², В.А. Лекторский³³, И.К. Лисеев³⁴, Е.А. Мамчур³⁵, Е.Н. Мелик-Гайказян³⁶, А.Л. Никифоров³⁷, А.А. Печенкин³⁸, О.В. Попова³⁹, В.М. Розин⁴⁰, А.Ю. Севальников⁴¹,

¹⁹ Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.

²⁰ Аршинов В.И. Конвергирующие технологии в перспективе будущего человека // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М., 2012. С. 262–273.

²¹ Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. 2017. № 1. С. 124–137.

²² Буданов В.Г. Проблемы коэволюции антропо- и техносферы: квантово-синергетический подход // Разум, сложность, постнеклассика. 2014. № 4. С. 56–71.

²³ Васюков В.Л. Нанотехнологии и проблема функционального описания технических артефактов // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы шестой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17–19 октября 2013 года). Иваново, 2013. С. 20–28.

²⁴ Воронин А.А. Миф техники. М., 2004.

²⁵ Герасимова И.А. Биомедицинские технологии как проблема истории и философии науки // Эпистемология и философия науки. 2014. № 2. С. 5–18.

²⁶ Горохов В.Г. Основы философии техники и технических наук. М., 2007.

²⁷ Гребенщикова Е.Г. Биотехнонаука и границы улучшения человека. // Эпистемология и философия науки. 2016. №2. С. 34–39.

²⁸ Дубровский Д.И. Биологическая основа познания и антропотехнологическая эволюция // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Ч. 2 / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2014. С. 5–25.

²⁹ Ивлев Ю.В. Наука и техника *sub specie philosophiæ* [Электронный ресурс] // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2016. № 1. URL: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues/ivlev.pdf>

³⁰ Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М., 2016.

³¹ Киященко Л.П. Опыт философии трансдисциплинарности («казус биоэтика») // Вопросы философии. 2005. №8. С. 105–117.

³² Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995.

³³ Лекторский В.А. Современные технологии и человеческие ценности // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 252–261.

³⁴ Лисеев Г.К. Высокие технологии и современная цивилизация. М., 1999.

³⁵ Мамчур Е.А. Фундаментальная наука и современные технологии // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 80–89.

³⁶ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М., 1997.

³⁷ Никифоров А.Л. Наука и ее роль в развитии человечества // Наука и социальная картина мира: К 80-летию акад. В.С. Стёпина / Под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. М., 2014. С. 327–346.

³⁸ Печенкин А.А. Проблема концептуального обоснования научного знания: классика и современность // Вопросы философии. 1987. № 6. С. 48–57.

³⁹ Попова О.В. «Фантастические» перспективы развития гуманитарного знания в свете развития технологий усовершенствования человека // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий). Москва, 2016. С. 164–174.

В.С. Степин⁴², Г.М. Тавризян⁴³, П.Д. Тищенко⁴⁴, В.И. Шалак⁴⁵, Е.Н. Шульга⁴⁶ Б.Г. Юдин⁴⁷ и др.

Реакции общества на изменения, вызванные технологическими трансформациями были описаны теорией постиндустриального общества, впоследствии охарактеризованного как информационное, в основе которого идеи Д. Белла, З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, П. Дракера, Дж. Мартина, Й. Масуды, Дж. Нейсбитта, М. Пората, Д. Рисмана, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера, А. Турена и др. В отечественной социальной философии, философии культуры и социологии весомый вклад в исследование информационного общества внесли: Р.Ф. Абдеев⁴⁸, Г.Т. Артамонов⁴⁹, В.Л. Иноземцев⁵⁰, И.Н. Курносков⁵¹, И.С. Мелюхин⁵², Н.Н. Моисеев⁵³, И.А. Негодаев⁵⁴, А.И. Ракитов⁵⁵, А.В. Соловьев⁵⁶ и др.

Разработка идей о влиянии технологий на культурно-историческое развитие человека велась в рамках различных концепций в науках об обществе и человеке. Среди них можно выделить следующие: идею технологического расширения человека, восходящую к К. Марксу, Э. Каппу, Л. Нуаре, З. Фрейду и П.А. Флоренскому, выводы М. Маклюэна о роли технологических расширений человека в изменении топологии субъекта, теорию симулякров Ж. Делеза и гиперреальности Ж. Бодрийяра, идеи З. Баумана о «текущей современности» и трансформации идентичности в культуре постмодерна, теорию футурошока Э. Тоффлера, исследования М. Кастельса о влиянии сетевых телекоммуникативных технологий на идентичность, концепцию культурной патологии А.Ш. Тхостова, работы по биоэтике П.Д. Тищенко, исследования воздействия телекоммуникационных и компьютерных технологий на поведение людей Г.

⁴⁰ Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола, 2016.

⁴¹ Севальников А.Ю. Техника как взывание потаенного // Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки. М., 2014. С. 222–226.

⁴² Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996.

⁴³ Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и технической цивилизации. М., 2009.

⁴⁴ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.

⁴⁵ Шалак В.И. Логический анализ сети Интернет. М., 2005.

⁴⁶ Шульга Е.Н. Компьютерная герменевтика. // Вопросы философии. 2007. №2. С. 97-106

⁴⁷ Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. №3. С. 5–20.

⁴⁸ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.

⁴⁹ Артамонов Г.Т., Кристальный Б.В., Курносков И.Н. и др. О концептуальной базе построения в России информационного общества // Информационное общество, 1999, №9. С. 16-19.

⁵⁰ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.

⁵¹ Курносков И.Н. Информационное общество: планы и программы зарубежных стран. М., 1997.

⁵² Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999. С. 308.

⁵³ Моисеев Н.Н. Информационное общество: возможность и реальность // Информационное общество: Сб. / Сост. А. Лактионов. М., 2004. С. 428–451.

⁵⁴ Негодаев, И.А. На путях к информационному обществу / И.А. Негодаев. – Ростов-на-Дону, 1999.

⁵⁵ Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М., 1998.

⁵⁶ Соловьев А.В. Динамика культуры информационной эпохи. Рязань, 2009.

Рейнгольда, анализ особенностей и специфики влияния современных средств коммуникации на формирование идентичности Н. Лумана и П. Бурдьё, идею о сближении технологий и человека и об «интимности» технологий Р. ван Эста, взгляды публицистов и лидеров различных культурных и контркультурных течений на современную ситуацию и будущее развитие событий в контексте распространения информационных и компьютерных технологий, среди которых Дж. П. Барлоу, С. Гарфинкель, М. Дери, Э. Дэвис, Р. Курцвейл и Дж. Ланир⁵⁷, а также ряд других разработок, связанных с рассматриваемой проблемой в современных науках о человеке и философии техники.

Объект исследования. Идентификация и идентичность как процесс и результат феноменологического обретения индивидом своего места в социокультурном/технологизированном пространстве информационного общества.

Предмет исследования. Влияние технологий информационного общества и связанных с ними мировоззренческих трансформаций на человека.

Цели исследования.

- провести философский анализ и систематизацию социокультурных феноменов, связанных с жизнедеятельностью человека в условиях изменений, вызванных технологическим развитием на рубеже XX-XXI веков;
- рассмотреть влияние информационных, телекоммуникационных, транспортных, а также других технических средств на формы и способы идентификации, на когерентность и устойчивость идентичности.

Задачи исследования. Основная задача исследования показать, что решающими факторами формирования и трансформации идентичности в современном информационном обществе являются технологические факторы. В рамках основной проблемы в исследовании ставятся следующие задачи:

- выявить основные черты глобального мировоззренческого кризиса идентичности в условиях развития информационного общества и распространения культуры постмодерна;
- провести анализ влияния наиболее массовых технологий, таких как телевидение, мобильная связь, глобальная сеть интернет, технологии виртуальной реальности и скоростные транспортные коммуникации на формирование и деформацию идентичности;

⁵⁷ Джарон Ланье – философ, ученый и автор термина «виртуальная реальность». Цитируемая его книга «Вы не гаджет» в русском переводе вышла под именем Джарон Ланир.

- исследовать новые модели идентификации, порождаемые развитием информационных и коммуникационных технологий;
- проанализировать и выявить связь технологических и мировоззренческих трансформаций в глобализирующемся информационном обществе с возникновением радикалистских и деструктивных форм идентичности, таких как экстремизм, фундаментализм и терроризм;
- обозначить проблемное поле социально приемлемых форм адаптации к технологиям информационного общества, соразмерных масштабу и скорости сопровождающих их развитие социокультурных изменений.

Теоретико-методологическая основа работы. Учитывая многоаспектность проблемы, планируется использовать интегративный подход, основанный на современных отечественных и зарубежных исследованиях технологий, общества, культуры и идентичности в гуманитарных науках:

- основополагающие взгляды К. Маркса о роли технологий в развитии техники, теория органопроекции Э. Каппа и теория орудийной деятельности Л. Нуаре
- идеи М. Маклюэна о роли технологических расширений человека в изменении топологии субъекта;
- концепция постиндустриализма и информационного общества Д. Белла и др.;
- теория футурошока Э. Тоффлера;
- теория симулякров и гиперреальности Ж. Бодрийяра;
- идеи З. Баумана о трансформации идентичности в культуре постмодерна и «текучей современности»;
- исследования М. Кастельса о влиянии сетевых телекоммуникативных технологий на идентичность;
- концепция культурной патологии А.Ш. Тхостова;
- исследования воздействия телекоммуникационных и компьютерных технологий на поведение людей Г. Рейнгольда;
- взгляды на современную ситуацию и будущее развитие событий в сфере развития технологий лидеров различных культурных и контркультурных течений, сформированные в процессе распространения информационных и компьютерных технологий (Дж. Ланир, Э. Дэвис, Р. Курцвейл, М. Дери, Р. ван Эст и др.).

Научная новизна. Впервые в отечественную философию техники вводится феноменологическая составляющая проблемы идентичности человека, связанная с влиянием на нее технологических инструментов. Осуществляется

философско-методологический анализ новых типов формирования и трансформации личностной идентичности в связи с современными технологическими изменениями.

Формулируется оригинальное философское представление о динамическом характере феномена идентичности, непрерывно порождающегося в предметной и орудийной деятельности с помощью технологических расширений, преобразующих традиционные механизмы и модели идентификации.

Впервые в философии техники предлагается философская интерпретация различных вариантов искаженной идентичности личности в виде феноменов «размытой идентичности», «виртуальной идентичности» и «гиперидентичности», связанных с размыванием традиционных форм идентификации при переходе от общества традиционного типа к модерну и постмодерну.

Показано, что современные информационные и коммуникационные технологии, а также нарастающая скорость их изменений превращают средства массовой информации и коммуникации в фантомную реальность, неоднозначно влияющую на структуру, динамику и устойчивость идентификации человека, границы его приватности и его самосознания, трансформируя идентификационные связи между поколениями, территориальными объединениями, социальными общностями и индивидами, неоднозначным образом вовлеченными в процесс нарастающих технологических изменений.

Положения, выносимые на защиту.

1. Идентичность личности, данная человеку через ощущение целостности, тождественности самому себе в культурно-историческом хронотопе, не является «вещью», обладающей неизменными и навсегда предустановленными свойствами, но динамическим, постоянно конструируемым субъективным феноменом вокруг некоторой метафизической «точки сборки», задающей непрерывность существования субъекта. Динамическое конструирование идентичности личности осуществляется во всех формах человеческой деятельности, в первую очередь в предметной и орудийной, неразрывно связанной с различного рода инструментами, становящимися не просто нейтральным продолжением человека, а позволяющими ему реализовывать формы деятельности, принципиально недоступные для натуральных функций и преобразующие традиционные механизмы и модели идентификации. Эффективная адаптация к технологическим изменениям в

информационном обществе и сохранение стабильных форм идентификации личности требует формирования динамического равновесия, постоянного непрерывного соотнесения его устойчивых и меняющихся элементов.

2. Технологии информационного общества являются не только инструментами, количественно умножающими способности человека, но и качественными расширениями его высших психических функций. Если на протяжении всей предшествующей истории технологии лишь облегчали человеку те или иные действия, радикально не преобразовывая его натуральных возможностей, то современные технологии информационного общества в ходе их использования меняют не только топологию человека, расширяя и дополняя его, но и изменяют его мировоззрение, создавая возможности разнородных и анонимных каналов коммуникации, и подкрепляют *плюрализм*, предполагающий равнозначность и равноправность всех конкурирующих точек зрения, приводя с одной стороны, к диффузии и неустойчивости идентичности, а с другой, – к ее гиперкомпенсации в форме легитимации радикальных идеологий.
3. Телекоммуникационные технологии распространения информации, создавая широкие возможности для формирования искусственной информационной реальности с помощью искажения условий фиксации, прямой имитации, фрагментации, наделения частных событий статусом универсальных превращают средства массовой информации в фантомную реальность, неоднозначно влияющую на структуру идентификации человека и его самосознание. Положенные в основу технологий средств связи и передачи информации ризоморфность и релятивизм усложняют процесс идентификации, поскольку предполагается, что никакого однозначного правила для выбора идентичности и ее фиксации не может и не должно существовать. Свобода иллюзорного выбора оборачивается отсутствием каких-либо устойчивых реперных точек и системы координат, в соответствии с которыми человек определяет место своего «Я» в мире.
4. Технологии виртуальной реальности выходят за рамки ограниченной игровой деятельности или индустрии развлечений и становятся неотъемлемой частью реального информационного пространства

постмодерной культуры информационного общества, превращаясь не только в механизмы симулирования действительности, но и в технологии ее подмены и элиминации. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о возможности формировании «виртуальной идентичности личности».

5. Мобильные коммуникативные технологии, ставшие неотъемлемыми спутниками индивида информационного общества, инкорпорировали в себя функции практически всех известных информационных технологий. Через опции манипулирования доступностью, вытеснения устного общения «телеграфным» с помощью коротких сообщений, определения местоположения, сохранения информации о контактах с последующим использованием данных для отслеживания вкусовых предпочтений абонента, его финансового положения технологии мобильной связи оказывают существенное влияние на структуру и устойчивость идентичности индивида развивающегося информационного общества.
6. Ускорение технологических и связанных с ними социокультурных изменений может стать дополнительным фактором дезадаптации и искажения идентичности, поскольку разрушает стабильные модели идентификации, не оставляя необходимого времени для укоренения новых и создавая расширяющие разрывы между поколениями, внутри поколения, между общностями и индивидами, по-разному вовлеченными в ускоряющий процесс технологических изменений. Скорость технологических изменений является не однополюсной шкалой, а континуумом с областью адаптации в средней зоне. На одном полюсе находится зона «застоя», а на другом – неустойчивости, хаотичности и неясности, создающие ощущение опасности, исходящей от меняющегося и непонятного мира.
7. Информационное общество предельно расширило спектр удобств, предоставляемых индивиду, однако потребовало «платы» за удобства, размер которой невозможно на настоящий момент однозначно и окончательно оценить. Приобретая ряд жизненных «привилегий», технологически расширенный человек теряет свою приватность, технологии становятся средствами тотального контроля. Блага, которые дают технологические расширения, имеют обратную сторону –

деприватизацию личности, приводя к размыванию и нарушению границ идентичности.

8. Технологические медиумы, становясь неотъемлемыми протезами человека, имплицитно могут приводить к его избыточной технологической уязвимости, возможному формированию неустойчивой и смутной идентичности, а также техногенной инвалидизации. В отношении к изменению места, занимаемого в сочленении «человек-машина» современными информационными и техническими средствами, выделяются две крайности: неолуддизм, сводящийся к отрицанию технического прогресса и представлению его в качестве враждебной для человека силы, и трансгуманизм, недостаточно критично оценивающий развитие технологий, видящий в них панацею для человечества в решении всех проблем и ориентированный на максимальную конвергенцию человеческого и машинного разума. Исходя из понимания того, что технологии не являются нейтральными по отношению к использующему их человеку, и оценивая уязвимость альтернативных подходов, предлагается дополнить их разработкой новой позиции, учитывающей возможности соразмерного и гармоничного сосуществования человека и технологий с целью сохранения родовой сущности человека и его устойчивой и когерентной идентичности при неуклонном развитии технического прогресса.

Теоретическая и научно-практическая значимость. Диссертационное исследование имеет в целом теоретический характер, его результаты позволяют развить отечественную философию техники, включив в него ранее оставшийся на периферии значительный пласт тематики, связанной с проблемой идентичности личности. Кроме того, полученные выводы существенно углубляют философские представления о феномене идентичности личности в контексте технологических расширений человека. Проблемное поле исследования затрагивает предметную область наук о человеке, поэтому предложенные в ней результаты философского анализа влияния технологий на идентичность могут быть использованы в смежных отраслях знания. Предлагается анализ и решение актуальной проблемы формирования когерентной и устойчивой идентичности личности в условиях глобальных технологических изменений образа жизни, труда, коммуникаций и межличностных отношений, резко меняющих традиционные возможности, стереотипы и модели идентификации. Материалы

исследования могут быть применены в выработке практических рекомендаций для мониторинга и предотвращения негативных последствий использования современных технологий, в том числе в сфере образования. Материалы исследования используются в курсах «Философия» для магистров факультета психологии МГУ, а также в рамках спецкурса «Социокультурные аспекты информационных технологий» для специализации «Психология массовой коммуникации» факультета психологии МГУ.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на открытом заседании сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН 16 ноября 2017г.

Основные положения диссертационного исследования отражены в монографии «Идентичность в информационном обществе», издание которой было поддержано фондом РФФИ, проект 17-06-16023 и в более 50-ти научных публикациях, из которых 30 статей опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, включая 19 статей в системах Web of Science, RSCI Web of Science и Scopus («Вопросы философии», «Эпистемология и философия науки», «Философские науки», «Вопросы психологии», «Psychology in Russia: State of the Art», «Procedia – social and behavioral sciences» и др.).

Основная часть положений, представленных в диссертации, разрабатывалась в рамках, следующих грантовых проектов:

2017– н. в., «Мотивационные и когнитивно-аффективные факторы формирования идентичности», РГНФ №17-06-00849а. (исполнитель).

2014–2016, «Трансформация высших психических функций в условиях развития информационного общества (культурно-исторический подход)», РГНФ №14-06-00730а (руководитель).

2014–2016, «Системно-динамический подход к процессу идентификации в норме и патологии», РГНФ №14-06-00709а (исполнитель).

2011–2013, «Социально детерминированные формы нарушения самоидентичности», РГНФ №11-06-00257а (исполнитель).

2011–2013, «Механизмы психологической адаптации человека к технологическим изменениям в современном информационном обществе», РГНФ №11-06-00733а (руководитель).

2010–2013, «Психологические и социокультурные аспекты влияния информационных технологий на формирование и нарушение самоидентификации», РФФИ 10-06-00543а (руководитель).

2009–2010, «Социокультурные формы психической патологии», РГНФ №08-06-00596а (исполнитель).

2009 г., РФФИ №09-07-01а «Системы виртуальной реальности для психологов» (исполнитель).

Также часть положений диссертации отражены в НИР, выполненных в составе творческих коллективов по заказу Министерства образования РФ:

2013, Разработка концепции информационной безопасности детей и подростков», ГК № 0173100013813000018 от 8 октября 2013 г.

2009–2011, «Разработка инновационных методов научно-исследовательской, образовательной и практической деятельности психолога с применением технологий виртуальной реальности». ГК № 02.740.11.0375 от 20 июля 2009 г.

А также по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»:

2012–2013, «Применение технологий виртуальной реальности в разработке инновационных методов изучения когнитивных процессов человека», Соглашение № 8011 от 18 июня 2012 г.

2010–2012, «Методологические проблемы применения современных информационных технологий в области психологии безопасности», ГК № П400 от 12 мая 2010 г.

Промежуточные результаты исследования были также представлены на следующих конференциях:

5–7 октября 2017 – Форум психологов России – съезд Российского психологического общества, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Доклад на тему: «Идентичность как «точка сборки» и психологическая конструкция».

17–26 апреля 2017 – Научная конференция «Ломоносовские чтения», МГУ имени М.В. Ломоносова. Доклад на тему: «Трансформация идентичности в условиях развития информационного общества».

17–19 апреля 2016 – Научная конференция «Ломоносовские чтения», МГУ имени М.В. Ломоносова. Доклад на тему: «Технологические расширения идентичности».

30 мая 2014 – Всероссийская междисциплинарная конференция «Антропологический подход в социальной теории и его альтернативы», МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет. Доклад на тему: «Человек технологический. Трансформация идентичности в информационном обществе».

14–23 апреля 2014 – Научная конференция «Ломоносовские чтения», МГУ имени М.В. Ломоносова. Доклад на тему: «Технологический прогресс и трансформация идентичности в условиях информационного общества».

23–26 апреля 2012 г. – Шестой международный форум «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении информационной безопасности и противодействии терроризму», Гармиш-Партенкирхен, Германия. Доклад на тему: «Социокультурные детерминанты информационной безопасности».

14–18 февраля 2012 г. – Пятый съезд Общероссийской общественной организации Российское психологическое общество. Доклад на тему: «Технологическое ускорение и трансформация идентичности».

25–28 апреля 2011 г. – Пятый международный форум «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении информационной безопасности и противодействии терроризму». Гармиш-Партенкирхен, Германия. Доклад на тему: «Специфика социокультурных форм идентификации в интернет-среде».

12–15 апреля 2010 г. – Четвертый международный форум «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении информационной безопасности и противодействии терроризму», Гармиш-Партенкирхен, Германия. Доклад на тему: «Терроризм как патологическая форма идентичности в условиях информационного общества».

5–12 апреля 2008 г. – Второй международный форум «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении информационной безопасности и противодействии терроризму». Гармиш-Партенкирхен, Германия. Доклад на тему: «Проблемы безопасности в интернете: онтологические и аксиологические аспекты».

14–18 февраля 2012 г. – V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». МГУ имени М.В. Ломоносова. Доклад на тему: «Технологическое ускорение и трансформация идентичности».

11–13 ноября 2010 г. – II межрегиональная научно-практическая конференция «Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития России в условиях глобального кризиса». МГУ имени М.В. Ломоносова. Доклад на тему: «Особенности психологической адаптации к технологическим изменениям информационного общества».

24–28 мая 2005 г. – IV Российский философский конгресс. МГУ имени М.В. Ломоносова. Доклад на тему: «Постмодернизм как отражение и способ познания технологической реальности информационного общества».

27–30 мая 2003 г. – Международная конференция «XXI век: на пути к единому человечеству?» МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет. Доклад на тему: «Взаимосвязь информационных технологий и постмодернистского мировоззрения в современном обществе».

Материалы исследования также были использованы при подготовке лекционного курса «Философия для магистров», а также спецкурса «Социокультурные аспекты информационных технологий», прочитанных автором на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 2013–2017 гг.

Глава 1. Идентичность и технологические расширения

1.1. Идентичность как конструкция

Несмотря на то, что специальной задачи исчерпывающего описания феномена идентичности в современной философии, психологии и других гуманитарных науках не ставится, анализ представлений в науках о человеке необходим в силу того, что идентичность является центральной категорией в нашем исследовании. Для достижения заявленных в работе целей, связанных с выявлением и описанием последствий воздействия технологий информационного общества на идентичность, необходимо обосновать понимание данного феномена, что невозможно сделать без сопоставления имеющихся в современных науках о человеке подходов к пониманию идентичности. Решение этой задачи осложняется тем, что можно говорить о существовании множественности форм идентичности, развивающихся по различным механизмам, но подобное утверждение заостряет проблему выделения ее универсальных звеньев: как следует понимать идентичность, если оказывается, что это отнюдь не стабильный и однородный философский и психологический феномен? Это нечто вроде зонтичного термина, или внутри разнообразия существует некоторый универсальный принцип?

Существует множество различных, а зачастую и конкурирующих, точек зрения на идентичность, самоидентичность, самоверификацию или самождественность – понятий, которые, оказываются одними из самых часто употребляемых, важных и при этом остающимися неясными и парадоксальными. Об идентичности говорят, как о самоочевидном феномене, но на деле с ним не все так просто. Если пойти простым путем и обратиться к различным энциклопедиям и словарям, то можно найти такое количество как схожих, так и разноплановых, а порою даже противоречивых определений этого понятия, и только на их цитирование уйдет не один десяток страниц. Полисемантичесность смыслов порождает искушение использовать его где угодно и как угодно.

Первое, что обращает на себя внимание – это различные смысловые значения понятия «идентичность», утвердившиеся с одной стороны в логике и философии, а с другой стороны в психологии, антропологии, культурологии и социологии. Так наибольшее распространение получило определение идентичности из Философского энциклопедического словаря 2005 года издания, которое впоследствии было многократно растиражировано в интернете: «ИДЕНТИЧНОСТЬ – (от лат. *Idem* – тот же самый) – тождественность, одинаковость, полное совпадение чего-нибудь с чем-нибудь. А является идентичным, если оно при всех самых различных ситуациях и обстоятельствах всегда остается одним и тем же, так что оно может идентифицироваться как-то же самое. Принцип тождества, или закон тождества ($A = A$), требует, чтобы всякому понятию в течение определенного мыслительного акта придавалось одно и то же значение»⁵⁸. В других философских энциклопедических источниках можно найти фактически идентичные приведенному выше определения: «ИДЕНТИЧНОСТЬ (нем. *Identität*, англ. *Identity*, фр. *L'identité*) – как логическая категория И. означает отношение, члены которого тождественны друг другу (напр., понятия «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» идентичны – оба означают планету Венера); в качестве категории метафизики И. (тождество) есть характеристика бытия, более фундаментальная, чем различие»⁵⁹. Или же: «ИДЕНТИЧНОСТЬ (позднелат. *Identicus* – тождественный, одинаковый, от лат. *Idem* – тот же самый) – в общем смысле то же, что тождественность»⁶⁰.

Во всех этих дефинициях идентичность предстает синонимом тождественности и выступает в качестве логико-философской категории, достаточно далекой от наук о человеке. «Начиная с Аристотеля и вплоть до Гегеля, понятие тождества (идентичности в оригиналах) использовалось в философии прежде всего в контексте обоснований того, что реальность и процесс ее познания, бытие и мышление совпадают. В таком контексте инобытие, различие, многообразие в онтологическом плане считались акциденциями всеобщего и не имели собственного

⁵⁸ Философский энциклопедический словарь. Под ред. Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В.А. Лутченко. М., 2005.

⁵⁹ Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

⁶⁰ История и философия науки: Энциклопедический словарь. Отв. ред. Е.В. Гутов. Нижневартовск, 2010. С. 111.

субстанционального значения: их всегда можно было редуцировать к единому самотождественному. Понятие использовалось в обсуждении вопросов, как возможны непрерывность при очевидности изменений и тождественность среди наблюдаемого разнообразия. Историю идентичности как специальной темы в философском, а позже – социально-научном познании принято начинать со времен Дж. Локка (“Опыт о человеческом разумении”) и Д. Юма (“Трактат о человеческой природе”)⁶¹, - пишет об эволюции понимания идентичности в философии Э.А. Орлова. Философское употребление термина «идентичность» долгое время остается социально, научно и психологически иррелевантным, отмечает В.С. Малахов. Культурная антропология, социология и психология пользуются этим словом без всякого соотнесения с философией или вовсе не прибегают к термину идентичность, довольствуясь традиционной понятийностью – «самость», «самосознание», «Я», «личностное самоопределение» и т.д. Без термина «идентичность» обходились, например, З. Фрейд и Дж.Г. Мид, хотя проблематика, обозначаемая сегодня в качестве «проблематики идентичности», занимает значительное место в их творчестве⁶².

Вместе с тем, получает распространение подход, рассматривающий идентичность не просто как тождественность неких абстрактных вещей, а как особое свойство субъекта, неотъемлемый феномен развития и становления личности. В Новой философской энциклопедии понятие «идентичность» трактуется как категория социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии и др.), применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Идентичность есть не свойство присущее индивиду изначально, она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия. В строгом смысле слова идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды обладают

⁶¹ Орлова Э.А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 4. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой. М., 2010. С. 89-90.

⁶² История и философия науки: Энциклопедический словарь. Отв. ред. Е.В. Гутов. Нижневартовск, 2010. С. 112.

качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные значения⁶³. Здесь же можно привести еще ряд определений из различных областей гуманитарных знаний:

ИДЕНТИЧНОСТЬ – осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго состояний»⁶⁴.

ИДЕНТИЧНОСТЬ – чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности, принимаемый им образ себя во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру⁶⁵.

ИДЕНТИЧНОСТЬ – эмоционально-когнитивное единство представлений о самом себе, своем месте в мире, в системе межличностных отношений⁶⁶.

ИДЕНТИЧНОСТЬ. Этот термин включает чувство индивидуальности, целостности и тождественности, ощущение синтеза, единства и социальной солидарности. Понятие идентичности имеет как социальные, так и психологические аспекты⁶⁷.

ИДЕНТИЧНОСТЬ. Относительно продолжительное, но не обязательно стабильное восприятие себя как уникального, когерентного, единого во времени. Чувство идентичности, субъективное переживание, возникает с осознанием ребенком того, что он существует как индивид в мире среди других сходных внешних объектов, но обладает и собственными желаниями, мыслями, воспоминаниями и внешним видом, отличными от других⁶⁸.

ИДЕНТИЧНОСТЬ – ощущение самотождественности, непрерывности себя во времени, чувство «я тот же самый»; устойчивый, личностно принимаемый образ себя во всем богатстве взаимосвязей личности с окружающим миром (включает образ-отношение к своему телу,

⁶³ Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т.3. С. 78-79.

⁶⁴ Николаев В. Г. Культурология XX век. Энциклопедия. М., 1996.

⁶⁵ Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. М., 2010.

⁶⁶ Словарь по книге «Психология человека от рождения до смерти». Под ред. А.А. Реана. СПб., 2002.

⁶⁷ Frager R., Fadiman J. Glossary of "Personality & Personal Growth". New York, London, 5th ed., 2002.

⁶⁸ Психоаналитические термины и понятия. Словарь. Под ред. Барнесса Э. М. и Бернарда Д. Ф. М., 2000.

личностным особенностям, социальному статусу, расовой и национальной принадлежности)⁶⁹.

В приведенном, далеко не полном, перечне определений понятия «идентичности», мы обнаруживаем широкий спектр интерпретаций, но в отличие от логической и философской трактовки идентичности, где базовым понятием является «тождество», здесь ключевыми понятиями становятся «ощущение», «чувство», «переживание», «целостность», «принадлежность», «субъективность» *тождества*. Именно не «тождественность» сама по себе, а феноменологически переживаемое субъектом ощущение «тождественности» становится сутью понимания идентичности. Понятие идентичности приобретает экзистенциальный, личностный характер, и даже когда речь идет о социальной идентичности, имеются в виду внешние факторы социокультурной среды, определяющие принадлежность индивида той или иной социальной группе, в которой он находит свое место в социуме, обретает свою идентичность. Идентичность включает в себя переживание человеком своей принадлежности к тем или иным группам социальным (социальная идентичность), формирующееся в результате идентификации с ними в процессе социализации, а также представления об отличиях от других индивидов и групп, моделях поведения, ценностных ориентирах и т.п. Идентичность является одним из центральных аспектов личностного самоопределения и самосознания человека, помогая ему оставаться самим собой в меняющихся ситуациях и доставляя критерии для оценки окружающего мира и самооценки⁷⁰.

Во многих энциклопедических изданиях, например, в Оксфордском толковом словаре по психологии, идентичность в исследованиях личности определяется как сущностное, постоянное Я человека, внутреннее, субъективное понятие о себе, об индивидууме. Причем, при употреблении термина в этом значении, он часто уточняется; например, полоролевая идентичность, расовая или групповая идентичность и т.д. Есть и сугубо личностные определения, как у И.С.

⁶⁹ Гребенюк О.С., Рожков М.И. Терминологический словарь. М., 1999.

⁷⁰ Леонтьев Д. А., Савельева О. О. Идентичность [Электронный ресурс] // Энциклопедия. URL: <http://knowledge.su/i/identichnost->

Кона, который трактует идентичность как многозначный житейский и общенаучный термин, выражающий идею постоянства, тождества, преемственности индивида и его самосознания... Личная идентичность или самоидентичность (Self-identity) это единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысложизненных установок личности, осознающей себя субъектом деятельности. Это не какая-то особая черта или совокупность черт, которыми обладает индивид, а его самость, отрефлексированная в терминах собственной биографии. Она обнаруживается не столько в поведении субъекта и реакциях на него других людей, сколько в его способности поддерживать и продолжать некий нарратив, историю собственного Я, сохраняющего свою цельность, несмотря на изменение отдельных ее компонентов⁷¹.

В настоящем исследовании понятие идентичности будет использоваться в русле феноменологического личностного, экзистенциального подхода, поэтому мы сознательно отходим от логико-философского понимания идентичности исключительно как тождественности. Из широкого спектра разнообразных концепций идентичности в науках о человеке, мы ограничимся областями, в которых феномен идентичности рассматривался как неотъемлемая характеристика человеческой экзистенции, как механизм сосуществования человека с миром, как основа, формирующая его личность то, что ему позволят провести разделение между «Я» и «не-Я».

Начнем с психологии развития, так как именно в этой области термин идентичность получает то значение, которое сегодня превалирует в науках о человеке. Эриксон понимает идентичность как «организацию жизненного опыта в индивидуальное Я», «длящееся внутреннее равенство с собой», «непрерывность самопереживания» личности. Идентичность в концепции Э.Эриксона^{72,73} понимается как представления о себе, их синтезированность и согласованность,

⁷¹ Кона И.С. Идентичность // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/IDENTICHNOST.html

⁷² Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.

⁷³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

которые остаются стабильными с течением времени в разных ситуациях. Это переживание самотождественности и непрерывности картины мира, которая разделена с другими людьми. Согласованность различных аспектов идентичности друг с другом понималась как синтез идентичности, тогда как ощущение «смешанности» разных аспектов, невозможность определиться и поддерживать в течение времени приверженность тем или иным жизненным альтернативам связывалась с расстройством или диффузией идентичности (*confusion*). Несмотря на то, что в концепции Э. Эриксона формирование идентичности – задача развития в подростковом возрасте, дальнейшие исследования показали, что во многих западных культурах поиск идентичности продолжается в раннем взрослом возрасте⁷⁴, когда идет активное освоение взрослых ролей и обязанностей.

Согласно Э. Эриксону, синтез и диффузия идентичности представляют собой два противоположных полюса-состояния на едином континууме. Впоследствии Дж. Марсиа⁷⁵ предложил пересмотреть синтез и диффузию идентичности как разные факторы, необходимые для развития здоровой идентичности: несмотря на то, что синтез идентичности очевидно связан с большей уверенностью в себе и лучшей адаптацией, некоторая доля диффузии и неуверенности необходима для дальнейшего развития и поиска. Согласно исследованиям, проведенным в русле данной модели⁷⁶, наиболее правомерно рассматривать идентичность как бифакторную систему, выделяя идентичность в целом (идентичность-континуум, соответствующий идеям Э. Эриксона и совмещающий синтез, и диффузию) и две независимых от нее частных составляющих – синтез и диффузию идентичности в соответствии с представлениями Дж.Марсиа.

⁷⁴ *Schwartz, S.J., Adamson, L., Ferrer-Wreder, L., Dillon, F.R., Berman, S.* Identity status measurement across contexts: variations in measurement structure and mean levels among white american, hispanic american and swedish emerging adults // *Journal of Personality Assessment*, 86(1). 2006. Pp. 61-76.

⁷⁵ *Marcia, J. E.* Identity and psychosocial development in adulthood // *Identity*, 2. 2002. Pp. 7–28.

⁷⁶ *Schwartz, S.J., Zamboanga, B.L., Wang, W., Olthuis, J.V.* Measuring identity from Eriksonian perspective: two sides of the same coin? // *Journal of Personality Assessment*, 91(2). 2009. Pp. 143–154.

На сегодняшний день наиболее известной попыткой операционализации концепции Э.Эриксона является модель статусов идентичности Дж. Марсиа⁷⁷, в которой выделяется два направления: поиск (exploration) и выбор (commitment). Поиск связан с выявлением и анализом потенциальных альтернатив – форм идентичности, тогда как выбор характеризует конечное решение и следование конкретным целям, ценностям и убеждениям. Синтез идентичности подразумевает как успешное исследование, так и успешное формирование приверженности; такой статус носит название достигнутой идентичности.

Модель статусов идентичности, как и классическая модель на основе концепции Э. Эриксона, неоднократно критиковалась за недостаточное внимание к процессу развития идентичности^{78,79}. Так, предлагалось говорить о циклах развития идентичности, разделяя углубленный поиск (поиск в рамках текущих выборов, дальнейший анализ возможностей после выбора, exploration in depth) и идентификацию с выбором (степень идентификации с совершенным выбором, уверенности в нем) вместо поиска и выбора. Успешное развитие идентичности в таком случае определяется успешным сочетанием циклов поиска – выбора. Позже модель была модифицирована в *трехфакторную процессуальную модель идентичности*⁸⁰, включающую три процесса, участвующие в развитии идентичности: выбор, углубленный поиск и пересмотр выбора. Если углубленный поиск – это степень, в которой человек думает о совершенных выборах, ищет дополнительную информацию о них и советуется с окружающими, то пересмотр выбора – сравнение совершенного выбора с другими альтернативами в тех случаях, когда принятое решение уже не удовлетворяет. Пересмотр приводит к изменению или подтверждению выбора – и после этого начинается процесс

⁷⁷ Marcia, J.E. Development and validation of ego-identity status // Journal of Personality and Social Psychology, 3. 1966. Pp. 551–558

⁷⁸ Luyckx, K., Goossens, L., & Soenens, B. A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation // Developmental Psychology, 42. 2006. Pp. 366–380.

⁷⁹ Luyckx, K., Soenens, B., Goossens, L., Vansteenkiste, M. Parenting, identity formation and college adjustment: a mediation model with longitudinal data // Identity: An International Journal of Theory and Research, 7(4). 2007. Pp. 309–330.

⁸⁰ Crocetti, E., Schwartz, S.J., Fermani, A., Meeus, W. The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). Italian validation and cross-national comparisons // European Journal of Psychological Assessment, 26(3). 2010. Pp. 172–186.

углубленного исследования в рамках данного выбора. Люди со сформированным выбором, как правило, также характеризуются углубленным поиском в рамках данного выбора. Углубленный поиск в свою очередь связан с пересмотром выбора: постепенно поиск расширяется, и человек учитывает другие возможные альтернативы. А вот выбор и его пересмотр не связаны между собой. Во всех моделях признается, что сформированность идентичности может различаться в зависимости от сфер, в которых она исследуется⁸¹. Как правило, выделяют идеологические (например, работа, религия, политика) и межличностные домены (отношения с семьей, друзьями, партнером, гендерные роли).

Обозначив основные подходы в понимании идентичности в возрастной психологии, берущие свое начало в концепции Э. Эриксона, обратимся к описанию проблемы идентичности в социальной психологии и социологии. Здесь понятие идентичности находится в центре двух широко распространенных теорий, одна из которых предложена в социальной психологии (теория социальной идентичности), а другая – в русле социологии (теория идентичности в рамках структурного символического интеракционизма). Критика этих теорий привела к ряду существенных дополнений и изменений. Так, относительно недавно в рамках теории самоверификации был предложен оригинальный подход к структуре идентичности, названный слиянием идентичности. Свою «лепту» внесли исследования коллективных действий, «скрытой» идентичности, а также подход с точки зрения групповой саморегуляции.

Основная идея теории социальной идентичности, предложенной А. Тэшфелом, состоит в том, что принадлежность к той или иной группе способствует определению себя в характеристиках этой группы (самоопределению), которое становится частью самости^{82,83}. Социальная идентичность понимается как знание индивида о том, что он принадлежит к

⁸¹ *Schwartz, S.J., Luyckx, K., Vignoles, V.L.* (Eds.) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, 2011.

⁸² *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. №6(20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html>

⁸³ *Hogg, M.A., Terry, D.J., White, K.M.* A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory // *Social Psychology Quarterly*, 58(4). 1995. Pp. 255–269.

конкретной социальной группе, при этом принадлежность к группе эмоционально и ценностно значима⁸⁴. Когда та или иная идентичность начинает участвовать в саморегуляции, восприятие себя и своей группы становится стереотипным и принимает нормативный характер, тогда как отношение к другим группам становится пренебрежительным и соревновательным. В целом, ее формирование определяется двумя когнитивными процессами: процессом категоризации (который усиливает стереотипное восприятие и тем самым границы между группами), и процессом самоулучшения (в рамках которого люди, чтобы воспринимать себя в выгодном свете, искажают результаты сравнения своей и чужой группы в пользу своей группы).

Для того чтобы «запустить» принятое в группе поведение, социальная идентичность должна быть значима (*identity salience*) для человека⁸⁵ – она должна быть основой для восприятия себя как части группы. Значимость основана на доступности социальных категоризаций (ценности, важности, частоте актуализации разных аспектов образа «Я») и их приемлемости (соответствии ситуации). Приемлемость разделяется на структурную или сравнительную (насколько хорошо категоризация учитывает сходства и различия между людьми) и нормативную (насколько хорошо категоризация объясняет причины поведения людей).

Дальнейшее развитие эти идеи получили в рамках теории самокатегоризации, предложенной Дж. Тернером: в ней самокатегоризация становится основой группового поведения, в результате которого искажается восприятие своей и чужой группы^{86,87}. Кроме того, человек начинает воспринимать себя и других в соответствии с неким групповым прототипом (основанном на нормах поведения в группе). В отношении себя это приводит к

⁸⁴ Hogg, M.A., Reid, S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // *Communication Theory*, 16. 2006. Pp. 7-30.

⁸⁵ Hogg, M.A., Reid, S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // *Communication Theory*, 16. 2006. Pp. 7–30.

⁸⁶ Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2011. №6(20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html>

⁸⁷ Hogg, M.A., Terry, D.J., White, K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory // *Social Psychology Quarterly*, 58(4). 1995. Pp. 255–269.

деперсонализации – утере личностной идентичности в пользу социальной идентичности, когда люди воспринимаются, воспринимают сами себя и действуют как групповой прототип, а не индивидуальность. Прототип представляет собой субъективную репрезентацию определенных атрибутов (представлений, установок, поведения) социальной категории, которые активно создаются на основе социальной информации, доступной в существующей ситуации (контексте). Как правило, прототип разделяется членами группы и зависит от того, какой группе в данный момент противопоставляется своя группа (поскольку процессы самокатегоризации и самоулучшения будут проходить по-разному при противопоставлении разным группам). Прототип формируется в соответствии с принципом метаконтраста – происходит максимизация межгрупповых различий при минимизации внутригрупповых различий и избирательном внимании к информации, поддерживающей прототип – в результате прототип отражает скорее идеальный, чем реальный образ. В зависимости от того, какой группе противопоставляется «своя» группа, социальная идентичность динамична – она определяется социальным контекстом.

Теории социальной идентичности и самокатегоризации близки по сути: некоторыми авторами первая определяется как теория социальной идентичности межгруппового поведения, тогда как вторая – как теория социальной идентичности группы⁸⁸. Это разделение подчеркивает, что близкие положения в первом случае применяются к таким феноменам как конфликт, взаимодействия, социальные изменения, тогда как во втором – к идентификации с группой и отношениям со «своей» и «чужой» группой. В последнее время теории социальной идентичности и самокатегоризации применяются в значительно более широком контексте, что позволяет говорить о перспективе социальной идентичности или даже метатеории⁸⁹, с позиций которой можно рассматривать широкий спектр социальных явлений и процессов, в частности: групповые

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ *Abrams, D., Hogg, M.A.* Meta-theory: lessons from social identity research // *Personality and Social Psychology Review*, 8(2). 2004. Pp. 98–106.

нормы⁹⁰, установки⁹¹, предубеждения⁹², когнитивный диссонанс, связанный с принадлежностью группе⁹³, стереотипы, дискриминация и т.п. С точки зрения перспективы социальной идентичности, при более сильной идентификации с группой человек более положительно оценивает свою группу, проявляет конформное поведение по отношению к ней, выражает установки в соответствии с ее установками, взаимодействует с ней и т.д.⁹⁴ Прототипы, существующие в группе, связаны со стереотипным отношением к себе (само-стереотипизацией), и этот феномен выражен сильнее при более сильной идентификации с группой, и зависит от мнения окружающих людей и особенно близких⁹⁵.

Ш. Страйкером была сформулирована теория идентичности, предложенная⁹⁶ в рамках *структурного символического интеракционизма* для объяснения того, как люди совершают выбор в ситуациях, где можно вести себя в соответствии с разными социальными ролями. Как и в структурном символическом интеракционизме, предполагается, что люди активно совершают выбор, хотя социальная структура и социальное взаимодействие влияют на этот процесс. Действия и взаимодействия людей определяются их представлениями и восприятием ситуации, а те, в свою очередь, определяются теми смыслами, которые появляются в процессе взаимодействия. Таким образом, предполагается реципрокное взаимодействие общество—самость—социальное поведение.

В так называемом «традиционном» символическом интеракционизме, который противопоставляется структурному, общество рассматривается как

⁹⁰ Hogg, M.A., Reid, S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // *Communication Theory*, 16. 2006. Pp. 7–30.

⁹¹ Hogg, M.A., Smith, J.R. Attitudes in social context: a social identity perspective // *European Review of Social Psychology*, 18. 2007. Pp. 89–131.

⁹² Kaiser, C.R., Wilkins, C.L. Group identification and prejudice: theoretical and empirical advances and implications // *Journal of Social Issues*, 66(1). 2010. Pp. 461–476.

⁹³ McKimmie, B.M., Terry, D.J., Hogg, M.A. Dissonance reduction in the context of group membership: the role of meta-consistency // *Group Dynamics: Theory, Research and Practice*, 13(2). 2009. P. 103–119.

⁹⁴ Abrams, D., Hogg, M.A. Meta-theory: lessons from social identity research // *Personality and Social Psychology Review*, 8(2). 2004. Pp. 98–106.

⁹⁵ Sinclair, S., Hardin, C.D., Lowery, B.S. Self-stereotyping in the context of multiple social identities // *Journal of Personality and Social Psychology*, 90(4). 2006. Pp. 529–542.

⁹⁶ Stryker, S. Identity theory and personality theory: mutual relevance // *Journal of Personality*, 75(6). 2007. Pp. 1084–1101.

относительно недифференцированное и нестабильное, с небольшим количеством барьеров. Идентичность, являясь отражением общества, также считается недифференцированной и нестабильной, что вызывает трудности ее операционализации. Напротив, в современной социологии общество рассматривается как дифференцированное и устойчивое к изменениям, как сложная мозаика групп, организаций и страт; соответственно, и самость (идентичность) считается состоящей из компонентов. По сути, у человека столько самостей, сколько человек и групп реагирует на него. Человек узнает, кто он, ориентируясь на эти реакции – через механизм принятия роли другого⁹⁷. Рольевые идентичности понимаются как представления и знания о себе, которые люди используют, и которые являются следствием занимаемых ими социальных позиций, а именно: люди определяют себя как членов определенной социальной категории⁹⁸. Немаловажно, что не только социальные структуры дают основу для идентичности, но и человек сам активно формирует социальное поведение. При этом рассматриваются преимущественно те роли, которые человек приобретает в социальном взаимодействии, в отличие от стабильных атрибутов, которые ему предписаны (пол, раса и т.п.).

С учетом вышесказанного, основное правило реципрокного взаимодействия выглядит следующим образом. Вовлеченность в те или иные социальные отношения определяет соотношение компонентов в структуре идентичности (значимость и психологическую центральность – *identity salience and psychological centrality*), а те, в свою очередь, влияют на выбор роли в конкретной ситуации. Значимость идентичности не совпадает с представлениями теории социальной идентичности и понимается как вероятность, что данная идентичность будет актуализирована в данном наборе ситуаций (или в данной ситуации у разных людей). Более значимые идентичности оказывают большее влияние на самость и представления о себе. Психологическая центральность – субъективная оценка важности той или иной идентичности. Вовлеченность в социальные отношения –

⁹⁷ Hogg, M.A., Terry, D.J., White, K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory // *Social Psychology Quarterly*, 58(4). 1995. Pp. 255-269.

⁹⁸ Там же.

степень, в которой отношения человека с другими людьми зависят от того, кто он – описывает вовлеченность и приверженность тем или иным социальным сетям или группам, и согласно эмпирическим данным, бывает двух видов: интеракциональная вовлеченность – количество отношений, связанных с данной идентичностью, и аффективная вовлеченность – глубина эмоциональной привязанности к другим людям в отношениях. Ш. Страйкер⁹⁹ предполагает, что, хотя вовлеченность и идентичность взаимно влияют друг на друга, идентичность, будучи когнитивным феноменом, более изменчива, по сравнению с вовлеченностью, основанной на взаимодействии. В работах разных авторов этого направления идентичность может пониматься как более или менее стабильная характеристика¹⁰⁰.

Как и в теории социальной идентичности, в теории идентичности процесс оценки себя основан на восприятии человеком того, как он выполняет свои роли и обратной связи со стороны других. Если обратная связь не соответствует идентичности человека, возникает диссонанс, который человек стремится уменьшить, изменяя свое поведение¹⁰¹.

Сравнивая представления об идентичности в структурном символическом интеракционизме и в психологических теориях личности, Ш. Страйкер¹⁰² указывает на то, что первое направление в качестве компонентов идентичности выделяет социальные роли, тогда как второе – личностные черты. При этом оба подхода скорее дополняют друг друга: в реальной жизни люди используют как социальные роли, так и личностные черты. Как идентичности, основанные на чертах, так и идентичности, основанные на ролях, могут вступать в конфликт (например, идентичность-черта «честный человек» и идентичность роль «опытный политик»), особенно если не изолируются при помощи правил и расписаний.

⁹⁹ Stryker, 2007.

¹⁰⁰ Hogg et al., 1995.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Stryker, 2007.

М. Хогг и его коллеги¹⁰³ сравнивают теорию идентичности и теорию социальной идентичности. С их точки зрения, представления обеих теорий об идентичности довольно близки: обе теории акцентируют внимание на социальной природе самости и рассматривают самость как состоящую из множества идентичностей (ролей в теории идентичности и принадлежности к группе в теории социальной идентичности). Обе теории признают реципрокное взаимодействие между человеком и социальными структурами. В обоих случаях идентичность считается влияющей на поведение либо через роли, либо при помощи норм, стереотипов и прототипов. Наконец, акцент делается на механизме интернализации идентичности: в теории социальной идентичности она происходит через самокатегоризацию и самоидентификацию, тогда как в теории идентичности – через приобщение человека к социальной категории (вовлеченность). Однако, можно выделить несколько ключевых различий. Во-первых, теория идентичности относится к социологическим и анализирует микросоциальные процессы – межличностное взаимодействие и роли, тогда как теория социальной идентичности относится к психологическим и рассматривает групповые процессы и отношения. В результате в теории идентичности практически не уделяется внимания когнитивным процессам и структурам, от которых зависит динамика идентичности, тогда как в теории социальной идентичности большое внимание уделяется деперсонализации и конформизму. В первом случае идентичность изменяется со сменой ролей, во втором учитывает и роль контекста (например, какой группе в данный момент противопоставляется «своя» группа). Во-вторых, в теории идентичности рассматривается ролевое поведение – по сути, межличностные особенности, тогда как в теории социальной идентичности в центре внимания находится межгрупповое поведение. Как результат, в первом случае практически не учитываются устойчивые атрибуты человека, такие как пол, раса и т.п., а также взаимоотношения с «чужой» группой (хотя рассматриваются взаимодополнительные роли, например, «отец – дочь»).

¹⁰³ Hogg et al., 1995.

Теперь рассмотрим идеи теории самоподтверждения (self-verification) и представления о слиянии идентичности (identity fusion). В русле представлений теории самокатегоризации о деперсонализации членов группы готовность к самопожертвованию и экстремальному поведению ради группы нередко рассматривались как слабость личностной идентичности, ее замена социальной идентичностью. В отличие от этой точки зрения У. Сванн и его коллеги^{104,105} предположили, что в некоторых таких случаях речь идет не об идентификации и деперсонализации, а о слиянии идентичности, при котором для человека эквивалентны его личностная и социальная идентичности. При этом, в отличие от точки зрения Дж. Тернера, процессы, усиливающие социальную идентичность, не ослабляют, а актуализируют личностную идентичность, и наоборот. Если при идентификации личность жертвует своей идентичностью и приобретает прототипическую идентичность, при слиянии личностная идентичность полностью сохраняется. Как пишут У. Сванн и коллеги, деперсонализация должна приводить к тому, что человек совершает лишь прототипические для группы действия, тогда как экстраординарные действия требуют личной инициативы и не могут быть прототипическими¹⁰⁶.

Слияние идентичностей с точки зрения этой теории подразумевает субъективное восприятие отсутствия границ между личностной идентичностью и идентичностями других людей (членов группы). Актуализация как личностной, так и социальной идентичностей, усиливает желание сделать что-либо (в том числе экстремальное) ради группы, например, пожертвовать собой. Группа становится эквивалентной самости. Обычно такое слияние характерно для групп, основанных на близких отношениях (например, семья), но оно может проявляться и в группах-коллективах (страна, политическая партия).

¹⁰⁴ Swann, W.B., Gomez, A., Seyle, D.C., Morales, J.F., Huici, C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(5). 2009. Pp. 995–1011.

¹⁰⁵ Gomez, A., Brooks, M.L., Buhrmester, M.D., Vazquez, A., Jetten, J., Swann, W.B. On the nature of identity fusion: insights into the construct and a new measure // *Journal of Personality and Social Psychology*, 100(5). 2011. Pp. 918–933.

¹⁰⁶ Swann, W.B., Gomez, A., Seyle, D.C., Morales, J.F., Huici, C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(5). 2009. Pp. 995–1011.

Завершая наш обзор теорий идентичности, отметим, что, несмотря на их разнообразие, можно указать несколько сходных черт. Во всех случаях идентичность рассматривается как те знания, представления и/или чувства, которые задают переживание самотождественности, о которых человек может сказать «это я, это мое».

В возрастной психологии уточняется, что эти представления и переживания задают стабильность картины мира и восприятия себя во времени. В социальной психологии это определение сужено, затрагивая групповые или межличностные процессы, но в целом ориентируется на те же закономерности. При этом идентичность имеет четкую структуру, включая различные объекты (роли, прототипы в социальной психологии, сферы в психологии развития). У одного и того же человека идентичность в отношении разных объектов может характеризоваться разной степенью сформированности, а также согласно представлениям социальной психологии, занимать разное место в иерархической организации идентичности (обладать значимостью). Далее, как в социальной психологии, так и в психологии развития важнейшая роль в формировании идентичности отводится реципрокному взаимодействию человека и мира. В концепции Э. Эриксона синтез идентичности совершается во взаимодействии с другими людьми, что необходимо для формирования разделенной с другими людьми картины мира и обеспечивает возможность дальнейших стабильных межличностных отношений. В социологической теории идентичности принцип реципрокного взаимодействия человека и социума постулируется эксплицитно, тогда как в теории социальной идентичности и самокатегоризации он предполагается: структура идентичности соответствует структуре социальных групп, определяется на их основе, тогда как в дальнейшем идентичность сказывается на групповом поведении.

В целом в науках о человеке на настоящий момент не достигнуто единого понимания идентичности, что усложняет исследования этой конструкции. Несмотря на близость многих определений, отмечаются существенные расхождения в представлениях о составе, структуре, динамике и механизмах

формирования идентичности. На наш взгляд, можно выделить несколько задач, без решения которых невозможен единый междисциплинарный подход в этой области.

Во-первых, во всех подходах остается неясным, что лежит в основе переживания самотождественности (без чего оно невозможно), а также какое именно реципрокное взаимодействие человека и мира приводит к формированию этого переживания. Иными словами, требуются четкие эксплицитные критерии идентичности. В этом случае представления о составе идентичности будут основываться не на конвенциях (какие объекты включать), а на понимании того, в отношении каких объектов процесс формирования идентичности принципиально возможен, и как часто эти объекты включаются в состав идентичности в действительности.

Во-вторых, важной задачей является выявление того, как соотносятся идентичности в разных сферах и в отношении разных групп. Как уже обсуждалось, наиболее разработана эта проблема в социальной психологии, однако и в ней психологические механизмы, приводящие к выделению более и менее значимых идентичностей, остаются недостаточно изученными. Некоторые исследователи указывают на потребность в принадлежности к группе и участии в межличностных отношениях, которые открывают человеку целый ряд возможностей (самоверификации, уверенности и стабильности, поддержки, разделенности взглядов и т.п.). Другие говорят о потребности в самоопределении, поиске аутентичности. И в том, и в другом случае эмпирические исследования того, ради чего происходит формирование идентичности, и какие функции она приобретает в дальнейшем (например, в структуре саморегуляции¹⁰⁷), будут способствовать выявлению единых критериев иерархии идентичностей.

В-третьих, разные подходы предлагают разные механизмы формирования идентичности, не совпадающие друг с другом (самокатегоризация, слияние, поиск, выбор и т.п.). Открытыми и требующими дальнейших исследований

¹⁰⁷ *Sassenberg, K., Woltin, K.* Group-based self-regulation: the effects of regulatory focus // *European Review of Social Psychology*, 19. 2008. Pp. 126–164.

остаются вопросы о том, насколько полный перечень механизмов предложен, от чего зависит то, по какому механизму формируется идентичность в данном конкретном случае, а также в чем разница в функционировании идентичностей, сформированных по-разному.

С нашей точки зрения, ключевые различия понимания идентичности касаются представлений о ее составе (по отношению к каким объектам может происходить самоидентификация), организации (какие принципы иерархического устройства имеют решающее значение) и процессе формирования идентичности (каковы «пусковые» механизмы и «движущие» силы этого процесса, как он происходит). Рассмотрим их подробнее:

- Состав идентичности. Традиционная трактовка, восходящая к классическим представлениям У. Джеймса¹⁰⁸, предполагает максимально широкий круг объектов, которые могут включаться в состав идентичности – те, которые человек воспринимает как «Я» и «свое». Сюда могут относиться даже физические объекты и социальные отношения. Например, покупки могут восприниматься людьми как более или менее соответствующие их идентичности¹⁰⁹. Люди считают, что информация о некоторых покупках позволяет им больше узнать о человеке, и наоборот, другим людям узнать о том, какие они люди. Однако, в большинстве случаев круг объектов сужается в соответствии с предметной областью той или иной дисциплины. В социальной психологии, говоря о социальной идентичности, ограничиваются социальными объектами (роли, групповые прототипы). Хотя в концепции Э. Эриксона идентичность рассматривается обобщенно в рамках континуума диффузии-синтеза, при дальнейшей ее операционализации в психологии развития вопрос о том, по отношению к чему рассматривается идентичность, решался при помощи выделения сфер

¹⁰⁸ Джеймс У. Психология. М., 1991.

¹⁰⁹ Carter, T.J., Gilovich, T. I am what I do, not what I have: the differential centrality of experiential and material purchases to the self // Journal of Personality and Social Psychology, 6, 2012. vol. 102. Pp. 1304-1317.

идентичности – идеологической и межличностной^{110, 111, 112}. В этом случае речь идет не только о социальных объектах, но и об идентичности в отношении представлений, ценностей, духовных объектов. В психологии личности в состав идентичности включаются личностные черты, а в социологическом подходе – такие атрибуты как пол, возраст и т.п.¹¹³.

- Организация идентичности. В различных областях психологии по-разному решается вопрос о ключевых принципах организации и структуры идентичности. В социальной психологии акцент делается на том, как соотносятся различные идентификации у человека: выделяются параметры значимости идентичности, центральности и пр. В теории социальной идентичности основой структуры выступают соответствие прототипу и соответствие реальному поведению, тогда как в социологической теории идентичности – субъективная важность и частота проявления в поведении. Для психологии развития на первый план выступает не соотношение разных идентификаций, а качественный характер структуры идентичности (диффузия – синтез)¹¹⁴, и процессы, определяющие синтез идентичности (выбор, поиск и т.п.) и задающие статус идентичности. В модели Дж. Марсия статусы рассматриваются как относительно фиксированные¹¹⁵, а в трехфакторной процессуальной модели¹¹⁶ – как динамичные. Нерешенным при этом остается вопрос о том, как соотносятся идентификации в разных сферах. Возможно ли в принципе, что в одной сфере идентичность синтезирована, в другой –

¹¹⁰ Schwartz, S.J., Zamboanga, B.L., Wang, W., Olthuis, J.V. Measuring identity from Eriksonian perspective: two sides of the same coin? // *Journal of Personality Assessment*, 91(2). 2009. Pp. 143-154.

¹¹¹ Luyckx, K., Goossens, L., & Soenens, B. A developmental contextual perspective on identity construction in emerging adulthood: Change dynamics in commitment formation and commitment evaluation // *Developmental Psychology*, 42. 2006. Pp. 366–380.

¹¹² Luyckx, K., Soenens, B., Goossens, L., Vansteenkiste, M. Parenting, identity formation and college adjustment: a mediation model with longitudinal data // *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 7(4). 2007. Pp. 309-330.

¹¹³ Stryker, S. Identity theory and personality theory: mutual relevance // *Journal of Personality*. 75(6). 2007. Pp. 1084-1101.

¹¹⁴ Schwarz et al., 2009.

¹¹⁵ Marcia, J. E. Identity and psychosocial development in adulthood // *Identity*, 2. 2002. Pp. 7–28.

¹¹⁶ Lynxx et al., 2006, 2007.

диффузна, и что тогда это означает в перспективе развития человека¹¹⁷ и социализации в разных культурах¹¹⁸?

- Формирование идентичности. В соответствии с разными концепциями предполагаются различные источники формирования идентичности. В теории самокатегоризации¹¹⁹ источником является «своя» группа, в рамках которой формируется разделяемый членами группы прототип. Немаловажна и «чужая» группа, определяющая критерии для сопоставления. Механизмами идентификации являются категоризация (основанная на самоулучшении) и самокатегоризация (которая сопровождается деперсонализацией). В теории самоверификации¹²⁰ указан альтернативный путь – слияние идентичности, медиаторами которого являются переживание собственной неуязвимости (поскольку такие люди ожидают, что и другие сделают для них то же, что и они) и силы (связи с другими людьми и взаимность отношений). Основными процессами слияния идентичности выступают процессы самоверификации, однако, механизм слияния не раскрывается. Исследования коллективных действий¹²¹ позволяют предположить, что и этот расширенный список механизмов не полон, поскольку он не позволяет объяснить социальные движения ради других групп, а также движения, в которых члены других групп не противопоставляются «своей» группе, и границы между ними воспринимаются как гибкие. Помимо этого, исследования самостереотипизации¹²² показывают, что для отнесения стереотипа к себе важно не только и не столько мнение окружающих, сколько мнение

¹¹⁷ Lynch M.F. The self-concept in relationships. / In: N. Weinstein (Ed.), Human motivation and interpersonal relationships: Theory, research and applications. New-York, 2014. Pp. 121–135.

¹¹⁸ Suh E. M. Culture, identity consistency, and subjective well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83. Pp. 1378–1391.

¹¹⁹ Hogg, M.A., Terry, D.J., White, K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory // Social Psychology Quarterly, 58(4). 1995. Pp. 255–269.

¹²⁰ Swann, W.B., Gomez, A., Seyle, D.C., Morales, J.F., Huici, C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior // Journal of Personality and Social Psychology, 96(5). 2009. Pp. 995-1011.

¹²¹ van Zomeren, M., Iyer, A. Introduction to social and psychological dynamics of collective action // Journal of Social Issues, 65(4). 2009. Pp. 645–660.

¹²² Sinclair, S., Hardin, C.D., Lowery, B.S. Self-stereotyping in the context of multiple social identities // Journal of Personality and Social Psychology, 90(4). 2006. Pp. 529–542.

близких, хотя механизм этого влияния не уточняется. В психологии развития¹²³, подчеркивается роль собственной активности человека: в частности, ее результатом являются поиск и выбор.

Как можно увидеть, различия представлений о составе, организации и процессе формирования идентичности достаточно велики, что делает актуальным вопрос о том, возможно ли их обобщение в рамках некоторой универсальной модели, учитывающей указанное разнообразие? В качестве модели, позволяющей интерпретировать связь идентификации человека и особенности ее развития с используемыми им орудиями и техническими инструментами, могут быть использованы теоретические положения психологии телесности. Эта модель удобна тем, что она позволяет понимать орудия и инструменты как специфические «расширения» тела и согласовать понимание идентичности на основе принципов субъективизации/объективизации и присвоения/отчуждения различного психологического содержания¹²⁴.

Принципиальное положение данной модели заключается в постулате гибкости границы идентификации, связанной с гибкостью субъект-объектного членения, которое не задается раз и навсегда, а конструируется в процессе реальной деятельности. В качестве образца *конструируемой* идентичности используется метафора *зонда*: человек, ощупывающий нечто с помощью палки (зонда), парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе рука-зонд, объективно отражающей реальное отношение тела и внешнего объекта, а парадоксальным образом на границе *внешней реальности* зонд-ощупываемый объект. Зонд становится частью тела, и идентификация проходит по границе внешних по отношению к телу объектов. Более того, само тело может быть выключено из границ идентичности и переживаться как инородное тело в случае онемения или пареза: «моя рука стала чужой».

¹²³ Schwartz, S.J., Zamboanga, B.L., Wang, W., Olthuis, J.V. Measuring identity from Eriksonian perspective: two sides of the same coin? // Journal of Personality Assessment, 91(2). 2009. Pp. 143–154.

¹²⁴ Тхостов А.Ш. Психология телесности. Москва, 2002.

Ключевая роль в телесной идентификации и формировании/утрате субъективного переживания «собственного» или «чужого» тела принадлежит феномену управляемости в рамках активности субъекта. На уровне допроизвольной и бессознательной натуральной регуляции телесные функции не относятся к сфере рефлексивной телесной идентичности: я не знаю, как работает моя печень, кроветворные органы, почки и пр., мне не свойственно феноменологическое переживание их как «своих», и они являются «моими» чисто формально, на уровне знания. Идентичность же появляется в отношении произвольно регулируемых телесных функций, которые, в принципе, будучи затем освоенными, могут превращаться в постпроизвольные и снова и неосознаваемые. Именно этот случай можно рассматривать как нереплексивную телесную идентичность, которой человек руководствуется автоматически (я же не задумываюсь над тем, как двигать рукой, когда беру предмет, я его просто беру), но которая может быть осознана при нарушении автоматизированного действия (я буду ощущать руку, если она ослабнет или станет непослушной). Освоенное орудие превращается в зонд, расширяющий возможности субъекта. Кроме того, человеческое тело само способно (хотя и в меньшей степени) в рамках взаимодействия стать зондом внешней силы, превращаясь в его часть: «Я» становится проявлением некоторого «Мы» или даже объектом чужого влияния. На феноменологическом уровне это проявляется в чувстве слияния, транспозиции самости. Говоря метафорически, формирование самости можно рассматривать в континууме, задаваемом парой «обладания» – «принадлежности», как функцию уровня контроля и управления¹²⁵.

Подобную схему можно распространить на иные варианты идентичности. Тогда в структуру идентичности личности могут логично включаться самые разные объекты: социальные группы, личностные черты, телесные ощущения, опыт и даже материальные предметы, поскольку идентичность задается не спецификой самих объектов, а особенностями взаимодействия с ними,

¹²⁵ Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности // Вопросы философии. 2018. №1. С. 26–37. (принято в печать).

«встраивания» во внутренний мир человека. Это вполне согласуется с представлениями У. Джемса о различии чистого и эмпирического Эго в виде физической, духовной или социальной личности. У него же можно обнаружить и признаки подобного несовпадения в виде различия в степени свободы, границе контроля: «...например, частное лицо может без зазрения совести покинуть город, зараженный холерой, но священник или доктор нашли бы такой поступок несовместимым с их понятием чести. Честь солдата побуждает его сражаться и умереть при обстоятельствах, когда другой человек имеет право скрыться в безопасном месте или бежать, не налагая на свое социальное Я позорного пятна»¹²⁶. Заметим, что социальное «Я» куда менее свободно, чем собственно субъект, его поступки определяются не рациональностью, а более или менее четким предписанным канонам сохранения той или иной формы самоидентификации. Эти идентификации ограничены в волеизъявлении, и именно этими ограничениями и созданы. Следствием является предположение, что переживание самоидентичности, описанное в философии как основа самоидентичности, также задается переживанием разных типов контролируемости и включенности.

При этом в случае идентичности личности, в отличие от телесной идентичности, куда большее значение имеет метафора «принадлежности». Если для телесности принадлежность или слияние – относительно маргинальный вариант, то для идентификации личности в социальном контексте они становятся доминирующими. «Принадлежность» сама по себе неоднородна: здесь можно выделить, как минимум, два варианта. Первый – когда Я феноменологически переживается как «захваченное», включенное в чужеродную силу, скорее объект, инструмент этой силы, с которой идентифицироваться можно только в качестве инструмента: «Я слепое орудие в руках Бога, рока, власти, народа, толпы и пр.». Это тоже идентификация, но идентификация особого типа, остающейся рефлекслируемой при сохранении хотя бы элементарной собственной активности: Я все же выделяется в потоке, поскольку не является в полном смысле

¹²⁶ Джемс, 1901. С. 137.

неодушевленным. Второй вариант, основанный на виртуальном контроле или его иллюзии, можно трактовать как слияние обладания и принадлежности. Я в данном случае не слепое орудие, а часть некой силы, мне частично доступен сакральный план, я соучастник высших сил.

Принципиально можно различить и три разных вида контроля: управляемость (события начинаются и происходят по воле человека), контролируемость (ход событий зависит от действий человека) и предсказуемость (человек может предсказать дальнейшее развитие событий). Все три варианта лежат как в основе переживания чего-либо как «это я» (идентичность), так и в основе переживания принадлежности «это мое» (например, вещи, тело и т.п.). Контроль может быть более или менее иллюзорным, а его подтверждение – требовать разных действий. Развернутость и особенности взаимодействия когнитивных и аффективных процессов также влияют на степень и характер «переработки» полученного извне опыта при включении его в структуру идентичности.

И еще одна проблема, которая в настоящее время предстает особой важностью именно в связи с ускорением социокультурной и технологической трансформации. Сегодня все острее в спорах об идентичности стоит вопрос: пытаться любыми путями сохранить ее или всеми силами трансформировать во благо улучшения человека? Стоит ли идентичность на месте, или куда-то перемещается, развивается? Каковы пределы изменений идентичности? Действительность показывает, что идентичность трансформируется вместе с изменениями вокруг человека, но при этом, чтобы сохранить себя, индивиду необходима определенная устойчивость. Размывание идентичности, ее растворение в ризоме смыслов оборачивается как радикальными попытками ее обретения вновь, как в форме воинствующей толерантности, так и в форме непреклонного тоталитаризма. Это противоречие ставит человека в тупик бесконечной череды разочарованности и поиска, обретения и утраты своей самости, превращает жизнь или в бесконечный «Сизифов труд», безостановочное

мытарство в стиле «перекасти поле», или же толкает в силки ясной, наполненной смыслом, но ограниченной и очень скоропостижной свободной жизни фанатика.

Обозначим эти радикалы, на одном полюсе которых будет находиться гиперидентичность ригидности, а на другом аномия протеизма. И то, и другое представляет собой крайности ухода в себя или потери себя, что для современного технологизированного мира вряд ли станет конструктивными, приемлемыми моделями как феноменологического, так и социокультурного существования в нем индивида. Сегодня все чаще и громче звучат слова о кризисе идентичности, но понимать идентичность сквозь призму перманентного кризиса контрпродуктивно. В противовес идентичности как кризису можно противопоставить понимание идентичности в динамике социокультурного и технологического ускорения как некой «*точки сборки*», момента устойчивости и гармонии с собой в условиях текучей современности. Точка сборки – это момент пробуждения от сна и идентифицирования себя в хронотопе. Конечно, метафора «точка сборки» несет в себе технологизированный, машинизированный оттенок быта и бытия в информационном обществе. Она вызывает в уме аналогии с некими трансформерами, меняющими свою конструкцию в зависимости от имеющихся в наличии вокруг запасных частей. Но ведь, если обернуться, посмотреть вокруг, и немного задуматься, то станет очевидным, что технологии опосредовали и изменили модусы существования, формы поведения и способы реализации потребностей человека. А если оценить предельную скорость, которую эти трансформации набрали сегодня, то мы увидим технологизированного, всеми силами, вольно или невольно, полностью или частично, но все же адаптирующегося к реалиям информационного общества нашего современника, постоянно стремящегося найти и находящего (в идеале) свою модель, место, роль – точку опоры, точку сборки в расклеенном хронотопе. Также и идентичность не может мыслиться меняющей все цвета радуги масляной пленкой на мутном потоке воды. Идентичность, это пусть и не неизменная, но все же картина мира, палитру которой видит человек здесь и сейчас, и в рамках

конструкта, в котором он находит феномен собственноличного смысла жизни, свою самоидентичность.

Резюмируя еще раз подчкнем, что идентичность следует понимать не как нечто неизменное и зафиксированное, а как некий процесс ее постоянного формирования, на который оказывают влияние широкий спектр социокультурных и индивидуальных факторов. Идентичность не может не меняться в изменчивом мире, конечно если не говорить о крайних проявлениях ригидности и размывания идентификации, которые скорее представляют некую патологию, чем норму. Человек ощущает идентичность, переживая ее лично, внутренне определяя свое место, и решая самый важный вопрос своего существования в мире, отношения к нему, устанавливая границы «Я» и «не-Я». Как размышлял П.В. Алексеев: «... исходный пункт мировоззрения неотделим от особенностей человеческого существования, от потребности человека в осмыслении своего места в мире. Для индивида весь мир оказывается расколотым на две части: на мое «Я» и остальное «не-Я», включая природу, общество, других людей. Вопрос об отношении человека к миру является основным вопросом всякого мировоззрения. Он конкретизируется в других: В чем смысл жизни? Возможно ли личное бессмертие? Есть ли счастье? Что такое мир в целом? Конечен он или бесконечен? Что такое истина? Что такое добро, зло, справедливость? Что такое красота, любовь? Эти и многие другие вопросы развертываются в систему ответов на них, в воззрение человека на мир, на свое отношение к этому миру»¹²⁷. В этих проблемах отношения мира и человека проблема идентичности не озвучивается, но очевидно присутствует как основа личностной целостности человека.

Анализируя современное состояние идентичности в работе «Модерн и самоидентичность», Э. Гидденс отмечал возникновение «экзистенциальной тревоги». Если в традиционном обществе личностная самоидентичность складывается из набора последовательно смещающих друг друга психовозрастных характеристик, обладающих четкими социальными «метками», то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего «Я»

¹²⁷ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

как конституирующие элементы самоидентичности в меняющемся социальном контексте. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными и абстрактные системы, которые предлагают постоянно расширяющийся набор педагогических, психотерапевтических, медицинских и социопсихологических рекомендаций, заменяющих однозначную определенность традиции¹²⁸. Сегодня, когда идентичность становится непрерывной самоидентификацией, индивиду необходимы пусть и временные, но устойчивые островки твердой почвы в океане перемен. Еще несколько десятков лет назад социальные реалии фактически не предлагали возможности перемен образа жизни, не было неограниченного доступа к информации, а несколько сотен лет назад проблемы поиска и обретения идентичности вообще не существовало, рожденный на Кузнечной улице вырастал и становился кузнецом, как его отец и дед, и такова судьба и его сына. Конечно были исключения, такие как М.В. Ломоносов, К.Х. Гаусс, Наполеон, У. Дисней, Дж. Сорос, А. Онассис и др., но в подавляющей массе своей, люди редко покидали свое сословие или даже границы местности, где они родились. Все радикально изменило технологическое развитие, связанное с наступлением информационного общества, предложившего качественно новый уровень возможностей и вариантов идентификации, причем последние постоянно меняются, появляются новые, что делает само понимание идентичности как некой фиксированной данности не приемлемым. *В современных условиях идентичность следует понимать, как ощущаемую субъектом «точку сборки», в которой человек находит некий баланс сосуществования с внешним миром.*

Идентичность – это не вещь, которая где-то лежит, которая может быть однозначно измерена, прочно зафиксирована, четко очерчена, верно определена и правильно установлена. Идентичность, прежде всего и всегда, это специфическое феноменологическое переживание единства «Я» и «не-Я», обретаемое индивидом в процессе самоидентификации. Если максимально обобщить, то под идентичностью понимается ощущение себя как некоего единства,

¹²⁸ Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, 1991; См. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley, CA, 1991.

проистекающего из того или иного специфического источника: из принадлежности к некоторой общности, этносу, культуре, природе, полу или поколению, из переживаний потребностей организма, из определенной структуры витальных влечений, рациональных целеполаганий и когнитивных способностей, верований и т.д. Идентичность – это те знания, представления и переживания, которые задают основу самоидентичности, о которых, сопоставив с собой, человек может сказать «я это – Я». Суть понятия идентичности объяснит определение, которое и станет отправной точкой для дальнейшего исследования: *идентичность – это феноменологически переживаемая субъектом, деятельностно, орудийно и технологически опосредованная тождественность самому себе в культурно-историческом хронотопе, осознано/бессознательно, рефлексивно/интуитивно воспринимаемая как чувство принадлежности/непринадлежности к общностям, контролируемости/неконтролируемости ситуаций, включенности/невключенности в процессы, предсказуемости/непредсказуемости событий, разделенности/неразделенности отношений, способности/неспособности к договоренности, и, в конечном счете, осмысленности/неосмысленности личного существования в качестве субъекта/объекта деятельности.*

Завершая раздел посвященный рассмотрению и анализу проблемы идентичности в науках о человеке, отметим, что в рассмотренных выше подходах роль технологий как инструментов формирования идентичности оставалась за скобками или оставалась на периферии ведущих концепций. И это несмотря на то, что именно технологии на протяжении всей истории были одним из ключевых, если не самым значимым фактором трансформации идентичности человека. Идентичность создается и задается, причем предметами, которые изначально генетически не имеют отношения к человеку. Технологии делают инородные для нас предметы возможными для возникновения между ними и человеком «союзов». Лежащий на земле камень, который взял в руки первобытный предок, и кинул его в определенную цель становится в определенном смысле частью человека. Он летит не случайно, летит по тому направлению, которое нужно

субъекту, в выбранную им цель, которую он достигает сам, только опосредованно, с помощью камня. Технологии метания камней, топоров, копей, пушечных ядер и ядерных снарядов становились частью человека, давая ему возможности, которые он не имел и не мог иметь по своей природе. *Это и есть ядерная структура отношения между человеком и инструментом, человеком и орудием, которая задает экспоненциально развиваемое отношение человека с техникой, в котором постоянно пересматриваются варианты идентификации человека.* Процесс идентификации реализуется не напрямую, а включает в себя в том числе и технические средства. Человек не только телесное «Я» и духовное «Я», а я еще и «Я» технологическое, неразрывное от включенных в него технических инструментов. Технологии, предоставляя субъекту иные способы переживания самого себя в мире, становятся посредниками его взаимодействия с ним, формируют новые субъектно-объектные границы деятельности. Технологии создают специфический контур, в котором человек самоидентифицируется. И если использовать приведенное выше определение в технологическом ракурсе, то мы сможем утверждать, что технологии были и остаются решающей силой в формировании и трансформации идентичности.

1.1. Органопроекция: антропо-технологическая эволюция

Технологии всегда присутствовали в жизни людей, были неотъемлемой ее частью на протяжении истории, и современный технологический прорыв возникает не на пустом месте, скорее его следует рассматривать как кумулятивный эффект предшествующего развития техники. Технологии постоянно изменяли человека и общество, трансформировали формы самоидентификации. Жизнь первобытного человека, научившегося обрабатывать камень, отлична от жизни его предка, использовавшего палку. Образ жизни человека, создавшего машины для обработки того же камня, другой, чем у его предка, вручную бившего камень о камень, чтобы получить орудие труда. При этом натуральные возможности и основные потребности, как первобытного человека, так и современного (во всяком случае, если он еще не превратился в трансгуманистического постчеловека) остались прежними. Люди также хотят есть, пить, любить, творить, отдыхать, иметь семью, собственность и элементарные гарантии безопасности. Изменились только уровень реализации возможностей и способы удовлетворения потребностей, что обусловлено появлением более совершенных технологий, используемых и воспринимаемых в координатах социокультурного контекста. В истории этапы развития человека разделяются по технологическому принципу на каменный, медный, железный века. Дальше фигурирует широкий спектр эквивалентных по существу, но с нюансами в интерпретации, стадийных моделей развития общества. Аграрное, индустриальное, постиндустриальное общества соответственно связаны с основными используемыми технологиями – мускульной силой и лошадиными упряжками, паровыми и электрическими машинами или же телекоммуникационными сетями и компьютерами. И, казалось бы, при константе натуральных возможностей человека и его извечных потребностей, видов деятельности, в общем-то, мало что должно меняться в его идентичности. Какая разница, едет ли он в экипаже или на поезде? Ведь это тот же человек, и причем тут средство передвижения и, тем более, колеса? И, как и в первом, так и во

втором случае, есть тот, кто едет, есть тот, кто везет, будь это извозчик или машинист, есть маршрут, есть плата за проезд, есть опасность перевернуться и т.п. – все остается, как и впредь. Получается колеса меняются, а пассажир и ситуации те же?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, что одним из первых роль технологий в истории человечества отметил Карл Маркс, увидевший в их развитии причину экономических, а значит и культурно-исторических трансформаций. Маркса интересовали глубинные исторические последствия технологических революций для человека и общества, он первым заговорил об историческом элементе в машине. Маркс зафиксировал факт появления в конце XVIII века машин в собственном смысле слова, т.е. некой целостности, объединяющей разрозненные орудия труда: «машина есть соединение орудий труда». Он раскрывает генеалогическую цепочку развития машин: «простые орудия, накопление орудий, сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем – руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель, – вот ход развития машин»¹²⁹. В этом качестве машины не только входят в жизнь общества, но и в процессе своего технологического развития задают его глубинные изменения. Технологии для Маркса являются отражением деятельностной природы человека: «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»¹³⁰. Согласно Марксу, движущей силой истории выступают технологии, в частности в качестве причин падения устоев феодального общества стали пар, электричество, сельфактор¹³¹, которые он назвал более опасными

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 4. С. 156.

¹³⁰ Там же, т. 23. С. 183.

¹³¹ Автоматическая прядильная машина, в которой все операции, за исключением некоторых второстепенных, производились уже совершенно автоматически.

революционерами, чем даже граждане Барбес, Распай и Бланки¹³². Исходными технологическими предпосылками буржуазного развития Маркс считает три великих изобретения: порох, компас и книгопечатание. «Порох взрывает на воздух рыцарство – символ Феодалной эпохи; компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития»¹³³. Непосредственными материальными основами, осуществившими внутри мануфактуры подготовительную работу для перехода к машинной индустрии Маркс называет часы и мельницу. Более того, часы стали первым автоматом, употребленным для практических целей¹³⁴. В «Нищете философии» он иронично утверждает: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом»¹³⁵. Если следовать логике Маркса – подобно мельнице и паровой машине, компьютер должен имплицировать иной общественный уклад, другую культурно-историческую реальность, и, в результате, вызвать к жизни новые модели самоидентификации. В отдельных мыслях Маркса впервые обозначена идея внешнего расширения человека, которая в дальнейшем с определенными вариациями получит развитие в философии техники Э. Каппа и в теории медиа М. Маклюэна. В первом томе Капитала (1867 г.) он пишет: «Предмет, которым человек овладевает непосредственно, – мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например, плодов, когда средствами труда служат только органы тела рабочего, – есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя, таким образом, вопреки Библии, естественные размеры последнего»¹³⁶.

Предвосхищая теорию органопроекции, Маркс утверждает: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1958. Т. 12. С. 3.

¹³³ Там же, т. 4. С. 156.

¹³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1963. Т. 30. С. 263.

¹³⁵ Там же, т. 4, С. 133.

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 23. С. 190.

телеграфа ... Все это – продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания...»¹³⁷. В *Капитале*, развивая мысль о том, что технологии являются человеческими органами, Маркс проводит параллели между биологической и технологической эволюциями: «Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?»¹³⁸. В этой связи В.С. Степин отмечает: «Орудия и средства, применяемые в производственной деятельности (станки, машины, энергетические установки, компьютерные системы и т. п.), многообразные предметы бытовой техники – от простейших (стол, стул, нож, ложка, вилка, посуда) до более сложных, возникших на современном уровне развития цивилизации (телевизор, холодильник, персональный компьютер), гидростанции, заводы, дома и города, дороги и транспортные средства, – все это многообразие созданного человеком предметного мира (второй природы) функционально служит своеобразным продолжением и дополнением человеческого тела. Только благодаря постоянному взаимодействию с этим миром, его воспроизводству и развитию возможна человеческая жизнь. К. Маркс образно характеризовал этот мир освоенных человеком природных объектов как «неорганическое тело человека». Такая характеристика является не просто метафорой. Она выражает понимание человека как существа, бытие которого определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганическое тело»¹³⁹.

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1968. Т. 46. Ч. II. С. 203

¹³⁸ Там же, т. 23. С. 383.

¹³⁹ Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 20.

Одним из родоначальников философии техники считается Эрнест Капп. В центре его концепции лежит идея «органопроекции», согласно которой орудия и оружие рассматриваются как различные виды продолжения («проекции») человеческих органов¹⁴⁰. Э. Капп внутренний мир редуцировал к человеческому телу, а затем, следуя этой логике, он делал вывод, что созданная человеком составляющая внешнего мира представляет собой не что иное, как продолжение человеческого тела и механическое подражание его различным органам. «...Исходящий от человека внешний мир механической работы может быть понят, – отмечает он, – лишь как реальное продолжение организма, как перенесение вовне внутреннего мира представлений»¹⁴¹, «в телесном организме находится ключ к особенностям человеческой деятельности во всех ее сферах»¹⁴². Он считал, что возникающее между орудиями и органами человека внутреннее отношение заключается в том, что в орудии человек систематически воспроизводит себя самого: «...все средства культуры, будут ли они грубо материальной или самой тонкой конструкции, являются ничем иным, как проекциями органов»¹⁴³. И если определяющим фактором является человеческий орган, полезность и силу которого необходимо увеличить, то и форма орудия должна исходить из формы этого органа. Отсюда следует, что множество духовных творений тесно связано с функционированием руки, кисти, зубов человека. «Как тупой наконечник орудия имеет свой прообраз в кулаке, так острое – в ногтях пальцев и в передних зубах. Молоток с острым лезвием служит переходом к топору; вытянутый палец с его острым ногтем в техническом воспроизведении становится сверлом; простой ряд зубов не трудно узнать в пиле, а хватающая рука и двойной ряд зубов выражены в головке клещей и стойке тисков. Молот, топор, нож, резец, бурав, пила, клещи – это примитивные рабочие орудия, древнейшие основатели организованного общества и его культуры... Искривленный палец становится мотыгой, собранная в горсть рука – чашей; в

¹⁴⁰ Капп Е. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig, 1877.

¹⁴¹ Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925. С. 24.

¹⁴² Там же, с. 22.

¹⁴³ Там же, с. 24–25.

мече, в копье, в руле, в лопате, в граблях, в плуге, в трезубце можно проследить без большого труда различные направления руки, кисти и пальцев, их приспособления к работам на охоте, рыбной ловле, в саду и в поле. Как грифель есть не что иное, как удлиненный палец, так копье – удлинение руки, силу которой оно увеличивает, вместе с сокращением расстояния приближая к цели, – преимущество, которое еще умножается в дротике, свободно бросаемом по воздуху»¹⁴⁴. Можно утверждать, что Э. Капп стоял на позициях «орудийно-деятельностной» теории антропогенеза, так как подчеркивал, что в процессе взаимодействия человек и орудия труда взаимообогащают друг друга: «...в процессе взаимодействия орудие поддерживало развитие естественного органа, а последний, в свою очередь, достигая более высокой степени ловкости, приводил к усовершенствованию и развитию орудия»¹⁴⁵. Идеи Э. Каппа во многом заложили основы концепции технологического расширения человека, хотя, следует признать, что подобный подход имеет слишком упрощенный и физиологичный характер. Современный германский философ техники Алоиз Хуниг так резюмирует достижения Эрнста Каппа: «Представления Каппа о технике полны оптимизма, они отражают направление духа большей части техников и мыслителей его времени. Вместе с тем Капп усматривает также и связанные с техникой потенциальные опасности. Он подчеркивает, что угрожающие возможности технического могущества могут со временем возрастать, что техника способна обособиться в собственном мире, который будет людям настолько чужд, что им придется опасаться утраты контроля над этим миром. Поэтому чрезвычайно актуально звучит его требование о том, что всем центробежным устремлениям в науке и технике должно соответствовать равное по силе центростремительное движение к глубинам человеческого духа, что позволит достичь антропологического масштаба в контроле над техникой»¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Там же, с. 98.

¹⁴⁵ Хуниг А. Первые германские философы техники // Философия науки и техники — природа и техника на пороге 3 тысячелетия: материалы международной конференции. М., 2005. С. 261–262.

¹⁴⁶ Там же.

Другой основоположник философии техники – Людвиг Нуаре, предложил в определенном смысле сходную с взглядами Эрнста Каппа концепцию. Исходная его посылка, которую он доказывал в своих основных произведениях «Происхождение языка» (1877) и «Орудие и его значение в историческом развитии вещества» (1880), заключалась в том, что ни абстрактное мышление, ни язык не являются первичными факторами исторического развития человека и техники, а совместная деятельность, связанная с созданием и использованием орудий труда. Л. Нуаре развивает идею К. Маркса, что машины являются органами человеческого мозга. Но логика его рассуждений начинается с мысли о том, что изначально сами человеческие органы приобретают не свойственные в животном мире им функции, что становится предпосылкой для орудийной деятельности. Особую роль Л. Нуаре отдает человеческой руке, считая ее специфически человеческим органом – органом разума», «внешним мозгом». Постепенное развитие этого органа должно поэтому служить нам руководящей нитью и ключом для понимания эволюции орудия. «Рука, – утверждает Нуаре, – упражнялась то на одном, то на другом; она приобретала таким путем свойственный ей характер универсальности. Но она могла достигнуть этого, лишь оставаясь в известном смысле нейтральной, т.е. не развиваясь, или, вернее, не перерождаясь для той или другой способности предпочтительно перед другими, не отягощая себя естественными органами, как животное, но, создав себе орудие, которое утруждало ее лишь до тех пор, пока она хотела добиться от него определенного действия, а затем могло быть отложено в сторону или быть заменено другим. Всякая модификация руки для особых функций нанесла бы ущерб ее характеру универсальности и превратила бы абстрактное орудие орудий в некоторое особое орудие. Уже в древности эту истину уяснил себе Гален: «Если бы человек, – говорил он, – обладал естественными органами зверей, то он не мог бы работать, как художник, защищать свою грудь панцирем, выковать себе меч или копье, или изобрести узду, чтобы сесть на коня и охотиться за львами. Не мог бы он прилежать к мирным искусствам, делать флейты и лиры, строить дома, воздвигать алтари и, с помощью букв и ловкости руки, оставаться в общении с

мудростью своих предков – то беседовать с Платоном, то с Аристотелем или Гиппократом»¹⁴⁷. И далее: «Нетрудно видеть, как рука, благодаря создаваемым ею самой изменениям, обогащает глаз и разум, ибо она представляет настоящий переход от полупроекции к полной проекции органов; она находится более всякого другого животного органа под полным контролем зрения; она может производить действия всякого рода своими легкоподвижными, искусными членами»¹⁴⁸. Нуаре фиксирует феномен влияния на органическое преобразование, рост ловкости и увеличение силы человеческой кисти и руки постоянного употребления и приспособления к орудиям труда, которые становятся дальнейшим «развитием органа» и фактором модификации человеческой деятельности. Благодаря орудиям, создаваемым разумом и развивающимся в процессе деятельности, «человек становится Протеем – то могучим хищником, который с размаха лапой повергает противника на землю, то грызуном, то рыбой, то точащим червем, то хищной птицей, камнем падающей на добычу – смотря по тому, чего требуют нужды данного мгновения и жизненные цели. Он становится микрокосмом, соединением всего того, чем природа в отдельности наделила прочих тварей для сохранения существования». Процесс совершенствования орудий труда носит длительный и носит интуитивный характер, и Нуаре выделяет несколько этапов его развития. Изначально работа орудия была лишь подспорной, примкнув к органам, играла совершенно второстепенную роль. Примитивное орудие лишь сопровождало деятельность естественных органов, поддерживая их, тогда оно еще конкурировало с ними. Затем начинается процесс модификации орудий и предметов природы для использования их для работы. Следующий этап – появление самостоятельных артефактов, изготавливаемых из рога, кости и других подходящих веществ, и наконец, появление металлических орудий. И это развитие для Нуаре – результат действий человеческих рук. Являясь душой и ученицей орудий, рука, преобразовавшаяся из первоначального органа движения, становится органом хватания, затем и органом любой адаптирующей активности,

¹⁴⁷ Канн Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925. С. 42.

¹⁴⁸ Там же, с. 42-43.

творческим, формирующим и, в конечном счете, важнейшим деятельностным инструментом, творящим все необходимое человеку для удовлетворения и трансформации его потребностей.

Следует отметить, что идею о технологиях как продолжениях человеческого тела также разрабатывал П.А. Флоренский. В своей работе «Органопроекция», он развил идеи Э. Каппа, обосновывая взаимосвязь человеческого организма и технических средств. «Орудия, – пишет П.А. Флоренский, – создаются жизнью в ее глубине, а не на поверхности специализации, а в глубине своей каждый из нас имеет потенциально многоразличные органы, не выявленные в его теле, и может, однако, выявить их в технических проекциях. Отсюда следует и обратное: жизнь может технически осуществить проекцию некоторого органа раньше, чем станет он нам известен анатомо-физиологически, у нас самих или даже у других организмов, других созданий жизни, не человеческих – в явном виде, а потом, б. м., и у человека в зачаточном. Если изучение организмов есть ключ к техническому изобретению, то и обратно, технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию. Техника может и должна провоцировать биологию, как биология – технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще не осуществленную технику; в технике – еще не изученные стороны жизни. Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу; но соответственные точки той и другой могут забегать вперед и отставать относительно друг друга. И это дает судить нам о каждой из этих линий прогностически, на большее расстояние, чем они даны нам фактически – линия жизни в сознании, линия техники в действительности»¹⁴⁹. Опираясь на исследования философии техники Э. Каппа, П.А. Флоренский развивает мысль о технологическом расширении человека: «Орудия расширяют область нашей деятельности и нашего чувства тем, что они продолжают наше тело. Эта мысль опирается на прямое наблюдение; но, тем не менее, в ней скрывается большая трудность. В самом деле, как может продолжаться наше тело в том, что по строению своему, во всяком случае, не есть

¹⁴⁹ Флоренский П.А. Органопроекция // Русский космизм: антология философской мысли. М., 1993. С. 162.

наше тело? Как нечто неживое может продолжать живое, а, следовательно, в каком-то смысле входить в состав его жизненного единства?»¹⁵⁰. П.А. Флоренский достаточно подробно описывает проекции органов человека в сферу технологий. Руки и плечи проецируются в технику как обыкновенные весы; чашки весов соответствуют ладоням, коромысло – рукам, голова – стрелке, ноги – опоре весов. Рука оказывается первообразом большинства наших орудий, от гладила для разравнивания, утюга, станков шлифовальных и полировальных для дерева, металла, стекла, камня, до бриллиантово-гранильных машин и приспособлений для шлифовки оптических линз. Аппарату уха подражает рояль, пианино, фортепиано и прочие тому подобные музыкальные ударные инструменты с клавишами. Проекция глаза – это камера обскура, сложная лупа, подзорная труба. «Кости – с их упругими искривлениями, с двумя видами костной ткани, плотной и губчатой, с пластинками, расположенными по линиям наибольшего сопротивления, и с их чудесной, сравнительно с количеством вещества, крепостью – это прототип железных и железобетонных сооружений. Строение губчатого костного вещества напоминает устройство тех, столь же легких и изящных висячих мостов, которыми строительное искусство заменяет с минимальной затратой материала и в наиболее целесообразной форме тяжелые и массивные каменные арки, воздвигавшиеся в прежнее время над реками и долинами... Дом подобен телу, а разные части домашнего оборудования аналогически приравниваются органам тела. Водопровод соответствует кровеносной системе, электрические провода звонков, телефонов и т.д. – нервной системе, печь – легким, дымовая труба – горлу и т. Д. и т.д. И понятно, что иначе быть не может»¹⁵¹. Он же делает предположение о влиянии электричества на человека: «Нервная система проецируется электрическими приборами, с которыми она имеет, по-видимому, более чем только формальное сходство»¹⁵².

Сама идея технологического расширения человека, как правило, относимая к Маршаллу Маклюэну, в действительности не только восходит к Карлу Марксу,

¹⁵⁰ Там же, с. 149.

¹⁵¹ Там же, с. 158.

¹⁵² Там же, с. 157.

Эрику Каппу, Людвигу Нуаре, но и достаточно подробно рассматривалась Зигмундом Фрейдом. Вспомним «Недовольство культурой»: «Что касается других достижений, то с ними человек вступил на путь, по которому он в дальнейшем шел все время, – нетрудно догадаться о мотивах, побудивших к их изобретению. Всеми своими орудиями человек усовершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или же раздвигает рамки их применения. Моторы предоставляют в его распоряжение гигантские силы, употребимые, подобно его мускулам, в различных целях; пароход и самолет делают беспрепятственным передвижение по воде и по воздуху; очки корректируют недостатки хрусталика глаза; телескоп дает возможность видеть на огромные расстояния; с помощью микроскопа преодолевается граница видимости, положенная строением нашей сетчатки. Человек создал фотокамеру – инструмент запечатления текучих зрительных впечатлений; граммофонная пластинка делает то же самое со звуковыми впечатлениями. И то, и другое суть материализации его способности запоминания, памяти. С помощью телефона он слышит на таком расстоянии, которое считалось невероятным даже в сказках; письменность с самого начала представляла собой речь отсутствующих; жилище – эрзац материнского лона, первого и, может быть, доныне желанного обиталища, в котором мы пребываем в безопасности и так хорошо себя чувствуем»¹⁵³.

В современной отечественной науке похожие идеи разрабатываются в рамках психологии телесности и теории «зонда», как универсального механизма порождения и модификации человеческой телесности и сознания¹⁵⁴. «Его смысл заключается в том, что человек, использующий для ощупывания объекта зонд, парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей его тело и не его зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. Зонд, включенный в схему тела и подчиненный движению,

¹⁵³ Фрейд З. Недовольство культурой, М. 1992. С. 89–90.

¹⁵⁴ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.

воспринимается как его продолжение и не объективируется»¹⁵⁵. Согласно этой теории, зонд выступает как внешнее расширение субъекта, формирующее новые очертания его тела. А.Ш. Тхостов не оперирует понятием органопроекция, для него ключевой точкой, не раскрытой для психологической науки, является телесность. Человек без телесности в его понимании становится «гомункулусом», состоящим из огромного мозга, не очень больших половых органов и еще, может быть, лица¹⁵⁶. При этом «Телесность человека – это первый в онтогенезе предмет овладения и трансформации в универсальное орудие и знак»¹⁵⁷. А.Ш. Тхостов обращает внимание на то, как тело человека может быть сужено и расширено, и где проходит линия границы между субъективным телом и его объектами расширения. «Ответ на вопрос что такое «мое тело», с одной стороны, кажется самоочевидным, поскольку каждый может довольно непротиворечиво определить, что является «моим» телом, а что им не является. Но, с другой стороны, пытаясь это сделать, я сразу же сталкиваюсь с довольно сложными вопросами. Как я определяю, что относится ко мне, а что принадлежит миру? Я совпадаю со своим телом, но порой оно отказывается мне подчиняться. Мои волосы и ногти – это часть моего тела? А ампутированная рука? А протез руки? Как ответить на вопрос Н. Винера: является ли искусственная рука механика, пытающегося починить автомобиль, частью механизма, с которым возится механик, или частью механика, занятого починкой?». В «Психологии телесности» А.Ш. Тхостов не акцентировал внимание на технологических расширениях тела, но его понимание субъект-объектных границ позволяет продолжить его мысли, сопоставив с расширениями человеческого тела путем освоения новых, высокотехнологичных орудий.

Идеи теории зонда развивает П.Д. Тищенко, описывая машины как антропопроекции, формы экспансии человеческого существа вовне, формы покорения внешней природы – «дистант-рецепторы» человеческого познания.

¹⁵⁵ Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 61–62.

¹⁵⁶ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002. С. 3–4.

¹⁵⁷ Там же, с. 4.

«Машина – это зонд познания. Причем объективность – граница сопротивления (локализация чувства) указывает на своеобразную линию фронта, область нерешенных проблем и задач – то, что еще только должно быть познано и освоено. Объективность, т.е. сопротивление внешнего, в которое проецируется начало желаний человека, собственно говоря и порождает это желание¹⁵⁸».

В очерке «Разум и рассудок» В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов, развивая идею органопроекции в условиях современной технологической экспансии, отмечали, что «органопроекция «размазывается» между человеком и объектом его деятельности, она – проекция не только первообраза, но и объекта, не только органопроекция, но и ОБЪЕКТО-ПРОЕКЦИЯ. Разные органопроекции, а также разные технические реализации одной и той же органопроекции в большей или меньшей степени тяготеют к одному из выделенных полюсов, т.е. к первообразу или к объекту, они всегда продукт некоторого компромисса. В настоящее время достичь компромисс становится все труднее, поскольку объекты деятельности по своим масштабам, по размерности своих свойств начинают все дальше отстоять от мира человека (возьмем ли мы электронную микроскопию, радиоастрономию, управление объектами большого размера – танкером, шагающим экскаватором – или боевое дежурство системы ПВО). Органопроекции становятся трудноуправляемыми. Все больше времени требуется человеку, чтобы освоить, уяснить логику и принципы их функционирования»¹⁵⁹. Современные технологии уже не просто сопоставлять с человеческим телом, и принцип органопроекции не столь релевантен и убедителен для их описания. Технологии информационного общества – это качественно новый уровень развития техники, который несопоставим со всеми предшествующими технологическими революциями. Телекоммуникационные, электронные, космические, транспортные, био- и нанотехнологии выходят за рамки понимания своей природы, и для подавляющего большинства людей, активно использующих их, они остаются закрытой, недоступной магической вещью в себе. «Чем дальше объект

¹⁵⁸ Тищенко П.Д. Машина как антропопроекция (зонд) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 17. М., 2013. С. 19.

¹⁵⁹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994. С. 223.

деятельности от человека, чем он сложнее и несоразмернее человеку, тем более изощрены органопроекции. Но и соответствующие функциональные органы деятельности становятся непереносимее и неестественнее для человека. Например, авиадиспетчер в каждый момент своего дежурства должен удерживать в памяти образ пространства над аэродромом и точно представлять координаты и скорость движения нескольких находящихся там самолетов»¹⁶⁰. Модель органопроекции неприменима к большинству современных «высоких» технологий. Никакие антропоморфные аналогии не могут быть проведены с технологиями, заключенными в корпусе смартфона или в системе управления современным истребителем.

Еще одна сторона теории органопроекции – это антропоморфное измерение мира. Э. Капп писал: «Стопа, палец, его суставы, специально большой палец, кисть и рука, пядь, расстояние между идущими ногами и между распростертыми концами рук, ширина пальца и волоса – как меры длины; пригоршня, полон-рот, кулак, голова, толщина руки, ноги, пальца и бедер – как меры вместимости и объема; мгновение (мигание) как мера времени: все это было и остается повсюду у молодых и стариков, у дикаря и культурного человека неизменно употребляющимися, естественными мерами». Исходной системой координат натуральной географии является соотнесение с человеческим телом и его естественной размерностью. Тело человека – естественная система мер и весов, находящаяся в основании упорядочивания и унификации окружающей действительности. В качестве эталонов антропоморфной размерности используются анатомия и физиология. Размер определяется в дюймах, т.е. по длине фаланги пальца, футах – величины стопы, локтях, сажнях – расстояние между разведенными руками, косых сажнях – расстояние между разведенными рукой и ногой. За наиболее распространенную меру в древнем мире – стадий или стадию в Вавилоне принимали расстояние, преодолеваемое человеком спокойным шагом за промежуток времени от появления первого луча солнца при восходе его до того момента, когда весь солнечный диск окажется над горизонтом, а греки

¹⁶⁰ Там же, с. 225.

связали эту меру с героем Гераклом, приравняв стадий к расстоянию в 600 его шагов¹⁶¹ которые он успел сделать с того момента, как первые солнечные лучи появились над холмом Крона в Олимпии и до того, как солнце поднялось над землей. Миля – это расстояние в тысячу двойных римских шагов. В Персии расстояние измеряли в фарсах (персидская миля) расстояние, пройденное караваном до очередного отдыха, привала. Древним эталоном длины в Англии является ярд, введенный королем Эдгаром в XX веке, по первой версии представляющий расстояние от кончика носа короля до конца пальцев вытянутой в сторону руки. Но в любой из этих интерпретаций мы снова видим способ переживания топоса на основе связи единицы расстояния и размеров человека (даже если он и был помазанником Божьим)¹⁶². Анализируя представления средневекового европейца о пространстве и времени А.Я. Гуревич отмечал, что в тех условиях ничто не могло быть более естественным, нежели измерение пространства при помощи человеческого тела, его движения, способности человека воздействовать на материю. Человек Средневековья физически был «мерюю всех вещей», и прежде всего земли, расстояний и времени¹⁶³. Антропоморфная основа измерения пространства не обладала слишком высокой точностью, зато она позволяла осмыслить пространство через размерность человека, например, как это было осуществлено с помощью старорусской пядевой системой мер. В основе ее пядь – расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев руки. Три пяди образовывали локоть, четыре – аршин, пять – шаг, двенадцать – сажень, которая в свою очередь равнялась расстоянию от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой или 48 вершкам (длина фаланги указательного пальца), четырнадцать пядей составляли косую сажень, определявшуюся также расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой вверх по диагонали руки.

¹⁶¹ Мелик-Шахназаров А. Олимпионик из Артаксаты. М., 1986. С. 8.

¹⁶² Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 42-52.

¹⁶³ Гуревич А.Я. Представления средневекового европейца о пространстве и времени // Категории средневековой культуры М., 1984. С. 156–166.

Сегодня принцип органопроекции, в том виде, как его понимали Э. Капп и П.А. Флоренский, уже не работает, в силу сверхчеловеческого рывка в развитии сверхтехнологий, в особенности телекоммуникационных, но что более показательно, в транспортных. Именно современные транспортные технологии изменили масштабность хронотопа и кардинально трансформировали натуральную географию. Благодаря индустрии авиаперевозок человеку стали доступны перемещения на большие расстояния за относительно короткое время. Со времен легендарных каравелл Тинты, Ниньи и Санта-Марии прошло несколько веков, но как в Испанской империи, так и в современном информационном обществе транспортная коммуникация является жизненной основой. Радикально изменилась скорость. Если путь Колумба до Гаити занимал около трех месяцев, то сегодня долететь до Доминиканской республики из Москвы можно за 14 часов. Но при этом, человек не перестал мерить время днями и часами, а комфорт перелета расстоянием между креслами, качеством обеда и поданного вина.

Подлинное измерение современного мира определяется технологиями – зонами покрытия сотами мобильной связи, наличием беспроводного интернета, банкоматов, транспортных магистралей, бензозаправок – вот настоящие критерии принадлежности человека к географии информационного общества. Современный мир, который был охарактеризован М. Кастельсом в качестве «Галактики Интернет», формирует новые карты, главными в которых становятся узлы и магистрали, организующие интернет-трафик¹⁶⁴. Возникает география интернета или кибергеография, где центральное место занимает тот, кто обладает наиболее мощной инфраструктурой и пропускной способностью, и соответственно плотностью охвата территории сетью. С этой точки зрения, подобно Европе на карте Меркатора, центральное место в «Галактике Интернет» занимает США, которые и играют основную роль в коммуникации между другими странами. Часто бывает так, что соединения между двумя европейскими или азиатскими

¹⁶⁴ Кастельс М. Галактика Интернет. М., 2004. С. 242.

городами (не говоря уже об африканских или латиноамериканских) первоначально осуществляются через какой-нибудь американский узел¹⁶⁵.

Устройство города изменяет топологию перемещения человека в нем. В античных полисах и средневековых городах ввиду их небольших размеров человеку не требовалось никаких дополнительных средств для внутренних передвижений, все было в пешей доступности. В современном мегаполисе топология представляет собой техноморфную систему. Можно заметить различие между восприятием пространства в зависимости от типа транспортной системы – метро, наземный общественный транспорт, автомобиль, или передвижение пешком. В первых двух случаях топология города будет для человека жестко привязанной к данности существующих транспортных сетей с их пунктами пересадки, длиной переходов, расположениями выходов, текущими и капитальными ремонтами и т.д. Автомобилист ограничен наличием, работоспособностью, доступностью и знанием дорожной сети и условий дорожного движения, проведением митингов, шествий и парадов, а пешеход лишь возможностями своего тела. Не существует единой карты: есть карта пешехода, велосипедиста, водителя, таксиста, дальнобойщика, чиновника, инвалида. Для последнего, впрочем, вообще может не существовать никакой карты, не обусловленной его физическими возможностями, в предельном случае ограниченной размерами кровати. Для успешного перемещения в системе скоростного общественного транспорта (метро, скоростные трамваи, монорельсовые системы, пригородные поезда) необходимо наличие и понимание схемы данной системы, которая по сути и определяет возможность достижения того или иного пункта. В случае с наземными перемещениями – на автомобиле или пешком ситуацию облегчает, а иногда и затрудняет навигатор. В основе успешной работы навигатора лежит как можно большее соответствие загруженной в него карты местности действительному положению вещей. Интересно, что система GPS в принципе вновь трансформирует, гомоморфную географию в изоморфную, отражая реальные масштабы расстояний, правда все

¹⁶⁵ Там же, с. 243.

равно в большинстве случаев ограниченные транспортной доступностью. При этом по своей сути загруженная схема местности в гаджет без регулярных и своевременных обновлений остается калькой. Но городская география – это не неизменная калька, не переводная картинка. Это постоянно меняющаяся карта-ризома, с отмирающими и возникающими дорогами-побегами. И дело не в том, что в дороге не всякий кратчайший путь оказывается самым быстрым, а то, что слепо доверившись прибору, человек утрачивает способности ориентироваться на местности, «потеряв вместе с тем и некогда важный для выживания страх пространства»¹⁶⁶.

Если указатель, как карта, воплощенная на земле, еще предполагает элементы внутренней ориентировки, то в случае GPS мы сталкиваемся с редким вариантом расширенного человека, передающего собственную деятельность по ориентировке технологической системе. Возможно это одно из первых воплощений идеи трансгуманистов о создании гибридов-киборгов, поскольку активность человека в этом случае ограничивается лишь выбором направления и необходимостью следования показаниям GPS. Если в соотношении памяти и письменности позиция Платона остается спорной, то в данном случае видимо следует признать его правоту. Происходит интересная подмена и упрощение деятельности по ориентировке: человек может быть в принципе избавлен от необходимости интериоризировать какую-то ни было карту, за исключением инструкции по пользованию GPS, превращающейся в извозчика, избавляющего современных Митрофанушек от необходимости учить географию.

Примером атрофирования чувства опасности при передвижении стал курьезный и одновременно трагический случай, произошедший в Испании, когда в условиях плохой видимости ведомая навигатором машина упала в водохранилище – дело в том, что дороги, по которой был проложен маршрут уже давно не существовало, в результате погиб водитель. К сожалению, навигатор не обладает элементарным здравым смыслом, который иногда оказывается для

¹⁶⁶ *Мирошниченко А.* Замени мозг смартфоном, или Как стать Юлием Цезарем [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://www.mcluhan.ru/about-media/zameni-mozg-smartfonom-ili-kak-stat-yuliem-cezarem/>

человека наилучшим помощником в пространственно-временной ориентации. Оснащенный навигационным прибором, человек слепо плывет в отданной на откуп гаджету ментальной карте, которая по своей сути мало отлична от представлений о мире Колумба, который открыл Индию в Америке. Очевидно, что отсутствие должных карт или неправильно выбранный режим делает бесполезным, а иногда вредным и даже опасным современные спутниковые навигаторы, которые являются не только поводьями расслабленных людей информационного общества, но и важнейшим технологическим средством трансформации представления и понимания натуральной и городской географии.

Трансформация натуральной географии не сводится к простым технологическим изменениям. Эти изменения являются усложненными расширениями человека, задающими, с одной стороны, новую топологию его культурного тела, а с другой, столь же измененную топологию окружающего мира. Этот мир, хотя и остается, безусловно, реальным, перестает точно соответствовать действительному ландшафту, превращаясь в удобную, точную *схему перемещений*, сразу же обнаруживающую свою полную несостоятельность вне тех технологических условий, для которых она создавалась. Но оставаясь в заданных рамках, она вполне эффективна, как эффективна описанная Найссером карта «этак», которой пользуются жители Полинезии для ориентировки в открытом морском пространстве. Этак представляет собой организующий принцип когнитивной карты, обеспечивающий успешность деятельности палаватского мореплавателя. Ее функция состоит в том, чтобы получать информацию и направлять действие; в данном случае направляется зрительный поиск ожидаемых морских примет и определяется направление, в котором должна плыть лодка¹⁶⁷. Эта карта тоже не привязана к натуральному ландшафту, а является синтетическим производным восприятия течения, положения солнца, направления полета птиц.

¹⁶⁷ Найсер У. Познание и реальность. М., 1981. С. 135–137.

Трансформация органопроективной системы измерения мира, начавшаяся с самых первых шагов человека в сторону орудийного опосредствования возможности передвижения, одновременно изменяла его представления об окружающем мире. Каждое технологическое освоение внешнего мира создавало собственную адаптивную ментальную карту, связанную в зависимости от уровня развития технологий с различными степенями отношения к реальному ландшафту. Трансформированная натуральная география в ее предельном расширении отрывается от ландшафта повседневности, создавая иллюзию сходства высокотехнологизированного (организованного) пространства с размерностью детской площадки. Тем не менее, механизмом адаптации к пространству, как у первобытного человека, так и пассажира межконтинентального лайнера, да и ребенка в песочнице во дворе, остается способность к формированию когнитивных, органопроектных карт, приводящих в равновесие его натуральные возможности перемещения и познания пространства с масштабами «просторов», которые он стремится преодолеть. Когнитивные карты – это древний механизм освоения мира путем его антропоморфизации, приведения в соответствие к себе, а «освоенный мир имеет тенденцию быть воспринимаемым как нечто должное, что идет само по себе»¹⁶⁸. Хронотоп во все времена будет измеряться натуральными возможностями человека преодолеть пространство и выдержать время¹⁶⁹.

Сегодня доступность того или иного географического объекта определяется не расстоянием в километрах, а выстраивается когнитивно, например, на основе возможности и удобства его достижения или личностной мотивированностью его посещения (равно как и определяется технологически – наличием информации, транспортной доступностью, удобствами проживания, безопасностью посещения, предсказуемостью погодных условий и другими значимыми для большинства людей «антропными факторами»). Несмотря на

¹⁶⁸ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. Спб., 2007. С. 74.

¹⁶⁹ Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 50–51.

распространение метрической системы и существование абстрактно привязанных мер и весов, для человека по-прежнему остается более удобной система, соразмерная его телу и пониманию возможностей доступности. Эталон метра, что хранится в безвоздушной камере в Палате мер и весов в Париже, не смог отменить принцип органопроекции, и в повседневной жизни размер комнаты мы определяем на глаз или широкими шагами (антропоморфными метрами), а расстояния – человеческими пределами его преодоления. Формирование ментальных карт, как и прежде, осталось механизмом адаптации человека к новым условиям, дарованных современными транспортными и информационными технологиями. Сидя в кресле экспресса TGV, летящего со скоростью 300 километров в час и планируя на сенсорном экране планшетного компьютера свою карту мира «на завтра», путешественник информационного общества все равно продолжает задавать все тот же вопрос, что и его не такой уж далекий предок, скачущий на коне в ожидании постоянного двора – сколько времени мне еще ехать?¹⁷⁰

На примере феноменологического восприятия пространства и времени опосредованных натуральными возможностями человека и его когнитивными проекциями на окружающий мир, прослеживаются пределы антропо-технологической революции, сдерживающим фактором которой остаются пределы возможностей самого человека, его неприятие перегрузки машинами, скоростями и расстояниями, и, в конечном счете, подспудное нежелание утратить свою идентичность (идеологию трансгуманизма пока оставим за скобками). Проекция тела во вне хороши, пока искусственные органы пребывают в гармонии со своим создателем.

¹⁷⁰ *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 50–51.

1.2. Динамика технологических расширений телесности человека

И все же наиболее детально и концентрировано роль технологии в мировоззрении и жизнедеятельности человека описал Маршалл Маклюэн. Поэтому. Для осмысления роли технологий в трансформации идентичности применим концепцию М. Маклюэна, основывающуюся на понимании медиа как внешних расширений человека¹⁷¹. Если в теории органопроекции утверждалось, что технологические орудия представляют собой трансформированные слепки человеческих органов, то М. Маклюэн смещает акценты. Он считал, что все технологии являются не проекциями, а продолжениями человеческого тела и его органов, расширением, а не копированием его анатомии. Согласно М. Маклюэну, одежда, дом, город становятся расширением кожного покрова; колесо, автомобиль, самолет – двигательной системы человека. «Колесо есть абсолютный отделительный падеж ноги так же, как стул есть абсолютный отделительный падеж ягодиц»¹⁷², говорил М. Маклюэн. Именно отделительное расширение, а не соединительная проекция отличает взгляды М. Маклюэна от построений «органопроекторов».

Маклюэн приводит слова антрополога Эдварда Холла: «В настоящее время человек создал технические расширения для всего, что раньше он делал своим телом. Эволюция оружия начинается с зубов и кулаков и заканчивается атомной бомбой. Одежда и здания – суть расширения биологических механизмов температурного контроля. Для того чтобы не сидеть на корточках или на земле, появляется мебель. Электрические приборы, телевизоры, телефоны и книги, с помощью которых человеческий голос преодолевает пространство и время, – все это примеры материальных расширений. Деньги – не что иное, как способ расширения и сохранения труда. А современные транспортные средства работают там, где когда-то трудились ноги и спины. В самом деле, все произведенные человеком материальные вещи могут быть рассмотрены как расширения того, что

¹⁷¹ Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003.

¹⁷² Там же, с. 209.

человек некогда делал с помощью своего тела или какой-либо его части»¹⁷³. Но главным и самым близким расширением организма остается кожа – она защита, позволявшая и позволяющая прикасаться нам к любому телу и не распасться при этом на куски. Предельное расширение кожи – это ядерные щиты, которые не дают разрушиться планете Земля, как от взаимных распрей сверхдержав, так и от гипотетического удара метеорита. В этом случае атомные дубины и булавы оправдывают себя.

Для М. Маклюэна первостепенное значение имел ответ на вопрос, что будет расширять каждое новое техническое изобретение. Для него было крайне важно понимать, какие последствия для человека эти расширения будут иметь. Механические технологии являются продолжением органов нашего тела. Электрические технологии произвели революционный скачок в процессе расширения человека – они стали продолжением его нервной системы. Маклюэн считал, что использование любой технологической формы приводит, так или иначе, к ее интериоризации и, как следствие, к видоизменению отношения человека с реальностью сквозь призму появляющихся возможностей. Каждая новая технология в ходе ее использования меняет топологию человека, а он в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек, подобно пчеле, оплодотворяет машинный мир, позволяя ему размножаться и создавать новые формы. В итоге постоянное взаимодействие, «объятье» с технологиями превращает его в некий «сервомеханизм». «Именно поэтому мы, чтобы вообще пользоваться этими объектами, – утверждает М. Маклюэн, – должны служить им – этим расширениям нас самих – как богам или в некотором роде святыням. Индеец служит сервомеханизмом для своего каноэ, ковбой – для своей лошади, а руководящий работник – для своих часов. (Современный человек – сервомеханизмом для своего смартфона – *Прим. Автора*). С физиологической точки зрения, человек в ходе обычного применения технологии (то есть своего всевозможными способами

¹⁷³ Edward T. Hall. *The Silent Language*. N.-Y., 1959. P.79 (цит. по Маклюэн. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2003. С. 7–8).

расширенного тела) постоянно модифицируется ею и, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек превращается... в органы размножения машинного мира»¹⁷⁴.

«Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные»¹⁷⁵, – говорил Н. Бердяев в эссе «Человек и машина». И речь идет не о простом умножении человеческих возможностей с помощью освоения орудий, когда топор превращается в продолжение руки, давая ей не существующие ранее возможности, а о том, что сама картина мироздания напрямую определяется уже не натуральными, а сугубо технологическими возможностями. Любой инструмент, используемый человеком, направлен не только вовне, на объекты деятельности, но и вовнутрь самого субъекта, меняя структуру его деятельности или порождая ее новые формы¹⁷⁶ и, в конечном счете, формируя новую идентичность: «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела»¹⁷⁷.

Чем-то схожие мысли ранее высказывал и Освальд Шпенглер в своем труде «Человек и техника», что любая машина служит лишь одному методу и возникла из его замысла. Все средства передвижения родились из мысли о езде, гребле, хождении под парусами, полете, а не из представления о вагоне или лодке. Технологии продолжают человека, техника есть тактика всей жизни в целом. Для Шпенглера и сама цивилизация стала машиной, которая все делает или желает делать по образу машины. Мыслят исключительно лошадиными силами. Во всяком водопаде видят только возможность электростанции. На кочующие по земле стада не могут смотреть без оценки привеса мяса, а на прекрасный предмет

¹⁷⁴ Там же, с. 56

¹⁷⁵ Бердяев Н. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. Май 1933. №38. С. 11.

¹⁷⁶ См.: Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 84–90.

¹⁷⁷ Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003. С. 9.

древнего ремесла первобытного народа не могут глядеть без желания заменить его современным техническим устройством¹⁷⁸.

В принесшем ему мировую известность интервью журналу «Плейбой» М. Маклюэн изложил основные идеи своей теории. Он констатировал, что все средства массовой коммуникации – от фонетического алфавита до компьютера – это усилители человеческих возможностей, причиняющие глубокие и длительные изменения в мире, окружающем человека. Они акцентируют что-то существующее, интенсифицируют функции различных органов, чувств или навыков. И каждый раз, когда человек пользуется этими усилителями, центральная нервная система как будто вызывает своеобразное онемение задействованной зоны в целях самозащиты, не допуская осознания происходящего. Этот процесс сродни тому, что происходит с телом в результате шока или в условиях сильного стресса, а с умом – в результате того, что Фрейд назвал вытеснением. Маклюэн назвал эту своеобразную разновидность самогипноза «Нарциссическим наркозом», – синдромом, при котором человек не замечает психогенных и социальных последствий новых технологий в той же мере, в какой рыба не замечает воды, в которой плавает. В результате, в момент, когда новое, созданное средствами массовой коммуникации мироустройство становится всеобъемлющим и меняет наш сенсорный баланс, оно также становится для нас невидимым¹⁷⁹. Человек, подобно нарциссу, влюбляется в новую технологическую форму, сливается с ней, но состояние очарования длится лишь до тех пор, пока ей на смену не придет другая, более совершенная технология, тогда старая оказывается выкинутой как ненужная больше игрушка. Но пока этого не произошло, как заметил Анри Ван де Вельде, «машины на своих мраморных постаментах ведут себя как Будды, сидящие, скрестив ноги, в вечном

¹⁷⁸ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 454-496.

¹⁷⁹ Мин, И. Мы смотрим на мир через зеркало заднего вида: интервью Маршалла Маклюэна журналу Playboy [Электронный ресурс] // Theory&Practice. 2013. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy

лотосе и предающиеся созерцанию. Они исчезают, когда рождаются более прекрасные и совершенные, чем они»¹⁸⁰.

Идея о влиянии технологий коммуникации на историческое развитие на деле принадлежит Гарольду Иннису, считающемуся основателем Торонтской школы коммуникации, к которой зачастую относят и Маклюэна. Он сосредоточивает внимание на изучении роли коммуникативных технологий в истории и делает акцент не на структуре коммуникации, а на самом ее процессе. В частности, он утверждает, что «смена медиа-технологии означает смену парадигмы и влечёт за собой развитие и смену культур и империй»¹⁸¹. По мнению Г. Инниса, взрыв поэзии в Греции седьмого века до н.э. связан с появлением дешевого папируса¹⁸², а переход к использованию для записи папируса вместо камней (и другого типа письма) в Египте повлек за собой глобальные изменения, следствием чего стало господство над этой территорией пространственно ориентированной Римской империи¹⁸³. Христианство с помощью монастырей создало монополию на знания, и связано это было с использованием пергамента для переписи книг. Пергамент был дорогим материалом, и к переводу старых текстов на новый материал подходили избирательно, и немало «ненужных» текстов попросту исчезло. Нужные тексты переводились, ненужные исчезали. Г. Иннис также считал, что внедрение печати и бумаги завершило в Средние века власть Церкви над знанием и информацией и повлекло за собой череду революций, результатом которых отчасти является и наше время. Среди ключевых идей Инниса – влияние на сознание общества с помощью имеющихся средств коммуникации. То есть контроль коммуникации будет иметь следствием контроль сознания и социальной организации общества¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Цит. https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy по: Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. СПб., 2002. С. 36.

¹⁸¹ Innis H. Empire and communications. Toronto, 2007.

¹⁸² Innis H. The bias of communication. Toronto, 2003. P. 7.

¹⁸³ Горюнова О. Медиа: история экспансии. Курс лекций. Часть IV. Маршалл Маклюэн — пионер медиа теории: гений или идиот? [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. 2008. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3173>

¹⁸⁴ Поченцов Г. Новые медиатеории: Гарольд Иннис [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://psyfactor.org/lib/newmedia3.htm>

М. Маклюэн идет дальше, и в отличие от отдельных выявленных Г. Инисом факторов влияния технологий на социокультурный процесс, выстраивает глобальную схему истории человечества как истории медиа¹⁸⁵. Согласно этой концепции, радикальные изменения в культурно-историческом развитии определяются переходом от устной формы трансляции информации к письменной, далее к печатной, а затем и к аудиовизуальной, связанной с активным использованием телекоммуникационных технологий, в особенности с распространением телевидения, описывая эти этапы терминами «трайбализация», «детрайбализация» и «ретрайбализация» (от *англ.* Tribe – племя). Маклюэн использует в качестве примеров влияния технологий на образ жизни столкновения с первобытными племенами развитой цивилизации. «Когда австралийские аборигены получили от миссионеров стальные топоры, их культура, базирующаяся на каменном топоре, потерпела катастрофу. Каменный топор был не просто редкостью; он всегда служил основным статусным символом, подчеркивающим значимость мужчины. Миссионеры привезли с собой кучу острых стальных топоров и раздали их женщинам и детям. Мужчинам приходилось даже брать их у женщин в займы, и это вызвало катастрофическое падение мужского достоинства... Такие средства, как деньги, колесо, письмо или любая другая форма специалистского ускорения обмена и движения информации, приводят к фрагментации племенной структуры. Аналогичным образом гораздо большее ускорение – такое, какое приходит, например, вместе с электричеством – может способствовать восстановлению племенного образца интенсивного вовлечения, как это произошло в Европе с появлением радио, и как это должно произойти сейчас в Америке вследствие распространения телевидения. Специалистские технологии детрайбализируют. Неспециалистская электрическая технология ретрайбализирует»¹⁸⁶. Маклюэн описывает социокультурные импликации перехода от устной коммуникации в дописьменной, коллективной культуре – эпохи трайбализма к визуальной письменной и печатной

¹⁸⁵ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005.

¹⁸⁶ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 29 –30.

коммуникации, следствием чего стала детрайбализация, специализация, индивидуализм. С развитием электронных аудиовизуальных технологий Маклюэн связывает обратный процесс – ретрайбализацию, то есть возвращение к коллективности: «...благодаря телеграфу и радио мир пространственно сжался до размеров одной большой деревни»¹⁸⁷. Маклюэн подчеркивал, что значение процессов изменения моделей коммуникации не стоит недооценивать, они далеко не нейтральны: «Способность радио ретрайбализировать человечество и почти мгновенно обращать индивидуализм в коллективизм фашистского или марксистского толка осталась незамеченной. <...> Трансформирующую силу средств коммуникации объяснить легко, но игнорирование этой силы объяснить очень и очень непросто. Само собой разумеется, что всеобщее игнорирование психического воздействия технологии свидетельствует о некоторой внутренней функции, некотором сущностном онемении сознания вроде того, какое случается при стрессе и шоке»¹⁸⁸. Эта мысль Маршалла Маклюэна в дальнейшем получила развитие в одной из самых влиятельных современных социологических теорий Николаса Лумана¹⁸⁹ и других интерпретациях, раскрывающих механизм влияния исторически господствующих технологий на способы коммуникации и их трансформацию в личностном, социальном, временном и предметном измерении¹⁹⁰.

В основе всей философии Маклюэна лежит знаменитая фраза: «Средство само есть сообщение» (the medium is the message). Маклюэн не переставал подчеркивать факт, что результативное изучение медиа имеет дело не только с содержанием медиа, но с самими технологиями медиа и с культурными контекстами, в которых медиа функционирует. Он говорил о том, что формообразующей силой, заключенной в средствах коммуникации, являются сами эти средства, причем средства коммуникации он понимал в предельно широком смысле, как медиумы, посредники, «проводники», или же, как

¹⁸⁷ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005. С. 320.

¹⁸⁸ Там же, с. 347.

¹⁸⁹ Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005.

¹⁹⁰ См.: Антоновский А.Ю., Емелин В.А. Инфообщество и механизмы адаптации к его структурам // Эпистемология & философия науки. 2012. №1. С. 90–107.

технологии, определяющие отношения человека и мира, будь это скрижали, пергаменты, книги, мечи, транспорт, часы, пистолеты, деньги, сегодня к ним добавились ракеты, интернет, смартфоны и банковские карты. М. Маклюэн достаточно подробно объясняет свое понимание медиумов: «сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела. «Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга. И это происходило независимо от того, функционировала ли железная дорога в тропической или северной среде, и совершенно независимо от перевозимого по ней груза, или содержания железнодорожного средства сообщения».

Как личная, так и общественная жизнь зависит в большей мере от устройства и характера средств, обеспечивающих связь между людьми, чем от содержания их сообщений. Основное средство коммуникации нашего времени – электронная техника – придает новую форму и перестраивает схемы социальных связей и личной жизни человека. Отсюда логика М. Маклюэна приводит его к построению типологии истории, в основание деления которой он кладет изменение доминантных средств коммуникации.

Маклюэн развенчивает расхожее мнение о том, во зло или во благо технологии обращает сам человек. Казалось бы, это же очевидно – само по себе ружье не стреляет, а для чего его использовать, для защиты или убийства, определяет сам человек. Хотя с другой стороны, мы интуитивно видим разницу между «человеком с ружьем» и человеком без него, и даже очень понимаем, субъективно, эмоционально, когда остаемся вдруг без мобильного телефона, будто без ключей от своей квартиры. Представления о зависимости оценки технологий от способов их использования М. Маклюэн называет гласом современного сомнамбулизма. «Представьте, – говорит он, – что мы сказали бы: «Яблочный пирог сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем,

как его используют». Или: «Вирус оспы сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или, опять же: «Огнестрельное оружие само по себе не хорошее и не плохое; его ценность определяется тем, какое ему дают применение». Иначе говоря, если пули попадают в тех, в кого надо, огнестрельное оружие становится хорошим. Если телевизионный экран обстреливает нужными боеприпасами нужных людей, то он хорош»¹⁹¹.

Сделаем вывод: *Технологии не являются нейтральными, по отношению к человеку*. Каждая технология несет в себе *подсказку*, как ее использовать, *искушение* решить с помощью нее задачи, решения которых она способна предложить, *соблазн* применить ее и, как результат, получить *удовольствие* от новых открывшихся возможностей. Ружье, висящее на стене, рано или поздно выстрелит. Это его предназначение, и оно далеко не нейтральное по отношению к человеку.

Техника меняет человека, и чтобы понять роль технологий в формировании и трансформации идентичности, необходимо исходить из того, что технологии не являются для человека играми, где он задает свои правила. Мартин Хайдеггер говорил, что «в самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу»¹⁹². Неверно говорить о нейтральности инструмента, в том смысле, что функция ножа нейтральна, а он может служить разным задачам в руках хирурга и убийцы. Само появление ножа сформировало новую, ранее не доступную, модальность действия и для того и для другого: расширение возможностей человеческого тела не связано напрямую с задачами, стоящими перед человеком. С помощью ножа становится возможным сделать то, что нельзя сделать никаким образом без его помощи, рукой или пальцем. Считать атомную энергию нейтральной и определять ее в качестве «мирного атома» или «атомной бомбы так же будет заблуждением. Сама по себе она таит в себе мощные силы, и в любой момент, при

¹⁹¹ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 14–15.

¹⁹² Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 221.

стихийном бедствии или грубом нарушении техники безопасности, ядерная энергия показывает свою природу, вызывая техногенные катастрофы, сопоставимые по последствию с атомным взрывом, как это было в печально известных случаях с четвертым энергоблоком Чернобыльской АС и реакторами в Фукусиме.

Если признать идею нейтральности, то говорить о технологическом воздействии на человека не имеет смысла – вопрос переходит в неverified плоскость валюативных суждений. Где тут разобрать, на чьей стороне правда, ведь использование технологий будет определяться ценностями, идеалами, нормами, конвенциями и т.п.? Но если мы признаем, что технологии не нейтральны, то тогда их можно оценивать с точки зрения позитивного/негативного влияния. Один вариант исходит из идеи априорного блага прогресса – развитие технологий в данном случае будет оцениваться как положительный императив, обоснованный ростом удобств и качеством жизни. В этой импликации превалирует достаточно радужный свет – нет причин даже задумываться над обратной стороной связи между человеком и совершенствующимися его быт и бытие технологиями, стоит просто расслабиться и наслаждаться ими. Другой вариант требует ответов и выработки правильного хода мысли для выигрышного решения в сложной партии с расстановкой шахматных фигур на доске, где одним цветом играют люди, а другим технологии. Кто из них «белые»? И кто выиграет партию?

Более того, отношения человека с инструментами онтологически намного сложнее, чем простое умножение возможностей: расширяя возможности, технические средства одновременно подчиняют человека, вызывая различный спектр отношений – от глубокой зависимости и неприязни до восторженного восхищения или иррационального страха, – но никогда не оставляют его безучастным. Человек окружил себя совершенными и, в силу их совершенности, незаменимыми для него вещами, без которых он уже не может сохранять

привычное состояние¹⁹³. Созданные для удовлетворения насущных, естественных «очевидных» потребностей индивида (на деле генерированных рекламой), «алчные» технологии становятся для него чем-то больше, чем есть, вызывая устойчивую зависимость и неизбежно трансформируя его идентичность. Машинная реальность благословенно вторгается в человеческую действительность – оплодотворенная идеей научно-технического прогресса XX века в своем социотехнологическом развитии личность XXI века улучшенно обременена технологиями.

Исследователи современной культуры и ее патологии приходят к выводу, что мы столкнулись с «хищными технологиями века»¹⁹⁴. Маленькие полезные изобретения из помощников человека превращаются на глазах в его «господ», в отсутствие которых он начинает чувствовать свою уязвимость и незащищенность. Да, центральное отопление и канализация – очень удобные и полезные изобретения, но современный человек может просто погибнуть, если даже они на какое время прекратят свое само собой разумеющееся, невидимое, но уже управляющее человеком функционирование. Слив унитаза не менее важен, чем открытие занавеса в театре. Здесь происходит интереснейшая подмена: человек создает инструмент для своего комфорта, но незаметно становится зависимым от него. В самом предельном случае речь идет об «алчных» вещах, несущих в себе соблазн, вещах, ставших бóльшим, чем они есть на самом деле, вещах, в которых слились средство и содержание, технология и психология, и которые, помимо удовлетворения потребности ради которой они и были созданы, начинают удовлетворять иные потребности или даже их порождать. Например, одежда, изначально предназначенная для защиты от холода со временем, становится атрибутом статуса индивида, рассматривается как феномен моды и даже как произведение искусства. То же самое можно сказать и других технологических расширениях человека, например, наручные часы, функция которых – показывать

¹⁹³ Тхостов А. Ш., Емелин В. А. От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n6-14/400-tkhostov-emelin14.html>

¹⁹⁴ Сурнов К. Г., Тхостов А. Ш. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 16–24.

точное время. Но уже с момента своего появления они становятся статусной вещью, стала доступной только избранным, а затем по мере распространения и совершенствования технологии производства, начинают делиться по категориям престижности и стоимости. Что тут говорить о современных технологических кумирах типа I-Phone, Sony PlayStation или Mercedes Benz и т.п.? Обладание новыми моделями хищных супербрендов становится маниакальным соблазном для покоренных ими потребителей.

В свое время постструктуралисты провозгласили смерть субъекта. Сегодня их идеи реализуются с помощью технических средств, не только расширяющих физические, биологические и психические возможности человека, но и в предельном случае подменяющих их. Современные гаджеты стали не просто «нательными», они по сути срослись с человеком, перешли границу мира объектов и вошли на территорию субъекта. К.Х. Момджян, рассматривая субъект-объектные отношения, уделял особое внимание роли и месту в структуре социального действия средству деятельности, при помощи которого субъект передает свое целенаправленное воздействие на объект. К.Х. Момджян критиковал подход, рассматривающий орудия и средства деятельности как третье звено в системе «субъект-объект» и представляющий их в качестве системы «искусственных органов» человека. Аргументируя свою позицию, он приводит пример, иллюстрирующий границы вхождения инструментов в телесность субъекта. «Представим себе человека, который вопреки всем медицинским рекомендациям разгрызает зубами грецкий орех. Анализируя структуру данного действия, мы признаем человека субъектом, а орех – объектом, на который направлены его усилия. Трудно будет переоценить степень нашего удивления, если кто-нибудь спросит нас о месте, которое занимают в данном действии... зубы, с помощью которых передается воздействие субъекта на объект»¹⁹⁵. Но если представить себе другую ситуацию, когда человек, пожалев свои зубы, решает не грызть орех, а разбить его молотком, то вопрос о месте последнего в структуре социального действия уже не покажется таким простым: должны ли мы

¹⁹⁵ Момджян К.Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие. М., 1997. С. 244.

рассматривать молоток как «часть» субъекта, его «орган», вполне подобный зубам или будет правильным считать молоток объектом человеческих усилий, вполне подобным ореху? Из этой дилеммы Момджян делает вывод: «Очевидно, что рассмотренный нами молоток не может – в отличие от человеческих зубов (естественного, а не искусственного происхождения) – претендовать на роль анатомической детали человеческого тела, что и позволяет нам отнести его к классу опосредующих объектов действия, с помощью которых передается воздействие субъекта на опосредованный объект»¹⁹⁶.

Согласно этому подходу, исключаящим расширение человека орудиями труда, последние для него должны оставаться предметами, а не органами. Исходя из позиции Момджяна, необходимо очертить границу, позволяющую показать предел трансформации идентичности субъекта и пределы его внешних расширений. Если технические средства становятся для человека «зубами» (или руками, ногами, глазами и ушами и т.п.), то есть неотъемлемыми частями тела субъекта, без которых он не может функционировать в социуме, и оказывается в положении слепого без трости или инвалида без коляски, тогда черта пересечена – машины становятся протезами человека, без которых он становится «лицом с ограниченными возможностями». И, наоборот, до тех пор, пока мы относимся к «гаджетам» и иным технологическим приспособлениям как к опосредующим объектам действия, идентичность субъекта не будет расшатана и необратимо трансформирована. Электронные машины представляют собой вещи, насколько бы умными они не были, должны оставаться вещами. Тело и психика человека должны сохранять возможность автономной жизни без помощи технологически совершенных помощников.

В рамках психологии телесности А.Ш. Тхостовым предложен несколько другой подход, предполагающий плавающую конфигурацию человеческого тела. Несмотря на весь технический прогресс, схема отношений человеческого тела с технологиями осталась прежней. Как в древности успех воина зависел от умения держаться на коне и владеть мечом, от его способности слиться с ними, так и

¹⁹⁶ Там же, с. 245.

сейчас безопасность пилота истребителя зависит от способности управлять самолетом, чувствовать машину в совокупности с ее вооружением. «Культурная история человека, история создания орудий, инструментов, метрических систем, способов действия, технологий и др., – это одновременно история формирования и человеческого тела, и конфигурации субъект-объектного членения. Инструмент лишь тогда становится «орудием», когда он хорошо освоен и перестает существовать в качестве объекта, на границе с которым действует субъект. Вписываясь в схему моего тела, он транспонирует границу субъект-объектного членения к другому объекту, на который становится направлена моя активность. Пианист начинает не нажимать на клавиши, а играть музыку, художник – не рисовать линию, а писать картину, ремесленник – работать не с инструментом, а с объектом труда, ребенок – не гулить, а говорить»¹⁹⁷. Можно утверждать, что в культурно историческом контексте модель «субъект-объектного» членения всегда зависела от технологий, которые расширяя его возможности, расширяли и его телесность.

Возвратимся к вопросу о колесе и пассажире. Как колесо телеги, так и колесо скоростного поезда действуют на основе одного принципа, но сущностное различие состоит в том, что перемещение подводы соразмерно натуральным возможностям человека, а скорость поезда в несколько сотен километров в час уже превышает их, переводит на иной уровень¹⁹⁸. Натуральные возможности человека не могут позволить ему преодолеть за сутки несколько часовых поясов, связаться с людьми, находящимися от него за тысячи километров, увидеть микроскопические изменения болезненных тканей, оказаться свидетелем войн, проходящих на другой стороне земного шара. Технологические расширения настолько незаметно встраиваются в картину мира, что у человека возникает иллюзия, что он действительно соучастник глобальных процессов. Он перестает замечать свои «технологические протезы», феноменологически переживая новые возможности как «естественную» реальность, тем самым изменяя границы своей

¹⁹⁷ Тхостов А.Ш. *Психология телесности*. М., 2002. С. 65–66.

¹⁹⁸ См.: Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 42–52.

идентичности. Фундаментальная философская и психологическая проблема, связанная с вхождением технологий информационного общества в повседневную жизнь человека, состоит в уяснении возможных масштабов трансформации идентичности под их влиянием. И здесь снова вернемся к феномену расширения человека технологиями. Как отмечалось выше, согласно М. Маклюэну, технологии эффективно расширяют мускульные возможности человека, они расширяют его органы чувств, нервную систему. «Важно понимать, что электрические информационные системы суть живые окружающие среды в органическом смысле. Они изменяют наши чувства и чувствительность... Поскольку новые информационные окружающие среды суть прямые расширения нашей нервной системы, они состоят в значительно более тесной связи с условиями человеческого существования, нежели бывшая «естественная» окружающая среда. Они – форма одежды, которая может быть запрограммирована по желанию, чтобы производить любое желаемое воздействие. Вполне естественно, что они осуществляют эволюционную деятельность, которую Дарвин усмотрел в биологических спонтанностях»¹⁹⁹.

Однако М. Маклюэн не предполагал, что медиа станут продолжением высших психических функций, создавая новые формы мышления, памяти, внимания и способы удовлетворения базовых потребностей. М. Маклюэн считал, что трансформации технологий имеют характер органической эволюции, поскольку все технологии – расширения нашего физического бытия²⁰⁰. Вопрос в том, какие формы примет и какие векторы выберет эта техно-органическая эволюция? «К финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам

¹⁹⁹ Маклюэн М., Фири К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012. С. 43–44.

²⁰⁰ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 207.

коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы»²⁰¹ – таков эсхатологический оптимизм Маклюэна.

Идею о том, что машины, а особенно компьютеры, представляют собой новый виток генезиса психики человека предлагает Г.В. Лосик в своей лемме об антропогенной природе информационных технологий. Суть его предположения состоит в том, что эволюция психики человека пошла путем технического наращивания возможностей мозга, компьютерного расширения функций памяти и мышления, т.е. филогенез психики принял форму техногенеза²⁰². В отличие от радикальных трансгуманистов Г.В. Лосик не говорит о соединении человеческого и машинного разума, скорее речь идет об увеличении возможностей сознания путем использования технологической периферии – главным образом компьютеров, телекоммуникационных сетей и систем виртуальной реальности. Вместе с тем он отмечает, что данные процессы филогенеза новых форм мышления становятся необратимыми, приводят к видоизменению высших психических функций. С этим трудно не согласиться, ведь налицо процессы сокращения вербальной формы мышления, дедуктивные и индуктивные формы рассуждения вытесняются интуитивным и образным мышлением; устная речь начинает терять связанность и постепенно замещается текстовыми сообщениями, опосредованными компьютером. Из своей леммы Г.В. Лосик делает достаточно неоднозначный вывод, что «компьютерный прогресс не является ветвью технического прогресса, это не прогресс развития материи, а просто иная форма кодирования мозговой информации, в которой материя выступает лишь носителем информации. Это не адаптация техники к человеку или человека к технике, а филогенетическое явление – новый виток развития психики отдельного человека»²⁰³. Данное заключение трудно принять. Безусловно, компьютерные технологии являются расширением возможностей психики человека, но в рамках данной логики мы имеем ликвидацию водораздела между человеческим и

²⁰¹ Там же, с. 6.

²⁰² Лосик Г.В. Лемма об антропогенной природе информационных технологий // Наука и инновации. 2013.

№5(123). С. 61–65.

²⁰³ Там же, с. 63.

машинным разумом, но не путем киборгизации человека, как у трансгуманистов, а путем очеловечивания машин, что тоже выглядит слишком претенциозно и радикально.

Интересен предложенный П.Д. Тищенко концепт «человек-машина, в основу которого положено понимание «одомашнивания» технологий как «двусубъектного» процесса. П.Д. Тищенко проводит аналогию между освоением технологий и приручением животных: «одомашнивая вепря в свинью, человек сам проходит процесс одомашнивания, превращаясь из дикого человека в «образованного» свиновода»²⁰⁴. То же самое, утверждает он, можно сказать и о машине как форме одомашненной природы, задающей одновременно программу одомашнивания самого человека. Человек проецирует себя в машинную среду, превращая ее в средство для реализации собственных потребностей. Но в этом же процессе техногенная среда проецирует себя в психосоматическое существо самого человека, задавая для него программу преобразования для чувственности и рациональной деятельности, приуроченной к действию всевозможных технических устройств²⁰⁵. В данном подходе важна идея двусторонности отношений, взаимодополнительности человека и машины, исключая подавление одной стороны другой, равно как и буквальное включение друг в друга, симбиоза сторон – трудно представить, что в процессе ухода за животными свиновод отчасти «освинячивается», а свинья «очеловечивается».

Технические средства всегда были неотделимыми элементами культуры, определяющими факторами культурно-исторического развития. При этом на протяжении тысячелетий они скорее лишь облегчали человеку те или иные действия, существенно не преобразовывая его натуральных возможностей. Современные технологии в ходе их использования меняют не только топологию человека, расширяют и дополняют его натуральные возможности, но и трансформируют высшие психические функции. Эрих Фромм отмечал, что мы

²⁰⁴ *Тищенко П.Д.* Человек-NBIC машина: истолкование смысла // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 13. Человек-NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов. М., 2012. С. 19–20

²⁰⁵ Там же, с. 20

вступаем во кибернетическую революцию, «когда не только физическую энергию человека – его руки, – но и мозг его, и нервные реакции заменяют машины... Человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его»²⁰⁶.

Рассматривая динамику технологических трансформаций, И.А. Асеева утверждала, что формирующийся в наши дни технологический уклад проникает во внутреннюю природу, модифицируя саму сущность человека²⁰⁷. Современные коммуникативные технологии не просто дополняют или расширяют, но и опосредствуют психические процессы и отношения людей. Давайте вспомним недавнее «аналоговое» прошлое, когда телефоны еще были с вращающимися дисками, а в памяти чудесным образом умещались минимум пара десятков номеров, в то время как сегодня большинство держит в голове в лучшем случае где-то три-четыре номера (один –два). А зачем? – ведь есть записная книжка у телефона – функция памяти отдана гаджету и становится ненужной. Еще буквально несколько лет назад студенты переписывали расписание, записывали лекции, а сейчас они фотографируют объявления на стене и слайды на занятиях. Утрачиваются навыки письма ровным почерком, так как изменяется моторика пальцев, зато приобретается умение быстрого набора текстов на сравнительно небольшой клавиатуре сенсорного экрана. Не приходилось ли наблюдать, как водитель автомашины смотрит больше не на дорогу, не планирует когнитивную карту маршрута, а следит за стрелкой навигатора, или как пешеход, не оглядываясь по сторонам, находит свой путь на экране смартфона? Способность к ориентации в пространстве утрачивается. Здесь можно добавить потерю навыков считать в уме, грамотно писать без помощи автопроверки орфографии или предиктивной системы набора текстов, воспринимать длинные мысли, читать «толстые» книги, а главное –это видоизменение моделей общения людей между собой в эру цифровых мобильных технологий. Но и без подробного описания

²⁰⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2011. С.5.

²⁰⁷ Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. 2017. № 1. С. 124–137.

механизмов и деталей уже ясно, что современные технологии являются определяющим фактором в трансформации высших психических функций в условиях развития информационного общества. Причем утрата одних способностей сопровождается приобретением других, так постоянное общение короткими сообщениями вырабатывает у пользователей смартфонов ранее не виданное умение скоростного набора текстов в любых удобных и неудобных, мыслимых и немыслимых ситуациях, например, во время езды на велосипеде, не держась за руль, и по оживленной улице. Меняется не только моторика, но и берет начало процесс изменения высших психических функций, в частности, появление новых видов аддикций²⁰⁸. Как заметил В.М. Розин, «интернет и мобильная связь постепенно становятся еще одним социально-техническим телом человека (наряду с другими – электричеством, транспортом, жильем, одеждой и прочее), колоссально расширяя его возможности, с другой стороны, существенно трансформируют его психику и отчасти телесность»²⁰⁹.

Налицо процесс трансформации человека уже активно набирающий обороты, хотя многие в духе трансгуманистов считают, что она впереди, что в будущем произойдет нечто, полностью преобразующее природу человека. Но, как отмечает А.Ш. Тхостов, речь идет «не о научно-фантастическом будущем, а о настоящем, о том, что уже наступило или наступает, а технологии – это не некие еще не ясные самим приверженцам трансгуманизма космические усовершенствования или неожиданные открытия, которые вообще изменят человека, а самые обыденные технологии, которыми мы пользуемся: телевизор, компьютер, калькулятор, ридер, интернет, мобильный телефон, навигатор, железные дороги, авиация и пр.»²¹⁰.

Как уже говорилось выше, технологии всегда были фактором изменения идентичности человека. Но именно в информационном обществе эти процессы

²⁰⁸ *Емелин В. А., Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И.* Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 171–180.

²⁰⁹ *Розин В.М.* Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов: монография. Йошкар-Ола, 2016. С. 222.

²¹⁰ *Тхостов А.Ш.* Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М, 2013. С. 186.

набрали не только не известный ранее масштаб, но и скорость реализации. В ходе жизни одного поколения сменился ряд технологий, принципиально превосходящих предыдущую форму. Сейчас мало кто задумывается, что телега или запряженная повозка была основным видом транспортировки с доисторических времен вплоть до второй половины XX века (с помощью телег и лошадей, кирок, лопат, самая длинная до сих пор магистраль мира Транссиб была построена за десять лет, в отличие, заметим от БАМа, строившегося уже с помощью специальных машинных средств и это было несколько дольше). От счет с костяшками, которыми пользовались еще в восьмидесятых годах прошлого века, к калькулятору и далее к компьютерному кассовому аппарату и терминалу для банковских карт системы PayPass; от механической, электрической, электронной пишущей машинки к текстовым компьютерным редакторам. От бобинных магнитофонов через кассеты, CD и DVD к Blue-Ray и медиаплейерам. Сегодня, как никогда ранее, люди столкнулись с невиданной ранее скоростью технологического прогресса. При подключении к интернету по беспроводному доступу в вагоне метрополитена, пройдя регистрацию и просмотрев рекламный контент, мы читаем предваряющий наши действия в сети слоган: «Ты едешь в метро и смотришь крутой видеоролик с портативного телевизора с сенсорным экраном. МОГ ЛИ ТЫ ВООБЩЕ МЕЧТАТЬ О ТАКОМ В ДЕТСТВЕ?» Очевидно нет, и даже еще несколько лет назад мысль, что весь транспорт московского региона будет предоставлять бесплатный Wi-Fi, выглядела маловероятной.

Поколение смартфонов, расплачиваясь одним касанием карты на терминалах в супермаркетах, вряд ли задумывается, что еще сорок лет назад в магазинах использовали костяшки счет, никто и не думал о мобильных телефонах, да и домашние телефоны были доступны не всем. Люди писали *рукой письма* друг другу и *отправляли конверты* в почтовый ящик, вряд ли предполагая, что не пройдет и несколько десятилетий, и появится электронная почта и СМС. Книги конспектировались в библиотеках, а не перекачивались из электронных ресурсов. Не было цифрового звука, но были бобины с пленками и виниловые пластинки, а телевизоры напоминали огромные ящики с лупами. Все

это стремительно изменилось, но, несмотря на скорость и масштабность, менялось как нечто само собой разумеющееся. Появлялись новые технологии, в ход вступала реклама, новый товар появлялся на полках и находил тут же своих покупателей, пользователей, поклонников, *фанатов*. Человек оказался в ситуации необходимости постоянного освоения новых технологий, ведь сам фактор владения и умения пользоваться современными медиумами становится условием социального статуса индивида. Тот, кто по каким-либо обстоятельствам не может или не хочет ими пользоваться, вызывает, по меньшей мере, удивление, а в большинстве случаев – ощущение несостоятельности или некомпетентности.

* * *

Утрату и обретение единичности во многом определяют технологические императивы повседневности. Обозначить проблемное поле выработки механизмов социально приемлемых форм адаптации к технологиям информационного общества, к масштабу и скорости сопровождающих их развитие социокультурных изменений и трансформации идентичности является стратегической задачей наук о человеке. И о технике, точнее о ее сущности.

В технологизированном обществе трудно объективно говорить о технологиях, дать им непредвзятую философскую и психологическую оценку. Причина этого обусловлена тотальным их вхождением в жизнь человека информационного общества, вплетением в обыденность повседневности, в незаметном, но при этом довольно влиятельном преобразовании образа мысли, поведения, действия и, как следствие, самого ядра идентичности. Но нельзя и сбрасывать со счетов влияние социокультурной действительности: «Технологии проходят сквозь ткацкий станок культуры с ее мифами, мечтами, жестокостями и вожделениями»²¹¹. Извечный экзистенциальный вопрос соответствия существования и сущности человека переходит в новую ипостась. «Я» индивида информационного общества оказывается неразрывно связано в большей степени, чем, когда-либо ранее, со своим технологическим продолжением. В

²¹¹ Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2008. С. 24.

«техногенном обществе»²¹² человек становится не только биологическим, социальным, но и технологическим существом. «Человеческое, слишком человеческое и Функциональное, слишком функциональное действуют в тесном сообществе: когда мир людей оказывается проникнут технической целесообразностью, то при этом и сама техника обязательно оказывается проникнута целесообразностью человеческой – на благо и во зло»²¹³.

Рождается НОМО TECHNOLOGICUS. Системной, необходимо нужной, в конечном счете, генетически неотъемлемой частью его сущности становятся беспрестанно совершенствующиеся машины. Человек информационного общества уже неразрывно связан с ними. Возникает прагматический вопрос: что делать далее в сложившейся непростой ситуации? Ответ здесь не может быть однозначным. С одной стороны, неправильным будет пытаться избавиться себя от «умных» машины, с другой – неверно плыть по течению, отрешенно поглаживая сенсорный экран смартфона и слушая в наушниках MP3 аудиокнигу, сидя в кресле оборудованного Wi-Fi скоростного экспресса. В отношении к технологиям нет места ни мрачным пророчествам, ни восторженному оптимизму. Призывать к отказу от них бессмысленно и контрпродуктивно. Мы еще можем их ненавидеть, но уже не можем без них жить. А главное, необходимо постоянно иметь в виду: не следует закрывать глаза и считать повсеместно и повседневно окружающие нас электронные медиа невинными гаджетами. Человек информационного общества, НОМО TECHNOLOGICUS должен быть всегда начеку по отношению к соблазнам сверхтехнологичного машинного мира, дабы не превратиться в его придаток. Для этого не нужно отворачиваться от преимуществ, предоставляемых нам технологиями, но всегда пытаться понять, осознать, что они еще несут нам кроме себя самих. Расширяться возможно лишь до определенного предела.

²¹² *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

²¹³ *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995. С. 98.

Глава 2. Парадоксы постмодерной идентичности в информационном обществе

Осмыслить процессы трансформации идентичности в информационном обществе возможно только в контексте событий последних десятилетий прошлого века, положившим начало существенным изменениям социокультурной реальности в глобальном масштабе. Речь идет об активном вхождении в жизнь общества информационных и других высоких технологий, произошедшем в результате бурного развития электроники; а также о формировании и распространении особого типа умонастроения и мироощущения, концептуализированного в ряде философских, социологических, литературоведческих и культурологических теорий и получившего широкую известность под общим названием «постмодернизм». Начиная с середины 60-х годов и по настоящее время западными социологами и социальными философами (Д. Белл, Д. Рисман, Э. Тоффлер, А. Турен, Й. Масуда, М. Кастельс и др.) активно обсуждается вопрос о вступлении наиболее развитых стран в качественно иную стадию социального развития, охарактеризованную ими как постиндустриальное или информационное общество, главным отличающим критерием которого является определяющая роль информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности людей. Но если в 60-е годы идеи об информационном обществе имели скорее характер футурологических прогнозов, то в ходе совершенствования электронной техники и цифровых технологий большинство из предсказанных теоретиками событий обрели свое реальное воплощение, выразившееся в бурном развитии средств массовой коммуникации, в особенности телевидения, в создании и широком распространении персональных и портативных компьютеров, в построении глобальных информационных сетей, в развитии мобильной связи, в разработке технологий виртуальной реальности и других технологических новациях. В своей совокупности, эти достижения коренным образом изменили жизнь общества, не только выдвинув на передний

план информационную деятельность, т.е. деятельность, связанную с производством, потреблением, трансляцией и хранением информации, но и усложнили и трансформировали мир, что привело к образованию специфических форм идентичности и формированию новых моделей идентификации.

Современные технологии нельзя более рассматривать как нечто принадлежащее исключительно миру техники, ибо они настолько глубоко проникли в жизнь людей, вплелись в самую ткань ее повседневности, что вычленив их из общего мировоззренческого и культурологического контекста уже не представляется возможным. Качественный скачок в информационной индустрии, а также в других высокотехнологичных сферах делает необходимым анализ влияния технологий на идентичность сквозь призму мировоззренческих изменений, отражение которых можно увидеть в комплексе идей постмодернистской философии, высвечивающей как лакмусовая бумажка весь спектр противоречий современной культуры²¹⁴. Как заметил Ю. Хабермас, «Постмодернизм – это эмоциональное течение, проникающее во все поры современной интеллектуальной жизни»²¹⁵.

В этой главе будет показано своеобразие современной культуры – культуры постмодерна, с одной стороны базирующейся на высоких технологиях, а с другой стороны, создавшей мировоззренческую почву, на которой эти технологии бурно развиваются, а также выявлена связь между технологическими изменениями и культурными трансформациями, которые, в свою очередь становятся причиной трансформации идентичности в меняющемся, децентрированном и фрагментарном мире развивающегося информационного общества. Также обосновывается зависимость между мировоззренческими и информационно-технологическими трансформациями, произошедшими в последние десятилетия в глобальном масштабе, которая может быть дифференцирована таким образом: во-первых, возникновение постмодернистского мировоззрения не может иметь место

²¹⁴ См.: *Емелин В.А.* Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. М., 1999.

²¹⁵ Цит. по: *Философия истории [Электронный ресурс] / под. ред. Панарина А.С.* URL: <https://refdb.ru/look/2912012-r34.html>

вне информационного общества; во-вторых, технологии информационного общества онтологически базируются на постмодернистской мировоззренческой основе; в-третьих, идеи и категории постмодернистской философии отражают сущность новейших информационных технологий²¹⁶.

²¹⁶ *Емелин В.А.* Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. М., 1999. С. 26.

2.1. Постмодернизм: идентификация ускользающего смысла

Основная проблема исследователей, пытающихся концептуализировать сущность постмодернизма, состоит в отсутствии достаточно четкого представления не только о пути к поставленной цели, но и о самом предмете. Большинство употребляющих этот термин, не утруждая себя прояснением смысла ускользающего понятия, наделяет его любым удобным *ad hoc* значением. Возникает парадоксальная ситуация: постмодернизм превратился в ярлык, который можно навесить практически на все что угодно. Подобное положение дел требует разъяснения сущностных характеристик постмодернизма для обозначения выхода из лабиринта²¹⁷, где оказались исследователи современной культуры²¹⁸. Возникает парадоксальная ситуация, что «под вывеской постмодернизма можно не только ставить спектакли и писать стихи, но и печь блины, носить экстравагантные костюмы, заниматься любовью и ссориться, а также зачислять себя в предшественники любых понравившихся авторов из пантеона мировой культуры»²¹⁹. Постмодернизм стал моден: модно, как и быть его приверженцем, так и его критиковать. В своё время Жан Поль Сартр столкнулся с подобной ситуацией в случае с экзистенциализмом, когда под именем «экзистенциалист» мог подписаться кто угодно: «Слово приобрело такой широкий и пространственный смысл, что в сущности, уже ничего равным счетом не означает»²²⁰, – писал он по этому поводу. Похоже обстоят дела и с постмодернизмом, причем уже на протяжении нескольких десятков лет, как иронично заметил У. Эко: «О постмодернизме говорят все, всегда и применительно ко всему». Для прояснения тумана интерпретаций

²¹⁷ Лабиринт – образ-метафора постмодернизма – один из центральных элементов системы понятий философского миропонимания Х.Л. Борхеса (см. эссе: «Сад расходящихся тропок», 1944, «Дом Астерия», 1949; «Абенхакан эль Бохари, погибший в своем лабиринте», 1949 и др.) и У. Эко (см.: «Имя розы», 1980; «Заметки на полях “Имени розы”», 1983; «Путешествия в гиперреальности», 1987; «Пределы Интерпретации», 1990; «Остров накуне», 1994; «Поиск совершенного языка», 1995 и др.).

²¹⁸ См.: *Бизеев А.Ю.* Переход и переходность в культуре постмодерна: Философствование постмодернизма и современная культура [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Bizeev/>

²¹⁹ *Вайнштейн О. Б.* Постмодернизм: история или язык? // Постмодернизм и культура: материалы "круглого стола" // Вопросы философии. М., 1993. №3. С. 3–7.

²²⁰ *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм. // Сумерки богов. М., 1989. С. 321.

постмодернизма, предпримем попытку идентифицировать это одновременно превознесенное и дискредитированное понятие, смысл которого ускользает в бесконечных лабиринтах интерпретаций и внутренней борьбы противоречий.

Исходным пунктом рассуждений будет требующее дальнейшей конкретизации утверждение, в общих чертах сводимое к следующему тезису. *Постмодернизм* – мировоззрение, выражающее основные тенденции, установки и ориентиры *современного* общества. Постмодернизм как комплексное идейное течение представляет собой квинтэссенцию духа определенного времени, пронизанного ощущением неприемлемости в новых социокультурных реалиях господствовавших ранее представлений о мире и человеке. Главной отличительной чертой постмодернизма считается исходная установка на невозможность описания мира как некоего целого с помощью каких-либо общих теорий, претендующих на истинное, единственно верное знание о действительности. Вопрос об обоснованности данного суждения пока не стоит. Исходно под постмодернизмом будет пониматься не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке и т.д., а *общее выражение мировоззрения конкретной эпохи, которая, собственно, и носит название постмодерн*. Как правило, принято различать два понятия: постмодерн, что буквально означает период, наступающий после модерна, и постмодернизм, означающий самосознание культуры на данном историческом этапе.

Понятия «постмодерн» и «постмодернизм» образуются с помощью приставки «пост». Этот способ образования философских, равно как и находящихся за пределами философии понятий, получил распространение в конце XX в. Термины, образованные таким образом, (постструктурализм, постпозитивизм, постиндустриализм, посткоммунизм и т.п.), являются парадоксальными, поскольку они не указывают напрямую на свою сущность и свой предмет, а лишь фиксируют связь с содержанием непосредственно предшествующего понятия. Как правило, эта связь представляет собой своеобразное отрицание, которое в отличие от диалектического или негативного отрицания состоит в том, что оно не преодолевает предшествующую форму, а

ограничивает ее значение. Как заметил Ч. Дженкс, это уклончивая, ускользающая по смыслу приставка, исключительно удобна – она всего лишь указывает, откуда вы ушли, но не куда пришли²²¹. Слова, начинающиеся с приставки «пост», не предполагают элиминации предыдущих состояний – скорее речь идет о переходе на новый качественный уровень с сохранением достижений минувшего, причем последний уже теряет свое право на всеобъемлемость и исключительность.

Понимание смыслового содержания приставки «пост» – это отправная точка на пути раскрытия подноготной постмодернизма. Но не следует отождествлять постмодернизм с антимодернизмом, так как в результате произошло бы полное отрицание рациональных категорий модернистской философии. Отрицание модернизма – это нигилизм; в рамках этой парадигмы снимаются все вопросы, и обсуждение постмодернистских идей теряет смысл.

Немалые проблемы в лабиринтах определения смысла понятия «постмодернизм» обусловлены многозначностью трактовок модерна. От того, что будет пониматься под модерном и модернизмом, будет зависеть понимание постмодерна и постмодернизма. Эту зависимость можно проиллюстрировать на примере позиции А.В. Гулыги, который, исходя из перевода постмодерна как «постсовременность», утверждает, что данный термин неудачен: «“Post” означает “после”, а после современности возникает новая современность, ничего другого быть не может!»²²². В связи с этим А.В. Гулыга предлагал ввести понятие «сверхсовременность», которое должно нести более ясную смысловую нагрузку, чем термин «постмодерн». Но вряд ли подобные нововведения имеют большой смысл – призванные прояснить сущность спорного понятия, они на деле лишь еще более затуманивают ее. Зачем умножать и без того туманные сущности? Как отмечает Л.В. Карасев, «удачен термин “постмодернизм” или нет – не столь важно: мы понимаем, о чем идет речь, и это уже немало»²²³. Хотя следует добавить: понимаем лишь приблизительно, но по крайней мере можно

²²¹ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985. С. 11.

²²² Гулыга А.В. Что такое постсовременность // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153.

²²³ Карасев Л.В. Сегодня и завтра. Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993. №3. С. 12.

утверждать, что этот термин стал для нас привычен. Да и суть не в том, как мы назовем то или иное явление, а в том, что мы будем под ним понимать. К тому же подход А.В. Гулыги основывается лишь на одном из вариантов перевода слова «модерн». Поэтому, чтобы раскрыть содержание понятия «постмодерн», немаловажно отчетливо представлять, что подразумевается под термином «модерн». И здесь мы сталкиваемся с терминологической проекцией лабиринта, с его археологией.

И здесь отметим, что слово *modern*, «современный», имеет два различных смысловых значения: первое соответствует современному «отвечающий требованиям времени», а второе обозначает довольно широкий круг социокультурных явлений. В самом узком смысле под модерном понимается художественно-литературное движение конца XIX–начала XXв. В более широком смысле понятие «модерн» обозначает определенный исторический период, отождествляемый с Новым временем (*Modernity*) – эпохой, следующей за Античностью и Средневековьем, которые в совокупности можно назвать *pre-modernity* (предмодерн). Модерн как историческая эпоха характеризуется особым философским и научным мировоззрением – модернизмом, символизируемым такими фигурами как: Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Ньютон, Г.В.Ф. Гегель, Ч. Дарвин, К. Маркс, З. Фрейд, О. Конт и др. Основной идеей этого мировоззрения была вера в возможность человеческого разума познать мир как некое целое, как единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам, а также убеждение в том, что выявление основных законов природы и общества не только будет способствовать историческому прогрессу, но и даст право на переустройство мира в соответствии с ними. Таким образом, модернизм в своих теоретических построениях исходит из того, что человеку доступно абсолютное знание, которое можно воплотить в реальность. Причем, подобная установка возникла намного раньше, чем собственно мировоззрение Нового времени, скорее в эту эпоху она получила наиболее полное теоретическое и практическое воплощение. Данный фактор нельзя упускать из виду, так как от него во многом зависит, что следует понимать непосредственно под постмодернизмом: состояние

конкретной исторической эпохи, наступившей после модерна и ставящей своей целью его преодоление, или это идейное течение, поставившее перед собой задачу критики основополагающих категорий европейской философской мысли, итогом развития которых и стал модерн.

Постмодернизм нельзя сводить только лишь к отрицанию модернизма: во-первых, потому что данный подход редуцирует сложное культурное явление до уровня негативной критической теории предшествующей эпохи; во-вторых, потому что критическая мысль постмодернизма направлена не столько на развенчание мировоззрения Нового времени, сколько на отказ от любых общих идей и метафизических построений, пытающихся вписать реальность в жесткие теоретические схемы и, опираясь на них, «упорядочить» общество и природу. Модерн – это ворота в лабиринт постмодерна, а главный поворотный пункт, изменивший его архитектонику, превративший геометрию в ризому, это доведенный до предела рационализм массовых убийств. Вспомним «проклятый» вопрос Т. Адорно: «Можно ли после Освенцима жить дальше?»²²⁴

Здесь следует подчеркнуть, что модерн – это не столько конкретная историческая эпоха, это определенная мировоззренческая позиция, рассматривающая историю как процесс восхождения от низших форм к высшим, причем новая ступень развития должна «преодолевать» или даже отменять предшествующую. Собственно говоря, уже в этимологии слова модерн заложен приоритет настоящего перед прошлым, которое представляется как нечто изжившее себя и подлежащее замене. Исходя из этого, можно сделать вывод, что модерн – это эпоха, отличительной чертой которой является ориентация на новое, которое должно исправить «заблуждения» минувшего и в свою очередь стать фундаментом для будущего развития, конечная цель которого, по-видимому, будет чем-то сродни установлению «царства Божьего» на земле. Идеологии модерна свойственно видение истории как единой прямой восходящего прогресса; в этом сходятся как гуманисты эпохи Возрождения, так и просветители

²²⁴ Адорно Т. В. Негативная диалектика. М., 2003. С. 322–333.

и марксисты: все они были склонны к созданию социально-научных утопий, к построению «земных эдемов».

Даже при беглом рассмотрении значений термина «модерн» можно сделать вывод, что не существует единого понимания, и споры и дискуссии продолжаются. Тем не менее попытаемся обозначить свою позицию и высказать обобщенную интерпретацию содержания понятия «модерн». Имеет смысл рассматривать модерн не как отдельный исторический период (вышеприведенный обзор показал, что практически невозможно четко определить его хронологические границы), а как некий *исторический проект*. Этот исторический, а значит и мировоззренческий, проект, который можно обозначить удачным выражением Ю. Хабермаса как «проект модерна», обладает следующими чертами:

- стремление к созданию универсальной картины мира, сводящей все многообразие действительности к единым основаниям;
- убеждение в доступности человеческому разуму абсолютного знания об этих основаниях;
- стремление к полному воплощению этого знания в действительность;
- убеждение, что эта реализация будет способствовать увеличению человеческого счастья²²⁵;
- уверенность в поступательном развитии человечества, в приоритете настоящего перед прошлым, а будущего перед настоящим.

Обратимся к вопросу, когда зарождается постмодернистское мировоззрение, где та хронологическая грань, разделяющая эпохи модерна и постмодерна. Новый виток лабиринта неопределенности, прослеживающийся в вариантах ответов на данный вопрос, препятствует осмыслению определяющих факторов постмодерна: не так просто четко обозначить время, когда модерн уже стал прошлым, а постмодерн в полной мере вошел в свои права. Первое

²²⁵ Вспомним слова Жана Кондорсе: «Природа неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека».

затруднение, возникающее при рассмотрении данного вопроса, связано с возникновением термина «постмодерн».

Термин «постмодерн» был впервые употреблен в 1917г. немецким философом Р. Панвицем применительно к эре новых людей, призванных преодолеть упадок европейской культуры. Но в данном случае мы имеем лишь парафраз ницшеанской идеи «сверхчеловека». Если отвлечься от спорадических употреблений данного понятия (например, постмодерн фигурировал у Ф. де Ониза в 1934г. и у А. Тойнби в 1947г.²²⁶), то в дальнейшем мы сталкиваемся с ним 60-х гг., когда в ходе литературоведческой дискуссии в США постмодерном обозначали кризисное состояние авангардистской литературы, а затем, придав ему положительный смысл, с ним связали надежды на преодоление этого кризиса²²⁷.

После «студенческих революций» 1968г. журналист Лесли Фидлер вновь использует рассматриваемое понятие на страницах журнала «Плейбой» в статье «Пересекайте границу, засыпайте рвы»²²⁸. Приблизительно в это же время постмодерном начали называть новый архитектурный стиль, сочетающий в себе последние достижения с традиционными элементами, возникший как реакция на безликую рациональность функционалистской архитектуры и отражающий тягу человека не только к удобству, но и к зрелищности, к эстетическому удовольствию²²⁹.

Как видно из вышесказанного, термины «постмодерн» и «постмодернизм» не сразу приобрели нынешнее смысловое значение; приблизительно до конца 70-х–начала 80-х гг. ими обозначались какие-то отдельные культурные явления и события, но никак не мировоззрение эпохи в целом. Соответственно не входил этот термин и в область рассмотрения философии. Впервые статус философского понятия постмодернизм получает в книге Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерн»,

²²⁶ См: Пантин В.И. Ритм общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 3.

²²⁷ См.: Гулыга А.В. Что такое постсовременность // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153.

²²⁸ Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М., 1993. С. 462–518.

²²⁹ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985. 136 с.

вышедшей в свет в 1979г. В начале своей работы Лиотар пишет: «Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его “постмодерн”. Это слово... обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве, в конце XIX века»²³⁰. Таким образом, Ж.Ф. Лиотар связывает постмодернизм с ощущением изжитости основных принципов, или *метанарративов* западной цивилизации.

Метанарратив – это особый тип дискурса, возникший в эпоху модерна и претендующий на особый статус по отношению к другим дискурсам (наррациям), стремящийся утвердить себя не только в качестве истинного, но и в качестве справедливого, т.е. существующего на законных основаниях. Этим термином и с ним связанными «метарассказ», «метаповествование», «метаистория», «метадискурс» Лиотар обозначает все те «объяснительные системы», организующие буржуазное общество и служащие для него средством самооправдания – религию, историю, науку, психологию, искусство (иначе говоря, любое «знание»). Согласно Лиотару о ситуации «постмодерн» можно говорить «как о недоверии в отношении метарассказов»²³¹, разочаровании в них. Устарелость метанарративного способа обоснования легитимности для него главная причина кризиса метафизической философии.

Ж.-Ф. Лиотар считал, что отличительной чертой эпохи постмодерна является эрозия веры в «великие метаповествования», легитимирующие, объединяющие и тотализирующие представления о современности, среди которых в качестве основных он выделяет гегелевскую диалектику духа, эмансипацию личности, идею прогресса, просветительское представление о знании как о средстве установления всеобщего счастья и т.п.

Тем не менее, характеризуя эпоху постмодерна, Ж.-Ф. Лиотар рассматривает ее как свершившийся факт, он констатирует тенденции, утвердившиеся в обществе, поэтому связь возникновения постмодернистского

²³⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1988. С. 9.

²³¹ См. там же, с. 10.

мировоззрения с введением в область философии «постмодерна» в качестве понятия, не будет соответствовать реальному положению вещей. Становление постмодернизма как особого ощущения новых жизненных реалий начинается приблизительно в конце 60-х гг. XXв. Именно в этот период происходит некий перелом в сознании людей, пусть еще пока до конца не осмысленный теоретически и не обозначенный в качестве постмодернистского, но, тем не менее, уже имеющий место как исторический факт, выражающий не единичные случаи, а общие настроения. Вхождение постмодернистской эпохи в свои права представляет собой постепенный, незаметный процесс, да и кто, собственно, сказал, что перелом истории происходит тогда, когда на улицах раздаются выстрелы, строятся баррикады и дымят костры, на которых догорают старые истины? В отличие от революций Нового времени переход к эпохе постмодерна не является радикальным, четко обозначенным хронологически событием. Растянутое во времени, повторяем, с конца 60-х гг. прошлого века, оно, по-видимому, продолжается до сих пор.

В развитие тема лабиринта отметим еще варианты «ходов». Нередко высказываются мнения, что постмодернизм вообще не следует связывать с какой-то конкретной эпохой, что постмодернистские взгляды можно обнаружить еще задолго до его непосредственного появления. Виднейший теоретик постмодернизма У. Эко выдвинул предположение, что «постмодернизм не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние... В этом смысле, – продолжает он, – правомерна фраза, что у любой эпохи есть собственный постмодернизм»²³². Созвучен позиции У. Эко взгляд Н.С. Автономовой, расценивающей постмодернизм как периодически повторяющееся в западной культуре ощущение некой новизны²³³. Подобные мнения скорее всего основываются на том, что к постмодернистам причисляются фигуры, чье творчество имеет «маргинальный» характер по отношению к господствующим установкам их времени. Так, в числе постмодернистов оказываются не только Ф.

²³² Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. М., 1997.

²³³ Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 17–23.

Ницше, Дж. Джойс, Ф. Кафка, Х.Л. Борхес, что в принципе можно понять, но и даже святой Августин, как у канадских политологов Ф. Кроукера и Д. Кука²³⁴, а американский культуролог П. Мюнц ведет историю постмодернизма от Ж. де Местра, еще в конце XVIII в. объявившего, что не существует человечества как единого целого, тем самым признав эфемерность обобщений, претендующих на универсальность. В общем, как иронично заметил А. Зверев, постмодернизм теперь обнаруживают разве что не у античных авторов²³⁵, и к словам У. Эко: «...у любой эпохи есть собственный постмодернизм» не следует подходить буквально, стоит принимать их в переносном смысле, и прежде всего потому, что бывшие «постмодернизмы» всегда были достаточно *локальны*. А новейший постмодернизм впервые отмечен *глобальностью* и потому не нуждается в кавычках²³⁶. А глобальным он становится только с конца 60-х гг. XXв., когда и формируется в глобальном масштабе постмодернистское мировоззрение и постмодерная культура.

Аргументируем это предположение: почему именно концом 60-х гг. предлагается датировать возникновение в качестве лидирующего мировоззрения обществ западного, или, если быть точнее, его первого этапа, сформировавшего идеологическую основу этого течения. Главными историческими событиями, с которыми можно связать начало становления эпохи постмодерна, – это изменения, произошедшие в экономически развитых странах во второй половине 60-х гг., которые можно в общем виде охарактеризовать как начало перехода от индустриального общества к постиндустриальному и информационному обществу. Главное то, что в это время начинают развиваться новейшие электронные технологии, которые и составили базис культуры постмодерна.

Постмодернизм является технологическим феноменом, и влияние созданных в те года технологий на жизнь общества и отдельного человека столь велико, что уйти от их рассмотрения касательно любой области

²³⁴ Цурина И.В. Социально-политический контекст философии постмодернизма. М., 1994. С. 4.

²³⁵ Зверев А. Черепаха Квази // Вопросы литературы. 1997. №3. С. 3.

²³⁶ Затонский Д. Постмодернизм в историческом интерьере // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 197.

жизнедеятельности было бы неверным упрощением. Постмодернизм – отражение и воплощение технологического характера новой реальности. Да и Ж.-Ф. Лиотар связывал вхождение общества в постсовременный период с процессами всеохватывающей информатизации, которые стали одной из причин изменения статуса знания и возникновения специфического постмодернистского видения мира²³⁷.

Другой причиной, позволяющей считать конец 60-х гг. временем возникновения постмодернизма как массового умонастроения, является то, что именно тогда происходит окончательное разочарование в возможности насильственного переустройства мира согласно «великим историческим проектам», начиная с проекта К. Маркса и заканчивая проектом Г. Маркузе. Переломной точкой в данном случае послужили социально-политические события, произошедшие в 1968г. Особенное значение здесь имеют майские волнения во Франции – выступления леворадикальных сил, требующих революционного переустройства общества. Движение протеста, основу которого составляла студенческая молодежь, вдохновленная разворачивающейся в Китае «культурной революцией», идеей Э. Че Гевары о возможности «революции без бюрократии», теориями «спонтанности революционного действия», восходящими к Бакунину и Прудону, а также теорией Г. Маркузе о решающей роли маргинальных групп в социально-политическом преобразовании буржуазного общества, столкнулось с отлаженными механизмами власти и оказалось неспособным претворить свои требования в реальность.

Май 1968г. вызвал большой резонанс в среде французских философов, рассценивших эти события как выражение кризиса всего западного общества. Попутно ими был поставлен вопрос об ответственности интеллектуала за свои идеи, обретающие в обществе не зависящую от него жизнь и зачастую становятся причинами человеческого горя. Поражение леворадикальных сил в 1968г. имело своим следствием отход от идеалов революционного преобразования и вульгарных версий марксистской теории, да и вообще разочарование в самой

²³⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1988. С. 14–23.

возможности изменения общества по «модернистскому сценарию». 1968г. отмечен не только событиями во Франции; он печально знаменит и другими социально-политическими потрясениями, влияние которых прослеживается и по сей день. Речь идет о «Пражской весне», когда под гусеницами танков окончательно погибла вера в социализм «с человеческим лицом». Кроме этого, имеются в виду волнения в американском обществе, связанные с осознанием бессмысленности и трагичности Вьетнамской войны, ставшей парадигмальным образцом всех войн, в ходе которых обусловленные имперскими амбициями попытки развитых стран навязать свою «прогрессивную» идеологию «отсталым» государствам и народам оборачивались крахом и внутренними социальными взрывами. Возможно последней каплей, прекратившей войну во Вьетнаме стало убийство порядка 500 мирных жителей нескольких деревень в провинции Сонгми совершённое солдатами армии США. Многих жертв тогда перед убийством пытали, а женщин подвергали групповому изнасилованию. Все эти события наложили неизгладимый отпечаток на самосознание европейской культуры и в дальнейшем послужили одной из причин пересмотра и изменения ее мировоззренческих установок, хотя, следует признать, что фактов бесцеремонного военного вмешательства с целью свержения неудобных режимов, в последние годы становится, к сожалению, все больше.

По сей день этот високосный и «рожденный в понедельник» год 1968 называют «загадочным», «мистическим», «таинственным», и это так. Цепь событий, произошедшая тогда в Советском Союзе, США, Западной Европе и Китае, вкупе со студенческими волнениями, забастовками, партизанскими войнами, национально-освободительными революциями, охватившими весь мир, оказала и продолжает оказывать влияние на ход мировой истории²³⁸. 1968 год связывают не только с политическими катаклизмами, но и с сексуальной революцией, с расцветом движения хиппи, с появлением тяжелого рока и образованием супергрупп Led Zeppelin, Deep Purple, Nazareth, Black Sabbath,

²³⁸ Бурмистров П, Жутаев Д, Великовский Д, Хестанов Р, Тарасевич Г. 1968: год великого перелома [Электронный ресурс] // Эксперт Online. 2008. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/

которые стали образцами для идентификации не одному поколению увлеченных рок-музыкой подростков и взрослых. В совокупности с технологическими прорывом (в 1968г. была основана компания Intel, которая дала старт компьютерной революции) эти трансформации дают право считать 1968г. *условным* рубежом, символизирующим начало становления постмодернистского мировоззрения, точкой отсчета момента схода лавины идентичностей, порожденной постмодерной культурой информационного общества.

Становление постмодерна связано не только с социально-политическими процессами в обществе. Одним из индикаторов смены эпох являлось возникновение новых течений в искусстве. «Именно в духовной культуре, – отмечают Л. Зыбайлов и В. Шапинский, – начинают складываться модели постмодернистской ментальности, которые наиболее рельефно показали себя в искусстве, где расшатывались модернистские догмы и выворачивались наизнанку стереотипы модернистско-авангардистской логики»²³⁹.

Вторая половина 60-х гг. ознаменована утверждением и распространением принципиально отличных от существовавших ранее форм и подходов в сфере художественной деятельности, ставшими выразителями начального процесса постмодернистских трансформаций западной культуры. Особенно ярко это прослеживается в области литературы. В 60-х гг. такие авторы, как В.В. Набоков, А. Роб-Грийе, Д. Барт, Х. Кортасар, Т. Пинчон, У. Берроуз, К. Воннегут, Ф. Дик и другие независимо друг от друга создают литературные произведения, оказывающимися довольно близкими по духу. Их книги роднит специфический «стиль письма», характерными чертами которого являются смешение жанров, отсутствие заданной структуры, цитатность, ирония или «пастиш» – организация текста как эклектичной конструкции. Этот особый стиль и принято считать проявлением постмодернизма в литературе. Не менее отчетливо постмодернистские тенденции наблюдаются в этот период и в архитектуре, где к концу 60-х гг. постмодерн закрепился уже как самостоятельный стиль.

²³⁹ Зыбайлов Л.К., Шапинский В.А. Постмодернизм. М., 1993. С. 4.

Нельзя не отметить проявлений постмодернизма в науке. Так, постмодернистской по духу является гипотеза И. Пригожина о нестабильности Вселенной, исходя из которой мир находится в неустойчивом равновесии, балансируя на грани порядка и хаоса²⁴⁰. Взгляды Пригожина заложили основу теории самоорганизации (синергетики), коренным образом пересматривающей традиционные подходы в области естествознания²⁴¹. Следует назвать и фрактальную геометрию Б. Мандельброта, положившую начало мировоззренческому прорыву в способах объяснения природы²⁴². В.С. Степин разрабатывает концепцию «постнеклассической рациональности», предполагающую «соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями»²⁴³. Как реакция на глубокий кризис классической рациональности разрабатывается постнеклассическая методология современного научного познания²⁴⁴. Идеи постнеклассики находят свое развитие и в сфере психологии²⁴⁵. Философско-методологические тезисы все чаще звучат в психологическом дискурсе при решении задач внутрипсихологической рефлексии развития психологического научного знания и определения парадигмального статуса психологии на современном этапе развития науки²⁴⁶. В целом, для постнеклассической науки характерны отказ от господствовавшего представления о мире как о ригидном универсуме, подчиненном сумме неизменных законов, где нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности, неопределенности, и переход к его пониманию в качестве

²⁴⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.

²⁴¹ Князева Е.П., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.

²⁴² Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. San-Francisco, 1982.

²⁴³ Степин В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М., 2000. С. 408–411.

²⁴⁴ Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб, 2009.

²⁴⁵ Зинченко Ю. П. Технологии виртуальной реальности в системе постнеклассической психологии // Мир психологии. 2013. № 1(73). С. 31–42.

²⁴⁶ Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С.Выготского-А.Р.Лурия // Национальный психологический журнал. 2012. № 2(8). С. 32–45.

постоянно меняющейся, аморфной, многовариантной в своем развитии и бесконечно сложной реальности.

Происходящие в обществе и культуре изменения не могли остаться вне поля зрения философии: во Франции возникает новое идейное течение, получившее название *постструктурализм*. Уже в самом термине выражается определенная реакция на структурализм – влиятельное течение 50–60-х гг., из которого непосредственно и вырастает постструктурализм. Последний, развивая идеи структурализма, вместе с тем ставит задачи по преодолению его основных положений, в основном связанных с понятием «структура». По мнению постструктуралистов, к которым относят Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барта, Ж. Делеза и других, понятие структуры упорядочивает и фиксирует действительность, а тем самым вписывает ее в жесткие рамки и лишает возможности изменения.

Наиболее ярко идеи постструктурализма выражены в работах Жака Деррида. Им был заложен философский базис не только самого постструктурализма, но и постмодернизма в целом. Исходным понятием концепции Ж. Деррида является *деконструкция*. Оценивая современное состояние философии как кризисное в связи с исчерпанностью ее классических форм, философ видит выход в новом методе – деконструкции, задача которого горизонты философской мысли. По мнению Ж. Деррида, европейская философия оказалась в тупике ввиду того, что не может выйти из выбранного круга проблем, пытаясь ответить на одни и те же вопросы. Философская мысль Запада оказалась «заключенной в карцер» своего категориального аппарата, жестко определяющего методы познания действительности и навязывающего свой смысл любому рассматриваемому явлению. Единственный способ преодоления навязанных реальности смыслов Ж. Деррида видит в их деконструкции с помощью глубинного анализа языка, направленной на уничтожение «привнесенного», связанного с исторической и культурной традицией, линейностью и прогрессивизмом.

Другим ключевым понятием для постструктурализма, а равно как и постмодернизма, получившим разработку в трудах Деррида, является *децентрация*. По его мнению, любая структура предполагает фиксацию относительно некой центральной точки. Децентрация – это попытка разомкнуть, рассеять структуру, сделать ее открытой. Как отмечает Г.К. Костиков, свою задачу французский философ видел прежде всего в том, «чтобы оспорить непререкаемость одного из основополагающих принципов европейского культурного сознания – принципа «центрации». Действительно, нетрудно заметить, что, имея дело с любыми оппозициями (белое/черное, мужчина/женщина, душа/тело, содержание/форма, означаемое/означающее, денотация/коннотация и т.п.), мы невольно стремимся поставить в привилегированное положение один из членов этих оппозиций, сделать на нем ценностный акцент. Принцип центрации пронизывает буквально все сферы умственной деятельности европейского человека: в философии и психологии он приводит к рациоцентризму, утверждающему примат дискурсивно-логического сознания над всеми прочими его формами, в культурологии – к европоцентризму, превращающему европейскую социальную практику и тип мышления в критерий для суда над всеми прочими формами культуры, в истории – к презенто- или футуроцентризму, исходящему из того, что историческое настоящее (или будущее) всегда лучше, прогрессивнее прошлого, роль которого сводится к подготовке более просвещенных эпох и т.п.»²⁴⁷. Из вышесказанного следует, что децентрация означает пересмотр фундаментальных принципов модернизма и является первым шагом для формирования постмодернистского мировоззрения.

Возвращаясь к вопросу возникновения постмодернизма, отметим следующее: хотя постструктурализм и опережает появление философии постмодернизма на десять лет, тем не менее, логика диктует, что постструктурализм по своему духу, идейной направленности и методологии является первой моделью постмодернистского мировоззрения. И главным будет

²⁴⁷ Костиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1989. С. 35–36.

не название той или иной концепции, а ее фактическое содержание. Постмодернизм как философское и мировоззренческое течение вырастает из постструктурализма, и настолько тесно с ним связан, что провести четкую грань между ними сложно. Вся философская проблематика, разрабатывавшаяся в лоне постструктурализма, перекочевала в более поздние постмодернистские теории. Причем, если постструктурализм скорее следует рассматривать как негативную теорию, главной задачей которой являлось «расшатывание» модернистского мировоззрения, то вырастающие на его базе постмодернистские концепции уже ставят перед собой другие цели, в частности преодоление негативного пафоса постструктурализма и формулирование позитивных предпосылок нового видения мира, что оказалось не так просто, как хотелось бы апологетам постмодерна.

Исходя из этого, можно позволить не согласиться с И. Ильиным, который, справедливо оценивая степень влияния постструктурализма на формирование идей постмодернизма, а также отмечая трудность их разграничения, предлагает ввести понятие «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс»²⁴⁸. Данный термин просто избыточен, более того, он не совсем удачен по той причине, что в нем объединяются разноуровневые и разноплановые понятия: постструктурализм – определенное течение в философском и социально-гуманитарном познании; деконструктивизм – критическая практика теорий постструктурализма; постмодернизм – общее выражение мировоззрения общества конца XX века.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что *хронологические неопределенности* в сочетании с *терминологическими двусмысленностями* создают главные трудности в интерпретации постмодернизма, заводя нас в лабиринт бесконечных амбивалентностей. Но этим проблемы, связанные с осмыслением этого «ускользающего» понятия, не заканчиваются. Объективная оценка постмодернизма осложняется тем, что он *принципиально не завершен*, да и

²⁴⁸ См.: Ильин И.П. Постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс // Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины: энцикл. справ. М., 1999. С. 114–117.

не может быть завершен в силу того, что он выражает мировоззрение настоящего времени. Непросто теоретически осмыслить мировоззрение исторической эпохи, находящейся в стадии становления, постоянного изменения и корректирования направлений развития. Мы чересчур включены в эти социокультурные процессы, чтобы окончательно и беспристрастно их оценить.

Еще одна сложность, возникающая в процессе поиска выхода из неопределенности постмодернизма, связано с его *поливариантностью*. Постмодернизм не представляет собой единую, целостную теорию. Только в области философии он включает в себя широкий спектр различных по своей направленности идейных течений, среди которых наряду с постструктурализмом Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делеза и Р. Барта можно выделить французскую «новую философию», представленную Б.-А. Леви, А. Глюксманом и др.; непосредственно исследователей постмодернизма, таких как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймсон, И. Хассан, З. Бауман, В. Велш, О. Марквард, А. Кроузер, Д. Кук и др.; а также близкие по духу к постмодернизму взгляды Р. Рорти и социологические теории Д. Белла и Э. Тоффлера. При этом следует заметить, что различные версии, даже если они являются альтернативными, не взаимоисключают друг друга, скорее наоборот, признают законность претензий каждой из них на равноправное сосуществование.

Так или иначе большое количество вариаций постмодернизма (а приведенный список можно расширить за счет привлечения примеров из областей науки и искусства) затрудняет выработку единой дефиниции данного явления. Как иронично замечает В. Новиков, концепций постмодернизма, по-видимому, столько же, сколько имеется университетов, а может быть, и столько, сколько там работает профессоров²⁴⁹. Эта ситуация – одна из причин бесконечных споров о том, что представляет собой постмодернизм; причем насколько бесконечных, настолько и безрезультатных: никому не удастся дать его четкое определение, хотя трудно отрицать, что постмодернизм существует, развивается и при этом

²⁴⁹ Новиков В.И. В поисках определения // Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. М., 1993. №3. С. 8.

обладает характерными чертами и признаками. Быть может, определить какой-либо феномен – значит упростить его, ограничить? Или же «всегда остается зазор между термином и явлением и в конечном объективно-историческом счете постмодернистами могут оказаться и те, кто себя таковыми не считали»²⁵⁰. Собственно говоря, чертой, отличающей постмодернистское мировоззрение, является осознание исчерпанности возможностей модернистского мышления; более того, тот, кто говорит о постмодерне, сам не желая того, признает, что с идеологией модерна не все в порядке. Например, последний из великих апологетов проекта модерна Ю. Хабермас, вступая в дискуссию в качестве непримиримого противника постмодернизма, оказывается в результате включенным в постмодернистский дискурс, ибо даже им овладевает озабоченность тем, что проект модерна дискредитирован.

Конечно, здесь существует соблазн распространения постмодернизма на всю современную реальность и тем самым превращения последнего в тотализирующую концепцию, претендующую на единственно верное объяснение мира. Несмотря на плюралистичность и недоверие к общим идеям, в постмодернизме потенциально имеется возможность превращения как раз в очередной «метарассказ», что будет противоречить его исходным принципам и установкам. В связи с этим интересно мнение И. Ильина: «Как и всякая теория, претендующая на выведение общего знаменателя своей эпохи на основе довольно ограниченного набора параметров, постмодернизм судорожно ищет подтверждения своим тезисам везде, где имеются или предполагаются признаки, которые могут быть истолкованы как проявления духа постмодернизма. При этом частным и внешним явлениям нередко придается абсолютизирующий характер, в них видят выражение некоего духа времени, определяющего все существующее. Иными словами, постмодерном пытаются объяснить весь современный мир, вместо того чтобы из своеобразия этого мира вывести постмодернизм как одну из его тенденций и возможностей»²⁵¹. С такой точкой зрения трудно не согласиться,

²⁵⁰ Там же, с. 8.

²⁵¹ *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 202.

и постмодернизм не должен ставиться выше описываемой им реальности, ведь реальность всегда богаче любой, даже самой обширной и многогранной теории. Но тем не менее нельзя не признать, что концепции постмодернизма достаточно адекватно описывают современное состояние общества, передают широко распространенное умонастроение, вызванное утратой смыслов, одновременным ощущением свободы и пустоты. Как отмечает известный сторонник постмодернизма В. Велш: «В целом необходимо иметь в виду, что постмодерн и постмодернизм отнюдь не является выдумкой теоретиков искусства, художников и философов. Скорее дело заключается в том, что наша реальность и жизненный мир стали постмодерными. В эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством. Общая ситуация симультанности и взаимопроникновения различных концепций и точек зрения более чем реальна. Эти проблемы и пытается решить постмодернизм. Не он выдумал эту ситуацию, он лишь только ее осмысливает»²⁵².

Мироощущение общества не может оставаться прежним в мире, где технологии творят новую реальность, опутав планету телекоммуникационными сетями, в мире, где былая целостность культуры распалась на бесчисленное множество контр- и субкультур, а человек не может больше идентифицировать себя с какой-либо общностью, будь то партия, класс, нация или государство, где транспортные коммуникации позволяют изменять пределы натуральной географии, границы идентичности размываются, и человек становится изменчивым, как Протей. Постмодернизм не расхожий ярлык и не придуманная эстетами и интеллектуалами фикция – это отражение социокультурных трансформаций в информационном обществе. Подводя итог, попытаемся определить смысл этого «ускользающего» понятия. Постмодернизм – это *специфическое мировоззрение, получившее распространение в конце XXв., главной отличительной чертой которого является плюрализм, т.е. допущение одновременного сосуществования разнообразных точек зрения.* Именно принцип

²⁵² Там же, с. 203.

плюрализма является фундаментальным для осмысления постмодернизма и его реальных импликаций в отношении трансформации идентичности постмодерного человека как в сторону нормы, так и патологии. Из идеи всеобщей плюралистичности вытекают производные характеристики постмодернистского мировоззрения: *фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность, ирония, симуляция*. С их помощью можно описать специфику мировоззрения информационного общества и найти корни кризиса идентификации. Перечисленные признаки/стигматы позволяют говорить о реальности постмодернизма, духом которого пронизана вся современная социокультурная реальность. Хотим того или нет, понимаем ли смысл пресловутого постмодернизма или признаем, или отрицаем его существование, и даже если и совсем о нем не знаем и не хотим знать, но мы живем в постмодерном мире. Просто стоит оглядеться вокруг, и мы увидим его присутствие, причем увидим буквально. В эклектичной, но самобытной новомодной архитектуре, в разнообразии стилей одежды, в плюрализме мнений и моделей поведения, в победившем пространстве и время интернете, во фрагментарных разговорах по сотовым телефонам, в мелькании рекламных коллажей, в мозаике заставок и разорванном видеоряде телеканалов, в виртуальной реальности, уже давно ставшей чем-то большим, чем компьютерная графика, и, наконец, в моделях взаимоотношений в обществе, где главным становится не быть и даже не иметь, а изображать и симулировать.

* * *

Завершая путь в лабиринтах постмодернизма и еще раз подчеркивая всю противоречивость этого феномена, постараемся избежать крайностей в его оценке. Не стоит панически бояться постмодернизма, видеть все связанное с ним в черном цвете, уподобляясь печально известной прорицательнице Кассандре; в то же время нельзя восторженно принимать то, что он нам несет, видя все в розовом цвете, подобно восторженному Панглоссу. В предложенной интерпретации постмодернизм понимался не как некая «химера», сочетающая в себе несоединимое – «лев головою, задом дракон и коза серединой» – а как

непосредственное отражение реальных, хотя и противоречивых, и не вписывающихся в привычные мыслимые рамки процессов, происходящих в современном фантастически сложном обществе. И эти процессы требуют своего осмысления, идентификации, что достаточно сложно осуществить в потоке перемен, в лабиринтах которого ускользают последние остатки смысла. «Постмодерный лик современности» спрятан за маской. Как иронично заметил З. Бауман, спорить надо не о том, какими являются времена, в которые мы живем, еще «современными» (модерновыми), не совсем современными, или уже совершенно «послесовременными» (постмодерновыми). Главное, считает он, описать этот мир как можно вернее и понять происходящее в нем, а уж потом снабдить биркой готовое изображение²⁵³. А пока мы смело можем утверждать, что с нашей современностью не все в порядке, что-то в ней переменялось, что-то ушло, а что-то пришло, но более мы не живем в «современном» мире. Понимая это, мы подбираем новые эпитеты для характеристики происходящих изменений, но все они, следует признать, носят абстрактный, малосодержательный характер. Наверное, ввиду неспособности до конца осмыслить суть реальности сегодняшних дней, мы не можем описать его по-настоящему содержательными терминами. И поэтому мы в постчеловеческом изумлении вдруг оказались в состоянии «постмодерн» в постхристианском мире постиндустриального общества с его постклассической или, если быть точным, постнеклассической наукой и постструктуралистской философией, постсоветским пространством, посткоммунистическими государствами и посттоталитарными режимами – в посткапиталистическом мире, «который еще не нашел, как определить себя в терминах того, что он есть, но уже знает, чем только что перестал быть»²⁵⁴. Или проще: наш постмодерный мир потерял свою идентичность, а вместе с ним идентичность потеряли и мы. «Пост» затянулся, а Пасхи все нет...

²⁵³ Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, 1994. №4. С 70 – 79.

²⁵⁴ Toulmin S. The return to cosmology: Postmodern Science as the theology of nature. Berkeley, 1982. P. 254.

2.2. Информационное общество и культура постмодерна

Ставя перед собой цель выявить связь между трансформацией идентичности в условиях информационного общества и мировоззренческими принципами постмодернизма, определившими «императивы плюрализма» культуры современности, рассмотрим более детально фрагментарно обозначенную ранее связь между возникновением информационного общества и формированием культуры постмодерна. Говоря об обществе постмодерна, мы не можем ограничиться лишь только событиями, происходящими в сферах философии, искусства, политики, или, используя терминологию Маркса, надстроечными явлениями. Существенным фактором для становления и развития постмодернистских тенденций явились преобразования в производственной и научно-технологической сфере. Эти изменения наиболее адекватно описываются теорией постиндустриального общества, основу которой положили Д. Белл, Д. Рисман, Э. Тоффлер, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, А. Турен и др. Термин «постиндустриальное общество» родился в США. На рубеже пятидесятих-шестидесятих годов американский социолог Даниел Белл широко его использовал в своих лекциях для характеристики нового этапа американского капитализма. С конца 60-х начинает развиваться теория постиндустриального общества²⁵⁵, отличительными чертами которого называют: массовое распространение творческого, интеллектуального труда, качественно возросший объем и значение научного знания и информации, развитие средств коммуникации, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством. Постиндустриальное общество начинает рассматриваться как качественно новая ступень развития не только Запада, но и всего человечества²⁵⁶. В 70-е и 80-е гг. концепция постиндустриального общества развивается главным образом как

²⁵⁵ *Touraine A.* La société postindustriale. Reliure inconnue. Paris, 1969; *Brzezinski Z.K.* Between two ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, 1970; *Toffler A.* Future shock. New York, 1970; *Bell D.* The coming of postindustrial society. N.Y., 1971.

²⁵⁶ *Masuda Y.* The information society. Bethesda, 1980; *Toffler.* The Third Wave. New York, 1980.

футурологическая теория, призванная описать воздействие новейших информационных технологий на социум. Д. Белл отмечает, что в ближайшем будущем решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет развитие нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Становление, постиндустриального общества он связывает с развертывающейся революцией в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер²⁵⁷. Компьютер, по мнению Д. Белла, является символом и одновременно материальным носителем технологической революции – именно компьютер коренным образом трансформирует общество второй половины XX века²⁵⁸. Ключевая роль в новом обществе будет отведена информации и электронным средствам, обеспечивающим техническую базу для ее использования и распространения, таков был прогноз Д. Белла в начале 70-х прошлого века, и он сбылся.

В связи с этим широкое распространение получил термин «информационное общество», в общем-то, дублирующий понятие «постиндустриальное общество», и используемый для обозначения этапа развития цивилизации западного типа, в основе которого лежит информация, обладающая свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Следует отметить, что у теоретиков постиндустриального общества не наблюдается единого мнения по поводу названия новой стадии – для ее характеристики наряду с понятием «информационное общество» используются довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация» или «общество третьей волны» (Э.Тоффлер), «научное общество» (М. Понятовский), «телематическое общество» (Д. Мартин), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «цивилизация услуг» (Ж. Фурастье), «информационно-компьютерное» (Й. Масуда), «информациональное» (М. Кастельс). Но чаще всего для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие

²⁵⁷ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, С.330.

²⁵⁸ Там же, с. 331.

приставку «пост». Например, У. Дайзард отмечает, что стремление выразить сущность нового информационного века вылилось в целый калейдоскоп определений. Дж. Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р. Дарендорф – о посткапиталистическом, А. Этциони – о постмодернистском, К. Боулдинг – о постцивилизационном, Г. Кан – о постэкономическом, С. Алстром – о постпротестантском, Р. Сейденберг – о постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество». Большинство этих эпитетов восходят к понятию «постиндустриальное общество», популяризованному Д. Беллом. Общая приставка этих терминов, по мнению У. Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца²⁵⁹. Что касается «ощущения конца», то с этим можно согласиться, но, конечно, не «конца света», и не «конца истории», а скорее законченности эпохи модернизма. А употребление терминов, содержащих приставку «пост» для характеристики изменяющегося мира во многом обусловлено тем, что процесс изменений не закончен, и у теоретиков в нет полного понимания событий, позволившего бы им оперировать более содержательными понятиями.

Идеологи постиндустриального общества в своих социально-философских построениях предлагают особое видение исторического процесса, которое можно охарактеризовать как трехстадийную концепцию. Они утверждают, что социум проходит череду стадий развития – аграрное или доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное или информационное общество. Так, рассуждая в рамках данной парадигмы, Э. Тоффлер называет зарождающуюся цивилизацию «обществом третьей волны», хотя, этот эпитет получил меньшее распространение и, следует признать, для научного понятия носит несколько образный и излишне метафоричный характер.

На сегодняшний день для обозначения новой стадии социального развития чаще всего используются термины «постиндустриальное общество» и

²⁵⁹ Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.343–344.

«информационное общество». Возникает вопрос, какое из этих понятий наиболее адекватно описывает социальную реальность, и какому из них отдать предпочтение? Здесь нет единого мнения. В. Иноземцев считает, что термин «информационное общество» слишком узок, и он не охватывает всю полноту происходящих изменений, поэтому использование префикса «пост» лишь отражает объективную ситуацию – не способность социологии адекватно обозначить новое общественное состояние, охватить всего комплекса отношений и противоречий трансформирующегося общества в условиях, когда оно еще не стало оформившимся целым²⁶⁰. Тем не менее, следует признать, по своей сути постиндустриальное общество является информационным, ввиду того, что определяющим в нем видом деятельности является деятельность по производству, трансляции, потреблению и хранению информации. В этом смысле понятие «информационное общество» более конкретно, чем «постиндустриальное», но, вместе с тем, их общий недостаток в том, что они в определенной мере абсолютизируют научно-технологическую составляющую наступающей эпохи и не описывают всего социокультурного пространства. Очевидно, наиболее заметными процессами, характеризующими современное общество, будут процессы, связанные с развитием и распространением информационных и других высоких технологий, но нельзя не отметить, что наряду с ними происходят и другие, не менее знаковые для эпохи события, например, смена мировоззренческих установок, утрата доверия к былым ценностям, изменение подходов в научном познании, пересмотр ориентиров в социально-политической практике и т.д. Исходя из этого, характеристика общества в качестве «информационного» или «постиндустриального» указывает на довольно ограниченный срез социальной действительности, главным образом связанный с развитием новых технологий. Уэбстер по этому поводу писал: «Современная культура явно более информативна, чем любая предшествующая. Мы существуем в медианасыщенной среде, что означает: жизнь существенно символизируется,

²⁶⁰ *Иноземцев В.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на западе. Антология. М., 1999. С.22.

она проходит в процессах обмена и получения – или попытках обмена и отказа от получения – сообщений о нас самих и о других. Признание взрывного роста смыслов заставляет многих авторов говорить о том, что мы вошли в информационное общество»²⁶¹.

Значимый вклад в развитие теории информационного общества внес Мануэль Кастельс, опубликовавший трехтомное исследование «The Information Age» (1996–1998 гг.), оказавшее огромное влияние на современные социальные науки²⁶². Без всякой отсылки к постмодернизму в своем анализе современного общества он исходит из убеждения, «что мы вступили в поистине многокультурный, взаимозависимый мир, который можно понять и изменить, только рассматривая его в плюралистской перспективе, сводящей вместе культурную идентичность, глобальную сеть и многомерную политику». И этот мир он характеризует в категориях «информационализм» и «глобализм»: «В последние два десятилетия в мире появилась экономика нового типа, которую я называю информациональной и глобальной, что позволяет определить ее отличительные черты и взаимосвязь между ними. Итак, информационная – так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Глобальная – потому что основные виды экономической деятельности, такие, как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки), организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. И наконец, информационная и глобальная – потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня

²⁶¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 27.

²⁶² Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell (1996, second edition, 2009);

Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. II. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell (1997, second edition, 2009);

Castells M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. III. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell (1998, second edition, 2010).

производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети». М. Кастельс старательно избегает термина «информационное общество», считая его мало полезным для характеристики современной эпохи, в силу того, что информацию люди использовали всегда, но и предложенное им понятие «информационное» общество тоже трудно считать «идеальным» для характеристики глобальных перемен. Тем не менее М. Кастельс особенно интересен в том, что он отбрасывает утопические иллюзии и характеризует сегодняшний мир как «информационный капитализм» – особо безжалостную, захватническую форму капитализма, сочетающую в себе невероятную гибкость с глобальным присутствием (чего в предыдущих капиталистических эпохах не наблюдалось) благодаря сетевым связям²⁶³.

С точки зрения культурной доминанты для обозначения формирующейся с конца 60-х годов социокультурной реальности используется понятие «постмодерн», и по отношению к понятиям «информационное» или «постиндустриальное общество» оно является более широким. Теорию постиндустриального и информационного общества скорее следует считать одной из социологических доктрин, выражающих постмодернистское мировоззрение. Но значение этой теории для осмысления сути постмодерна довольно велико, она дает ключ к пониманию научно-технической основы постмодерной культуры. Исходя из этого предположения, попытаемся сопоставить постмодернистские тенденции в культуре с технологиями, которые отличают информационное общество от предшествующих стадий.

Как правило, когда описывают постмодерное общество, то рассматривают произошедшие в последние десятилетия XX века изменения в культуре, философии, искусстве. Понятия «постиндустриальное» и «постмодерное» общество при этом разграничиваются, первое относится к обществу, а последнее к культуре. Возможно, подобные взгляды связаны с ощущением несовместимости постмодернистского мировоззрения, принципиально отказывающему разуму в его

²⁶³Castells M. The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. III. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998. С. 338.

притязаниях на всемогущество, и теорией постиндустриального общества, отдающей фундаментальную роль информационной деятельности, невозможной без посредничества науки и техники, то есть, рационального знания. Но считать постмодернизм антисциентизмом было бы заблуждением. Если постмодернизм отвергает глобальные проекты переустройства мира средствами разума или метарассказы, тотализирующие социальную реальность и монополизирующие вариативность идентификаций, еще не значит, что он выступает вообще против развития научных и гуманитарных технологий. Да и вообще не следует проводить параллели между постмодернизмом и иррационализмом. Постмодернизм – не более чем другой, отличный от рационализма эпохи Просвещения тип рациональности, со свойственными ему противоречиями и недосказанностями. Заметим, технологической рациональности.

В чем же сходятся постмодернистская и постиндустриальная теории, и на основании чего мы можем провести между ними параллели? Для этого обозначим специфику происходящих изменений в экономике развитых стран в последние десятилетия. В производственной сфере главные перемены связаны в основном с переходом от массового характера производства к мелкосерийному, тем самым принцип стандартизации сменяется принципом разнообразия. С технической точки зрения это стало возможно благодаря внедрению компьютерных технологий. В свою очередь успех технологий, разрушающих унифицированный подход в производственно-экономической сфере, во многом обусловлен стремлением человека вырваться из оков единообразия, порожденного механизацией докомпьютерного периода. С философской точки зрения массовое производство и потребление, массовое тиражирование культурных стандартов и норм восприятия действительности, является выражением примата целого над частным, общего над отдельным, единого над множественным. Подобные установки свойственны индустриальной стадии капитализма, наиболее полно выражающей идеологию модерна как «великого проекта» европейской культуры. Многие считают апофеозом модерна лагерь Дахау и Освенцим, где за колючей проволокой и под дулами автоматов радикальным образом устранялись

национальные различия (путем устранения самих носителей национальной принадлежности), но есть и другая, не менее показательная сторона модернистского проекта – устранение различий между людьми воздействием массовых технологий. В предельном случае об индивидуальностях в индустриально-модернистском обществе не может идти речь, если миллионы людей просыпаются в одно и то же время, затем покидают свои квартиры, устремляясь в переполненном транспорте из спальных районов к месту работы, где их ждет рутинный механический труд. Отработав положенные часы, они одновременно возвращаются в свои типовые квартиры, где проводят досуг, читая одинаковые газеты и смотря одни и те же телепрограммы, предлагаемые индустрией бездумного времяпровождения. Почти в один момент со своими соседями они гасят в комнатах свет, а следующий их день будет мало отличаться от предыдущего. Технологии производства полностью определяют ритм жизни. У человека не только не остается времени побыть наедине с собой, о чем в свое время говорил Герберт Маркузе²⁶⁴, но и вообще возможности быть собой. Такова плата за подмену индивидуальных ценностей общими идеями, превращающим с помощью индустриальных технологий общество в тотальность, подавляющую личность и нивелирующую идентичность.

Возможность преодоления ситуации технологического подавления теоретики информационного общества видят, как не парадоксально, в развитии технологий. Резервы гуманизации техники и ресурсы увеличения свободного времени следует искать в развертывании самого технического прогресса²⁶⁵. Как уже отмечалось выше, только с развитием компьютерной технологии стал возможным отход от массификации производства – производство стало менее трудоемким, более гибким и нацеленным на удовлетворение самых разнообразных потребностей. Но, вместе с тем, связывать происходящие в обществе трансформации только лишь с научно-техническими достижениями было бы не верным, здесь следует оценивать ситуацию комплексно во

²⁶⁴ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. К., 1995. С.40.

²⁶⁵ Гуревич П.С. Закономерности и социальная перспектива научно-технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.5.

взаимосвязи технологических, философских, психологических трансформаций, которые в своей совокупности сформировали современную социокультурную реальность. Элвин Тоффлер высказал важную и правильную, как показало будущее, мысль, что демассификация производства происходит параллельно с утверждением новых стилей труда, новых ценностей, нового разнообразия, и эти изменения не сводятся только лишь к экономической сфере, они носят глобальный характер, проникая во все области жизнедеятельности людей. По его мнению, изменения в неэкономических сферах как раз и помогут определить, что происходит в сфере экономической²⁶⁶. Э. Тоффлер подчеркивал масштабность изменений в обществе конца XX века, выводя их далеко за рамки технических и телекоммуникационных новаций. «Во все большей степени, – отмечал он, – люди осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах... Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам и так далее»²⁶⁷. Э. Тоффлер связывал технологические прорывы с мировоззренческими трансформациями и дал старт идее, что преобразования в производственно-экономической и научно-технической сферах следует описывать в контексте общекультурных изменений и формирования новых идентичностей.

Для того чтобы получить интегральную картину информационного общества, попробуем охарактеризовать его в терминах постмодернистской философии, исходя из того, что основными категориями, описывающими реальность постмодерна, являются плюрализм, децентрация, неопределённость, фрагментарность, изменчивость, контекстуальность. Рассмотрим, какие реальные процессы в обществе «третьей волны» могут быть описаны с помощью данных понятий.

Принципы плюрализма, децентрации и фрагментарности выражаются прежде всего в утверждении разнообразия как основного лейтмотива информационного общества. Если говорить об экономике, то разнообразие обнаруживается не только в типах техники, товарном ассортименте и видах услуг,

²⁶⁶ Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.258.

²⁶⁷ Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.286.

но и в потребности в широком спектре различных профессий. Причем рабочий «третьей волны» мыслится уже не как придаток конвейера, которого можно заменить любым другим, а как разносторонне развитая, изобретательная, инициативная личность. Как справедливо отметил Тоффлер, если технология второй волны содействовала единообразию, технология третьей волны обеспечивает социальное разнообразие²⁶⁸. Естественно, разнообразие как характеристика информационного общества воплощается не только в области экономики – оно пронизывает все сферы и подсистемы общества, изменения в которых могут быть описаны при помощи категорий постмодернистского мировоззрения. Утверждение разнообразия как некой фундаментальной основы гарантирует плюрализм, то есть равноправное существование самых разнообразных позиций, и информационное общество создает реальную почву для реализации этого постмодернистского принципа. Только последствия идеологии, отвергающей все принципы и утверждающей один, что все принципы равнозначны не предсказуемы.

С аксиомой плюрализма неразрывно связан принцип децентрации, воплощение которого мы также можем обнаружить в информационном обществе. Последнее лишено того единого основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Это в полном смысле «мозаичное общество», то и дело меняющее центры притяжения и отличающееся предельной подвижностью своих связей и зависимостей²⁶⁹. Как отмечает Зигмунд Бауман, время начальственных кабинетов, в которых рождались всеобъемлющие планы, во имя которых от каждого можно требовать послушания и согласованности действий, уходит в прошлое вместе с эпохой модерн. Мир больше нельзя моделировать как объект администрирования, обозреваемый с высоты стола генерального директора²⁷⁰. Принцип единоначалия, который символизировал индустриальную эпоху, становится неуместным в постиндустриальном обществе.

²⁶⁸ Тоффлер О. Будущее труда. М., 1986. С. 258.

²⁶⁹ Панарин А.С. Политология. М., 1997. С. 246.

²⁷⁰ См: Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. М., 1995. №4. С 70–71.

Децентрация охватывает практически все сферы общества: в производстве мы наблюдаем процессы демассификации и разукрупнения предприятий, в сфере управления происходит перераспределение властных полномочий центра в пользу регионов, а базисное планирование переносится на локальный уровень, что касается доступа к информации, то телекоммуникационные технологии предлагают невиданные доселе возможности для пользователей самостоятельно получать необходимые им сведения, затрудняет цензуру центра. Как отмечал М. Кастельс, типичная для индустриального капитализма фордовская компания с огромными заводами, стандартизированной продукцией и иерархическим управлением, в информационной эре должна уступить полномочия децентрализованным сетевым организационным единицам – «самопрограммирующимся, самоуправляющимся, основой для которых служат принципы децентрализации, участия и координации»²⁷¹.

Принципы плюрализма и децентрации вытекают из общей установки постмодерна неприятия господства целого над отдельным. На эту же установку опирается и принцип фрагментарности, заключающийся в том, что универсальный мир модерна распался на множество разнородных фрагментов, и в этой мозаике уже невозможно выделить нечто абсолютное. З. Бауман констатировал, что «для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа – частота, с которой теперь в этом числе появляются существительные, некогда выступавшие только в единственном... Сегодня мы живем проектами, а не проектом... Постмодернизм и есть в сущности закат проекта – такого Суперпроекта, который не признает множественного числа»²⁷². В постмодерном мире уже нет места суперпроектам, вовлекающим людей в единое поле с целью их осуществления. «Техническая болезнь» гигантизмом, связанная с фетишизацией величины и размеров уходит в прошлое. Информационному обществу чужды глобальные, «титанические» начинания, будь то «великие стройки коммунизма», «поворот рек» или отправка человека на

²⁷¹ Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. С. 166.

⁴⁵ Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. №4. С 73.

Луну, и не в силу того, что они не нужны, а из-за того, что им не предается былого значения. Эти, и подобные им «великие» проекты, интегрирующие огромные массы людей, уходят в прошлое. Или, скорее, уходит связанный с ними пафос, великие идеи, но великие достижения остаются, небоскребы строятся все выше, корабли все больше, мосты длиннее, а транспортные магистрали скоростнее и протяжнее. И войн становится все больше... Технологии войны не стоят на месте.

Фрагментируется и социальная структура общества. Некогда монолитные классы распадаются на подвижные социальные группы, с которыми индивид себя уже не идентифицирует. Если еще 30 – 50 лет назад жизненный путь человека и круг его общественных связей определялись в первую очередь тем, к какому классу или социальному слою он принадлежит, и лишь во вторую – его личными способностями, то «многомерный человек» информационного общества может выбирать и строить по своему усмотрению те отношения, в которые он вступает с другими людьми, тем самым последние все меньше и меньше слепо господствуют над ним, как это было в эпоху индустриального капитализма²⁷³. В наши дни мало кто сомневается в искусственности и поверхностности любых стереотипов, как метко заметил Мишель Турнье, «униформа выходит из моды»²⁷⁴. Что касается проблемы расовых и межэтнических отношений, то, по мнению Э. Тоффлера, более ни одна расовая или этническая группа, ни одна религия или национальность не имеют монополии на привилегированное положение в мире: будущее не принадлежит какой-либо расе, а белая интермедия будет заменена «техноцветным будущим»²⁷⁵ (хотя Тоффлер вряд ли мог предвидеть интермедии в лагере нелегальных иммигрантов у Кале). Уходит в прошлое и всеобщее признание отдельных личностей, фактически дело обстоит так, что узкие группы людей считаются со своими «локальными» гениями, даже если они «фрики»²⁷⁶.

²⁷³ Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. №2. С. 168–169.

²⁷⁴ Турнье М. Тело // Комментарии. М., 1996. №10. С. 98.

²⁷⁵ Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.280–286.

²⁷⁶ Фрик (англ. freak) — человек, отличающийся экстравагантным внешним видом и вызывающим поведением.

«Отождествление» с великими именами, героями современной истории становится все более трудным и непопулярным (утрата идентичности станет следствием утраты авторитетов, а затем их поиска).

Социальная фрагментация неразрывно связана с утверждением децентрированного образа мышления людей: информационное общество уходит из-под власти всеобъемлющих универсалий. Как писал Г. Маркузе, для развитого индустриального общества характерно господство над сознанием человека общих понятий типа «Нация», «Государство», «Партия», «Конституция», «Университет» и т.п., казалось бы, отмечал он, что этим универсалиям не соответствует ничего, кроме тех предметов, которые они представляют, но, тем не менее, они начинают действовать как самостоятельные сущности, причем сущности, зачастую решающие вопросы жизни и смерти. И люди начинают выступать не как индивиды, а как «представители» Нации, Государства, Партии, Корпорации, Университета, происходит процесс идентификации личности со стоящей над ней сущностью – организацией, классом, национальностью, расой, и т.п., в результате чего индивидуальность подменяется довлеющей универсальной реальностью²⁷⁷.

В информационном обществе налицо процессы преодоления господства общих понятий и отождествления индивидов с ними – Э. Тоффлер смотрит на эту проблему гораздо оптимистичнее Г. Маркузе, ведь, по его мнению, приход общества «третьей волны» качественно изменяет проблему идентификации: «идентификации, которые выбираются, становятся более кратковременными, а люди принимают или отказываются от каких-либо компонентов своих идентичностей быстрее, чем когда-либо»²⁷⁸. Таким образом, сознание перестает быть «универсальным» и становится «клиповым», то есть отходит от общезначимых и постоянно воспроизводящихся схем мышления, отдавая предпочтение коротким, но при этом нестандартным и насыщенным мыслям. По мнению Э. Тоффлера, формируется клип-культура, в которой вместо длинных «нитей» идей, связанных друг с другом, в сегодняшнем мире мы имеем дело с

²⁷⁷ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 267–274.

²⁷⁸ Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.283.

новыми образами и представлениями - «клипами» информации: «вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом "полос" идей, собранных и систематизированных, нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации - рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки. Новый образный ряд не поддается классификации, отчасти из-за того, что выпадает из наших старых концептуальных категорий, но еще и потому, что подается в странной, скоротечной, бессвязной форме»²⁷⁹. Клипы не согласуются со привычными схемами, выстроенными в соответствии со старыми концептуальными категориями и не поддаются классификации – отчасти потому, что имеют странную, текучую, бессвязную форму. «Мнения по какому-либо вопросу – от поп-музыки до политики – становятся менее унифицированными. Консенсус пошатнулся. На личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишеными смысла «клипами», мгновенными кадрами»²⁸⁰. Э. Тоффлер считает, что, сталкиваясь с клипами, люди «третьей волны» чувствуют себя свободнее, так как не пытаются втиснуть новые данные в стандартные категории и рамки «второй волны» или просто заимствовать готовую идеальную модель реальности; вместо этого они желают устроить все на свой собственный лад, снова и снова изобретая приемлемые для себя модели. Это ложится на нас тяжелым грузом, но это же ведет к большей индивидуальности, демассификации как личности, так и культуры²⁸¹. Про тяжкое бремя согласимся, его не просто вынести, и здесь проглядывается призрак утраченной идентичности.

Вхождение фрагментарности в жизнь современного общества также связана с возникновением феномена «контркультуры». Как отмечает А. Этциони, движение контркультуры еще глубже подорвало рациональное мышление и легитимацию основного проекта. Оно возвысило до уровня добродетели

²⁷⁹ Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2010. С. 278.

²⁸⁰ Тоффлер, Э. Третья волна М., 2010.

²⁸¹ Там же, с. 279–280.

психологическое удовлетворение от небольшой работы, скромного потребления и открытых отношений с другими людьми, природой и самим собой, отношений, не измеряемых вещами. Подлинный рост, по его мнению, должен усматриваться не в экономике, а в гармоничных отношениях между людьми и более глубоком понимании себя и других. Жизненность, которую люди потеряли в конце длинной цепи рациональностей, контркультура, какие бы она формы ни принимала – «дети цветов», культура наркотиков, «коммуны», определенные культы – находит в непосредственном удовольствии, в свободном проявлении порывов, в нерациональном или иррациональном поведении, в заботе скорее о личностных, чем производственных нуждах²⁸². Хотя понятие «контркультура» не совсем удачно, в том смысле, что последняя не является единым целым, – речь должна идти скорее о множестве «контркультур», то есть различных маргинальных движений, противостоящих или просто расходящихся с основными, «легитимными» моделями поведения в обществе. Со времени шестидесятых, когда контркультурные движения стали играть заметную роль в западном мире, произошло решительное изменение отношения к ним и вообще изменился их статус. Дело в том, что пласт контркультуры охватывает значительную часть постмодерного общества, и это дает основание охарактеризовать его как общество «контркультур», причем последние утрачивают свой негативный оттенок. Ситуация такова, что в сегодня вообще затруднительно говорить о какой-то единой модели культуры – существует множество различных культур и присущих им идентичностей, что и подчеркивает фрагментарную структуру современного общества. Некогда маргинальные субкультуры выходят на передний план: возникает парадоксальная ситуация – меньшинства, будь то национальные, сексуальные, религиозные в своей совокупности оказываются зачастую в большинстве. Оценивая роль контркультуры, А.В. Соловьев отмечает важное значение данного феномена в генезисе культуры информационного общества. «Контркультура расширила границы их сознания, принесла в их жизнь

²⁸² Энциони А. Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 303.

культурный и политический плюрализм, сделала общество более толерантным к проявлениям “другости” и “инакости”»²⁸³.

Данная тенденция указывает на то, что мир становится терпимей к личным предпочтениям человека: последнему уже больше не надо подстраивать свою индивидуальность под общую идею, он может полноценно жить своей собственной жизнью, выбирая собственный фрагмент культурного пространства, не оглядываясь на общепринятые стереотипы. Да и мир является фрагментарным с точки зрения стороннего наблюдателя, но, с точки зрения того, кто непосредственно включен в данный фрагмент – он выглядит довольно целостным, ведь зачастую из всего многообразия реальности человеку доступен лишь его мир, его фрагмент, его собственническая «контркультура», за пределы которой ему не суждено вырваться – не из-за того, что это в принципе невозможно, а из-за того, что за пределами для него нет ничего значимого. Как писал профессор Сорбонны М. Маффезоли, «можно сказать, хотя бы в гипотетической манере, что *homo economicus*, устремленный вдаль, к господству над природой, и *homo politicus*, зачарованный властью и голосующий за или против нее, могли бы уступить место тому, кого можно назвать *homo aestheticus*, который интересуется прежде всего тем, как ощутить некие эмоции в рамках принадлежности к тем или иным малым группам»²⁸⁴. Человеку становится все сложнее идентифицироваться с большими и устойчивыми общностями. Как отмечал Ф. Уэбстер, анализируя современные теории информационного общества, «единообразие и похожесть вышвырнуты вон, их заменило разнообразие внутри вида и внутри социальных групп. Ряд исследователей упорно говорят о том, что это приводит к фрагментации идентичности, к утрате стабильности и удовлетворения, для других же – это проявление демократизирующей силы, «которая открывается в новом опыте и новых возможностях, стимулирует «децентрализованное» Я и вызывает эмоциональный подъем»²⁸⁵. М. Кастельс второй том трилогии «Информационная

²⁸³ Соловьев А.В. Динамика культуры информационной эпохи. Рязань, 2009. С. 21

²⁸⁴ Цит. по: Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. №2. С. 172.

²⁸⁵ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 109.

эра» с ярким названием «Власть идентичности» посвятил описанию возникновения автономных идентичностей, идущих вразрез с логикой организующих принципов информационного общества. «Характерным для социальных движений и культурных проектов, построенных на идентичностях в информационную эпоху, является то, что они возникают не в институтах гражданского общества. Они изначально вводят альтернативную социальную логику, отличную от принципов функциональности, на которых построены доминирующие институты общества»²⁸⁶. Причем в качестве таких движений могут быть не только социально приемлемые, как феминизм или энвайронментализм²⁸⁷, но и деструктивные, в прямом смысле слова контркультурные, сектанские, радикалистские и фундаменталистские движения. «Общественные движения обнаруживают тенденцию к фрагментации, локальности, узкой ориентации и эфемерности, либо погружаясь в свой внутренний мир, либо вспыхивая всего на мгновение вокруг популярного символа. В мире, где происходят столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных²⁸⁸». И следует добавить, что определяющую роль в формировании фрагментарной культуры играют электронные технологии. Именно они создают техническую возможность для создания информационного поля, которое практически повсеместно окружает современного человека, но при всей вездесущности, воздействие его в нынешнем обществе носит скорее выборочный, адресный характер, или *иллюзию* этого, о чем мы поговорим позже.

Завершая рассмотрение проблемы фрагментарности в информационном обществе, следует отметить, что наряду с процессами фрагментации имеют место тенденции «стирания граней» между когда-то противоположными сущностями. Так, исчезают грани, разделяющие классы, расы, нации и государства. Стираются

²⁸⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 505.

²⁸⁷ Энвайронментализм или инвайронментализм (англ. environmentalism – окружающая среда, природа) общественное движение, направленное на усиление мер по защите окружающей среды

²⁸⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 27

границы между реальным и виртуальным. Меняются специфические модели половой принадлежности, что проявляется в эмансипации, размытии гендерной идентификации и трансформации институ семьи. Может показаться, что «стирание граней» противоречит фрагментации, что эти две направленности противоположны по своему духу и взаимоисключают друг друга. Бесспорно, фрагментация предполагает прочерчивание новых граней, но, при образовании новых происходит стирание старых, в основном искусственных границ²⁸⁹. Таким образом, речь идет лишь о другом способе организации действительности, не накладывающем на реальность сетку из бинарных оппозиций: истина/ложь, вещь/знак, мужчина/женщина, норма/отклонение и т.п. Конечно, здесь возникает ряд проблем, связанных с потерей идентичности, растворением в обезличенном пространстве и т.п., но, так или иначе, мир информационного общества более не является разделенным на антагонистические пары черное/белое – это мир, представляющий скорее мозаику, коллаж с разнообразным набором цветов, оттенков граней и форм. И последствия этих изменений должны быть осмыслены науками о человеке. Не все мозаики сложены удачно, как витражи Шартрского собора.

Постмодернистская культура характеризуется особым отношением к игре как специфической человеческой деятельности, ведь именно свобода «языковых игр», по мнению Ж.-Ф. Лиотара, является основой постмодернистского мировоззрения. Технологии информационного общества позволяют расширить вхождение игрового начала в деятельность человека, воплощая идеи Г. Маркузе о том, что на смену «принципу производительности» должен прийти «принцип удовольствия»²⁹⁰. Он считал, что человеку необходимо вырваться из пределов материального производства – царства отчужденного труда и погрузиться в мир игры и фантазии. Труд должен стать средством самовыражения и реализации индивидуальных способностей, и, согласно Г. Маркузе, это возможно при превращении его в игру, в разновидность отдохновения. По мнению В.

²⁸⁹ О проблеме искусственных границ см. *Бауман З. Мыслить социологически*. М., 1996. С. 187–204.

²⁹⁰ См: *Маркузе Г. Эрос и цивилизация*. Киев, 1995.

Красильщикова, леворадикальные идеи Г. Маркузе находят воплощение в персональном компьютере. Компьютер открывает реальную возможность сделать труд своеобразной «игрой» и вывести человека из-под контроля технократии. Характерно то, что первый персональный компьютер, собранный в 1976 году инженерами Джобсом и Возняком, был создан преимущественно для игры, т. е. для того, чтобы удовлетворить потребность «быть», потребность в самовыражении и творчестве²⁹¹. Такие черты постмодернистского мировоззрения, как ирония, пастиш²⁹², находят воплощение во всем информационном пространстве, окружающем человека. М. Кастельс, отмечая смешение различных видов коммуникации, подчеркивает расширение присутствия в них игрового элемента: «интерактивные образовательные программы выглядят как видеоигры; выпуски новостей строятся как аудиовизуальные шоу; судебные процессы транслируются как "мыльные оперы"; поп-музыка пишется для MTV; спортивные игры ставятся хореографами для зрителей, находящихся на расстоянии, так, что передачи становятся все менее и менее различимыми от фильмов в стиле action»²⁹³.

Еще одну параллель между постмодерной культурой и технологиями информационного общества можно проследить на примере вхождения культурного, эстетического измерения в производственно-экономическую сферу. Как отмечает П. Козловски, стандартные продукты для оптового рынка, т. е. продукты, имеющие нейтральный фасон, форму и пр. больше не пользуются спросом, в отличие от продуктов, чья мотивация на продажу не отвечает общему удовлетворению потребности, а обращена на какой-то определенный культурный слой²⁹⁴. В экономике информационного общества особая роль отдается символической, эстетической и психологической составляющим стоимости товара. Особое внимание начинает уделяться красоте технического изделия,

²⁹¹ Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // *Общественные науки и современность*. 1993. №2. С. 167

²⁹² Пастиш (фр. *pastiche*: от итал. *pasticcio*, стилизованная опера-попурри) – вторичное художественное произведение, являющееся имитацией стиля одного или нескольких авторов. В отличие от пародии, пастиш не столько высмеивает, сколько подчеркивает значимость оригинала.

²⁹³ Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. М., 2000. С. 350.

²⁹⁴ Козловски П. *Культура постмодерна*. М., 1997. С. 142.

которая состоит не просто в целесообразности, но в том, как данная вещь «входит в человеческое бытие»²⁹⁵. В качестве примера можно взять изменения в архитектуре и технологиях строительства. Сооружение современной архитектуры должно быть не только функциональным и высокотехнологичным, но и обладать эстетической ценностью, культурной значимостью, выражать дух и идентичность города и нации.

О смене подходов в области архитектуры и строительства свидетельствует событие, произошедшее в 16 марта 1972 г. в американском городе Сен-Луис, где начали взрывать жилые дома квартала Прютт-Айгоу, спроектированные печально известным архитектором Минору Ямасаки²⁹⁶ и отмеченные в 50-е гг. прошлого века премией как образец воплощения самых прогрессивных строительных идеалов, но в которых никто не хотел жить: слишком монотонно выглядело все, комплекс был спроектирован в пуристском языке, не согласующимся с архитектурными кодами обитателей: «пуристский стиль архитектуры, ее стерильная чистота, ее больничные метафоры были предназначены для того, чтобы привить посредством хорошего примера соответствующие добродетели жителям. Хорошая форма должна была обеспечить хорошее содержание или, по крайней мере, хорошее наполнение; разумная планировка абстрактного пространства призвана была способствовать здоровому поведению. Увы, эти, казалось бы, простейшие идеи, вытекающие из философских доктрин рационализма, бихевиоризма и прагматизма, оказались столь же нерациональными, как и сами эти доктрины»²⁹⁷. На самом деле именно в архитектуре наиболее показательно угадывается дух эпохи, и, будучи продуктом сочетания технологий и эстетики, архитектурные сооружения формируют и демонстрируют образ исторических эпох. Вокруг Прютт-Айгоу сложился миф, и после сноса комплекса несколько публицистов выразили мнение, что для модернистов вообще типична нечувствительность к нуждам жильцов. «The

²⁹⁵ Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на западе. М., 1986. С. 138–139.

²⁹⁶ М. Ямасаки также является автором Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, разрушенного 9 сентября 2011 году.

²⁹⁷ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985. С. 14.

Architect's Journal» назвал снос Прютт-Айго «самым помпезным фиаско модернизма»²⁹⁸. Неудивительно, что критики и теоретики постмодернизма использовали проект в качестве рупора критики модернизма.

Но, конечно, обвинить в крахе идеи социального квартала архитекторов будет неправильно. Проблема тогда была столько не в модернистской архитектуре, сколько в модернистских методах улучшения счастья бедных цветных меньшинств путем выделения им бесплатного жилья в «элитном» районе. Личностно немотивированных личностей трудно заставить принять условия социально-приемлемого общежития. Окна начали разбивать, а с точки зрения «теории разбитых окон»²⁹⁹, если в здании разбито одно стекло, и никто его не заменяет, то через некоторое время в этом здании не останется ни одного целого окна.

Вернемся снова к М. Кастельсу, который описывал современное общество не только как информациональное, но и как сетевое. Сетевые структуры он называет основополагающими элементами новой исторической реальности. Прежде всего, Кастельс выделяет деловые сети в различных формах, различных контекстах и проистекающие из различных культурных выражений. Но никакие сетевые предприятия не смогут существовать без технологических инструментов. Это «новые телекоммуникационные сети; новые мощные настольные компьютеры; новое адаптивное саморазвивающееся программное обеспечение; новые мобильные коммуникационные устройства, осуществляющие связь с любым местом в любое время; новые рабочие и менеджеры, связанные друг с другом вокруг трудовых задач и результатов, способные говорить на одном и том же языке – цифровом языке»³⁰⁰. И здесь мы можем провести еще одну параллель между технологиями информационного общества и категориями постмодернистского мировоззрения, например, с помощью категории «ризом», введенной в философию Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари, можно

²⁹⁸ Ложкин А. Миф о Прютт-Айго [Электронный ресурс] // Экспертный строительный портал. 2014. URL: <http://estp-blog.ru/rubrics/rid-5505/>

²⁹⁹ James Q. Wilson, George L. Kelling. Broken windows. The Atlantic Monthly. March 1982.

³⁰⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 195

осуществить философский анализ компьютерных сетей, дополнив анализ социологический, блестяще проведенный М. Кастельсом. Данный термин был заимствован Жилем Делезом и Феликсом Гваттари из ботаники, где он означает определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов. Разработанная во втором томе их главного совместного труда «Капитализм и шизофрения», вышедшем под названием «Тысяча поверхностей» (1980), а также в предваряющей его появление небольшой книге под заглавием «Ризома» (1976), эта категория получила широкое распространение в постструктурализме и стала использоваться как образ постмодерного мира, где отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия. Но, как оказалось позже, категория «ризомы» нигде более полно не воплощается, как во всемирной паутине интернет, раскрывая сущность ее устройства и функционирования. Принципы организации ризомы-корневища являются определяющими онтологии глобальной сети. Так принципы «связь и гетерогенность» определяют децентрированность и антииерархичность сети. Иными словами, никакая ее точка не должна иметь преимущество перед другой, равно как не может быть привилегированной связи между двумя отдельными точками. Другой принцип устройства ризомы, – это принцип «множественности»: в ризоморфных средах множественное действительно становится субстанцией без какого-либо отнесения к Единому, то есть выступают полной противоположностью древовидным псевдо-множествам. Другой аспект множественности, состоит в том, что при ризоматической подходе главенствующая роль отводится не точкам контакта, а линиям-нитям, соединяющим точки – именно они имеют наибольшее значение. В современных сетях именно линии связи играют принципиальное значение, нарушение их приводит к выключению из сети ее элементов. Согласно принципу «незначущего разрыва», корневище может быть разорвано в любом месте, но, несмотря на это, оно возобновит свой рост либо в старом направлении, либо выберет новое. Во

многим благодаря действию принципа несущественности разрыва, интернет стал той детерриторализированной зоной свободы, которой он является сегодня.

Последними основами, заложенными в основу построения ризомы являются «картография и декалькомания (переводная картинка)». На их примере Делез и Гваттари демонстрируют, что ризома – это не механизм копирования, а карта с множеством входов. Противопоставляя кальку и карту, они подчеркивают, что последняя по своей природе открыта, подвижна, переворачиваема и восприимчива к изменениям. Калька же, наоборот, не подвержена модификации, она не создает ничего нового и лишь копирует имеющиеся линии и очертания. Современная глобальная сеть – это принципиально незаконченная, неиерархическая, динамично развивающаяся система. В номадическом пространстве сети нет фиксированных, неизменных маршрутов, оно не расчерчено линиями проторенных магистралей, а скорее напоминает сеть полевых степных дорог, которая постоянно меняют свою конфигурацию: одни пути зарастают, другие прокладываются, рядом с размытой дождями колеей возникает новая, которая тоже просуществует не долго, и так до бесконечности.

Интерпретация с помощью категории «ризома» основополагающей для информационного общества технологии глобальной сети интернет является лишь одним из примеров применимости понятий постмодернистской философии для описания современных технологий. Так, для понимания виртуальной реальности адекватна категория «симулякр». Телевидение можно описать с помощью понятия «фрагментарность», конкретизирующуюся в трех проявлениях: мозаичность – неотъемлемый способ конструирования как телепрограмм, так и самого телеизображения; серийность – специфический способ выстраивания телевизионного пространства, а в след за ним и пространства и времени телезрителя; дискретность – утвердившийся способ управления телевизором путем постоянного переключения каналов, о чем будет говориться ниже. Язык интернета – гипертекст может быть описан с помощью категории «интертекстуальность». Какие бы мы ни взяли признаки интертекстуальности –

цитатность, децентрированность, безграничность, деперсонализация автора – все они являются неотъемлемыми характеристиками текстовых нарративов сети.

Эти примеры связей между, казалось бы, оторванными от жизни философскими конструктами постмодернистов и вполне конкретными, используемыми в повседневности технологиями говорят о генетическом родстве технологий информационного общества и идей постмодернистской философии. На самом деле эта связь должна быть понята глубже. Информационное общество не может возникнуть без достижения определенного уровня в развитии технологий. Культура постмодерна немислима вне информационного общества, ее специфика неразрывно связана с информационными технологиями, а категории постмодернистской философии являются ключевыми для понимания онтологической сущности этих технологий. В своей совокупности мировоззренческие новации, социокультурные трансформации и технологические прорывы формируют новые идентичности, чья власть определяет современный мир. Сформировался новый образ реальности, утверждение которого и позволяет характеризовать общество не только как информационное, но и как постмодерное. Как говорил М. Кастельс: «Технологическая революция, реструктуризация экономики и критика культуры сошлись в историческом переопределении взаимоотношений производства, власти и опыта, на которых базируются общества»³⁰¹.

Но есть и обратная сторона, и эта сторона все сильнее хочет повернуться к миру своим лицом. Реверс постмодернизма – это проблема, как в этом меняющемся, плюралистичном, децентрированном и фрагментарном, наполненном симулякрами постмодернистском мире сохранить устойчивую идентичность? Как неожиданно плюрализм становится благодатным лоном не только для широкого спектра субкультур и разнообразных моделей стилей, но и для развития агрессии, радикализма и, увы, терроризма? Падающие башни Всемирного торгового центра во всемирном прямом эфире, а затем и взрывы памятников Всемирного наследия в Пальмире и бесконечные убийства в зонах

³⁰¹ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 496

конфликтов, и их кадры на экранах – это уже не реальность, это гиперреальность постмодерна. Все ожидания от постмодернизма становятся призрачными, когда нет ответа на простой вопрос: как в обществе, признающем равнозначность всех моделей идентификаций и отрицающем иерархию смыслов дифференцировать добро и зло, истину и ложь, войну и мир, технологии жизни и технологии смерти, борца за свободу и террориста?

2.3. Кризис идентичности в постмодерной культуре

Есть мнение, что постмодернизм представляет собой мировоззрение перманентного кризиса³⁰². И с этой точкой зрения трудно не согласиться. Какой бы сферы социокультурной реальности мы ни коснулись, везде прослеживается кризисная ситуация – мировая экономика балансирует на грани бесконечного коллапса, растет внешнее и внутреннее противостояние культур западного типа и исламского фундаментализма, разрастаются межнациональные конфликты, увеличивается разрыв между богатством и бедностью, традиционные институты семьи и брака дискредитированы, люди все в большей степени впадают в зависимость от своих технологических игрушек. В этой связи все чаще звучат упоминания о «кризисе идентичности». Как говорил З. Бауман, «об идентичности вспоминают тогда, когда нет уверенности в своей принадлежности, ... когда человек не может с уверенностью определить свое место в многообразии поведенческих стилей и шаблонов»³⁰³.

Постмодернизм начинается с того, что ставит под сомнение и пытается разрушить принцип, согласно которому истина не может быть монополизирована. И в этом его здоровое зерно. Но в усилиях опровергнуть монополию системы, сменить вектор единого на веер векторов разнообразия, логика постмодернистского плюрализма приводит к тому, что и истина, как ребенок, выплеснутый вместе с водой, исчезает в бесконечности декларируемых, легитимируемых и инкриминированных идентичностей. Но здесь как раз и исчезает и сама сердцевина здравого смысла, в этом проблема, проблема объективная. Даже если постмодернизм оказывается кривым зеркалом, все же это определенная попытка отражения того кризиса, вызванного масштабной трансформацией идентичности, которую мы имеем в условиях экспансии технологий информационного общества. Каждая эпоха дает свои средства

³⁰² Толкачев С.А. Постмодерн как мировоззрение перманентного кризиса [Электронный ресурс] // Капитал страны. 2008. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/996>

³⁰³ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №4. С. 133–154.

коммуникации. Скрижали, глиняные таблички, папирусы, пергаменты, берестяные грамоты, бумага – все эти медиумы коммуникации сменяли друг друга на протяжении тысячелетий, и вдруг за несколько десятилетий появляются пластинки, перфокарты, дискеты, кассеты, диски, флэш-карты, сенсорные экраны... облака³⁰⁴. Вот здесь по-новому встает вопрос о движущих силах изменения идентичности – речь идет о технологиях (понимаемых в неразрывной связи с культурой) и о культуре (неразрывно связанной с технологиями).

Сохранить идентичность сложно, если на смену примата сверхценных и тоталитаризирующих мир идей приходит тотальность плюрального обесценивания. В плюрализме и заключается сама суть постмодернизма. В нем же и его «ахиллесова пята». Пророчества позднего Бодрийера, взявшего на себя роль онколога тяжело больной культуры постмодерна, мрачны. Его видение информационного капитализма было онко-клиническим, это он подчеркивал во многих своих работах, употребляя сравнения злокачественных поражений общества с раком. «Идеи и ценности (прогресса, богатства, демократии и пр.) утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится всё более совершенным. Они расплзаются по миру, как метастазы опухоли, и проникают везде, просачиваясь друг в друга. Секс, политика, экономика, спорт и т.д. теперь присутствуют везде, и, значит, нигде. Политика сексуальна, бизнес – это спорт, экономика неотличима от политики и т.д. Ценности больше невозможно идентифицировать, культура стала транскulturой, политика – трансполитикой, сексуальность – транссексуальностью, экономика – трансэкономикой. Всё подверглось “радикальному извращению” и погрузилось в ад воспроизводства, в “ад того же самого”»³⁰⁵. Все смешалось, больные клетки со здоровыми, живое тело с искусственными органами и инородными вкраплениями имплантатов, половой акт с чашечкой Петри, запахи с дезодорантами. В этом

³⁰⁴ Термин «облако» означает организацию пространства данных с помощью облачных (рассеянных) вычислений (англ. cloud computing). Облачные технологии предоставляют пользователю компьютерные ресурсы и мощности как интернет-сервис. Пользователь имеет доступ к собственным данным, но не может управлять и не должен заботиться об инфраструктуре, операционной системе и собственно программном обеспечении, с которым он работает. Удобство и универсальность доступа обеспечивается широкой доступностью услуг и поддержкой различного класса терминальных устройств (персональных компьютеров, мобильных телефонов, планшетов).

³⁰⁵ Галкин Д.В. Бодрийер Ж. // История философии. Энциклопедия. Под ред. Грицанова А.А. М., 2002. С.117.

толерантном и плюралистичном транспостмодернизме исчезает грань между поверхностью и глубиной, между верхом и низом, между правым и левым, между действительностью и виртуальностью, между действием и симуляцией, и есть ли уже смысл говорить о грани добра и зла, в мире высокобиотехнологичных метастаз. «Мягкий постмодернистский тезис о том, что вертикаль – это горизонталь, а горизонталь, на самом деле, – вертикаль, что все культуры равноправны и равнокачественны независимо от исторической традиции, экономической успешности и количественности, привел к террору меньшинств. Учебные программы американских университетов пересматриваются, чтобы в них не доминировали белые здоровые мужчины. Часы, отведенные, скажем, Льву Толстому делятся на пять частей: одну оставляют Толстому, другие раздают несправедливо неизвестным классикам разных племен и сексуальных ориентаций <...> Кроме того, идеи политкорректности способны снижать и уровень самого "теоретического рынка". Так случилось, скажем, с феминистским движением, которое сплошь и рядом порождает слабую и скучную теорию, слабую литературу, слабое искусство. Главная ценность этого движения в том, что оно "правильное". На краях идей политической корректности возможны, наверное, неожиданно оригинальные и сильные эксперименты, такие как, например, проект "Партии Животных" Олега Кулика, предполагающий борьбу за политические и экономические права животных. Почему муже, снимаемой в научно-популярном сериале и демонстрируемой после телеаудитории, не выплачивается гонорар?!»³⁰⁶

В целом уже не удивительно, в некоторых городках Америки мэрами, толи в шутку, толи как знак разочарования в демократии или доведения ее плюрализма до абсурда, избраны животные. Градоправителями стали: Кот Стаббс (Талкитна, Аляска), пёс Боско (Сунол, Калифорния), и даже козёл Генри Клей III (Лахитас, штат Техас) и еще парочка четвероногих друзей. Последний, козел Генри, кстати, большой любитель пива, не просто политик, а представитель династии, правящей

³⁰⁶ Кудряшов Н.Н. Любим – не любим [Электронный ресурс] // 33 плюс 1. URL: http://www.33plus1.ru/Decor/Fine_Monumental_Art/ARTICLE/KORPUS3.htm

в Лахитасе с 1986 г., когда его дед был впервые избран на пост главы города³⁰⁷. Хотя удивительного и нового в этом давно уж нет. Вспомним коня Инцитата и его «политическую карьеру» Сначала Калигула сделал его гражданином Рима, затем сенатором, жрецом, и, наконец, кандидатом на пост консула. Консулом Инцитату стать не удалось, не успел, Калигулу убили. Но, к слову, «воплощением всех богов» конь все же побывал, и к государственной присяге добавились слова «ради благополучия и удачи Инцитата». Легенды прошлого лишь оттеняют реальность настоящего, где безумное и безразличное смешение всего и вся стало практикой обыденного постмодернизма. Бодрийяр описал это потоком метафор и аналогий с сексуальным подтекстом. В частности, по поводу избрания порнозвезды Чичиолины депутатом, Бодрийяр высказал самую суть ситуации транспарентности зла, сопровождающегося адом распада иерархии ценностей: «постмодернистская порнография, если можно так выразиться, где сексуальность теряется в театральных излишествах своей двусмысленности. Вещи очень изменились с тех пор, как секс и политика составляли часть одного и того же разрушительного плана: если Чичиолина может быть сегодня избрана депутатом итальянского парламента, то именно потому, что транссексуальность и трансполитика объединяются в одном и том же ироничном безразличии. Такой результат – немислимый всего несколько лет назад – свидетельствует о том, что не только сексуальная, но и политическая культура перешла на сторону маскарада»³⁰⁸. Да и президент Рональд Рейган был актером, а президент Дональд Трамп не перестал быть блестящим шоуменом. Современная политика продолжает культивировать это лицедейство, возьмем новую Украину, где кандидатом в президенты хотел выдвинуться сам Дарт Вейдер, а потом и наводчица Савченко, прославившаяся не только своими «подвигами», но и расхаживанием босиком в парламенте. Карнавал, лицедейство, маскарад, театр и агора, где нет Сократа и Перикла.

³⁰⁷ Пятерка животных, которые баллотировались на пост мэра... и выиграли! [Электронный ресурс] // Интернет-блог. 2012. URL: <http://www.kukharski.net/interesting/pyaterka-zhivotnyx-merov.html>

³⁰⁸ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 36.

Следствием постмодернистского плюрализма становится парадоксальная с первого взгляда ситуация, охарактеризованная Нассимом Талебом³⁰⁹ как «диктатура меньшинства». Смысл заключается в следующем. «Непримиримому меньшинству определённого рода достаточно достичь ничтожно малого размера, скажем, трёх или четырёх процентов от всей популяции, чтобы популяция целиком подчинилась его желаниям. Мало того, дальше создаётся оптический обман: наивному наблюдателю кажется, что выбор по-прежнему зависит от предпочтений большинства³¹⁰». Талеб задаётся простым вопросом, почему большинство продуктов в Америке стали кошерными? «Сторонники кошерной пищи – это меньше трёх десятых процента населения США. Но все напитки при этом кошерные. Почему? Потому что кошерный продукт позволяет производителю, продавцу и ресторатору не делать различий между кошерными и некошерными напитками и не беспокоиться о специальных символах, отдельных кранах, отдельных стойках, отдельных подсобках. Таким образом, простое правило, которое изменяет сумму слагаемых, вот: Приверженец кошерного (или халяльного) не может есть некошерное, обычный человек может есть кошерное»³¹¹. Далее приводятся примеры, но в другом антураже: «Инвалид не сможет пользоваться туалетами для обычных людей, но обычный человек может пользоваться туалетами для инвалидов». «Человек, у которого аллергия на арахис, не может есть еду с арахисом, но человек без аллергии на арахис может есть продукты без арахиса». «Не факт, что автоматические коробки передач вытесняют с рынка ручные только потому, что большинство водителей предпочитает автоматику: возможно, дело просто в том, что человек, который привык к механике, может спокойно водить автомат, но не наоборот». Продолжая в этом духе, Талеб приводит еще один пример из этой серии, но уже несколько другого масштаба: «Законопослушный человек никогда не совершит преступление, преступник может заниматься легальными вещами». На этих

³⁰⁹ Американский экономист, изучал влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю.

³¹⁰ Талеб Н. Диктатура меньшинства [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://sputnikipogrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk>

³¹¹ Там же.

примерах мы видим, как ценности непримиримого меньшинства незаметно становятся общезначимыми. А начинается все с малого, с признания, что любые права, традиции, обычаи, модели поведения не могут быть ни при каких условиях ограничены, даже если они и идут вразрез с утвердившимся образом жизни большинства. Например, процент людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, ничтожно мал³¹². При этом присутствие темы прав геев и лесбиянок в информационном пространстве несоизмеримо существенней. И речь не идет о консенсусе. «Моральные ценности общества формирует не эволюция консенсуса. Их навязывает самое нетерпимое меньшинство – именно благодаря своей нетерпимости. То же касается и гражданских прав»³¹³.

Причем выработаны эффективные технологии навязывания власти меньшинства под знаком плюрализма, толерантности и прав человека. Подобные технологии получили название «Окна Овертона». Американский юрист Джозеф Овертон, опроверг общепринятые представления об естественном ходе вещей, например, о том, что всё прогрессивное человечество, как нам говорят, абсолютно естественным образом приняло геев, их субкультуру, их право заключать браки, усыновлять детей и пропагандировать свою сексуальную ориентацию в школах и детских садах. На деле все совсем не так. «Согласно Окну возможностей Овертона, для каждой идеи или проблемы в обществе существует т.н. окно возможностей. В пределах этого окна идею могут или не могут широко обсуждать, открыто поддерживать, пропагандировать, пытаться закрепить законодательно. Окно двигают, меняя тем самым веер возможностей, от стадии «немыслимое», то есть совершенно чуждое общественной морали, полностью

³¹² Считается, что наиболее представительный опрос в Австралии проводился в 2006 г. при помощи телефонного интервьюирования 19307 респондентов в возрасте от 16 до 59 лет в течение 2001/2002 годов. В этом исследовании обнаружено, что 97,4 % опрошенных австралийских мужчин самоидентифицировались как гетеросексуалы, 1,6 % как гомосексуалы и 0,9 % как бисексуалы. Среди опрошенных австралийских женщин 97,7 % самоидентифицировались как гетеросексуалки, 0,8 % как лесбиянки и 1,4 % как бисексуалки. Вместе с тем в том же опросе 8,6 % мужчин и 15,1 % женщин отметили у себя либо наличие чувств и влечения к своему полу, либо наличие некоторого сексуального опыта с лицами своего пола. Половина мужчин и две трети женщин, имевших некоторый сексуальный опыт со своим полом, считают себя гетеросексуальными, а не гомосексуальными или бисексуальными. Sex in Australia: The Australian study of health and relationships, Australian Research Centre in Sex, Health and Society. (Published as the Australian and New Zealand Journal of Public Health vol 27 no 2.)

³¹³ Талей Н. Диктатура меньшинства [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://sputnikpogrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk>

отвергаемое до стадии «актуальная политика», то есть уже широко обсуждённое, принятое массовым сознанием и закреплённое в законах³¹⁴».

Например, как сделать невозможное, как легализовать одно из самых табуированных деяний – каннибализм. первое движение Окна Овертона – перевести тему каннибализма из области немислимого в область радикального. У нас ведь есть свобода слова. Ну почему бы не поговорить о каннибализме? Непременно должно появиться в интернете какое-нибудь «Общество радикальных каннибалов», которое заметят и процитируют во всех нужных СМИ. Следующим шагом будет перевод темы каннибализма из радикальной области в область возможного. Нельзя отвернуться от факта каннибализма, чтобы не прослыть ханжой или даже фашистом. На этой стадии продолжаем цитировать «учёных». Ведь нельзя же отворачиваться от знания? Про каннибализм. Любой, кто откажется это обсуждать, должен быть заклеимён как ханжа и лицемер. Затем обязательно нужно придумать каннибализму элегантное название. Так каннибализм превращается в антропофагию, а затем в антропофилию, подобно тому как преступник меняет фамилии и паспорта. Далее «учёные» и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории время от времени поедало друг друга, и это нормально. Тема антропофилии переводится из области рационального в категорию популярного. Антропофилия массово проникает в новости и токшоу. Людей едят в кино широкого проката, в текстах песен и видеоклипах. Когда тема разогрета до возможности перевести её из категории популярного в сферу актуальной политики. Начинается подготовка законодательной базы, публикуются социологические опросы, якобы подтверждающие высокий процент сторонников легализации каннибализма. В общественное сознание вводят новую догму – «запрещение поедания людей запрещено». Так меньшинство радикальных реформатов путем изоциренных информационных технологий буквально ломает общество. И большинство соглашается с поражением, сдаваясь в плен немислимых идей меньшинства.

³¹⁴ Горжалцан Е. Технология уничтожения [Электронный ресурс] // Livejournal. 2014. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>

«Это фирменное блюдо либерализма – толерантность как запрет на табу, запрет на исправление и предупреждение губительных для общества отклонений... Описанное Овертоном «Окно возможностей» легче всего движется в толерантном обществе. В том обществе, у которого нет идеалов, и, как следствие, нет чёткого разделения добра и зла»³¹⁵. По сути, мы наблюдаем развенчание всех табу, которые лежали в основе культуры на протяжении тысячелетий и являлись ее скрепами. Так в Норвегии в школьной программе вводится новый предмет – «инцест». Министр образования Инга Марте Тхурдкильдсен, заявила, что «в Норвегии существует социальная традиция – инцест, и мы должны решиться говорить об этом с детьми с первого класса»³¹⁶. Конечно, речь о легализации инцеста пока не идет. Тем не менее оно из самых мощных и значимых табу на инцест, уже находится в первой стадии движения «Окна Овертона», то есть «неприемлемая тема введена в оборот, табу десакрализовано, произошло разрушение однозначности проблемы – созданы “трагедии серого”»³¹⁷. Уже одобрен бельгийским парламентом закон о детской эвтаназии, в Нидерландах обсуждается инициатива разрешить эвтаназию здоровым людям. Уже умолкли протесты против усыновления детей однополыми парами, а однополые браки стали чем-то самими собой разумеющимися в наиболее «развитых» странах. Что ж, «нарушение табу мстит за себя»³¹⁸, и негативные варианты последствий диффузии идентичности не должны сбрасываться со счетов.

Следующая проблема, связанная с трудностями выбора при увеличении количества возможных вариантов, становится практически неразрешимой, когда утверждается, что любое из сделанных решений не будет лучше всех остальных. Здесь мы сталкиваемся с обратной стороной принципа плюрализма, на деле оказывающимся далеко не самым эффективным помощником в реальной

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Инцест – социальная традиция Норвегии? [Электронный ресурс] // Русь-Фронт. 2013. URL: <http://www.rusfront.ru/5676-incest-socialnaya-tradiciya-norvegii.html>.

³¹⁷ Горжальцан Е. Технология уничтожения [Электронный ресурс] // Livejournal. 2014. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>

³¹⁸ Фрейд З. Тотем и табу. Спб., 2005. С 41.

жизненной практике. Если общество модерна предлагало человеку некое фиксированное, стандартное меню, в котором рамки возможного выбора вариантов социального поведения были четко прописаны, то постмодерная культура расширяет этот список, делая последний практически бесконечным. Описывая взрывной рост свободы выбора в информационном обществе, Марк Дж. Пенн, Кинни Э. Залесн сравнивают ситуацию во времена начала становления американской государственности с ситуацией в современном обществе. Если во время «Бостонского чаепития» в 1773 г. за борт выкинули, наверное, только одну марку чая – «Английский завтрак», то сегодня бы при инсценировке этого бунта в бухте плавали бы сотни сортов чая – от жасминового без кофеина и мятного марокканского до сладкого тайского. В современном мире нельзя купить даже картофельные чипсы, не выбирая между печеными, жареными, обезжиренными, солеными или с вкусовыми наполнителями, разнообразие которых поражает: барбекю, батат, лук, перец и тому подобное. Мы живем в мире, наполненном вариантами выбора. Почти в каждой сфере жизни у американцев есть большая свобода выбора, чем когда-либо в истории, включая новые виды деятельности, новую еду, новую религию, новые технологии и новые формы общения и взаимодействия. В некотором смысле это триумф «экономики "Старбакса"» над «экономикой "Форда"». Если главной идеей Генри Форда было создание конвейерных линий, чтобы достичь единообразного массового потребления. В отличие от этого «Старбакс» руководствуется идеей, что люди должны выбирать сорт кофе, молока, сахара – чем больше вариантов, тем большее удовольствие от выбора³¹⁹. Для Пенна и Залесна реализация максимальной свободы выбора является одной из микротенденций улучшения современного мира.

Но далеко не все разделяют этот оптимизм очарования бесконечностью выбора, если, конечно, это не выбор между сортами чая или газировки. Радикальная реализация принципа плюрализма и как следствие, культивирование неограниченного выбора, не может считаться достижением информационного

³¹⁹ Пенн Дж.М. Залесн К. Э. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М., 2009.

общества и постмодерной культуры, делающим человека счастливее. Для индивида нужный ему выбор не может быть осуществлен в ситуации отсутствия определенных ориентирах, иначе – anything goes, все годится, и положительные моменты плюрализма оборачиваются непреодолимыми апориями анархизма. Как утверждает П. Козловски, «иметь безграничный выбор столь же плохо, как и не иметь его вовсе, так как не существует прямо пропорциональной зависимости между увеличением возможностей выбора и повышением степени свободы, ведь свобода – это, прежде всего самостоятельный выбор в пользу самости человека»³²⁰. Да и время жизни довольно быстротечно, чтобы допускать слишком много возможностей, а чересчур большая свобода зачастую оборачивается пустотой. Вспоминаются слова В. Розанова: «Свобода есть просто пустота, простор. – Двор пуст, въезжай кто угодно. Он не занят, свободен. – Эта квартира пустует, она свободна. – Эта женщина свободна. У нее нет мужа, и можешь ухаживать. – Этот человек свободен. Он без должности. Ряд отрицательных определений, и "свобода" их все объединяет. – Я свободен, не занят»³²¹. Простор и пустота, присущая постмодернистской свободе выбора, обуславливает настоятельную необходимость решения проблемы полного выхолащивания смысла при утверждении равноценности всех существующих возможностей, и от ее удовлетворительного решения во многом зависят дальнейшие перспективы постмодернизма. «Освобождение права и наслаждения неотвратимо ведет к освобождению преступления (это очень хорошо понимал маркиз де Сад, чего ему так никогда и не простили)»³²². Проблема равнозначности различных ценностных ориентаций фактически делает бессмысленным поиск ориентиров, позволивших бы прожить индивиду полноценную, содержательную жизнь, оградив его от бессмысленного блуждания в бесконечном лабиринте возможностей. Современный человек подобен покупателю в гигантском супермаркете, который так растерялся среди огромного количества прилавков, товаров, вывесок и продавцов, что позабыл, где вход и уже не в силах понять, где выход. Длинное

³²⁰ Козловски П. Культура постмодерна. М.: Республика, 1997. С. 83-86

³²¹ Розанов В.В. Опавшие листья (короб второй и последний) // Уединенное. М., 1990. С. 338.

³²² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2012. С. 161.

меню наводит на мысль о некачественных блюдах. Бесконечность вариантов обесмысливает саму идею выбора. Выбор превращается в игру, человек становится протеем в бесконечности игровых комбинаций текучей идентичности. Уравнивание значимости ценностных альтернатив становится основной причиной кризиса идентичности в условиях постмодерной культуры информационного общества.

При бесконечном расширении возможностей выбора, человек оказывается в ситуации утраты основополагающего принципа выбора, поскольку в отсутствии сколь-нибудь обоснованной иерархии любой выбор становится случайным и безответственным, и, в конечном счете, лишенным смысла. Все смешивается в самых непредсказуемых пропорциях: «по радио слушают регги, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в Макдональдс, на ужин – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге...»³²³. Крайности релятивизма оборачиваются индифферентностью в выборе ценностей; если «всё годится», тогда и «всё дозволено», и где гарантии, что предпочтительными станут конструктивные силы, если они находятся в равноправном положении с деструктивными тенденциями? Признавая право на существование различных мировоззренческих позиций, постмодернистская идеология тем самым не препятствует и даже способствует формированию фундаменталистских моделей идентичности, в предельном случае порождает условия для взращивания самых радикальных тенденций³²⁴. Как часто в современном мире, руководствуясь исключительно идеями демократического плюрализма, силами западного мира уничтожались светские диктатуры при помощи радикальных экстремистских сил.

Вопрос о равнозначности приобретает еще одну немаловажную сторону – социально-политическую. Если исходить из того, что более ни одна парадигма не может претендовать на какой-то выделенный статус с точки зрения истинности,

³²³ Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн // На путях постмодернизма. – М., 1995. С.175.

³²⁴ См.: Емелин В.А. Терроризм как радикальная реакция на кризис идентичности // Национальный психологический журнал. 2010. №2(4). С. 47–51.

то споры по поводу притязаний на значимость превращаются в споры по поводу власти, в которых оказывается прав не тот, кто выдвигает более универсальный аргумент, а тот, кто сильнее в данном пространстве спора. Отсутствие правил ведет к тому, что социальные конфликты могут быть решены лишь с помощью силы, примером подобных решений служат конфликты в Югославии, Ираке, Ливии, Йемене, Сирии и Украине. Подход, имплицитно содержащийся в концепции Ж.-Ф. Лиотара, немецкий философ М. Франк охарактеризовал как «социал-дарвинистскую философию языка», проводя аналогию между стихийным утверждением дискурсивных практик и выживанием видов в борьбе за существование³²⁵.

Социально-политические следствия подобных представлений заключаются не только в скрытом инициировании силовых методов. Другая сторона их негативного влияния состоит в том, что они приводят к практике невмешательства в ход событий – так как из имеющихся возможностей ни одна не является наилучшей, то логичней смириться с существующим положением дел. Теряется критический дух философии, и творчество постмодернистов уже не столько волнует политиков, как идеи экзистенциалистов и представителей Франкфуртской школы – власть предержащие могут спать спокойно. Импликации постмодернистских положений в политический дискурс приводят к практике неоконсерватизма.

Вопрос о жизненных ориентирах в постмодерной действительности ставит другую задачу: как добиться органичного сочетания технологий информационного общества с духовными, гуманистическими ценностями, выработать действенные механизмы адаптации к ним и не допустить паталогических векторов технологической трансформации идентичности. В сущности, мы имеем дело с современным вариантом знаменитого вопроса Дижонской академии наук: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов», на который в 1749 г. Жан-Жак Руссо ответил

³²⁵ Франк М. Политические аспекты нового французского мышления // Логос. М., 1994. №6. С. 323 –326.

отрицательно³²⁶. Сегодня воплощением наук и искусств стали технологии, но вопрос, поставленный в эпоху Просвещения, звучит по-прежнему актуально, вызывая много дискуссий о влиянии развития науки и техники на человека. Современная реальность настолько «виртуализировалась», что образ человека растворился в бесконечном мерцании симулякров на экранах телевизоров и мониторах компьютеров, а литературный язык элиминировался в рваных текстах SMS, телеграммах WhatsApp, или смайлах в социальных сетях. На нынешнем уровне развития соотношенность техники с действительностью становится все более призрачной, ее отличительной чертой становится симуляция, кажимость. Растиражированная с помощью ультрасовременных технологий имитация может привести вместо обогащения реальности к полной ее потере. При этом сами по себе вещи, окружающие человека становятся ему все менее понятными: нам трудно помыслить, что происходит внутри процессора компьютера, как работает проигрыватель blu-ray, находит свою волну сотовый телефон или определяет местоположение навигатор, а тем более представить бесконечность паутины информационных сетей. Но, несмотря на немыслимость понимания, мы уже не можем обходиться без технологических новинок, особенно тех, которые обеспечивают доступ в информационное пространство. Люди оказались в какой-то мере заложниками созданных ими творений, ведь если лишить их возможности пользования устройствами, обеспечивающими получение информации (ТВ, компьютер, телефон и т.п.), то это может стать причиной сильнейшего стресса и фрустрации.

Постмодерная культура базируется на технологиях и мировоззрении. Идеология этого мировоззрения основывается на плюрализме, предполагающая терпимость к различным образам мысли и действия, вскормила как внутри себя, так и во вне, мощную угрозу своей безопасности. Речь идет о всплеске активности различных разновидностей радикализма: фундаменталистских, экстремистских и террористических сил. Наиболее тревожный факт развития современного терроризма – несоизмеримость колоссальных усилий, направленных

³²⁶ Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение об искусствах и науках // Трактаты. М., Наука, 1969. С. 10–30.

международным сообществом на борьбу с ним и наблюдаемых результатов в виде значительного роста радикальных движений, имеющих фундаменталистские корни. Эти движения развиваются не только и не столько в традиционных очагах радикализма, но их почвой становятся непосредственно страны западного мира. В настоящее время на их территориях идёт всё более озлобленная война разнокалиберных «идеологий», «идентичностей» и «жизненных укладов» друг против друга и против самого мироустройства старой Европы. «Если лет 20 назад французам было плевать, в чём купаются мусульманки, мусульманам было плевать, что в «Саус парке»³²⁷ рисуют мультяшного пророка Магомета, геям было плевать, что где-то верующие христиане отказываются делать им торт на свадьбу и так далее – то сегодня каждый из этих невинных нюансов жизни превращается в точку яростного противостояния. О явной радикализации общества теперь пишут на Западе все, кому по должности положено держать руку на пульсе. Но когда доходит до объявления причин – держатели пульса, сдувшись, отделяются объяснением, что таким вот образом представители общественных формаций реагируют на «глобальное распространение либеральной демократии и образа жизни, который они считают греховным»³²⁸. Наблюдается взрыв фундаменталистских движений, которые берут Коран, Библию или любой другой священный текст для интерпретации и использования его в качестве знамени своего отчаяния и оружия своего гнева. Различного рода фундаментализмы, происходящие из различных источников, будут представлять самый бескомпромиссный вызов одностороннему господству информационного глобального капитализма. Их потенциальный доступ к оружию массового уничтожения бросает гигантскую тень на оптимистические перспективы информационной эпохи³²⁹. Очевидно, что в демократической Европе произошли значительные мировоззренческие трансформации, которые позволили стать радикализму, фундаментализму и терроризму кровотокающими стигматами самого

³²⁷ «Южный Парк» (англ. South Park) — американский мультсериал, идущий на телеэкранах с 1997 г.

³²⁸ *Мараховский В.* Без доблести, без подвигов, без славы [Электронный ресурс] // Ум+. 2016. URL: <https://um.plus/2016/09/28/bez-doblesti-bez-podvigov-bez-slavy/>

³²⁹ *Кастельс М, Химанен П.* Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. М., 2002.

благополучного западного мира, и, по транзитивности, сделали проблему терроризма одной из самых значимых и обсуждаемых не только в обыденной жизни, но и в научных кругах.³³⁰

Наиболее часто в качестве причин, инициирующих радикализм, называют конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические, исторические. Радикализм – многоликий феномен, он имеет целый спектр разнообразных причин, но, при всем имеющемся разнообразии его проявлений, везде можно проследить один существенный психологический момент – нехватку социальной и личностной *идентичности* в том или ином виде и в достаточной степени существенности для переживающего его субъекта. Здесь намечается возможный подход, который может соединить достаточно широкий спектр интерпретаций и стать методологической основой для выявления истоков и движущих сил, как экстремистских движений, так и терроризма.

Можно методично разбирать причины возникновения и развития той или иной конфликтной ситуации, порождающей в своей предельной стадии развития фантом терроризма, но, независимо от особенностей конкретного случая, мы приходим к выводу, что только страхом утраты идентичности или жаждой ее обретения можно объяснить самые радикальные и патологические воплощения социокультурных антагонизмов. Проблема идентичности индивида, в плане осознания его принадлежности к той или иной социальной общности, и одновременного обретения им «самости» является ключевой для понимания истоков формирования радикалистских течений. Собственно, в нарушении идентичности и в последующем ее обретении в самых немыслимых и неприемлемых для доминирующей культуры формах можно усмотреть глубинные причины эпидемии экстремизма и терроризма. Методологически недостаточное определение механизмов зарождения терроризма, недооценка индивидуально-психологических и культурно-исторических его корней, а также

³³⁰ Научные и методологические проблемы информационной безопасности. Сборник статей под редакцией В.П.Шерстюка. Москва, 2004; Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. Научные проблемы безопасности и противодействия терроризму. Серия монографий под редакцией Садовниченко В.А. и Шерстюка В.П. М., 2007; Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? University Press of the Pacific. Honolulu, Hawaii. 2005.

тотальный вакуум идентичности в современной культуре постмодерна на сегодняшний день являются объективными препятствиями в понимании субъективной привлекательности терроризма. Цель общих усилий – дискредитация образа терроризма как привлекающей к себе идеологии – не может быть достигнута без «выбивания почвы из-под ног» у мировоззренчески целостного и исторически фундированного образования, с точки зрения его сторонников, и патологического, криминального, в глазах противников. Наш мир оказался расколот, свершившийся разрыв и всевозможные ситуационные импликации, не сулят простых вариантов эскейпизма.

Сегрегация оказывается более привлекательным методом обеспечения целостности своего «я», и на это есть веские психологические причины. Самый простой механизм самоидентификации связан с противопоставлением и противостоянием – для того чтобы понять кто «Я», нужно указать на того, кто «Не-Я». Парадоксально, но в роли «Не-Я» оказывается все, что относится к новой среде обитания, собственно, все то, что по идее, должно стать искомым домом для мигранта. В этой связи следует рассмотреть культурно-исторический аспект проблемы. Известно, что Ислам – это самая молодая и внятная для его последователей религия, дающая четкие представления о месте человека в мире и предлагающая простые модели поведения. Человек получает ответ на вопрос: «кто он в этом мире, какова цель и смысл жизни»? Ислам развивался параллельно с обретением арабами своей национальной идентичности, ассимилируя другие народы под зеленым знаменем джихада. За короткий для истории срок было создано одно из самых могущественных государств того времени – Арабский халифат, который сплотил людей на основе религии на пространстве от Испании до Средней Азии и границ Индии. Это был период триумфального шествия Ислама, утверждения его как исключительного образа мысли и действия. Примечательно, что этот период для христианской культуры характеризуется как темные века, как период упадка, когда идеи античности погибли, а средневековая культура еще не сформировалась. И принято забывать, что именно из библиотек Халифата до нас дошли тексты древнегреческих философов. «Арабская наука и

культура в значительной мере опиралась на античное наследие. В то время как в средневековой Европе из-за религиозных войн гибли труды античных ученых, в Арабском халифате переводили великих греков – Платона, Аристотеля, Гиппократ, Архимеда, Птолея. Многие из этих трудов дошли до нас именно благодаря тому, что в период средневековья были переведены на арабский язык»³³¹.

Ситуация в современной Европе, казалось бы, диаметрально противоположна. В процессе технологического развития, бывшие на его вершине мусульманские народы отстали от более развитых стран северного полушария, оказавшись в ситуации потребителей алчущего сбыта продукции высокотехнологичного Запада. Определенные ограничения на доступ к технологиям не давали радикалам исламского мира вести открытую войну с «неверными». Но, при этом не имея возможностей самостоятельно генерировать технологии «постхристианского» мира, ряд субъектов мусульманского Востока в полной мере реализуют преимущества, которое данные им западным либеральным плюрализмом. Уроженцы исламских стран фактически подрывают Европу изнутри – сначала иммиграцией, а потом путем создания анклавов своей культуры в наиболее привлекательных для проживания городах. Эти лакуны западного мира на сегодняшний день и становятся основной средой, вскармливающей террористов информационного общества. В Средневековье граница между христианским миром и халифатом проходила где-то недалеко от реки Гвадалквивира и городов Севилья и Гранада. Или же у стен Вены и на Балканах, там, где заканчивалось влияние Блистательной Порты. Сегодня она проходит через предместье Сен-Дени, буквально над могилами французских королей, где уже не услышишь французскую речь. А может быть, и по перекрытым молящимся улицам Монмартра в самом Париже.

Но остается историческая память о былом могуществе исламских стран, о достигнутых культурных высотах: во времена раннего средневековья

³³¹ Рубанова Т.Д. История библиотечного дела: Древний мир – Средние века – Эпоха Просвещения: Учеб. пособие. Челябинск, 2003. С. 22.

мусульманские халифаты являли собой очаги архитектуры, искусства и знаний. Такая память дает весомые основания для появления идей реванша, восстановления утраченной исторической справедливости. Имам мечети военной академии имени короля Фахда в столице Саудовской Аравии, шейх Мухаммед ибн-Абдель-Рахман аль-Ариффи после смерти Папы Римского Иоанна Павла II заявил: «Мы будем контролировать Ватикан, мы будем контролировать Рим и распространим там ислам, христианам же будет представлен только один выбор – принять ислам или платить джизью³³²»³³³. Как ни парадоксально не звучало бы это утверждение, но возможность реванша исламскому величию предоставила сама западная цивилизация, снабдив мусульманский, и в этот момент истории, далеко не пассионарный мир, финансовыми ресурсами, современным оружием и новейшими технологиями, после исторического упадка последнего Халифата³³⁴. Ориентированное на постоянный рост производства развитое индустриальное общество требовало все больше энергетических, а значит технологических, ресурсов, которые были найдены в фактически остававшимися на уровне средневекового развития странах Ближнего Востока. Нефть дала колыбели Ислама невиданные деньги, и как раз вовремя. Оставленные на периферии глобального культурного мейнстрима, диктуемого демократическими обществами западного типа, или же могущественным тогда социалистическим блоком, традиционные и консервативные мусульманские страны к пятидесятым годам прошлого века фактически были обречены на внутрикультурную изоляцию. Аналогичная ситуация произошла и с центральноафриканскими государствами, которые были исключены из новостного универсума, вытеснены на периферию злободневных мировых проблем, а, следовательно, оказались на территории «исчезнувшего континента», с его нищетой, болезнями, перенаселением, нехваткой ресурсов, непрекращающейся войной всех против всех.

³³² Налог, которым облагаются немусульмане за право на проживание в исламской стране.

³³³ Крылов А. Исламизация Европы: миф или реальность? [Электронный ресурс] // Столетие. 2009. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/islamizaciya_evropi_mif_ili_realnost_2009-01-30.htm

³³⁴ Последним халифом был двоюродный брат и наследник последнего султана Мехмеда VI Абдул-Меджид II.

Исламские государства района Персидского залива избежали участи «исчезнувшей Африки», неожиданно став энергетическими донорами западного мира и, как показало время, одновременно донорами сил, стремящихся к торжеству исламского фундаментализма на Западе. Как результат, две стороны медали – вера и богатство, неожиданно продуцировали достаточно сильный тип идентичности у народов ряда стран которые, не изменяя своим традиционным устоям, стремительно стали образцом реализации самых смелых. Недаром арабский исполин Бурдж-Халифа (Башня Халифа) в Дубае остается самым высоким и технологичным небоскребом мира³³⁵, а среди заказчиков самых крупных из современных лайнеров Эйрбас-380 лидирует авиакомпания Эмирейтс. И здесь нет ничего, что можно было бы оценить в качестве антитезы негатив/позитив.

Но не стоит искать истоки распространения радикализма только в попытках взять реванш после многовекового падения пассионарности миров. Как утверждает Виктор Мараховский, мы находимся в глобальном «обществе пляжа». «Оно накрывает всё собственной, высшей по определению матрицей – в ячейках которой позволяет существовать «разным убеждениям». Этим оно по факту обесценивает «конкуренцию добродетелей». Даёт возможность всем носителям убеждений ничего из себя не представлять, кроме «идентичности». И даже более того: эта модель настаивает, чтобы люди носили свои убеждения как бижутерию, никак их не реализуя. Как следствие – в либеральной модели происходит непрерывное производство всё новых и новых маргинальных групп, подчас многомиллионных, конкурирующих между собой не достижениями, но обидами. Не наукой и культурой, но «борьбой за права». Мелкими победками геев над христианами или буржуа над купальниками, которые по сути только разжигают дополнительные баррели ненависти. В итоге именно тут куются, например, «бельгийские террористы», которые сначала спокойно держали лавочку в

³³⁵ Примечательно, что строительство самых высоких зданий мира задумывается в арабских странах: так уже строится Бурдж аль Мамлякав Джидде в Саудовской Аравии высотой в один километр. Также анонсированы и другие проекты: 1001-метровый небоскрёб Мубарак аль-Кабир в Кувейте, 200-этажный небоскрёб Мурьян-Тауэр в Бахрейне, высота 1022 м. Для сравнения высота «Бурдж-Халифа» – 829 м. Все проекты разрабатываются американскими и европейскими проектными бюро.

иммигрантском районе, получали мелкие судимости, дули дурь и пиво – а потом обналичили своё несогласие с миром, устроив дичайшую резню карикатуристам и рокерам в Париже. Именно так ковался и норвежский законопослушный паренёк, который ходил к психотерапевту, выращивал органическую еду, играл в тамплиеров и писал длиннющий манифест – а потом, легально вооружившись до зубов, противозаконно уничтожил больше сотни молодых сограждан. Именно насаждаемая мировой фукуямой «свобода убеждений при условии их никчемности» способствует тому, что из всех способов их воплощения сверхрадикальные меньшинства сегодня всё чаще выбирают оружие... В итоге мы наблюдаем тот самый парадокс, который сегодня удивляет ведущие умы передовых стран. В несвободной России, где чем дальше, тем явственнее диктат «идеологии большинства», – наблюдается огорчительный общественный консенсус, из-под которого едва видны крошечные группки непримиримых. А в свободных странах, где «общество большинства» едва ли не под официальным запретом – почему-то множатся и ширятся «общественные расколы». Это совершенно не влезает в либеральную концепцию глобального пляжа. Но это говорит лишь о том, что концепция что-то упустила»³³⁶.

Трудно не согласиться с этими доводами. Главной причиной распространения радикальных идей в Западном мире является описанный выше глобальный кризис идентичности в условиях информационного общества и постмодернистской культуры. Френсис Фукуяма, рассматривая специфику политики идентичности в западном мире, также отметил, что корни проблем в конфликтах идентичностей лежит в укоренившемся постмодернистском мировоззрении: «Дилемма иммиграции и национальной идентичности является отражением более широкой проблемы, связанной с отсутствием ценностей в постмодернизме. Возрастание влияния релятивизма препятствует утверждению позитивных ценностей и, соответственно, коллективных убеждений, которые постмодерные общества требуют от иммигрантов в обмен на гражданство.

³³⁶ *Мараховский В.* Без доблести, без подвигов, без славы [Электронный ресурс] // Ум+. 2016. URL: <https://um.plus/2016/09/28/bez-doblesti-bez-podvigov-bez-slavy/>

Постмодерные элиты, особенно в Европе, ощущают, что их развитие вышло за пределы религиозных и национальных идентичностей и достигло более высокого уровня. Однако, если отвлечься от прославления бесконечного разнообразия и терпимости, становится очевидно, что людям, живущим в постмодерном обществе, непросто достичь согласия по поводу того, каково же действительное содержание преследуемого ими общественного идеала»³³⁷. Налицо амбивалентная ситуация. С одной стороны, мы имеем плюралистичный, толерантный и гедонистично ориентированный высокотехнологичный постмодернизм. С другой стороны, на том же самом пространстве существует абсолютистский, нетерпимый и активно осваивающий технологии западного мира радикализм, и, как крайность, терроризм. Постмодернизм и терроризм неожиданно оказываются взаимосвязанными – взаимопроникновение противоположностей в русле гегелевской диалектики, при этом в условиях «глобальной деревни» в духе идей М. Маклюэна. Возведение плюрализма в статус всеобщности оказывается действенным механизмом оправдания существования деструктивных идеологий и патологических форм идентичности. Налицо столкновение двух моделей идентификации. Одна из них связывает свое будущее с реализацией принципа свободы от диктата общезначимых ценностей, другая предполагает обретение свободы в полном признании единственно значимой и неverifiedируемой, но *неопровержимой* истины. Обе стороны таят в себе глубины экзистенциальных противоречий, но результатом столкновения этих взаимоисключающих парадигм оказывается главная и глобальная патология современного мира – терроризм и его технологичные смертоносные акты.

Порядок постмодернистской Европы на деле оказывается пустым понятием, задача которого сохранить предельное (значит неопределимое) понятие «свобода». Свобода нагружена христианским грехом, богатством интерпретаций и в итоге невозможностью обещанной свыше реализации. В противоположность этому, террорист обретает себя в максимальной полноте веры. Ему нет надобности в рефлексии о метафизике свободы и ответственности, – мысли об

³³⁷ Фукуяма Ф. Идентичность и миграция // Новая Европа. URL: <http://n-europe.eu/content/index.php?p=1290>

этих туманно мучающих по-европейски экзистенциальных вопросах напрочь ликвидируют саму идею о возможности обретения идентичности. Задавшийся проклятыми вопросами человек утрачивает устойчивость идентичности. Молодая сильная и совсем не толерантная к другим идеология радикальных ветвей Ислама, выигрывает в схватке идентичностей с одряхлевшей пропитанной плюрализмом и толерантностью европейской культурой.

В противоположность плюралистическому мировоззрению, размывающему целостность человека, терроризм оказывается достаточно эффективной компенсаторной формой обретения идентичности. Террористическая деятельность может дать индивиду реальный, а в ряде случаев, например, в акте самопожертвования, и предельный смысл жизни. Ставший на путь террора отбрасывает сомнения и занимает неоспоримое в его окружении достойное место в жизни, он обретает чувство принадлежности к общему делу. Более того, терроризм питается идеей избранности, его воины выступают в качестве «героев», отказавшихся влиться в матрицу господствующей западной идентичности и противопоставивших себя ей, чтобы не быть в ней навсегда потерянными. Подобные личности воспринимаются как особые избранники и им, равно как их семьям гарантирован почет и уважение после гибели. К тому же, террористическая деятельность дает чувство безнаказанности для своих участников – законы мира, приговоренного к уничтожению, – не что иное, как фикция, пустые условности. И, наконец, терроризм оказывается реальным способом выхода за пределы обыденности, возможностью прожить пусть не долгую, но яркую жизнь^{338, 339, 340}. Обывателей западного мира, утративших идентичность, а вместе с ним чувство общности, принадлежности к чему-то значимому, удивляет с каким равнодушием и легкостью террористы идут на смерть. И конечно дело не в том, что в ином мире их будет ублажать семь десятков девственниц, вряд ли это будет достаточным основанием для того,

³³⁸ *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М., 2008.

³³⁹ *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. 2007. №1(2). С. 27–32.

³⁴⁰ *Зинченко Ю. П.* Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 4. С. 3–7.

чтобы отдать жизнь (хотя известен случай, что исполнитель теракта надушился перед гибелью, чтобы по прибытию в рай хорошо пахнуть и не опростоволоситься в объятиях девиц). Основой для самопожертвования у террористов является абсолютно внятная для них и устойчивая модель идентификации, позволяющая им обрести полную уверенность в своих действиях, дать им исчерпывающее оправдание любых, даже самых чудовищных насильственных действий. Все как в кино: «сила в них...в них есть что-то первобытное, что-то животное, то, что мы давно потеряли. Поэтому они сильнее»³⁴¹. Как заметил Ф. Фукуяма: «Если наше постмодерное общество пойдет по пути более серьезного обсуждения проблемы идентичности, ему придется отыскать те добродетели, которые, в конце концов, определяют принадлежность к этому обществу. Если же нет, ему, возможно, придется в скором времени противостоять тем, кто в большей степени осознают, кто они такие»³⁴². С. Жижек высказывал схожие мысли: «Мы на Западе, представляем собой «Последних людей», с головой ушедших в бестолковые повседневные удовольствия, тогда как мусульманские радикалы готовы рисковать всем, бороться вплоть до самоуничтожения»³⁴³. Вопрос о потере и обретении идентичности в постмодерных демократиях звучит все острее в условиях нарастания радикализма и фундаментализма.

Вопрос о терроризме является одним из самых обсуждаемых в научных кругах благополучной демократической Европы. При этом терроризм оказался неопределенной данностью. Очевидно – с ним надо бороться, мобилизуя всю и провозглашая новые «крестовые походы», в попытках обрести собственную истину в стенах очередного Иерусалима. Только неясно, бороться как: радикально или толерантно? Радикально невозможно, поскольку любой радикализм входит в противоречие с плюралистичным мировоззрением европейцев, а толерантно – бессмысленно. Терроризм оказался наиболее ужасным воплощением

³⁴¹ Фраза из культового фильма России 90-х «Брат 2».

³⁴² Цит. по: К вопросу об эффективности населения. Миграция [Электронный ресурс] // Развитие России. 2013. URL: <http://razvitirossii.ru/content/editor/people/text/Prezentflin.pdf?r=1392623605>

³⁴³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002. С. 48.

гиперреальности современного мира. В руках множества журналистов, ученых, и других «борцов» за безопасность, растиражированное понятие зачастую обращается в симулякр, подобный глобальному потеплению или поиску рецептов бессмертия. Утрата идентичности культуры западного типа создает ситуацию, когда само мировоззрение европейцев не позволяет эффективно противостоять проявлениям фундаменталистской идеологии. Но здесь имеется еще один тонкий момент, который, как правило, стараются обойти стороной, связанный со сходством по своей глобальности, агрессивности, сетевому устройству террористических сетей с сетями гигантов глобального и информационного капитализма. И первые, и вторые устроены как децентрализованные сети – *ризомы*. Как бы то ни было, постмодернизм и терроризм – порождения одной и той же культуры, одного и того же времени, и используют одни и те же технологии. С. Жижек высказывает мысль о том, что «разве... «международные террористические организации» не являются непристойным двойником крупных многонациональных корпораций – крайней ризоматической машиной, присутствующей повсюду, хотя и лишенной сколько-нибудь определенной территориальной базы? Не являются ли они той формой, в которой националистический и/или религиозный «фундаментализм» приспособился к глобальному капитализму? Не воплощают ли они крайнее противоречие в своем особом/исключительном содержании и активном глобальном функционировании?»³⁴⁴.

В этой связи в качестве манифестации кризиса идентичности западной культуры могут в другом свете звучать слова президента Ирана Махмуда Ахмадинежада по поводу культа моллюска – предсказателя матчей Чемпионата мира по футболу 2008 г. Иранский лидер во всеуслышание заявил, что осьминог Пауль стал воплощением всего неправильного на Западе, символом его разложения. По словам президента Ирана, те, кто всерьез верит в сверхъестественные способности осьминогов, не могут возглавлять государства и вести за собой человечество. Можно по-разному относиться к данным демаршам,

³⁴⁴ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002. С. 45.

но, эквивалентная с точки зрения правильной веры реакция на сиюминутную подмену Бога осьминогом, свидетельствует не только о вакууме ценностей в постхристианском мире, но и об осознании данной пустоты ищущем своего торжества истины мира мусульманского. О последнем можно сказать «по-прежнему» мусульманский, но никак не «пост»-мусульманский. Все чаще звучат высказывания о превосходстве мусульманской идеологии над западным мировоззрением: «Европе сегодня нечего противопоставить обновляющемуся исламу, заполняющему отмирающие социальные клетки постмодернистского общества»³⁴⁵. «Отказавшись от национальных традиций, европейцы обеднили себя, и запретом хиджабов и минаретов свою культуру не спасти. Может, вместо того, чтобы требовать от мусульманок, исполняющих предписания религии, снять платок, стоит одеться самим?»³⁴⁶ Или же еще слова муфтия Духовного управления мусульман Украины «Умма», активного сторонника «революции достоинства» новейшей истории Украины Саида Исмагилова: «Ислам предлагает европейцам отказаться от бездуховности, разврата, язычества и уничтожающей вседозволенности. Он дает им взамен единобожие, высочайшие духовные и моральные ценности, а также твердую уверенность в завтрашнем дне. И этот призыв не остается незамеченным, он находит отклики в душах людей. Кроме того, европейские мусульмане имеют то, что не всегда имеют их братья в афроазиатских странах: высокий уровень образования. Разнообразные знания во всех сферах бытия плюс ислам делают их очень полезными и уважаемыми людьми и ставят их на высокую степень перед Аллахом»³⁴⁷. Для эффективного противостояния культуре западного типа радикальному исламу необходим высокий уровень образования и владения современными технологиями. Характерно, что исламисты, принявшие участие в террористической атаке на США 11 сентября 2001 г., были благополучными жителями европейских стран.

³⁴⁵ Курбанов Р. Европейская цивилизация сначала высмеяла Бога, затем раздела своих женщин... [Электронный ресурс] // Islam News. 2010. URL: <http://www.islamnews.ru/news-24491.html>

³⁴⁶ Халиков Р., Исмагилов С. Хиджабофобия как кризис идентичности [Электронный ресурс] // IslamOnline. 2010. URL: http://www.islamonline.ru/index.php?catid=5:2009-03-27-12-14-53&id=1516:lr----&Itemid=13&option=com_content&view=article

³⁴⁷ Исмагилов С. Мусульмане Европы // Газета Арраид 6(31), 2001.

Их мировоззрение формировалось в либеральной и демократической Европе, там они получили образование, освоили технологии, но при этом проигнорировали либеральные и демократические ценности.

Возникает определенная аналогия с эллинистическим периодом, временем смещения и краха великих культур античности, сопровождающимся триумфом технологий (строительства, управления, коммуникаций, вооружения) на фоне потери духовных оснований, некогда рожденных в полисной Греции. Бертран Рассел, характеризуя эллинистическое мировоззрение, писал: «Казалось, что умами греков больше всего владела Вавилонская астрология»³⁴⁸. Какими «астрологиями» руководствуются наши современные почитатели Пауля, не суть важно для обсуждаемого вопроса, но очевиден тот факт, что культурная традиция западного образца в очередной раз оказалась в системном кризисе, состоянии, подобном эллинистическому краху античной культуры. Тогда вера в Фатум была синкретически неотделима от веры в Фортуну. По иронии совпадений здание Европарламента в Страсбурге слишком похоже на образ Вавилонской башни на картине Питера Брейгеля Старшего.

Сегодня западный мир активно использует информационные и военные технологии для борьбы с терроризмом. Вера в их эффективность сопровождается амнезией знания о том, кем бедуины были снабжены автоматами Калашникова, и кто поддерживал талибов во времена «холодной войны». Технологически развившийся мир Запада поделился с Востоком интернетом, оснастил его мобильной связью, научил строить самые высокие в мире небоскребы, управлять самыми современными самолетами, разъезжать на самых дорогих суперкарах, и все это в надежде на достижение идеологического, а затем и культурного консенсуса. Европейцы создали новую среду для традиционно идентичных народов, при этом, не понимая, что любое привнесенное улучшение вторгается в целостность их бытия. Автомобили, автоматы, технологии «мирного» атома, ракеты «Стингер», кондиционеры, компьютеры, сотовые телефоны, GPS

³⁴⁸ Рассел Б. Мудрость Запада: ист. исслед. зап. философии в связи с обществ. и полит. обстоятельствами М., 1998. С. 164.

навигаторы сделали то, что либеральная Европа и не могла предположить. Но технологии не нейтральны, они живут своей жизнью, выполняя свои функции и свое предназначение. А как заметил М. Кастельс, «религиозный фундаментализм не отрицает технологию, но помещает ее на службу Божественному закону, которому должны подчиняться все институты и цели, без какого-либо торга»³⁴⁹.

Современная Европа обсессивно наслаждается новыми электронными «гаджетами», воспроизводя их бесконечно сменяемыми рядами модных линеек. Надев 3D-очки для достижения еще более полного эффекта погружения в виртуальность, Запад перестал ощущать угрозы действительности. В демократических культурах основополагающим принципом стала идея недопустимости какой-либо доминирующей точки зрения. Технологии информационного общества в совокупности с релятивизмом постмодернистской культуры вызвали эйфорию беспроblemного существования. Но произошел парадоксальный сбой в программе – из плюрализма, возводящего в принцип приемлемость любых альтернатив вырастает фундаментализм. Фундаментализм порождает террор, ужас которого состоит в том, что он становится все более технологически совершенен. Вспоминаются слова Эрика Эриксона, обратившего одним из первых внимание на кризис идентичности в глобальном масштабе. Он высказал опасение, что развитие технологий в совокупности с радикализмом станут угрозой человечеству: «Если учитывать средства уничтожения, которые будут в распоряжении лидеров будущего, наша историческая память нуждается в более ответственные оценки зла, которое угрожает человечеству всякий раз, когда новые поколения отказываются от всякой другой идентичности, кроме идентичности самоутверждения через отречение от всего»³⁵⁰. И еще одна тревожная мысль Эриксона в этой связи: «... мы видим появление

³⁴⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 506.

³⁵⁰ Эриксон Э. Идентичность и утрата корней в наше время. Из цикла лекций «Инсайт и ответственность» // Философские сюжеты Эрика Эриксона. М., 2017. С. 268.

технологического и организационного совершенства нашего времени, достигающего звезд и готовящего общечеловеческую трагедию»³⁵¹.

Предсказания Эриксона сбылись. Наделив последователей радикального фундаментализма правом жизни на своей территории и одновременно предоставив им доступ к чуждым технологиям на их исконных землях, европейская демократия сформировала среду, которая в комфортных условиях генерирует полностью идентичных, не имеющих никаких сомнений в своей правоте людей, способных ради сохранения своих случайно обретенных привилегий, воспользовавшись неожиданно полученными технологиями (и средствами уничтожения в их числе), разрушить их же вскормившее бесконечно испытывающее кризис идентичности постмодерное плюралистичное общество. Там, где теряется смысл и утрачивается тождественность, освобождается место для других – тех, кто патологически стремятся восполнить первое и обрести второе.

Завершая обзор постмодернистских апорий, приведем пространную, но очень яркую цитату из «Прозрачности зла» Жана Бодрийера, выражающую его внутренний и отчаянный манифест критической мысли техно-постмодернизма, названный печально «После оргии», осознание смысла которого поможет понять «змеиный, жалящий себя» виток постмодернистской надежды, утопии и, увы, болезни. «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это – состояние после оргии. Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства. И вознесения всех мистерий и антимиистерий. Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с ростом и болезнями роста. Мы прошли всеми путями

³⁵¹ Эриксон Э. Эволюция и эго. Из цикла лекций «Инсайт и ответственность» // Философские сюжеты Эрика Эриксона. М., 2017. С. 282.

производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?»³⁵². На этот вопрос Бодрийяр отвечает, хладнокровно отвечает сам себе, в духе разочарованности и в понимании тотальности симуляции, ставшей стигматом культуры информационного общества: «Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что, ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний. Но что же нам все-таки делать? Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние, когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все что нам остается – тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова»³⁵³. Возьмём на себя смелость продолжить, а что же после оргии? Когда заканчивается оргия, приходят трансвеститы. С искусственными органами. Они же – транссексуалы, трансполитики, трансспортсмены, трансэстеты, трансэкономисты, транспсихологи, трансфилософы, и, конечно, трансгуманстисы, просто ночной клуб плюралистичных трансов. Потом появляется фанатик с натуральной бородой и их расстреливает. Затем его в кровавом месиве убивают полицейские, и он попадает в «рай», где его ждут сладкие мучения с неприступными гуриями «существами

³⁵² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 7

³⁵³ Там же, с. 8.

различных цветов, созданных из шафрана, мускуса, амбры, имеющих прозрачную кожу и тело, усыпанное драгоценностями». Этим железным девственниц «не касался ни человек, ни джинн, и они подобны скрытым в раковине жемчужинам», видимо не сможет их и коснуться фанатик. Все что написано, как говорил Ницше, написано кровью. Бодрийяр использовал «медицинские» метафоры: рак, опухоль, метастазы – так он описывал глубину болезни нашего мира благоденствия, который почему-то постоянно лихорадит, и в котором льется кровь. Кровь, как *final cut* плюрализма симулякров.

Глава 3. Технологические соблазны информационного общества

Понимание технологий как чего-то, относящегося исключительно к научно-производственной сфере, явно не стыкуется с реалиями информационного общества, в котором последние принадлежат уже не только и не столько материальному миру, а становятся все более и более очеловеченными, одухотворенными, выдвигая на передний план философские, психологические, эстетические и идеологические составляющие. Соотношение материального и идеального в технологиях фиксируется в понятиях "*hardware*" и "*software*", соответственно означающих материальную часть компьютеров и их программное обеспечение, что в совокупности образует единое целое компьютерных и информационных систем. Но на ряду *хардом* и *софтом* можно выделить еще один компонент технологической сферы, назовем его *метасофтом*. Если экстраполировать эти понятия на всю область информационных технологий, то к харду мы отнесем технические средства – телевизоры, компьютеры, смартфоны и т. п., а к софту – их программное обеспечение, различные приложения, игры и т. п., позволяющее им выполнять свои задачи, а к метасофту – содержание, послания, идеи, стилистику и т. д. – все то, что непосредственно оказывает влияние на людей, формирует их мировоззрение, умонастроение и, в конечном счете, генерирует идентичность³⁵⁴. Говоря о технологиях информационного общества, таких как телевидение, интернет, виртуальная реальность, мобильная связь акценты будут ставиться не на их технической стороне, а на возможностях, соблазнах и опасностях – обратной стороны медали, открывающейся в результате использования новых технических средств человеком. Как заметил Ж. Эллюль, «Средой обитания человека является теперь не природа, а техника»³⁵⁵. Окружающие нас в жизни технологии несут в себе ловушку, в сети которой мы попадаем, если не подходим к технологическим соблазнам критически, закрывая глаза на последствия для нас самих их повседневного и повсеместного

³⁵⁴ Емелин В.А. Взаимосвязь информационных технологий и постмодернистского мировоззрения в современном обществе // XXI век: на пути к единому человечеству?: материалы международной конференции. Москва, 2003. С. 20–23.

³⁵⁵ Ellul J. The Technological Order // The Technological Order. Ed. C.F.Stover. Detroit, 1963.

использования. «Мы все прекрасно осознаем прелести нашего нового дивного мира – связи, самоутверждение, смех, порно, информация на кончиках пальцев... Но мы лишь только сейчас начинаем задумываться об издержках, если мы вообще готовы принять тот факт, что издержки существуют. Искусная ловушка этой новой технологии состоит в том, что она внушает нам веру в то, что негативных аспектов у нее просто нет»³⁵⁶. Развиваясь, технологизирующийся мир способен создавать немислимые ранее формы отчуждения. Выявление исходящих последствий использования окружающих нас технологий, открывших для нас не только Клондайк возможностей, но и ящик Пандоры потенциальных опасностей, вот основная тема третьей главы исследования.

³⁵⁶ Салливан Э. Когда-то я был человеком. История интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Slon. 2016.
URL: <https://slon.ru/posts/74866#payline>

3.1. Телевидение: иллюзорность очевидности³⁵⁷

Исследование влияния технологий информационного общества логично начать с телевидения, как первой технологии, массово вошедшей в обывденное пространство современности и ставшей зеркалом современной культуры.

Существует мнение, что вся последующая европейская философия является собой серию примечаний к дошедшим до нас мыслям Платона. Возможно, это – преувеличение, но нельзя не заметить, что в наше время некоторые взгляды Платона находят неожиданную интерпретацию в контексте далеких от него тектонических по масштабу и беспрецедентных по скорости процессов трансформации идентичности современного человека в условиях информационного общества. Возьмем идею о том, что знание человека о мире основано на специфических условиях восприятия, воплощенных Платоном в образе пещеры, где ее узникам доступны лишь бледные тени действительности. «Представь, что люди находятся как бы в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы... Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня... а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная... невысокой стеной, вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол...– Странный ты рисуешь образ и странных узников! – Подобных нам...»³⁵⁸. Эта метафора означает, что человек может познать лишь призраки подлинного бытия, соответствия с которыми остаются проблематичными. Действительно, на основании чего мы можем быть уверены, что слабый отблеск внешнего мира на стене пещеры соответствует реально происходящим событиям? Тень бледна, случайна, у нас нет и не может быть уверенности в том, что наблюдаемая игра теней на стене пещеры действительно является отражением реальности происходящих вне пещеры событий. Можно предположить, что часть из них могла быть не замечена, часть происходила вдали

³⁵⁷ При написании параграфа использовались материалы совместного научного исследования с А.Ш. Тхостовым. См.: Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Кванторная механика телевидения // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 27–36.

³⁵⁸ Платон. Федр // Собрание сочинений в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 295–298.

от пещеры и вообще не оставила никакого следа, но узник, заключенный в ней, обречен пытаться понимать реальность только на основании калейдоскопа мелькающих отблесков. Основным ограничением наблюдателя в данном случае является скудость видимых образов и невозможность их верификации: узнику принципиально не дано выйти из пещеры и сравнить наблюдаемые им тени с теми объектами, что их отбрасывают.

Эта метафора удивительным образом оказывается адекватной для интерпретации такого далекого от Платона явления, как телевидение. На первый взгляд, кажется, что нет ничего более отличного от бледных теней на стенах платоновской пещеры, чем яркая, высоко четкая, иногда даже трехмерная картинка реальности на экране современного телевизора. Но на деле все выглядит не так однозначно, и при элементарном приближении мы обнаружим, что не можем быть уверены в соответствии высокотехнологичной картинке чему-либо действительно происходящему. Возникает вопрос: где и как она снималась, кем и почему она была выбрана из ряда иных, почему была показана или не показана сегодня? И все это не более понятно, чем то, как тени в пещере связаны с действительностью за ее стенами. Можно даже сказать, что телевизионный образ внешнего мира еще менее внятно связан с миром, отражением которого он должен был бы быть. Если платоновский узник в пещере ограничен только возможностями наблюдения фрагмента реальности, то телевизионный образ может быть специально и с определенными целями создан для формирования «полноценной» картины мира. Это подобно тому, как если бы узник наблюдал не просто тени, происходящих вовне событий, а видел бы игру актеров в каком-то кукольном спектакле, специально созданном для него, где вместо реально действующих людей он видит лишь неведомо кем управляемые марионетки. Но в отличие от обитателя пещеры, довольствующегося лишь тенями, телевизионная картинка предлагает зрителю полную иллюзию реальности, не оставляющую никакого зазора для возможного сомнения. Видеть что-либо по телевизору, оснащенному технологией высокочеткого и трехмерного изображения, означает видеть то же самое, что на самом деле. Яркость и предельная правдоподобность

придают ей статус *очевидного*, не нуждающегося в дополнительных доказательствах существования.

Онтологический статус *очевидного* приобрели до телевидения и документального кино еще репортажные фотографии. Если рассказ или рисунок всегда оставались сомнительными ввиду предполагаемой возможной вовлеченности или заинтересованности рассказчика, или художника, то фотография предлагала, как бы независимое свидетельство, дающее возможность наблюдателю присутствовать при событии. Роль фотографа сводилась к нажатию на затвор, картинку он не мог имитировать. Однако довольно скоро обнаружилось, что все однозначно: непонятно, в какой момент фотограф нажал на затвор, куда он навел объектив, все ли, что происходило в момент съемки, оказалось зафиксированным? Сомнительной оказалась и *очевидность*, поскольку сразу же появились и постановочные фотографии, которые было затруднительно отличить от репортажа. А уж после изобретения цифровых фотоаппаратов и программ для фоторедакции за фотографией принципиально невозможно сохранять статус улики.

В этой связи можно вспомнить историю с известным фотографом Брайаном Валски (Brian Walski), который был уволен 2 апреля 2003г. из газеты «The Los Angeles Times» как только выяснилось, что его снимок с британским солдатом, охраняющим толпу иракских беженцев, за два дня до этого опубликованный на первой полосе газеты, оказался не совсем документальным. Чтобы добиться большей «художественной выразительности», автор с помощью компьютера совместил два разных кадра одной и той же съемки. Скандал напомнил, что «представление о правдивости фоторепортажа сильно преувеличено, а деление на документальную и постановочную, репортажную и художественную фотографию весьма условно»³⁵⁹. К слову, знаменитый снимок легендарного советского военного корреспондента Е. А. Халдея водружения знамени победы над Рейхстагом тоже был постановочным.

³⁵⁹ Мусвик В. Фотофальсификации. Расследование: не ври своим глазам [Электронный ресурс] // Обозреватель. 2009. URL: <https://www.obozrevatel.com/news/2007/7/3/178112.htm>

На иллюзорность любого документального доказательства обратил внимание еще Р. Барт, указавший на принципиальную мифологичность «неоспоримости» фотографии. «Предположим, я сижу в парикмахерской, мне протягивают номер журнала «Пари-Матч». На обложке изображен молодой африканец во французской военной форме; беря под козырек, он смотрит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг. Таков *смысл* изображения. Но каким бы наивным я ни был, я прекрасно понимаю, что хочет сказать мне это изображение: оно означает, что Франция – это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами, и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой африканец служит своим так называемым угнетателям. И в этом случае передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (*африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии*); есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с воинским долгом); наконец, есть репрезентация означаемого посредством означающего»³⁶⁰. Для борца с колониализмом та же фотография могла бы быть не менее неоспоримым доказательством подлости колониальной системы. В действительности, ничего этого в фотографии не содержится, в конце концов, она могла бы быть и «постановочной», мало ли мы знаем постановочных фото, но наблюдатель незаметным для себя образом принимает свои проекции за реальность.

Унаследовав от фотографии свою онтологическую *оче-видность*, телевидение усилило ее переходом от статичной картинке к цепи изменяющихся событий, хотя современная история демонстрирует не менее яркие примеры подлогов, когда неизвестно где и неизвестно кем записанные репортажи появлялись в новостных лентах в качестве доказательств декларируемого видения событий. Ловушка «естественности» телевизионного кадра такова, что неопределенные и неидентифицированные съемки однозначно соотносятся с

³⁶⁰ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 80–81.

определенными событиями, рассматриваясь как их документальное свидетельство. «...Когда картинка начинает преобладать над словом, мыслительная функция подавляется... Движущиеся картинки – а они-то и составляют смысл и суть телевидения – невозможно удержать в рамках глубокого языка художественных произведений. Они рвутся прочь из этих рамок. Они не имеют ничего общего с языком. Поэтому и язык, и грамматика, и риторика оказались раздроблены»³⁶¹. Изображение как бы отменяет грамматику нарратива, формируя своеобразное «доказательство, не требующее доказательств». При этом упускается из виду, что транслируемая картинка не более чем симулякр – образ без подобия, поскольку она кем-то создана, выбрана и скомпонована таким образом, чтобы вызвать ощущение уверенности в реальности наблюдаемого как «ноумена», на деле представляющего собой лишь «феномен». Зритель путает экран телевизора с камерой наблюдения, которой он якобы располагает, с помощью которой передвигается во времени и пространстве и может быть участником событий, происходящих за тысячи километров от него и даже за много лет до его рождения.

Оче-видность не означает достоверность. Николас Луман в «Реальности массмедиа» писал: «Кажется, что массмедиа пестуют и одновременно подрывают веру в их собственную достоверность. Они «деконструируют» сами себя, ведь своими собственными операциями они воспроизводят неустранимое противоречие между своими констативными и перформативными текстовыми компонентами. Все это относится и к телевидению. И все же телевидение при сообщении новостей вынуждено претерпевать существенное ограничение, привносящее дополнительную достоверность (*wirkt sich als Glaubwürdigkeitsbonus aus*): при съемке событий телевидение привязано к реальному времени их протекания. То, что происходит (к примеру, футбольный матч, смерч, демонстрация), не может быть снято ни до, ни после самого события, а лишь – в одно с ним время. И здесь существуют многочисленные возможности операций

³⁶¹ Уваров М.С. Человек в век телевидения, компьютера и интернета // Новый человек: воспитание и образование. Ростов-на-Дону, 2003. С. 63.

по изменению облика: съемка несколькими камерами и монтаж, выбор перспективы и сектора изображения, и конечно же – селекция отобранных для передачи сюжетов и времени их трансляции»³⁶².

Эта иллюзия настолько сильна, что даже такой тонкий интерпретатор медиа как Маршалл Маклюэн допустил принципиальную ошибку в объяснении сути телевидения. Вводя понятия «горячих и «холодных» коммуникаций, М. Маклюэн постулирует в качестве основных критериев их разделения степень определенности, передаваемой ими информации и уровень участия аудитории в выстраивании образа. «Горячие средства характеризуются... низкой степенью участия аудитории, а холодные – высокой степенью участия и достраивания ею недостающего»³⁶³. Холодное средство коммуникации, по его мнению, способствуют развитию глубинных структур в искусстве и развлечениях и глубинного вовлечения аудитории³⁶⁴. «Любое горячее средство коммуникации допускает меньшую степень участия по сравнению с холодным»³⁶⁵.

Телевизионный образ, по его убеждению, «является образом низкой интенсивности и определенности», что выдвигается в качестве доказательства причисления телевидения к холодным средствам коммуникации. М. Маклюэн без тени сомнения утверждает, что «холодное средство коммуникации, идет ли речь об устном слове, рукописи или телевидении, оставляет слушателю или пользователю гораздо больше работы, чем горячее. Если средство коммуникации имеет высокую определенность, то участие является низким. Если средство коммуникации обладает низкой определенностью, то участие становится высоким»³⁶⁶. Идея о холодности телевидения в нынешних условиях технологизации оказалась абсолютно ложной и основанной на устаревшем представлении о телевидении как о некой интерактивной веб-камере, непрерывно и непосредственно транслирующей человеку образ мира. Самое забавное в рассуждении Маклюэна то, что это качество «холодности» медийного средства,

³⁶² Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 67.

³⁶³ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 27.

³⁶⁴ Там же, с. 357.

³⁶⁵ Там же, с. 28.

³⁶⁶ Там же, с. 365.

приписываемое им телевидению имманентно, связывается им с несовершенством телевизионных технологий. «В отличие от кинозрителя зритель телевизионной мозаики, с ее техническим контролем образа, неосознанно переконфигурирует точки в абстрактное произведение искусства на манер Сёра или Руо. Если бы кто-то спросил, изменится ли все это, если технология поднимет характер телевизионного образа на тот уровень насыщенности данными, который свойственен кино, можно было бы ответить вопросом на вопрос: «А можем ли мы изменить мультфильм, добавив в него элементы перспективы и светотени?» Ответ будет «да», но только это будет уже не мультфильм. Так и «усовершенствованное» телевидение будет уже не телевидением»³⁶⁷.

На деле, *уже не стало*, во всяком случае, оно не является той технологией, в которой размытые очертания должны дополняться воображением. Проблема вроде бы решена самим ходом технологического развития – нет ничего общего с теми небольшими коробками с округлыми линзами, которые представляли собой первые телевизоры и высокотехнологичными сверхчеткими плоскими экранами, транслирующими изображение *детально* и *буквально*, что делает его более красивым и реальным чем транслируемая действительность. Основания считать телевидение холодным медиа фактически нивелированы технологическими новациями. Переход телевидения на стандарт высокой четкости делает ненужным достраивание доведенных до совершенства законченных образов, не требующих никакого избыточного участия со стороны аудитории для их восприятия. Современное телевидение уже не является холодным «робким гигантом» времен Маклюэна, ориентированным на потребителя информации, на его глубокое участие в восприятии передаваемых образов. Телевидение наших дней больше похоже на беззастенчивого технологического монстра, который вобрал в себя все технические достижения, проник в каждый дом и в итоге превратился в горячую медиатеchnологию, не оставляющую никакой возможности принять участие зрителю в конструировании реальности. Жан Бодрийяр в своем «Реквиеме по массмедиа» говорил, что телевизионное послание – это «слово без

³⁶⁷ Там же, с. 358.

ответа», оно исключает саму возможность коммуникации, понимаемой «как обмен, как пространство взаимности слова и ответа»³⁶⁸. Пол Вирильо продолжал эту тему: «Включая телевизор, зрители ... оказываются в поле телевидения, вмешаться в которое, очевидно, не в их силах...»³⁶⁹.

Кроме того, идея М. Маклюэна о том, что низкое качество разрешения способствует активному участию наблюдателя неверна с теоретической точки зрения, если, конечно, не понимать под активным участием проективность восприятия, превращающего телевизионное изображение в тест Роршаха или ТАТ. В этом случае вообще становится бессмысленным вопрос о соответствии воображаемого некой реальности: в пятнах Роршаха *нет и не было* никакого изображения, т.е. они не отражают *ничего*, кроме *фантазии* наблюдателя. Зритель мог бы быть активным, если бы он мог *управлять* телевизионной камерой, но это уже действительно было бы не телевидением, а системой наблюдения, да и то при допущении существования всеприсутствующей и всеведущей телевизионной камеры, аналога оруэлловского Большого брата или абсолютного Наблюдателя.

А.В. Назарчук отмечает, что современное телевидение обладает рядом черт, которые в большей мере отвечают критериям маклюэновской «горячести». Оно является абсолютным лидером человеческого внимания, причем передатчики телесигналов монополизированы несколькими гигантами медиаиндустрии. В своих рассуждениях Маклюэн ввиду своей абсолютной незаинтересованности содержанием медиа оставляет за скобками проблему политического контроля СМИ, осуществляемом медиакорпорациями. В свете размышлений Николаса Лумана, Александр Назарчук делает вывод, что «в коммуникации доминирует тот, кто передает информацию, используя медиа распространения», при этом «аудитория оказывается в новом положении бессловесности. Принимая участие в коммуникации, она соглашается «не участвовать в коммуникации» – только воспринимать, не реагируя и не действуя. Власть сообщаемого над принимающими становится тотальной». Следует признать факт, что по критерию

³⁶⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака, М., 2007. С. 238.

³⁶⁹ Вирильо П. Машина зрения. М., 2004. С. 117.

«температуры» современное телевидение превратилось в не менее горячее медиа, чем радио времен геббельсовской пропаганды.

Но эта опасность не является единственной, поскольку у свободных издателей могут появиться мотивы самоцензуры, основанной на непреодолимом противоречии: высокие профессиональные требования и признание в среде образованной публики противостоят давлению рынка с его стремлением к прибыли любой ценой³⁷⁰. «И даже если недостаточно заявить, что происходящее на телевидении определяется его собственниками, заказчиками, размещающими там свою рекламу, а также государством, оказывающим финансовую помощь; что без знаний о том, кто хозяин той или иной телекомпании, какова доля ее заказчиков в бюджете и каковы размеры получаемой ею финансовой помощи, мы не можем ничего понять в ее функционировании, – то, тем не менее, не грех об этом напомнить»³⁷¹. Если значение новости определяется ее «продаваемостью», то на экране телевизора мы начинаем наблюдать странный мир жителей Дома-2, разгадывающих бесконечные викторины в надежде выиграть миллион и рассказать об этом в передаче «Пусть говорят». Новостные ленты и первые страницы, далеко не таблоидов 18 ноября 2016 года были заполнены информацией о родах К.А. Собчак, как будто она родила нового Иисуса Христа или была, как минимум, первой родившей женщиной. Сомнительно одаренная авто-лихачка Мара Багдасорян стала героем новостных роликов по всем каналам. Сегодня не нужно поджигать храм Артемиды, чтобы обрести славу Герострата. «Секс и кровь, драма и преступление всегда хорошо продавались, а в эпоху погони за массовым зрителем они поднялись на первые страницы журналов, с них начинаются телевизионные выпуски новостей... символическое действие телевидения частично – например, в том, что касается выпусков новостей, – заключается в привлечении внимания к событиям потенциально интересным для всех, которые можно охарактеризовать как *omnibus*...»³⁷².

³⁷⁰ Шматко Н.А. Предисловие. Блеск и нищета массмедиа // Бурдые П. О телевидении и журналистике. М, 2002. С. 13.

³⁷¹ Бурдые П. О телевидении и журналистике. М. 2002. С. 28.

³⁷² Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.

Помимо простого технологического усовершенствования, которое по предположению Маклюэна изменит сущность ТВ, он не мог предвидеть нескольких принципиальных изобретений, которые радикально сместят положение ТВ из самого холодного медийного средства в самое горячее, и главные из них – запись и монтаж. Эти два технологические усовершенствования оказались роковыми в судьбе телевидения, поскольку позволили заменить открывшийся проем в платоновской пещере на установленный жидкокристаллический монитор, на который может быть проецировано содержание, зависящее от неизвестного нам редактора, и определяемое владельцем телекомпании. Отчасти эту опасность предвидел и сам М. Маклюэн, когда анализировал опасность цензуры для недавно появившегося телевидения, которое он провидчески окрестил «робким гигантом». Его слова, - «Если бы эти цензоры осознали, что во всех случаях средство коммуникации есть сообщение или основной источник воздействий, они перестали бы контролировать и «содержание», и обратились бы к подавлению средств коммуникации как таковых»³⁷³, - сегодня могут быть отнесены не к телевидению, а скорее к неведомому Маклюэну интернету, попытки контролировать который без изменения его ризоморфной сущности вряд ли на сегодняшней день увенчаются успехом. Относительную независимость интернета тоже можно расценивать лишь как временную победу, ведь она может быть утрачена в любой момент с появлением новых технологий контроля.

Тем не менее ни один из цензоров не осознал предполагаемого М. Маклюэном противоречия, и контроль контента в той или иной степени благополучно осуществляется на всех ТВ-каналах во всех странах мира. Нам кажется, что предсказанная утрата смысла цензуры не реализовалась, поскольку М. Маклюэн недооценил, до какой степени горячим может стать современное ему прохладное телевидение. «Мало-помалу телевидение, которое по идее является инструментом отображения реальности, превращается в инструмент создания реальности. Мы все больше и больше приближаемся к пространству, в котором

³⁷³ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 359–360.

социальный мир описывается и предписывается телевидением»³⁷⁴. Иногда это происходит в жесткой форме через удаление неприемлемого содержания, иногда более мягким путем размещения негативного контента на периферии зрительского внимания. Помимо развешенных в пещере мониторов, имитирующих окна вовне, появился абсолютно специфический способ искажения действительности. Масштаб событий стал определяться не его реальным значением, а порядком его появлению в новостной ленте. Появилась новая телевизионная информационная история, в которой очередной адюльтер голливудской звезды важнее, чем бесконечные войны в африканских странах.

Изоощренным способом трансформации реальности в «телевизионную реальность» является имитация якобы реальных событий, для этого даже придуман специальный термин – «мокументори». Абсолютно искусственные, зависящие от эстетических, этических, коммерческих или политических пристрастий представления редактора или заказчика, творят вообще никогда не существовавшую реальность, поскольку событий именно в данной последовательности, в данном контексте и, собственно, наборе никогда не было. Результат монтажного телевидения – создание абсолютно фантазмагорической продукции, единственные ограничения которой создаются конкурирующими средствами массовой информации или фантазией креативщиков. Используя «эффект Кулешова»³⁷⁵, связывая события путем их одновременного или последовательного появления на экране, телевидение может моделировать никогда не существовавшие события.

Наряду с целенаправленным манипулированием зрителем сама суть телевидения как наиболее массового средства коммуникации направляет его содержание в сторону максимального упрощения, или того, что П. Бурдые называет *fast-thinking*. Стремление к максимально высокому рейтингу ориентирует контент к максимально широкой аудитории максимально быстрым и доступным способом. На место глубины и сложности знаний о реальности

³⁷⁴ Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 35.

³⁷⁵ Соколов А.Г. Монтаж: телевидение, кино, видео. М., 2000. Ч. 1. С. 47–58.

приходят поверхностные и банальные интерпретации, мнения, что коррелирует с постмодернистским восхвалением поверхности. «Медиа фундаментально глупы. Ориентация на идиота есть единственно коммерчески оправданная политика в медиа-пространстве. Но ориентированные на идиота медиа оглушают массы, приводя к необходимости еще более идиотской медиа-политики. Зловещая спираль усугубляющегося идиотизма влечет общество к тотальной апатии, ожирению и свинству...»³⁷⁶. Место подлинных специалистов, сложные рассуждения которых тяжело понять обывателю, занимают «медиа-интеллектуалы», становящиеся завсегдатями различных «интеллектуальных телепрограмм». «Для некоторых из наших философов (и писателей) «быть» значит быть показанным по телевизору, то есть в итоге быть замеченным журналистами, или, как говорят, находиться на хорошем счету у журналистов (что невозможно без компромиссов и самокомпроментации) ... Таким образом, телевизионный экран стал сегодня своеобразным зеркалом Нарцисса, местом нарциссического эксгибиционизма»³⁷⁷.

В итоге телевидение продуцировало «медиаперсон» – личностей, идентичных своему телеобразу. Появились люди, реальное существование которых оказалось бы под сомнением, если бы они исчезли с экранов. Телевизор превратился в расширенное зеркало, а медиаличности по своей сути оказываются софистами, искажающими и маскирующими в призме экрана любое подобие действительности. Умберто Эко, сравнивая специфику современной визуальной коммуникации со средневековой, назвал католический собор телевидением своего времени, в том смысле, что посредством содержащихся в нем образов средневековый обыватель соприкасался с достижениями культуры, благо, что «главный редактор средневековых телепрограмм», в отличие от сегодняшних, был прекрасно образован, имел замечательную фантазию и работал для общественной пользы³⁷⁸. В настоящее время немало телеканалов со своими

³⁷⁶ Вербицкий М. LJ: конец эпохи [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2005. URL: <http://russ.ru/pole/LJ-koniec-epochi>

³⁷⁷ Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 25.

³⁷⁸ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // Интернет. 1998. №6-7. С. 92.

«медиаперсонами», и каждый из них стремиться иметь своё лицо, но, почему-то, большинство из них остаются при этом безликими. Бесспорно, в телевидении значительную роль играет форма подачи материала, но лишенная содержания она становится выхолащенной и бесперспективной, в то же время содержательные программы, зачастую оказываясь тусклыми и плохо оформленными, теряют свою привлекательность и остаются невостребованными. Конечно, никакое средство массовой информации невозможно без упрощения ввиду его массовости, но ловушка заключается в том, что подобного рода медиатические интеллектуалы кажутся наивному зрителю подлинными экспертами, а весомость их мнения коррелирует не с уровнем их знания, а со степенью медиатизации. Это один из вариантов столкновения просвещенного и профанного дискурса на поле, где победа, определяемая с помощью рейтинга, безусловно, будет принадлежать последнему.

Телевизионная запись позволяет создать специфический телевизионный текст события, переведя информацию из живой текущей в фиксированную и застывшую форму, над которой могут быть проведены операции разного рода, позволяющие производить неожиданные трансформации. Зафиксированное событие может быть соотнесено с иным временем и пространством, приобретая при этом другое значение в ином масштабе, а главное, конституируя себя в качестве неоспоримой реальности. «Решение этой проблемы не может состоять в обнаружении некоего тайного кукловода на заднем плане, как это практиковалось в романах ужасов XVIII столетия – как бы не хотели верить в это даже социологи... мы имеем дело с одним из следствий функциональной дифференциации современного общества»³⁷⁹. То, с чем мы сталкиваемся на экране телевизора, – особый вид реальности: реальности симулякра, копии отсутствующего оригинала, знака без подобия³⁸⁰. Классикой технологий «горячего вовлечения» в поток транслируемой СМИ информации стала реакция на неординарный по форме трансляции радиоспектакль Орсона Уэллса «Война

³⁷⁹ Луман Н. Реальность масс-медиа. М., 2005. С.8.

³⁸⁰ Специфика симулякров будет подробно рассмотрена в третьем параграфе третьей главы.

миров», поставленный по одноименной книге его однофамильца и выпущенный в эфир 30 октября 1938г. «Художественная правдивость трансляции радиопостановки инопланетного нашествия не оставляла никакого зазора между иллюзией и действительностью. Уникальный случай массовой веры в нашествие марсиан также был обусловлен и особым форматом радиопередачи. Это было своего рода «радио в радио». Большая часть пятидесятиминутной постановки была представлена как реальные сводки новостей с места событий. Имитация репортажа об атаке марсианами Нью-Йорка и Нью-Джерси чем-то напоминала недавние радиосообщения о реальных бедствиях»³⁸¹. Фактически радиоспектакль оказался гиперреальным симулякром.

К тому же реальность настоящего уже тогда была достаточно дискредитирована и приведена нарождающимися медиа к «гиперреальности» симуляции, так что стало возможным принять искусно (но ненамеренно) созданный спектакль за прямую трансляцию событий. Если взять происшествия, ставшие предпосылкой массовой паники американского населения в то непростое время, то ими оказались реальные катастрофы, бедствия и смерти «в прямом эфире», среди которых можно выделить репортаж с места боевых действий в Испании 1936г., сделанный укравшимся с микрофоном журналистом Гансом фон Кальтенборном и зафиксировавшим атмосферу боя между франкистами и республиканцами. В 1937г. американцы услышали репортаж о гибели пассажирского дирижабля «Гинденбург», прибывшего в США из Европы. Радиотрансляция велась в прямом (без кавычек) эфире с места крушения дирижабля «Гиндербург». «Господи, он вспыхнул! Это ужасно! Пламя поднялось в небо на пятьсот футов... Это кошмар. Это ужасный кошмар. Все в огне», – кричал тогда в микрофон журналист Герберт Мориссон»³⁸². К этому можно прибавить сообщения об ураганах (например, «Нью-Ингленд», 1938) и других текущих катаклизмах, оказавшимися неожиданно близкими, когда информация

³⁸¹ В тот день Америка дрожала [Электронный ресурс] URL: <http://h.ua/story/52903/> (дата обращения: 31.08.2016).

³⁸² Трагедия дирижабля «Гинденбург» [Электронный ресурс] // Новости сегодня. 2015. URL: <http://news24today.info/tragediya-dirizhablya-gindenburg.html>

(пока аудио) стала доступна для всех пользователей универсума (пока радио) со скоростью света.

Постулат М. Маклюэна «средство коммуникации – есть сообщение» в современном телевидении нашел буквальное воплощение. По аналогии с радио, телевидение – это не более чем сообщения, которые оно посылает в аудиторию. Причем сообщения, не имеющие референта, или, если быть точным, сообщения, творящие свою реальность, никак не относящуюся к действительности. В результате, мы имеем положение дел, когда в роли лидера человеческого внимания выступает фантом, образ несуществующего мира – великий симулякр повседневности человека информационного общества, выдающий несуществующее за всеобщее.

Только благодаря своей симулятивной природе шоу «Война миров» получило такую скандальную известность. Как любая удача в шоу-бизнесе, оно было воспроизведено с ожидаемыми результатами в 1944г. в Чили, где, несмотря на охвативший аудиторию эффект реальности симуляции, обошлось без особых последствий, разве что чилийцы всерьез поверили в высадку инопланетян в 15 милях от Сантьяго. Но уже в 1949г. в Эквадоре реализация виртуальности обернулась несколькими вполне реальными человеческими жизнями и заодно десятками раненых креативных радиоперсонажей, избитых особо разгневанными из числа «обманутых» граждан.

История с «Войной миров» получила свое воплощение и на телеэкранах. 13 марта 2010г. крупнейшем грузинском телеканале «Имеди» в прайм-тайм, когда обычно на канале выходит выпуск новостей, был показан телесюжет, в котором сообщалось, что в Цхинвали был совершен теракт против главы Южной Осетии Эдуарда Кокойты, после чего российские войска вторглись в Грузию, далее объявлялось о гибели Михаила Саакашвили и создании народного правительства во главе с Нино Бурджанадзе. В репортаже говорилось, что часть грузинской армии перешла на сторону противника³⁸³. Программа продолжалась

³⁸³ *Котрикадзе Е.* Сюжет телекомпании Имеди. Часть 2-ая [Электронный ресурс] // LiveInternet. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.liveinternet.ru/users/michel_perm/post122727160/

полчаса, а после сообщений об «ужасных бомбардировках аэропортов и морских портов Грузии» телекомпания сообщила, что это был «специальный репортаж о возможном развитии событий». В Тбилиси прокатились слухи, что в отдельных местах уже начали раздавать оружие, начались перебои в работе мобильной связи, поскольку люди перезваниваются между собой и с тревогой спрашивают, правда ли, что началась война, и куда нужно увести детей. Даже после окончания репортажа далеко не все поняли, что это была имитация. Телевизионная провокация оказалась не столь безобидна – в скорую помощь поступило множество жалоб на приступы стенокардии, сердечные приступы и нервные судороги, был зафиксировано несколько смертей, в том числе после ложного телесюжета о «российском вторжении» от инфаркта скончалась жительница Грузии, сын которой служил в то время в армии.

Симуляция реальности может иметь не только чисто информационные, пропагандистские, игровые, но и политические следствия, поскольку формирующаяся с помощью телевидения картина мира становится основой идентификации, поведения и принятия решений населением. Примером этому может послужить история, как талантливый предприниматель и харизматический лидер Сильвио Берлускони использовал телевидение в избирательных технологиях, одним из первых в Европе оценив его как средство формирования общественного мнения. Это ноу-хау Берлускони – превратить политику в шоу-бизнес, а себя – в телеобраз для завоевания популярности. Каналы коммерческого телевидения Берлускони кормили зрителя образами мира бесконечного потребления, населенного красивыми женщинами, богатыми футболистами и благополучными представителями среднего класса. «Так, Берлускони воспитал сначала телеаудиторию, а через нее избирателя – «homo berlusconiensis». Он выращивал себе избирателя как предприниматель через свой телеконцерн Mediaset, а как председатель правительства – через государственную

телерадиокомпанию RAI»³⁸⁴. Как справедливо отметил Н. Луман: «Телевидение фабрикует сфабрикованную форму, привязывающую к себе все средства убеждения повседневной жизни. Другая же сторона этой формы как раз и есть подозрение в манипуляции»³⁸⁵.

Жан Бодрийяр утверждал, что политическая культура перешла на сторону маскарада³⁸⁶. Смело можно добавить, что телевидение, превращая политические дебаты в развлекательное шоу, а новостные программы в бесконечные сериалы под названиями «Время», «Вести» и «Сегодня», стало инструментом превращения политики в лицедейство. А как мягко вводят в состояние благостности цветочно-плодово-ягодные сериалы с душещипательными названиями, такими как «Миндальный привкус любви», «Ароматы шиповника», «Карина красная», «Не того поля ягода», «Яблоневый сад», «Запах лаванды», «Дом с лилиями» и, нет сомнения, этот список поставленных на поток современных российских сериалов будет лишь увеличиваться!

Отметим, что как раз *серийность* является специфическим способом выстраивания телевизионного пространства, а вслед за ним – пространства и времени телезрителя. Если сама по себе мозаичная телевизионная картинка двухмерна, то серийность придает ей в каком-то смысле третье измерение, выступая в качестве оси, на которую подобно бисеру нанизываются осколки телепрограмм. Разделенные определенными отрезками времени, серийные программы особым образом структурируют жизнь телезрителя. К последним следует отнести не только сериалы, но и любые периодически повторяющиеся программы, будь то новости, музыкальные и ток-шоу, политические обзоры, утренние почты, юморины и т.д. Цикличность интересующих передач начинает определять распорядок жизни: телезрители стремятся успеть домой к началу любимого сериала, следят за расписанием серий игр футбольных чемпионатов, как запрограммированные включают выпуски новостей в 19.00, 22.00 или же в

³⁸⁴ Коваленко Е. За что боролся, на то и напоролся. Или синдром пьятца Дуомо для Сильвио Берлускони [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2009. URL:

http://www.chaskor.ru/article/za_chno_borolsya_na_to_i_naporolsya_13567

³⁸⁵ Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005. С. 140.

³⁸⁶ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2012. С.36

18.00 и в 21.00 (в зависимости от выбранного канала-схемы), бегут «перекурить» во время рекламных пауз, разрывающих и без того рваное телевизионное пространство, укладываются спать, когда заканчивается вещание любимого канала. Для многих входит в привычку видеть в определенное время определенные передачи – представьте себе, если в положенный час на известном канале вы вдруг не обнаружите какой-либо «неотъемлемой» программы», – не правда ли, возникнет ощущение, будто из вашей действительности вырвали некий фрагмент. Так незаметно, но неотвратимо, «холодные» ТВ-медии «горячо» врываются в нашу жизнь и фрагментируют ее плавное течение на отрезки от одной серии до другой. Телевидение становится механизмом формирования идентичности своего потребителя, формируя предпочтения и его искусственный хронотоп.

Но это лишь один аспект серийной сущности телевидения, связанный с его индивидуальным влиянием. Существует другая сторона серийности, в которой фиксируется социальное воздействие ТВ. В «Критике диалектического разума»³⁸⁷ Жан Поль Сартр ввел понятие «серийная культура» для обозначения специфики социального бытия под всепроникающим влиянием массмедиа. Серийные передачи вовлекают в свой оборот определенные группы населения, создавая определенного рода социальные общности – то, что принято называть аудиториями. Люди, реально не покидая кресла у своего телевизора, виртуально объединяются с такими же, как они, поклонниками просматриваемого сериала, тем самым общество распадается на аудитории, некие «серийные единства». Кроузер и Кук комментируют и интерпретируют Сартра. Приведем выдержку из их эссе, посвященного философии телевидения³⁸⁸. «Телевизионная аудитория для Сартра - серийная культура *par excellence*. Аудитория эта составлена на основе "своего отношения к объекту и своей на него реакции"; аудитория – не более чем некое "серийное единство" ("существа вне себя в пассивном единстве объекта"); членство в ТВ-аудитории возможно только на основе "инаковости" или "внешней

³⁸⁷ *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. V. 1. Paris, 1960; V. 2. Paris, 1985*

³⁸⁸ *Kroker A., Cook D. Television and the Triumph of Culture // The Postmodern Scene: Excremental Culture and Hyper-Aesthetics. © St.Martin's Press, 1986.*

раздельности"; бессилие "трехмоментной" диалектики – железный закон иерархизированной власти телевидения; "абстрактная социальность" – ложная социальность ТВ-аудитории, каковая, будучи пустым, серийным единством, переживается как негативная совокупность; образ для всех и каждого головокружительен; а общий культурный эффект телевидения в точности совпадает с пророчеством Сартра: «Практически бездеятельный объект (т.е. ТВ) не только неорганическим образом производит вне их единство индивидуумов, но также определяет и их изоляцию, и, поскольку они разделены, обеспечивает коммуникацию через инаковость. ... Что же тогда такое ТВ? Это "серийная культура" Сартра в электронной форме, от "зрителя как отсутствия" и "инаковости" как основного принципа ТВ (маклюэновская "экстериоризация" центральной нервной системы) до ТВ-аудитории как "серийного единства" или "негативной совокупности", истину существования которых в виде чистой инерции <...> можно уловить, заглянув между впивающимися в тебя лазерными канонами цветного ТВ и выхватив черные лоскутья, уходящую в бесконечность мертвую темноту, каковая и есть чисто инерционное состояние, скрыть которое столь отчаянно пытается телевидение. И что же это за уходящая в бесконечность между истерическими вспышками лазерного луча темнота? Это сартровская "серийная культура" как знак современного общества: как раз, когда образ становится "головокружительным" для всех; когда зритель сводится к "отсутствию" и когда вакантная и неприятная "инаковость" является единственной скрепой, объединяющей негативную совокупность – "аудиторию"³⁸⁹.

Подобное объединение – не что иное, как «ложная социальность», «фиктивная идентичность» – несмотря на свою обширность, представляющие собой весьма специфический тип общности: «антиобщность или социальную *антиматерию* – электронно составленную, риторически сконструированную, этакий электронный бульвар, обеспечивающий преимущества психологической позиции соглядатая... и *нашей* культурной позиции как туристов в обществе

³⁸⁹ Кроузер А., Кук Д. Телевидение и торжество культуры // Комментарии. М., 1997. №11. С. 161.

зрелищ»³⁹⁰. Генерированный ТВ-медиумом симулякр единства на деле представляет собой гипертрофированную разобщенность, фрагмент реальности, формула которого Я+ТВ, и где нет места никому третьему (разве что компьютеру или смартфону).

В этой связи следует упомянуть о *дискретности* – утвердившемся способе управления телевизором посредством пульта дистанционного управления. Еще никогда управление не было доведено до такой простоты, причем простоты, сопровождающейся чувством подконтрольности переключаемого телевизора. Ничто в жизни нельзя менять так тривиально, как телепрограммы. Пульт – это не просто совокупность кнопок, – это магический жезл, с помощью которого телезритель творит свою тележизнь. Как отмечают Кук и Кроузер: «Вооруженный у себя дома множеством кнопок, ТВ зритель создает свое собственное расписание программ – зрелище, которое отражает его частные вкусы и личную историю»³⁹¹. Но, вместе с тем, дистанционное управление – это не только удобство, но и искушение – искушение бесконечного переключения и неспособности зафиксироваться на чем-то, требующем усилий и времени для восприятия. Волшебная сила кнопок не только в том, что, нажимая на них, человек, подобно демиургу, вызывает к жизни или, наоборот, отправляет в небытие тот или иной телевизионный образ, но и в том, что кнопки будто притягивают к себе пальцы, будто требуют: нажми нас и переключи! Кнопки – это тоже технология, и они не нейтральны, они созданы, чтобы на них нажимать. В итоге телезритель становится «кликающим человеком», неизменно прерывающим текущий ход одной программы, перескакивающим на другую, где он тоже задержится ненадолго – и так может продолжаться до бесконечности. Индивид становится неспособным воспринять длинные нити мыслей, его «клиповое» сознание настроено на короткие, но запоминающиеся фрагменты информации, что, собственно, и неудивительно, ведь подобный подход к восприятию является одной из черт постмодернистского мироощущения. Можно

³⁹⁰ Там же, с. 163.

³⁹¹ Кроузер А., Кук Д. Телевидение и торжество культуры // Комментарии. М., 1997. №11. С. 166.

предположить, что «перескоки» от одного кванта информации к другому связаны с лавинообразно возросшим в информационном обществе количеством знаний и новостей – информационным взрывом, разрушающего воздействия которого можно избежать, лишь ограничивая изливающийся из экрана поток фактов. Реальность культуры под знаком ТВ такова, что ней торжествует имманентная постмодернистскому релятивизму фрагментарность, и во многом это связано как с мозаичной архитектурой телеизображения и расчлененными звеньями цепей-серий, так и с дискретностью – разорванностью ткани каналов, продуцированной сигналами управляющей кнопки. Мозаики, коллажи, разрывы, фрагменты, клипы, серии – эти эпитеты описывают телевидение, но кроме этого они являются метафорами постмодерной культуры информационного общества.

И, наконец, последнюю по порядку, но не важности, качественную характеристику современного телевидения можно обозначить метафорой – «кванторная механика». Телевидение незаметным образом способно исказить сущностную категоризацию и масштаб показываемых им событий. Абсолютно частные, локальные, имеющие отношения к узкому кругу лиц происшествия, показанные в прайм-тайм, приобретают статус всеобщности. Тогда как общезначимые, затрагивающие всех явления могут быть представлены как частные, малозначимые случаи. «Цунами в Пакистане, соревнование чернокожих боксеров в Соединенных Штатах, хозяин быстро, выстреливший в молодого человека, и т. п. – все эти события, ранее считавшиеся ничтожными и аполитическими, сегодня распространяются с той силой, которая придает им особый социальный и «исторический» размах»³⁹². Происходит подмена квантора существования квантором всеобщности, и бренное частное становится бессмертным всеобщим, опровергая логику Платона.

Подобную специфику освещения событий описал У. Эко в эссе «Судебный процесс по телевидению – покушение на конституцию», где выражал протест против превращения частных судебных разбирательств в публичное телешоу. «Есть разница между процессом в зале суда, где присутствует сотня человек, и

³⁹² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007. С. 246

процессом, который транслируется по телевидению и который смотрят многие миллионы? Конечно, есть. Если кто-то клеветает на меня в моем доме, в присутствии трех свидетелей, я вышвыриваю его за дверь. Если он делает это на площади перед лицом двухсот человек, я подаю на него в суд и требую компенсации за моральный ущерб. Унижение, пережитое в зале суда, в присутствии ста человек, так или иначе заинтересованных в этом деле, так сказать, испаряется, когда дело закрыто; если же речь идет о миллионах телезрителей, то, чем бы ни закончилось дело, оно оставит неизгладимый отпечаток, и преступник, даже отбыв наказание, не сможет стереть с себя это клеймо. Не говоря уже о том, что, как мы видели, телепередача смонтирована и перед публикой предстает не весь процесс, а отдельные его эпизоды, выбранные по какому угодно критерию»³⁹³.

Вспомним констатированное Бодрийяром исчезновение реальности и подмену ее тотальной симуляцией³⁹⁴, и данный феномен может быть проиллюстрирован на примере механизмов телевизионного освещения военных событий. Их отражение на экранах приняло такие формы, что практически стало невозможным реконструировать реально происходящие действия. Война, пропущенная сквозь фильтры индустрии масс-медиа, и в особенности телевидения, превратилась в тотальную симуляцию, нечто подобное софистическому спору, виртуальному фехтованию, в котором участники которого вовсе не озабочены достижением истины, ввиду ее отсутствия, а также не стремятся убедить друг друга в чем-либо, ибо понимают, что это невозможно. Цель здесь состоит в том, чтобы любыми путями произвести видимость достижения поставленных задач, или точнее, заявленных задач, а затем с помощью медийных техник создать иллюзию убеждения наблюдателей, так называемой «общественности». И достижение этой видимости осуществляется не только и не столько с помощью действия ракет и самолетов, а посредством произносимых текстов с экранов телевизоров новостей – войну пытаются

³⁹³ Эко У. Картонки Миневры. М., 2015. С. 247–248.

³⁹⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2015.

выиграть теми же средствами, что и предвыборные кампании. ТВ никакой не «гонимый, приносящий вести» ... ТВ активно формирует «вести» – создает фиктивную реальность. Как выразился известный в свое время американский продюсер политических программ телевидения Д. Хьюитт, «я не люблю излагать новость – я люблю делать ее». Более того, само присутствие глаза ТВ при событиях активно влияет на них – формирует «реальную реальность»³⁹⁵.

По такой логике, победы и потери обретают онтологический статус лишь после того, как они «отражены» на экране телевизора, и в то же время факт освещения события сам по себе конституирует (переформатирует) событие, независимо от того, имело ли оно или не имело места на самом деле. Зачем сбивать самолеты, если об этом можно просто сообщать, или же, наоборот, если не сообщать, то они вроде и не сбиваются, а если что-то и сбито, то показанные по телевизору какие-то обломки можно выдать ad hoc за удобные свидетельства чьей-то победы или военного преступления. Как отмечает В.В. Миронов, увиденный образ трудно изменить, его практически невозможно интерпретировать в силу того, что он отражается в нашем сознании как объективный факт реальности. В качестве примера он приводит пример «объективной» телевизионной картинке одного и того же события, но показанной в разных странах. «Когда в 2008 году случился военный конфликт с Грузией, я был в Германии, и там по телевидению освещали это событие. Я ни разу не видел там, как грузинский президент Саакашвили жует галстук. Приехав в Россию, я обнаружил, что в телевизионных сюжетах о грузинском конфликте преобладала сцена жевания галстука грузинским президентом... как бы там ни было, немецкие обыватели, включая телевизор, видят одни картинки, а российские – другие. И те, и другие воспринимают ее как объективную реальность...»³⁹⁶. И если исходить из того, что образ войны формирует информация, существующая в рамках определенных дискурсивных практик, сформированных различными культурными традициями (в данном случае Восточной и Западной Европы), то

³⁹⁵ Кара-Мурза. С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 219.

³⁹⁶ Миронов В.В. Современные трансформации в культуре. СПб., 2011. С. 21–22.

неизбежно возникает головокружительная пропасть, в которой война становится недоступной для объективного понимания «вещью в себе». Телевизионные мистификации и симуляции прикрывают смерть одних и одновременно соблазняют на убийство других.

Теперь обратим внимание на то, что широко освещаемая на телеэкранах защита прав народов нефтеносных регионов, а на деле фактически желание получить их ресурсы, особенно цинично выглядит на фоне событий, происходящих в африканских странах, где вырезают друг друга и умирают от СПИДа целые племена. После того, как исчезли колониальные режимы и вместе с ними европейское влияние, многие африканские государства с искусственными, проведенными по «линейке» границами европейскими колонизаторами, впали в первобытное состояние «войны всех против всех». И это не просто слова. Мало кто знает, что самая кровопролитная война после второй мировой была в Африке. Речь идет о Второй конголезской войне, вошедшей в историю с подачи государственного секретаря США Мадлен Олбрайт под именем Великой африканской войны. Боевые потери достигли 350 тысяч человек. Небоевые – по некоторым оценкам, больше пяти миллионов. Основной причиной гибели стали массовые эпидемии и голод, вызванные войной³⁹⁷. При этом возникает парадоксальная ситуация: ни об этих многомиллионных жертвах, ни о других африканских проблемах никто не говорит, а не говорят потому, что не слышат и не знают. Нет информации на телеэкранах и... *из поля зрения исчезает целый континент*, лишний раз подтверждая бодрийеровский тезис об утрате реальности в мире, сотворенном массмедиа. «Вся наша реальность, в том числе и трагические события прошлого, была пропущена через средства массовой информации»³⁹⁸, а все то, что осело на стенках массмедийного фильтра, осталось в застенках забвения. Справедливости ради и возвращаясь к забытой Африке, вспомним слова Ролана Барта, что европеец всегда с трудом мог представить себе жизнь другого,

³⁹⁷ Простаков С. Самый кровопролитный конфликт после Второй мировой — Вторая конголезская война [Электронный ресурс]. 2014. URL: http://rusplt.ru/fact/facts_13302.html

³⁹⁸ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2012. С.134.

и негритянский мир глазами белого человека изображается сплошным кукольным театром, хотя и порою небезопасным³⁹⁹. Причем главной площадкой, на которой разыгрывается этот спектакль, является телевидение, где одному событию можно придать «тяжеловесность», наделив его статусом *headline news*, другое – отправить на периферию, и тем самым нивелировать его значение до минимума, про третье можно забыть вообще, и оно автоматически исчезнет из информационного универсума, а вслед за этим и вообще перестанет существовать. Нет информации – нет и факта; нет факта – нет и проблемы

Как отметили канадские политологи Артур Крокер и Дэвид Кук, телевидение – это не только технический объект, но и «социальный аппарат, врывающийся в общество как символическая культурная форма относительной власти, действующая как симулякр электронных образов, преобразующих все в семиургический мир рекламы и власти»⁴⁰⁰. Основной философский вопрос в эпоху постмодерна звучит так: *TV or not TV*, ТВ или не ТВ⁴⁰¹. А. Крокер и Д. Кук считали, что телевидение не укладывается в рамки классической теории репрезентации. С их точки зрения отождествление телевидения и реальности следует понимать в буквальном смысле, ибо все, что не отражено в реальном мире телевидения, является периферийным к главным тенденциям современной эпохи. В своей интерпретации телевидения они отвергают традиционное его понимание, отрицая как подчинение его обществу (ТВ как зеркало общества), так и подчинение идеологии (ТВ как электронное воспроизводство идеологических институтов)⁴⁰². «В постмодернистской культуре не ТВ выступает зеркалом общества, а, наоборот, общество есть зеркало ТВ, потребительская форма в своем наиболее развитом выражении, выступающая как чистая система образа, как спектральный телевизионный образ»⁴⁰³. Конечно, сколь буквально мы ни понимали бы реальность телевидения, ясно, что если оно и обладает реальностью, то это реальность симулякра – копии несуществующего оригинала. Являясь ли

³⁹⁹ *Барт Р.* Мифологии. М., 1996. С. 110.

⁴⁰⁰ *Kroker A., Cook D.* The postmodern scene: Experimental culture and hiper-aesthetics. Macmillan, 1988. P. 268.

⁴⁰¹ *Крокер А., Кук Д.* Телевидение и торжество культуры // Комментарии. №11. М., 1997. С.163.

⁴⁰² *Цурина И.В.* Социально-политический контекст философии постмодернизма. М., 1994. С. 42.

⁴⁰³ *Kroker A., Cook D.* The postmodern scene: Experimental culture and hiper-aesthetics. Macmillan, 1988. P. 268.

атрибутом дискурса власти или сценой для прокрутки рекламы, телевидение выступает как симулякр. Причем в отличие от других массмедиа, которым также присуща симулятивная природа, в телевизионной симуляции присутствует один немаловажный момент, заключающийся в особенностях восприятия человеком визуального образа. Пропущенный сквозь призму телеэкрана, он становится чем-то несоизмеримо большим по отношению к стоящей за ним сущности. С.Г. Кара-Мурза тоже использовал метафору «пещеры» для описания специфики телевидения, и ситуацию «пещерных людей нашего времени» он описал так: «Платона мучило это свойство человеческой природы – предпочитать яркому свету истины и сложности реального мира фантастический мир театра теней. Но никогда его аллегория не сбывалась с такой точностью, как сегодня. ТВ создает для человека такой театр хорошо сделанных теней, что по сравнению с ним реальный мир кажется, как раз серой тенью, причем гораздо менее истинной, чем образы на экране. Как сказал устами героя фильма «Заводной апельсин» режиссёр Стэнли Кубрик, сегодня «краски реального мира человек признает реальными только после того, как увидит их на экране»»⁴⁰⁴.

Умберто Эко говорил, что у образов есть «платоническая сила», они преображают частные идеи в общие, и поэтому посредством визуальных коммуникаций легче проводить сомнительную стратегию убеждения⁴⁰⁵. Например, можно долго слышать сообщения о геноциде или этнических чистках в той или иной стране и оставаться к этому индифферентными, но стоит увидеть на экране документальные кадры, подтверждающие описываемые события – и отношение к ним в корне меняется, ибо мы в определенной степени становимся свидетелями, очевидцами происшествия. И в тоже время показанные кадры могут фиксировать единичный случай, не имеющий силы общей тенденции или же вовсе оказаться сфабрикованными, как оказалось с фотоснимками трупов албанцев, якобы расстрелянных сербскими военными в косовском селе Рачак, которые были растиражированы мировыми телеканалами. Изображение десятков

⁴⁰⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 213.

⁴⁰⁵ Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Интернет. М., 1998. №6-7. С. 92.

убитых людей шокировало общественность, обобщило этот случай, возвело его в «абсолют», что сформировало определенное общественное мнение и стало формальной причиной натовской агрессии против Югославии, хотя, как выяснилось впоследствии, тела убитых были перевезены из другого места, на пальцах многих из них обнаружены следы пороха, а на одежде нет пулевых отверстий⁴⁰⁶. Этот инцидент свидетельствует, что, получая готовый образ, да еще в определенном смысловом контексте, мы начинаем верить в реальность происходящего, при этом единичное событие легко с помощью волнующей картинки выдать за общезначимое, точнее за симулякр общезначимого. Таково зазеркалье телевидения, где так легко при помощи нехитрых манипуляций с ТВ-образами продуцировать тот или иной облик действительности, «соблазнив» им сознание не критически настроенной аудитории. Слова Ж. Бодрийера о том, что «телевидение – это изображение, которое больше ни о чем не помышляет и которое не имеет больше ничего общего с реальностью»⁴⁰⁷, можно усилить, сказав, что, не имея ничего общего с действительностью, оно, тем не менее, эффективно ее творит и подменяет, и одним из наиболее действенных механизмов этой креативности является его *«кванторная механика»*.

Все эти особенности практики презентации телевидения можно было бы рассматривать как сугубо специальную проблему, если бы они не затрагивали фундаментальных проблем бытия человека в мире, его идентификации, выбора ролевых моделей, референтных групп, да и самого мироощущения, образа мысли и действия. Являясь продолжением нервной системы человека, медиа способны не только расширять возможности человеческого познания, но и принципиально исказить его. Последнее обстоятельство часто остается на периферии философского осмысления роли СМИ в повседневной жизни человека. Мы забываем о том, что чем более сложной и технологически развитой становится какая-либо система, тем большую степень искажения она способна внести в случае его неадекватного функционирования. Современное телевидение

⁴⁰⁶ Фокина К. Расстрела в Рачаке не было [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2000. URL: http://www.ng.ru/world/2000-03-25/6_rachak.html

⁴⁰⁷ Бодрийер Ж. Прозрачность зла. М., 2012. С. 45.

становится интерактивным в смысле предоставления возможности индивидуального подбора интересующих (*из предложенных*) передач. Все говорит о том, что телевидение активно развивается в направлении (*предложенного*) разнообразия в ассортименте предлагаемых услуг. Но здесь на передний план выходит другая проблема: увеличение возможности выбора имеет смысл только тогда, когда есть что и из чего выбирать. Какой прок в большом количестве каналов, когда по ним либо транслируется одно и то же. Телевидение действительно расширило нам границы мира, превратив его в глобальную деревню, где яркая картинка далекого события делает его чем-то по-соседски близким. Мы можем узнать о происходящем в далеких странах, никогда там не побывав, при этом можем не заметить того, что творится на нашем дворе. К сожалению, слишком мало возможностей оценить, насколько правдоподобна с такой легкостью предлагаемая нам картинка. Здесь нас подстерегает еще одна и весьма опасная ловушка, о которой мы не раз упоминали: телевидение столь умело и удачно модифицирует, и имитирует реальность, что у нас фактически не остается способов отличить подлинное знание от мнения, того, что в античной философии называлось «доксой». Причем именно в ее самом фундаментальном значении, ибо в отличие от доказательного знания «логоса», она не может быть никоим образом верифицирована.

Общим радикалом всех приведенных примеров можно назвать *асимметричность* технологических расширений человека. М. Маклюэн прав, рассматривая медиа как формы технологической экспансии: транспорт расширяет наши возможности передвижения, радио – расширение нашего слуха, а телевидение – зрения, но он не учел одного принципиального момента: *технологическое расширение не подкрепляется расширением возможности верификации наших новых знаний и ощущений*. Что толку в том, что нам повесили в пещере 3D телевизоры с разрешением 4К⁴⁰⁸, если у нас не увеличились возможности оценки достоверности полученных ощущений? Мы так и не вышли за ее пределы.

⁴⁰⁸ Форматы трехмерного и высокочеткого изображения.

Парадоксальным образом эта тема внешних расширений человека оказывается практически идентичной смутности внутренних телесных ощущений человека⁴⁰⁹. Хотя на первый взгляд нет ничего более различающегося, чем внутреннее тело, недоступное для манипуляций, и яркий образ внешнего мира, зададим себе простой вопрос: а как мы можем верифицировать телевизионную картинку? Что легче: проверить то, что скрыто глубоко в толще моего тела, к чему у меня нет доступа (не буду же я разрезать себя для этого) или проверить реальность внешних событий, находясь в замкнутой пещере? Именно это сходство столь различных модальностей восприятия, объединенных общей невозможностью подлинной *верификации*, обеспечивает стойкость порожденных и в том, и в другом случае иллюзий. Это еще одна иллюстрация того, что, столкнувшись с недоступными для практики областями восприятия, наблюдатель не может отличить реальное и воображаемого⁴¹⁰.

Николас Луман заметил: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа. Данное утверждение справедливо не только в отношении нашего знания об обществе и истории, но в отношении познания природы. Наши знания о стратосфере подобны тому, что было известно Платону об Атлантиде: мы что-то об этом слышали...⁴¹¹». Телевидение дает нам образ далеких стран и континентов, но оно нисколько не выводит нас из пещеры трансформированной идентичности. Более того, внешние расширения человека делают любую гипотетическую верификацию малореалистичной. Если бы мы вышли из пещеры, то, наверное, смогли бы соотнести тени с предметами, а как мы проверим то, что происходит в Сирии или на обратной стороне Луны? Иллюзия, которая становится красочной, обрастает подробностями, приобретая максимальное сходство с реальностью, не перестает оставаться иллюзией, эрзацем, обманывающим простаков. Нет ничего заманчивей

⁴⁰⁹ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.

⁴¹⁰ Фейерабенд П. Теоретическая необоснованность использования телескопа // Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

⁴¹¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 8.

фантазмов и симулякров. Платон не смотрел ТВ, но видел и отличал доксу от знания. Мы смотрим, но слепы.

3.2. Интернет: эрозия истинности и диффузия идентичности⁴¹²

Если предшествующие интернету технологические усовершенствования, такие как книгопечатание, телеграф, телефон, радио, телевидение и пр. были более или менее линейными расширениями анатомических или физиологических возможностей человека, то интернет предполагает расширение или даже появление принципиально новых высших форм психической деятельности. Телевидение, печать, радио расширяли мир, но активность индивида все же ограничивалась выбором из ограниченного меню передач или набора конкретных газет, интернет же позволяет найти то, что мне необходимо, даже если я не вполне понимаю направление поиска. Телефон, телеграф или почта позволяли быстро связываться с необходимым адресатом, но они не предоставляли таких возможностей поиска неизвестного адресата как чаты, социальные сети, сайты знакомств. Все это безусловные блага прогресса, но небезынтересно задаться вопросом: а так ли они невинны? Может ли быть такое, что они незаметным для нас образом искажают те области человеческого существования, которые они призваны усовершенствовать или облегчить? Не может ли быть, что это усовершенствование хотя бы в какой-то своей части иллюзорно? И какова, наконец, плата за эти усовершенствования? Если побочным эффектом развития транспорта является адинамия, а следствием использования калькулятора – акалькулия, то к каким побочным эффектам может привести безграничное расширение информационного и коммуникативного пространства с помощью технологии глобальной сети?

Обратимся к Платону. Он считал чувственно воспринимаемый мир вещей подобием мира божественных идей, его бледной и несовершенной тенью. Это утверждение, несмотря на его принципиальный для самого Платона характер, в последующей философии все же понималось скорее, как метафора. Сегодня

⁴¹² При написании использовались материалы совместного научного исследования с А.Ш. Тхостовым. См.: *Емелин В. А., Тхостов А. Ш.* Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–82.

возникла ситуация, когда вещи буквальным образом появляются из некоего аналога мира идей: «повсеместно протянутой паутины» – www. «Паутина живет не в эвклидовом, а в платоновом пространстве, со своей, платоновой метрикой. Или, если угодно, она впервые в истории материализует платоновский мир идей»⁴¹³. При этом возникает иллюзия истинности, мы перестаем воспринимать интернет как простое техническое средство, расширяющее возможности наших психических функций. Он как бы приобретает априорное алиби, отсутствовавшее со времени «Метафизических размышлений» Декарта у любого из актов восприятия, который мог быть создан неким «могущественнейшим и злокозненным обманщиком»⁴¹⁴.

Понимая первичный по отношению к миру сверхчувственных идей объективно окружающий нас мир в качестве конституирующей реальности, а мир киберпространства интернета в качестве производной реальности, зададимся вопросом, а в каком субъективном отношении к друг другу при предельном интернет-расширении человека находятся мир «офлайн» и мир «онлайн»? Не впадает ли в этом случае человек в иллюзию восприятия реальности, порожденной на самом деле вавилонской сетью интернета? Насколько содержание киберпространства адекватно отражает действительность происходящего в земном мире и можно ли считать интернет воплощением библиотеки, где собраны достижения человека? Несет ли он в себе подлинное знание или это лишь скопление докс? Или это нечто, что лежит между знанием и незнанием?

Если понимать информационную составляющую интернета как парадигмальное воплощение библиотеки, то она наследует все уязвимые стороны непомерно расширяющего хранилища, в котором все труднее найти необходимую информацию, погребенную в залежах никогда никем не читанных и запыленных томов. Это противоречие возникает уже на уровне экспоненциального умножения

⁴¹³ Манин Д. Задушит ли коммерция утопию? [Электронный ресурс] // Журнал. 2012. URL: <http://www.zhurnal.ru/4/utopia.htm>

⁴¹⁴ Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Сочинения в двух томах. М., 1994. Т.2. С. 23.

такой специфической продукции как научное творчество: в настоящий момент в мире издается несчитаемое и нечитаемое количество научных журналов и книг, что возникает серьезная проблема с их востребованностью. Одна из наиболее распространенных жалоб в научном сообществе состоит в том, что никто никого не читает, а все эти публикации имеют целью лишь улучшение отчетности и повышения индекса цитирования автора для очередного прохождения по конкурсу или получения грантов. В качестве вспомогательного средства возникают такие специфические феномены, как культура дайджестов, реферативные журналы, справочные издания и пр. Подлинники читать некогда, и мы начинаем довольствоваться их пересказом. Но экономия времени не всегда окупает утрату способности достичь глубины.

В информационном поле интернета миф о Вавилонской башне обретает новое воплощение – от столпотворения людей мы приходим к столпотворению идей. Возникают проблемы, связанные с различением информации, размещаемой в безграничном пространстве глобальной сети бесчисленным количеством пользователей. Объем информации, содержащейся на страницах, фактически сводит ее реальное содержание к минимальному значению. «Написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на электрическом стуле»⁴¹⁵. Интернет дал неограниченные возможности для творческой самореализации своих пользователей, каждый из которых может опубликовать на ее страницах свои тексты, фотографии, ссылки и другие материалы. Но такая практика самотиражирования имплицитно несет в себе опасность полного выхолащивания самой идеи ценности текста: если публиковать можно все что угодно, то теряется возможность найти в гиперпотоке информации нечто, достойное внимания. Конечно, можно рассуждать в духе теоремы о бесконечных обезьянах, одна из интерпретаций которой, сделанная в 1913 году Эмилем Борелем звучит так: «Представим себе, что миллион обезьян научились стучать

⁴¹⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2012. С. 49.

наугад по клавишам пишущей машинки, и что ... эти обезьяны-машинистки усердно трудятся по десять часов в день на миллионе пишущих машинок различного рода... К концу года эти тома будут содержать точный текст всех книг на всех языках, хранящихся в крупнейших библиотеках мира»⁴¹⁶. Существуют и другие, не менее эффектные: «Если я буду бесцельно водить пальцами по клавишам пишущей машинки, может случайно получиться осмысленное предложение. Армия обезьян, барабана по клавишам пишущих машинок, могла бы написать все книги Библиотеки Британского музея. Шанс, что они сделают это, определённо больше, чем вероятность того, что все молекулы соберутся в одной половине сосуда»⁴¹⁷. Может быть, многомиллионная когорта пользователей и сможет успешно генерировать «нетленку», но какое при этом количество цифровой макулатуры будет выброшено в сеть? И сколько времени понадобится, чтобы отличить «зерна от плевел»? И сколько хранилищ данных понадобится для этого словесного мусора и комментариев к нему? А сколько понадобится читателей, чтобы различить в потоке копипаста или словесного мусора гипотетическую «Анну Каренину»?

В обычной библиотеке поиску помогает разнообразная система каталогов, которая, несмотря на их полноту, всегда остается недостаточной. Интернет на первый взгляд обладает явным преимуществом, в нем предусмотрены поисковые системы. Поиск ведется по ключевым словам, и в результате машина выдаст вам *все* тексты, где они содержатся, независимо от их значения, будь то запись в блоге или сонет Шекспира. «Инет разрастается. Очень скоро он станет огромной информационной помойкой, где вероятность найти точную информацию будет постепенно стремиться к нулю ... Как никогда остро встает вопрос критерия истинности. Если принять за таковой, к примеру, частоту упоминаний, то мы можем зайти весьма далеко: посчитайте

⁴¹⁶ Borel E. Mécanique Statistique et Irréversibilité. J. Phys. 5e série 3. Pp. 189-196.

⁴¹⁷ Eddington A. The Nature of the Physical World: The Gifford Lectures. New York, 1928. P. 72.

соотношение ссылок, утверждающих существование инопланетян и опровергающее их. Зеленые человечки должны бегать по улицам табунами»⁴¹⁸.

Восторг от возможности, не прибегая к пыльным томам энциклопедий, найти любую затребованную информацию, в определенный момент сменяется сомнением в достоверности полученных из сети знаний. Роботы-поисковики безостановочно сканируют все доступные интернет-ресурсы и автоматически сохраняют их содержание на своих серверах для того чтобы с максимальной возможной скоростью удовлетворить любой запрос. С помощью поисковых систем интернет не только предоставляет запрашиваемые данные, но и описывает себя. Насколько можно доверять этому самоописанию? Мы не можем гарантировать, что поисковая система обеспечивает нам подбор информации без каких либо фильтров, и невозможно доподлинно проверить статистику поисковиков, но если взять за основу данные, показанные наиболее популярными из них в июне 2012 г. и они же в июне 2016 г., то перед нами предстанет следующая любопытная статистика, представленная в следующей «таблице истинности», демонстрирующей количество документов, в которых упоминаются выбранные в достаточно произвольном порядке понятия в двух российских поисковых системах, наиболее популярной Яндекс и отражающей в основном русскоязычные ресурсы Рамблер, а также активно используемой в Рунете международной системы Google.

Таблица 1.

Ключевое слово	Количество страниц, найденных в поисковой системе, млн.					
	Яндекс		Google		Рамблер	
	Июнь 2012	Июнь 2016	Июнь 2012	Июнь 2016	Июнь 2012	Июнь 2016
Сайт	1 659	3 689	1 180	273	1 000	4 000
Интернет	825	1 869	942	443	617	2 000
Телефон	601	1 161	595	144	463	2 000

⁴¹⁸ Коровкин В. Мышление «пользователя» беззащитно [Электронный ресурс] // Новая газета. 2008 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/40767.html>

Игра	202	1 167	243	70	220	2 000
Деньги	178	429	343	101	180	408
Любовь	177	2 334	293	63	220	3 000
Спорт	148	1 999	102	233	192	2 000
Секс	88	1 122	185	63	94	2 000
Бог	82	141	96	47	82	142
Порно	55	525	97	19	57	535
Честь	48	93	85	37	49	91
Пушкин	33	63	22	16	34	64
Наркотики	31	28	18	12	32	31
Ислам	13	66	23	15	14	70
Христианство	9	8	13	10	11	8
Шекспир	6	22	5	0,5	6	28
Хиромантия	2	3	1	0,6	3	4

Из представленных данных следует, что наибольшее число документов непосредственно связано с информационными технологиями и, в особенности, с интернетом, и это свидетельствует о том, что система отдает приоритет самой себе. *Телефон* по числу упоминаний уступает *интернету*, но опережает *спорт*, а *деньги* оказываются популярней *любви*. Обращает на себя внимание, что присутствие *Бога* в интернете может позавидовать интересу к *деньгам*, а *наркотики* в разы превосходят *христианство*.

Несколько другие результаты дает обзор статистики запросов за месяц в тех же поисковых системах. Здесь проявляется иная ситуация – если в случае анализа количества страниц с выбранными ключевыми словами мы имеем дело скорее с самоописанием системы, то в процессе анализа поисковой активности – описанием интересов ее пользователей. Нижеприведенные данные получены в специальных разделах «статистика» этих поисковиков, и мы отдаем себе отчет, что их истинность и величина во многом определяются выбранными алгоритмами подсчета данных в той или иной системе, а также степенью охвата системой пространства глобальной сети (весь мир, как в случае с Google и Яндекс и или

Рунет, как у Рамблера. Тем не менее полученные результаты в выбранных поисковиках вполне соотносятся между собой:

Таблица 2.

Ключевое слово	Количество запросов в месяц					
	Яндекс		Google		Рамблер	
	Июнь 2012	Апрель 2016	Июнь 2012	Март 2016	Июнь 2012	Март 2016
Сайт	39 339 291	90 901 415	20 400 000	2 341 690	650 193	6 072 357
Интернет	16 414 076	29 667 332	16 600 000	16 916 330	320 139	1 080 612
Телефон	15 938 674	19 179 046	9 140 000	1 424 920	249 191	559 222
Игра	113 99 3970	66 233 493	37 200 000	18 871 920	227 500	238 015
Спорт	4 750 091	5 590 136	6 120 000	4 210 460	87 183	111 358
Деньги	4 056 571	7 414 210	2 240 000	2 666 920	83 755	181 982
Любовь	11 888 603	12 110 356	7 480 000	2 586 710	90 584	159 016
Секс	17 598 116	20 788 419	13 600 000	5 009 650	449 356	488598
Бог	1 818 313	2 436 538	673 000	917 120	9 286	14 830
Порно	88 650 048	118 542 818	45 500 000	46 970 830	2 083 067	1 627 751
Честь	422 867	629 067	201 000	155 290	10 160	19 619
Пушкин	1 337 358	1 855 040	823 000	388 830	10 640	9 531
Наркотики	540 907	472 109	368 000	96 830	3 892	5 614
Ислам	351 112	349 047	450 000	571 340	3 773	6 948
Христианство	157 563	168 134	301 000	308 880	2 151	6 983
Шекспир	198 107	327 208	165 000	132 390	2 030	23 908
Хиромантия	102 983	74 712	110 000	103 950	2 255	1 155

Полученные результаты говорят сами за себя – самые большие интересы человека информационного общества – это порнография и игра. Затем следуют сайты, телефоны, интернет, секс, а затем и близкая к нему любовь. Бог сопоставим с наркотиками, интерес к христианству немногим больше интереса к хиромантии, а количество показов страниц с упоминанием христианства в два раза меньше, чем с упоминанием Ислама, причем по сравнению с 2012 г. в 2016 присутствие Ислама в сети растет, что отражает стремление к доминированию, с одной стороны, и возрастающий интерес с другой, к наиболее динамично трансформирующейся в XXI веке религии. Недавно крупнейший порносайт

Pornhub впервые опубликовал статистику по России, и в ней ничего неожиданного: в России любят порно. Впрочем, как и во всем мире, причем в июле 2017 г. в Яндексе искали порно 156 миллионов раз, а Путина и смысл жизни – в 52 и 838 раз меньше соответственно⁴¹⁹.

Интернет представляет технологическое расширение, способное вместить практически необъятное для человека количество информации, и в этой бесконечности текстов становится все труднее найти ориентиры. В результатах своих запросов для неподготовленного пользователя будет сложно отделить информационный шум от подлинного знания. Реальность, которую выявляет анализ контента глобальной сети, скорее показывает, что оно представляет собой какофонию докс. В книге-манифесте «Вы не гаджет» автор термина «виртуальная реальность» Джарон Ланир (Jaron Lanier) высказывает убеждение, что сам отказ от идеи качества в интернет-среде приводит к ее потере. «Фрагменты человеческих усилий, наводнившие Интернет, некоторыми рассматриваются как составные части коллективного разума или ноосферы (а может уже и миром, подобным миру идей Платона? – *Прим. автора*) ... Часть моих коллег думает, что если сложные секретные статистические алгоритмы будут комбинировать миллион, может быть, даже миллиард фрагментарных оскорблений, то, в конце концов, получится мудрость, превосходящая ту, что содержится в любом хорошо продуманном эссе. Я не согласен. На ум приходит правило ранних дней информатики: мусор на входе – мусор на выходе»⁴²⁰. Гиперпространство интернета – это не Гиперурания, и любые попытки увидеть в нем технологическое воплощение мира идей Платона нелепы.

Тем не менее многие видят одну из задач в создании некоего текста текстов в духе описанной выше постструктуралистской идеи интертекстуальности. Так, Кевин Келли считает, что, когда все книги мира будут оцифрованы и доступны для поиска, а отрывки из них можно будет перемешать, они быстро станут «одной книгой» в универсальном вычислительном облаке. Полемизируя с ним, Дж.

⁴¹⁹ Порно в России и в мире [Электронный ресурс] // Инфографика. URL: <https://snob.ru/selected/entry/127995>

⁴²⁰ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 83–84.

Ланир говорит: «Тот подход к цифровой культуре, который я ненавижу, действительно превратит все книги в одну, как прогнозировал Кевин. Этот процесс может начаться уже в следующем десятилетии или около того. В ходе крупного «Манхэттенского проекта» оцифровывания культуры Google и другие компании сканируют библиотечные книги и помещают их в облако. Важно, что произойдет дальше. Если книги в облаке будут доступны через интерфейсы, поощряющие мэшапы⁴²¹ фрагментов, которые скрывают контекст и авторство, останется лишь одна книга. Именно это сегодня происходит с большой долей контента; часто вы не знаете, откуда взята цитата в новостях, кто написал комментарий или снял видео. Продолжение существующего тренда сделает из нас что-то похожее на средневековую империю или Северную Корею – общество с единственной книгой»⁴²².

Не стоит забывать и о том, что истинность даже самых массовых и популярных продуктов интернета довольно сомнительна. Проблема смерти автора, в свое время поставленная в рамках идей постструктурализма Р. Бартом⁴²³, реинкарнирована в основанной в 2001 г. «Википедии» – международной свободной многоязычной энциклопедии, которую может редактировать каждый, при условии соблюдения набора правил, носящих сугубо формальный характер и не предполагают никакого содержательного отбора. Прототипным примером «Википедии», или «Вики», в каком-то смысле может служить Библия, «авторство которой множественно, по большей части тексты анонимны, а книга кумулятивна; скрытое индивидуальное авторство способствовало созданию оракулоподобной атмосферы вокруг документа, претендующего на «буквальные слова Господа»⁴²⁴.

Дж. Ланир, критикуя возвышенную позицию, удостоенной Википедией в сетевом окружении, выделяет ряд обстоятельств, которые ставят под сомнение претензии этой интернет-энциклопедии на отражение сколь-либо объективной

⁴²¹ Мэшап (от англ. mash up - "смешивать") — интернет-сервис, который интегрирует функции нескольких сервисов таким образом, чтобы получился новый оригинальный инструмент. Например, объединение картографических данных Google Maps с данными о недвижимости с Craigslist создает новый уникальный веб-сервис, изначально не предлагаемый ни одним из источников данных.

⁴²² Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 80.

⁴²³ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1989. С. 384–391.

⁴²⁴ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 80.

картины мира. Как источник полезной информации «Википедия» идеальна в двух областях: поп-культура и естественные науки. В первой категории истина в любом случае является выдумкой, поэтому то, что утверждает «Вики», является правдой по определению; во втором случае на самом деле существует предпочтительная истина, поэтому более уместно говорить от имени группы. Статьи «Википедии», посвященные поп-культуре гиков⁴²⁵, длиннее и написаны с большей любовью, чем статьи о действительности. Армия из научно-фантастического фильма или рассказа обычно описана более подробно, чем историческая армия; у порнозвезды будет более подробная биография, чем у лауреата Нобелевской премии^{426,427}, а жизнеописание антигероя Звездных войн генерала Гривуса по объему и подробностям сравнимо с историей побед генералиссимуса Суворова. В других областях знания, например, в описании исторических событий, объективность информации википедистов может быть поставлена под вопрос. Как известно, «Википедия» международный, но не глобальный, а децентрализованный в постмодернистском смысле проект. На каждом языке статьи «Википедии» пишутся практически вне связи со статьями, описывающими те же феномены на языках других стран и даже на несуществующем эсперанто. Возьмем в качестве примера описание Второй мировой войны на разных языках, и мы сразу же столкнемся в существенных различиях в описании этого глобального исторического события – статьи будут иметь разную структуру, разный объем частей, посвященных тому или иному этапу войны, различный «рейтинг» исторических лиц тех времен, не говоря уже о расставленных коллективным автором акцентах интерпретации.

Главную проблему, связанную со стремительным ростом информационного содержания интернета, можно охарактеризовать как проблему отсутствия внятных критериев для определения иерархии ценностей.

⁴²⁵ Гик (англ. Geek) – эксцентричный человек, одержимый какой-либо узкой темой (аниме, Гарри Поттер, iPhone, Древний Египет и т.п.), выпадавший из реальности и стремящийся к общению преимущественно со своими единомышленниками.

⁴²⁶ *Brophy-Warren I.* Oh, that John Locke [Electronic Resource] // The Wall Street Journal. 2007. URL: <http://online.wsj.com/article/SB118194482542637175.html>

⁴²⁷ *Ланир Дж.* Вы не гаджет. Манифест. Манифест. М., 2011. С. 227.

Характерный для культуры постмодерна релятивизм усложняет проблему идентификации, поскольку имплицитно предполагают, что никакого однозначного правила для выбора идентичности и ее фиксации не может и не должно существовать. Подобная свобода выбора оборачивается в реальности при отсутствии каких-либо реперных точек и системы координат, в соответствии с которыми человек определяет место своего «я» в мире. Культурный релятивизм постмодернизма оборачивается зыбкостью и невозможностью внятного и обоснованного укоренения человека в реальности. Политопия, полифония становятся утопией и какофонией: человек, не имеющий никакой карты, и вооруженный самостоятельно меняющим свою поляризацию компасом, вместо предполагаемого открытия неведомых территорий может оказаться обреченным на бесконечное хождение по кругу или лабиринту.

В отношении идентификации эта проблема оборачивается отсутствием аксиоматических оснований для собственного позиционирования в пространстве исторических событий, футурологических ожиданий, культурного контекста, автобиографической памяти, индивидуального и потребного будущего. Лишенный базовых основ для самоидентификации в контексте общей, семейной истории, человек становится сингулярным, не имеющим ни реальной, ни символической опоры, обреченным на бесконечные поиски ускользающей от него подобно линии горизонта точки идентичности. Семейная, национальная, коллективная идентификация порождается лишь в условиях существования некоего устойчивого контекста, дающего каждому ориентиры и подтверждения истинности. Любая история – от индивидуальной до семейной, и от национальной до цивилизационной, – является одной из возможных интерпретаций. Однако для каждого отдельного человека она существует в виде неоспоримой и единственной возможности и абсолютной истины. Сто или тысячи учебников истории, безусловно, расскажут ее более подробно, чем один, и изучаемый всеми всеми, но для субъекта невозможна идентификация с тысячами вариантами одного события, которое делают его полностью ненадежным и неубедительным. Интернет может дать человеку сотни вариантов интерпретаций, не давая ему самого главного –

основания выбора устойчивых ориентиров из тысячи различных вариаций, способного стать основой быть положен в основу его собственной истории. В качестве примера влияния интернета на размывание так называемой всеобщей истории можно привести несовпадающие интерпретации различных событий в «Вики». Пока это несогласование ограничено лишь национальными вариантами Википедии, привязанным к конкретным языкам и странам. Однако ничто принципиально не ограничивает развитие этой полифонии до истории отдельных удельных княжеств, семей, племен. Всеобщая История при таком подходе может быть раздроблена на бесчисленное множество практически непересекающихся и несвязанных историй, обслуживающих отдельные группы населения. История Америки уже сейчас начала распадаться на историю «белой Америки», афроамериканскую историю, историю «native» Америки. Результат этого - не только и не столько умножение знаний и стереоскопичность восприятия конкретных исторических фактов, но зачастую их взаимоисключающее понимание и создание непересекающихся или параллельных миров, и как следствие, формирование столь же не пересекающихся моделей идентификации.

Проекты, подобные «Википедии», авторами которой обезличенный пользователь сети, превращают интернет во Вселенную бесконечных текстов или Вавилонскую библиотеку Борхеса, на полках которой собраны всевозможные написанные и ненаписанные книги, где, «на одну осмысленную строку или достоверное свидетельство здесь будут приходиться миллионы безумных какофоний, груды словесного мусора и неразберихи. Буквально всё, но пройдут поколения людей, прежде чем головокружительные полки – полки, затмившие свет и приютившие хаос, – подарят им хоть одну связную страницу»⁴²⁸. Ланир в этой связи дает прогноз, что «Если вычислительные облака станут бесконечно эффективны, возникнет гипотетическая опасность того, что любые возможные интерполяции слов – романы, песни, мимика – будут населять бесконечную «Википедию» в стиле Борхеса в небесах. Если это произойдет, все слова станут

⁴²⁸ Борхес Х. Л. Вавилонская библиотека // Коллекция. Спб., 1992. С. 142–150.

бессмысленными, а значимые выражения – невозможными»⁴²⁹. И далее. «Мне кажется, даже если бы мы могли объединить Сетью всех возможных инопланетян в галактике – может быть, квадриллионы существ – и дали бы каждому несколько секунд для того, чтобы внести свой вклад в «Вики», мы не воспроизвели бы достижений даже одного среднего физика, не говоря уже о великом физике»⁴³⁰. Иллюзия превращения неограниченного количества авторов в одного сингулярного гения, способного случайно создать вторую «Анну Каренину» пока не получила, как замечает Роберт Виленский, никакого подтверждения: «Я слышал, что миллион обезьян с пишущими машинками могут повторить всего Шекспира. Теперь, спасибо интернету, мы убедились, что это неправда»⁴³¹.

Метафоре дворца-библиотеки противостоит гораздо более распространенная метафора «интернет – это свалка». Свалка противостоит дворцу, как хаос – космосу, царство энтропии – царству информации, пространство маргинальное – пространству центральному, как антидом – дому, как социально низкое – высокому. На свалке место крысам (вспомним о метафоре лазанья) или бродягам-бомжам, роющимся в мусоре с помощью крючьев-альтавист и палок-рэмблеров⁴³². Место вдумчивого читателя начинает занимать интернет-сервер или робот-поисковик, убежденный, что если он не нашел (или не понял) необходимой информации в интернете, то ее и нет: разве может быть во всеобъемлющей паутине хоть одно место, скрытое от опытного серфиста? «Люди как-то научились справляться с гигантскими свалками радиоактивных отходов, но, переселившись частично в сети интернета, они их завели и здесь»⁴³³, что ж, видимо свалки – это необходимое условие жизнедеятельности не только в «офлайне».

Интернет – наиболее совершенный коммуникационный гибрид (недаром нам предлагают писать это название технологии с большой буквы, наряду с

⁴²⁹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 274.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Цт. по: Ллойд Дж., Митчинсон Дж. Книга цитат М., 2012. С. 163.

⁴³² Лейбов Р. Язык рисует Интернет [Электронный ресурс] // Интернет. 2012. URL: <http://www.gagin.ru/internet/4/9.html>

⁴³³ Мурсадиева Г. Группы смерти [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. №51. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/73089.html>

такими универсалиями, как Бог, Родина, Отечество) – стал самым великим воплощением, с одной стороны, слияния всех когда-либо существовавших и существующих коммуникационных технологий, а с другой – в силу своей имманентной открытости, удобным местом жительства новостных ресурсов, энциклопедий, учебных материалов, библиотек, аудио- и видеотек, программных продуктов, игр и развлечений, телевизионных материалов, почты, телефонии, систем платежей, магазинов, аукционов, объявлений о знакомствах и т.д. Интернет безучастно принимает материалы любого рода и сорта, будь то образовательные порталы или сайты перверсивного, маргинального и даже преступного содержания.

«Современная информационная революция и формирование информационной сети Интернет породили целый спектр утопических и дистопических ожиданий и опасений: от ожиданий, связанных с формированием на основе Интернета «электронной агоры» и электронной прямой демократии, до апокалиптических опасений, связанных с пришествием божественного Разума Сети, который подчинит себе человечество»⁴³⁴. Как отмечает А.Е. Войскунский, особо широкое распространение получило соотнесение интернета с древнегреческой «агорой» – собранием граждан для свободного обсуждения новостей и принятия относящихся к общественной жизни решений, а также городской площадью для таких собраний⁴³⁵. Если выразится проще, агора – это античный базар, только истина там не декларировалась и продавалась, а высказывалась и доказывалась.

Интернет действительно стал казаться воплощением идеальной агоры, подчиненной, как и библиотека, не эвклидовым законам, а принципам идеального мира Гиперурации Платона, где исчезают любые хронотопические ограничения. Глобальная сеть создает универсальные площадки, социальные сети, блоги, где любой человек может задать наиболее подходящие ему условия общения. Вы можете не только совершить покупку на виртуальном рынке, но и найти людей, с

⁴³⁴ Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Социальные последствия развития Интернета и миф о величии электричества // Интернет. Общество. Личность. Тезисы доклад. Межд. Конф. СПб, 1999.

⁴³⁵ Войскунский А.Е. Метафоры интрнета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79.

которыми не общались много лет, выбрать партнера, с которым вы на реальной «агоре» возможно никогда бы и не встретились, совершить покупку на виртуальном рынке, сохраняя при этом и анонимность, завязать отношения, всегда имея возможность прервать контакт, показавшийся обременительным. Однако в реальности это расширение породило ряд побочных эффектов. Анонимность, ни к чему не обязывающая легкость установления контакта превратила агору, где каждый человек отвечал за свои поступки и слова (Вспомним историю Эзопа: Ксанф – выпей море! Ты же поклялся его выпить!), в вавилонское столпотворение безответственных участников. Подлинное общение, требующее от человека установления прочных и по сути выстраданных отношений стало подобным маскараду, где за личинами невозможно различить лиц. «Одно дело – общаться с людьми, видя их перед собой, и совсем другое – стучать по клавиатуре, получая в ответ цепочки символов. Боюсь, что распространение таких бесконтактных и абстрактных отношений в ущерб живому непосредственному общению неприятным образом скажется на характере людей, сделает их менее человечными», афористично заметил Ноам Хомски⁴³⁶. Или же другая цитата: «На виртуальных сборищах или посиделках каждый входящий сам детально описывает собственную внешность – сколь угодно условную и воображаемую, вплоть до цвета глаз и длины волос. Каждый учится быть писателем, претворять предметный мир в слово»⁴³⁷. Только таланта писать и знаний писать о чем-то значимом хватает редко. Интернет-общение значительно проще, нежели нормальное человеческое общение. Оно не требует особых усилий, оно более безопасно, его можно начать и прервать в любое время, оно позволяет сохранять анонимность (отсюда и столь повсеместное распространение ник-нэймов в интернете), оно доступно. И эта доступность скрывает за собой ловушку. Да, бесспорно, в сети можно общаться, знакомиться и даже любить друг друга. Конечно, интернет-партнер лишен многих слабостей обычного человека, от него не может дурно пахнуть, он не может быть некрасив, но язык не

⁴³⁶ Цит. по: Ллойд Дж., Митчинсон Дж. // Книга цитат М., 2012. С. 163.

⁴³⁷ Эпштейн М. О виртуальной словесности [Электронный ресурс] // RoyalLib. URL: http://royallib.com/read/epshteyn_mihail/o_virtualnoy_slovesnosti.html#0

поворачивается назвать это настоящим общением. Интернет-партнер – это вариант индивидуального мифа, нечто вроде карманной фотографии кинозвезды, на которую можно долго смотреть, но никакого реального контакта она вам не обеспечит. В этой связи важно указать на принципиальную маскарадность интернет-общения. В данном случае речь идет совсем не о карнавализации общения в стиле Бахтина, позволяющей преодолеть выстроенные и жесткие барьеры реальной жизни, а именно о безответственности маскарада, где основополагающим моментом является анонимность всех его участников. Карнавал – это временная отмена социальных ограничений, позволяющая расширить зону общения, когда как маскарад нацелен на воплощение не реализуемых в реальной жизни без масок влечений путем мистифицирующей подмены собственной идентичности. Маскарад возможен только при условии фальсификации собственной идентичности, замены «я» на безличную маску. Это то место, где никто ни за что не несет никакой ответственности.

Интересно мнение писателя, блогера и бывшего главного редактора The New Republic, одного из пионеров жизнью в-онлайне Эндрю Салливана, который написал для журнала New York: «Каждую минуту пользователи YouTube загружают на сайт еще 400 часов видеоконтента, а пользователи тиндера пролистывают более миллиона фотографий. Каждый день пользователи фейсбука оставляют миллиарды лайков. Объем публикуемой онлайн-изданиями информации вырос в геометрической прогрессии, статьи строчат как из пулемета, и каждые несколько минут в новостях появляются новые подробности. Блоги, лента фейсбука, аккаунт в тамблере, твиты и пропагандистские каналы видоизменяют, одалживают и закручивают всю эту информацию по-новому... Не льстите себе, полагая, что контролируете то, на какие из соблазнительных заголовков вы кликаете. Технологи кремниевой долины и их постоянно совершенствующиеся алгоритмы нашли форму приманки, заставляющей вас прыгать как безмозглый пескарь. Никогда еще ни у одной информационной технологии не было столь глубокого знания своих потребителей – или столь продвинутой способности регулировать их синапсы, чтобы удерживать их в

состоянии вовлеченности⁴³⁸». В итоге мы получаем опять агору, но только уже не свободных людей, а манипулируемых зомби, погрязших в бесконечных текстах библиотеки.

Один из способов завлечения в паутину интернета, это так называемые «лайки», которые в соцсетях действуют на нас примерно так же, как специальный кликер для дрессировки – на собак⁴³⁹. Постепенно «лайки» превращают заход в Facebook из периодически случающегося действия в ежедневную деятельность. Тристан Харрис, один из менеджеров Google, называет дизайн технологий цифровой версией сахара, соли и жира, из-за которых человечество так пристрастилось к фастфуду. Facebook, Instagram и Twitter дают нам то, что в психологии называется переменной наградой, – неожиданное и непредсказуемое вознаграждение, доставляющее удовольствие. Посты, новости, «лайки», чьи-то фотографии возникают в соцсетях постоянно, без системы и расписания, и это заставляет нас настойчиво проверять странички. Мы ведем себя в точности как крысы: эксперименты показали, что, когда животное, обученное жать на кнопку, получает угощение после каждой попытки, оно быстро наедается и теряет интерес; если же вкусный приз достается ему нерегулярно, зверь будет играть очень долго. Кроме того, сайты и соцсети устроены так, что, заходя туда с единственной целью ответить на короткое сообщение или принять запрос о дружбе, мы все равно попадаем в ленту новостей, засасывающую нас новыми постами, фотографиями, видео, «людьми-которых-вы-можете-знать» и так далее⁴⁴⁰.

Более того, крупные социальные сети становятся эффективными инструментами выстраивания общественного мнения и даже проводниками определенных политических сил. Facebook, как и Google, давно став

⁴³⁸ Салливан Э. Когда-то я был человеком. История интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Slon. 2016. URL: <https://slon.ru/posts/74866#payline>

⁴³⁹ Кликер – приспособление для дрессировки собак, получившее свое название из-за звука, который он издает. Сегодня это одно из самых популярных приспособлений как для обучения командам с нуля, так и корректировки нежелательного поведения питомца. Принцип действия заключается в поощрении правильного поведения собаки, поданным в момент его совершения сигнала кликером.

⁴⁴⁰ Соломонова И. Наркоманы со смартфонами: как слезть с иглы технологий [Электронный ресурс] // Slon. 2016. URL: <https://slon.ru/posts/75089#payline>

общественным и глобальным институтом, принимает такие решения самостоятельно – в рамках логики частной компании. Формально сообщество Facebook – это частная территория, где хозяева вольны устанавливать любые правила. Не хотите – не ходите туда. Но вопрос остается открытым: если там зарегистрированы сотни миллионов человек, должна ли в какой-то момент появиться ответственность? «Сейчас Facebook, по сути, виртуальное авторитарное государство с населением больше, чем в России и США вместе взятых, где все решения принимает правитель, и нет ни парламента, ни состязательных судов. Там действует довольно жесткая цензура и любого человека могут забанить по анонимному доносу – прямо как в сталинском СССР⁴⁴¹».

А ведь в своем первоначальном воплощении агора была публичным местом сбора, дискуссий, принятия решений свободных жителей полиса, несущих государственную и военную службу. Лишь позднее она стала и торговой площадью, где также поддерживались правила честной торговли, точности мер веса и качества товаров. По сравнению с агорой публичная площадь интернета, где невозможно ни оценить качество товаров, ни качество предлагаемого общения, где под ником школьницы может выступать престарелый педофил, а количество контактов пытается выдать себя за их качество, больше похожа на огромный зал ожидания или восточный базар, сборище, где тебя норовит обмануть каждый продавец, если до этого тебя не успеет обчистить вор-карманник. Агора невозможна без личной ответственности и репутации, интернет – царство анонимности и безответственности. Это еще один вариант «ящика Пандоры», откуда появляются силы, разрушающие идентичность расширенного технологиями человека. С феноменологической точки зрения, идентичность есть переживание человеком принадлежности, включенности, овладения или управления теми или иными субъективной или объективной реальности. Освоенные протезы, инструменты, дававшие возможность изменения топологии

⁴⁴¹ Клишин И. Частный авторитаризм. Как Facebook и Google угрожают демократии [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. 2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2016/09/09/ru-64518/j54x>

субъекта с момента утраты ответственности за действия в пространстве интернета, начинают давать сбой. Ощущение ответственности так же на наш взгляд относится к базовым, хотя и психологически сложным формам установления идентичности (я не только чувствую себя, не только управляю собственными действиями, но и несу за них моральную или фактическую ответственность). В этой точке происходит расширение субъекта от физического, действующего и чувствующего, к моральному, ограниченному в своих действиях не столько физическими, сколько нравственными ограничениями, то есть тем самым нравственным императивом, положенным Кантом в основу сущности человека. У Сартра эта проблема была трансформирована в различие между вседозволенностью и подлинной свободой, основанной на ответственности. Пренебрегая принципом ответственности, интернет превратил свободу слова в безответственную вседозволенность. Кроме того, интернет освободил от многих условностей и ограничений, но свобода имеет обратную сторону и может давать волю далеко не лицеприятным человеческим качествам.

Снятие индивидуальной ответственности, имманентно присущее интернет-агоре, радикально трансформировало ряд принципиальных понятий, например, проблему свободы слова. Если раньше она ограничивалась возможностями выражения своего мнения пределами площадок или карой за неприемлемое высказывание, то сейчас можно найти в инете любые ссылки, тексты, фотографии, вплоть до интимных сцен с участием известных политиков. К сожалению, эта беспредельность виртуальной агоры обернулась неожиданной девальвацией авторства высказывания. Поскольку в подавляющем большинстве случаев никто не отвечает за истинность выложенной информации, то никому не приходит в голову и идея ответственности за ее достоверность. Когда-то за диффамацию человек отвечал собственной свободой, даже жизнью. Сейчас она стоит не больше прогноза погоды, а любая новость не доживает до следующей недели. Произнесенное на настоящей агоре слово имело отнюдь не метафизический вес. Сократ, утверждая истинность своих высказываний и отстаивая свои идеалы, ответил за это право своей собственной жизнью. Ответом

на публичное оскорбление мог быть вызов на дуэль, результаты которой были отнюдь не предсказуемы, и каждый ее участник рисковал жизнью (ни у Пушкина, ни у Дантеса не было иного выбора, кроме дуэли, для разрешения ситуации, получившей публичную огласку). Намного позже, в советское время, критическая статья в «Правде» или «Известиях» стоила человеку карьеры или даже жизни. Нисколько не ностальгируя о цензурных временах, все же нельзя не признать, что нынешняя невыносимая легковесность публичного слова и безответственность авторов интернета оборачивается легкостью и безответственностью реакции их читателей. Слова, оплаченные кровью, никогда не будут равны тем, что стоят лишь пота автора при нажатии клавиш и мускульных усилий при движении мыши. Чашу цикуты за посты в блогах не станет пить никто. «Интернет-революция открыла все шлюзы. Людям, которым бумажная эпоха не давала слова, – получили возможность говорить. И оказалось, что это люди, как правило, малограмотные, необразованные, распущенные, циничные. Но зато беспредельно, беззаветно, бессмысленно злобные. Они очень активны и агрессивны. Но при этом сентиментальны. Они ненавидят правительство и бунтовщиков, очень богатых и совсем бедных. Завидуют знаменитым и презирают безвестных. Они обожают себя, свои наряды, своих домашних любимцев. Они любят смертную казнь и пирожные»⁴⁴². И за всем этим кроется главное – отсутствие какой бы то ни было ответственности за размещенные высказывания. В пространстве интернета хорошо себя чувствуют «идолы рынка» и «идолы театра»: тирания слов и общепринятых мнений не ограничивается ни ответственностью, ни возможностями верификации. В свое время Бэкон говорил: «Тягостнее всех идола площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума»⁴⁴³. Происходит тотальная подмена означаемого означающим, и человек начинает принимать отражение за действительность, симулякры, как копии

⁴⁴² Драгунский Д. Прекрасное и без того трудно. Музыка интерлюции [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2013. URL: http://www.chaskor.ru/article/prekrasnoe_i_bez_togo_trudno_28005.

⁴⁴³ Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в двух томах. М., 1972. Т.2. С. 25.

отсутствующего оригинала, за никогда не существовавший подлинник. Интернет пространство стало своего рода рынком, площадью, где происходят ни к чему не обязывающие встречи, ведутся бессмысленные споры и даются бесчисленные толкования, выставляются на публичное обозрение семейные альбомы, просмотр которых, честно говоря, довольно скучное занятие.

В поисках корней ризомы безответственности интернета обратимся к диалогу «Софист», где Платон указал на эту проблему еще на реальной агоре. Он отметил, что в структуре бытия присутствуют объекты-фантазмы (симулякры), которые сегодня обрели свою реальность в виртуальном коконе интернета, где место софистов заняли так называемые «тролли» – пользователи, подстрекающие, провоцирующие, отпускающие саркастические замечания с одной целью: вовлечь других пользователей в бесполезную конфронтацию, наслаждающиеся процессом, а не результатом. Пытаясь найти критерии разграничения подлинной мудрости от ложной, логоса от доксы, Платон использует дихотомический метод деления⁴⁴⁴. Считая творчество либо божественным, творящим природные предметы и их отображения, либо человеческим, творящим искусственные предметы и их отображения (*пользователь, размещая свои материалы в сети, симулирует деятельность творца*), Платон по отношению к софистике обращает внимание на создание отображений искусственных предметов, т.е. подражание (материалы копируются, обрастают ссылками, комментариями, размещаются на других сайтах). Далее, Платон, утверждая, что человеческое подражание бывает также двух видов – творящее образы, соответствующие предметам и творящее призраки, им не соответствующие (симулякры). Софист творит призраки (*интернет-тролли создают виртуальные фантомы*). А так как подражание софиста основывается не на знании, а на мнении, он подражает, не зная того, чему на самом деле он подражает (*интернет-троль имитирует реальность, даже не столкнувшись с ней для тех, кто возможно никогда и не столкнется*). В своем подражании софист настолько искусен, что никогда не сойдет за простеца, а будет

⁴⁴⁴ Платон. Софист // Собрание сочинений. М., 1993. Т. 2. С. 339–345.

сознательным лицемером (*для интернет-троллей важен процесс имитации истины, причем главным становится достижение неотличимости подделки от несуществующего оригинала*). Но и в своей лицемерии софист двуличен, ибо не преследует никаких общественных и государственных целей, он просто извращает мудрость в частных беседах, запутывая собеседника в противоречиях (*для троллей социальная действительность не имеет значения – главное обозначить собственное присутствие, пометив свою виртуальную территорию в сети*). Современные софисты-тролли обладают несравненно большими возможностями для симулирования реальности, а мир, который они создают (имитируют), имеет еще меньше точек соприкосновения с реальностью, чем основанная на логических уловках «мудрость» софистов. В мире, созданном троллями, главное место занимают не проблемы детской смертности в африканских странах, а увеличение груди очередной знаменитости или проблемы развода поп-звезды, у которой никогда и не было несимулированного брака.

И библиотека, и агора предполагают некую иерархию, систему, планы, каталоги, но интернет – объект, аннигилирующий структуры, это ризома – децетрированная паутина-корневище, что делает ее идеально жизнеспособной, обеспечивает полное равенство ее бесчисленных побегов. Свобода высказываний и интерпретаций, легкость получения информации и установления коммуникации без приложения особых личных усилий упрощают структуру человеческой деятельности, переводя ее сложные высшие формы, даже не в действие, а в простые операции по поиску нужного сайта. Здесь интернет обнаруживает родовое сходство с употреблением наркотиков, так же дающих человеку иллюзию достижений, но на деле ограничивающейся покупкой активной субстанции у пушера. Можно подняться на Эверест путем долгой тренировки, подвергая себя реальным опасностям, а можно заказать вертолет, который доставит вас на вершину, где вы сделаете фотографии и разместите их на фейсбуке. И никто не сможет уличить вас в подделке. Карнавализация действительности, маскарад никнеймов – все это приводит к выхолащиванию эмоций человека, и, в конечном счете, лишают его таких привычных элементов несовершенного общения

докомпьютерной эры, как встречи с друзьями, первые свидания, разочарования и дуэли.

Э. Салливан провел параллель между церковью и библиотекой: объединяет их местная тишина, указывающая на что-то, лежащее за ее пределами, – на ученость, требовавшую времени и терпения, на поиски истины, ради которых нужно было оставить позади обычную жизнь. «Как и минута молчания, которой мы иногда поминаем трагедию, усилие безмолвия сигнализирует, что мы реагируем на что-то более глубокое, чем ежедневная банальность, на что-то более значительное, чем то, что можно выразить словами»⁴⁴⁵. Слова Бэллы Ахмадулиной: «Даруй мне тишь твоих библиотек...», звучат уже нелепо, ибо поиск нужных книг в каталогах и кропотливое их конспектирование заменено удобными технологиями поиска, прямо здесь и сейчас, предоставляющими тебе нужную информацию (или ее эрзац, что в мире симулякров уже не имеет ровно никакого значения). Поэтому, быть может, и знания, и отношения становятся предельно поверхностными, подобно компьютеризированным тестовым экзаменам и сайтам знакомств. «То, что компьютерный анализ результатов школьных тестов сделал с образованием, в точности соответствует тому, что Facebook сделал с дружбой. В обоих случаях жизнь превратилась в базу данных»⁴⁴⁶. Диффузия идентичности находит свое воплощение в зеркале нашей реальности – интернете, сквозь призму которого мы видим и описываем наш мир, только все чаще возникает ощущение – что зеркало это – кривое, равно как и кривы отраженные в нем люди и тексты.

До тех пор пока мы понимаем интернет как инструмент и средство, облегчающее возможности человека, такие как поиск информации, установление контактов, выбор модели развлечения, то это не так страшно, но когда мы начинаем его обожествлять, делать его единственным источником коммуникации, наделяя статусом «Сверх-медиа» и писать Его с Большой буквы, то мы, по сути, становимся, если не рабами, то слугами, «сервомеханизмами», не замечающими

⁴⁴⁵ Салливан Э. Когда-то я был человеком. История интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Slon. 2016. URL: <https://slon.ru/posts/74866#payline>

⁴⁴⁶ Ланир, Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 116.

потери подлинной сущности, с восторгом запутываясь в паутину окружающих нас сетей. Покуда мы расширяем себя, и обретенные искусственные органы остаются нашими подчиненными протезами, беспокоиться, если вы не лудит, в общем-то не о чем. Но если наступает тот момент, когда мы превращаемся в их придаток, не замечая, что уже сами становимся протезами, управляемыми порожденным нами Франкенштейном, то ситуация становится куда более драматичной.

3.3. Симулякры и технологии виртуализации идентичности

Развитие технологий информационного общества создают условия для формирования специфических форм идентичностей. Информационное пространство современного общества значительно отличается от того, что окружало человека 70–80-х гг. XX в., и главным образом тем, что широкое распространение получили технологии *виртуальной реальности*. В обыденном сознании, как правило, этот термин связывается с компьютерными играми и технологическими приспособлениями для более полного погружения в искусственные ландшафты. Но сегодня понятие «виртуальность» все чаще употребляется в контексте, выходящем за рамки области информатики и компьютерной техники. В обиход вошли такие, еще до недавнего времени бывшие «нереальными» сочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная демократия», «виртуальное обучение», «виртуальная игрушка», «виртуальные отношения», «виртуальный секс» и т.п. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества⁴⁴⁷, «виртуальной психологии»⁴⁴⁸ и формировании «виртуальных идентичностей»⁴⁴⁹. Можно утверждать, что информационные технологии современного общества начинают выступать в своей виртуальной ипостаси, которая максимально объективирована, предельно конкретна и осязательна.

Термин «виртуальная реальность» получает широкое распространение в качестве маркетингового ярлыка и понятия массовой культуры с легкой руки специалиста в сфере компьютерных технологий Джарона Ланье (Жарона Ланира), применившего данный эпитет в 1984 г. для обозначения нового компьютерного продукта. В одном из интервью он так определил сущность виртуальной реальности: «Мы говорим о технике, посредством которой люди, благодаря

⁴⁴⁷ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.

⁴⁴⁸ Носов Н.А. Виртуальная психология. М., 2000.

⁴⁴⁹ Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе. // Национальный психологический журнал. 2016. № 3(23). С. 86–97.

компьютерной интервенции, синтезируют общую реальность. Она переносит наши отношения с физическим миром на новый уровень...»⁴⁵⁰. Этот термин оказался довольно запоминающимся, ввиду необычного сочетания слова «реальность» со словом «виртуальный», ассоциирующимся с чем-то возможным, мнимым, воображаемым. Это броское выражение оказалось столь популярным, что превратилось в расхожую метафору, употребляемую по всякому возможному и невозможному поводу. Вместе с тем лавинообразно увеличивающаяся область распространения «виртуальной реальности», превратившейся чуть ли не в символ современной действительности, вызвала необходимость философского и психологического осмысления данного явления. Особенно это важно в условиях развития технологических возможностей построения систем виртуальной реальности. Так в тезисах Золтана Иствана – кандидата в президенты США от Трансгуманистской партии о перспективах VR-технологий говорится следующее. «Вполне вероятно (особенно после того, как Facebook купил Oculus Rift⁴⁵¹), что всё большее количество людей погрузится в мир виртуальной реальности в ближайшие пять-десять лет. Возможно даже возникновение целой зеркальной цивилизации в виртуальной реальности. Кто будет контролировать расширение мира виртуальной реальности? Будет ли она принадлежать национальным правительствам? Сейчас это так, но что, если какой-нибудь предприниматель начнёт раздавать эту виртуальную реальность из космоса, как некоторые уже планируют? Будет ли она принадлежать Земле или компании, которая её создала? Сможет ли её создатель объявить себя императором или лидером культа?»⁴⁵². Для ответа на эти не такие уж фантастические вопросы попробуем философски осмыслить феномен виртуальной реальности, а также описать социокультурные импликации ее вхождения различные сферы жизни информационного общества.

Философию «виртуальной реальности» предлагается описывать посредством *теории симулякров*, сформированной в рамках

⁴⁵⁰ Черных А. Мир современных медиа. М., 2007. С. 207.

⁴⁵¹ Проект очков виртуальной реальности, предоставляющих более широкое поле зрения, чем предшествующие разработки. Разрабатывался компанией Oculus VR с 2012 г., приобретенной Facebook в 2014 г.

⁴⁵² Трудно быть богом: что предлагает миру первый трансгуманист с президентскими амбициями [электронный ресурс] // FURFUR. 2015. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/215265-zoltan-istvan>

постструктуралистско-постмодернистского направления такими его представителями, как Жиль Делез⁴⁵³, Жан Бодрийяр⁴⁵⁴. Перед тем как перейти к рассмотрению их взглядов, отметим, что оттенки смыслового значения понятия «симулякр» или «симулакрум» (от лат. *simulare* – притворяться), меняется в зависимости от модели применения, – репрезентативной или нерепрезентативной. В контексте репрезентативной модели, воплощенной Платоном, симулякр следует понимать как копию копии, след следа, удвоение удвоения, претендующее на обозначение оригинала, подлинника. Для Платона симулякр – это знак, искажающий свой прототип. Но поскольку истинность определяется им, исходя из сходства или несходства вещи со своей идеей, то симулякры осуждаются как подделки, вымыслы, призраки и лишаются онтологического статуса. Пытаясь исключить из реальности искажающие ее фантазмы-симулякры, Платон первым задумался о природе этих странных объектов, которые сейчас мы назвали бы виртуальными. При этом именно Платон увидел, что симуляция представляет собой бесконечный процесс, подобный «саду расходящихся тропок», где каждый порожденный симулякр-фантазм конституирует серию других⁴⁵⁵. Таким образом, в рамках репрезентативной концепции симулякр представляется в качестве исключительно искусственной негативной сущности – ожившей маской арлекина, уродливо насмехающейся над действительностью. В то же время внутри репрезентативной модели обнаруживается модель нерепрезентативная, поскольку симулякры выходят за границы оппозиции подлинник-копия. Они уже не предполагают соотношения с никакими референтами. Конец Софиста, это идентичность с Сократом – триумф симулякров: «Окончательное определение софиста подводит нас к черте, за которой мы уже не можем отличить его от самого Сократа – мастера иронии, оперирующего в частной беседе каноническими вопросами и ответами»⁴⁵⁶.

⁴⁵³ См.: Делез Ж. Логика смысла. М., 1995; Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.

⁴⁵⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула, 2013.

⁴⁵⁵ Платон. Софист // Собр. соч. в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 339–345.

⁴⁵⁶ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 333.

Именно в таком русле рассуждал Ж. Делез, который за основу своих построений берет утверждение, что оппозиция модель-копия более не имеет смысла. Так, само понятие подлинности, соответствия, модели утрачивает смысл, ибо в головокружительной бездне симулякров теряется любая модель. С точки зрения нерепрезентативного подхода к симуляции, последняя представляется имманентной реальности, так как возможность симулякра уже изначально присутствует в структуре бытия, и потому Делез утверждает: «Все стало симулякром. Но под симулякром имеется в виду не простая имитация, а, скорее – действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие как (по меньшей мере) различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии»⁴⁵⁷.

В отличие от Платона, для Делеза, симулякр уже не просто копия копии, ослабевающее подобие, «деградирующая икона», а фантазмагорический образ, лишенный подобия, который в противоположность иконическому знаку, поместив подобие снаружи, живет различием. Да и по Делезу, подобие симулякра представляет лишь внешний эффект, иллюзию, но на деле подлинная его сущность в расхождении, становлении, вечном изменении и различии в самом себе: «В симулякре присутствует некое умопомешательство, некое неограниченное становление. Становление всегда иного, низвергающее глубинное становление, идущее в обход равного, предела, Того же Самого или подобного: всегда сразу больше и меньше, но никогда одинаковое»⁴⁵⁸. С помощью теории симулякров Делез выступает против позиции Платона, стремившегося установить соответствие хаотического мира и трансцендентной идеи, и при этом, аргументы он находит в самой сердцевине платонизма, в тех фрагментах, где Платон, пытаясь изъять из мира призраки и фантазмы, сам того не желая, придает им особую жизненную силу, которую питает их несхожесть, несоответствие, и в

⁴⁵⁷ Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 93.

⁴⁵⁸ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 336–337.

конечном счете, стремление к доминированию. Увы, от них не избавиться, как и обнаруживший их силу Платон, симулякры оказались бессмертными.

Наряду с делезовской трактовкой симуляции существует интерпретация Жана Бодрийера. Как и Делез, Бодрийер полагает, что симуляция начинается с утопии основного принципа репрезентации, утверждающего эквивалентность знака и реальности. По Бодрийеру, симулякр никаким образом не соотносится ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Если функция знака – отображать, символа – представлять, то в отношении симулякра говорить о каком-либо соответствии не имеет смысла. Образы стали симулякрами: «Они более не зеркала реальности, они вселились в сердце реальности, трансформировав ее в гиперреальность, где от экрана к экрану у образа есть только одна судьба – быть образом. Образ не может более вообразить реальность, поскольку он сам становится реальностью, не может ее превзойти, трансфигурировать, увидеть в мечтах, так как сам образ есть виртуальная подкладка реальности»⁴⁵⁹. В отличие от Делеза, интересовавшегося преимущественно онтологические аспекты симуляции, Бодрийер сосредоточивает свое внимание на социальных аспектах феномена и выдвигает тезис об «утрате реальности» в постмодернистскую «эру», на смену которой приходит «гиперреальность». Знаки больше не обмениваются на означаемое – они замкнуты сами на себя. Самоподдержание социальной системы продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности», как создание все более обыскуственней среды обитания, где человек более не страдает от тяжелого труда, болезней, голода, насилия, войн и даже не переживает экзистенциальных душевных конфликтов. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний... которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова»⁴⁶⁰. Бодрийер предлагает рассматривать симуляцию как заключительный этап становления знака, в процессе которого он выделяет четыре стадии развития: первая – отражение некоей глубинной реальности; вторая – маскировка и

⁴⁵⁹ Бодрийер Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] // Арктогея, Элементы, №9. 2000. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=555>

⁴⁶⁰ Бодрийер Ж. Прозрачность зла. М., 2012. С. 8.

извращение этой реальности; третья – маскировка отсутствия всякой глубинной реальности; четвертая – утрата всякой связи с реальностью, переход из строя видимости в строй симуляции, т. е. обращение знака в собственный симулякр⁴⁶¹.

Этот процесс разворачивания симулятивной природы знака можно проследить на примере четырех стадий развития рекламы. Изначально реклама несет лишь определенную (достоверную или не совсем достоверную) информацию о вещи с целью обеспечения ее продажи. Здесь между «посланием о предмете», заключенным в рекламе и самим рекламируемым предметом, можно установить отношение соответствия: насколько оно выполняется, настолько и «правдива» реклама. Понятно, что реклама на этом этапе дистанцирована от предмета, между ними всегда остается зазор, как между знаком и референтом.

На следующей, более высокой стадии развития реклама начинает создавать образ вещи, наделяя ее качествами, изначально ей не присущими, или же путем использования определенных приемов конструируя особую среду, атмосферу, в которую погружена вещь. Последняя уже перестает быть просто предметом, предлагаемым потенциальному покупателю; она обращается в некий символ, имидж, вызывающий определенное чувство, поведение, желание. Так создаются торговые марки, ставшие более значимыми, чем сами вещи (форма становится важнее содержания, глубина уступает место поверхности). Цена образуется исходя из «виртуального образа стоимости» – символической составляющей, выполняющей роль индикатора принадлежности к той или иной общности. Реклама на этом этапе обращается в симулякр, в котором присутствует не только информация о товаре, но и сами качества, определяющие реальную стоимость товара. Зазор между знаком и референтом исчезает.

Но на этом трансформация рекламы не заканчивается, – симулякры, выпущенные на свободу, рвутся дальше – и реклама обретает собственный онтологический статус, становится самоценной, причем в ущерб своим изначальным функциям – отражать и информировать. Когда мы начинаем оценивать рекламу не сточки зрения того, как она представляет товар, а в качестве

⁴⁶¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула, 2013.

самостоятельного художественного произведения, когда мы смотрим рекламу, будто это короткометражный фильм или живописное полотно, совершенно забыв о товарах и покупках, – тогда знак, которым она когда-то была, становится референтом, требующим оценки и соотнесения. Банка «Империал» давно нет. Рекламирующие его ролики Тимура Бекмабетова из цикла «Всемирная история» до сих пор пользуются популярностью в сети и стали классикой рекламы. Рекламная продукция выступает на правах признанного «жанра» на различных рекламных конкурсах и фестивалях. Здесь в полной мере проявляется тавтологичность рекламы как знаковой системы, ибо, как отмечал Бодрийяр, любой рекламный знак указывает не только на товар, но и сам на себя как на рекламу⁴⁶². В результате, на данной ступени реклама раздваивается (вспомним делезовские расходящиеся ряды, порождающие симулякры), еще оставаясь знаком товара-референта, но уже становясь референтом и товаром.

Можно ли дальше продолжить цепочку? Бесспорно, ведь мы имеем дело с симулякрами – дьявольскими образами без подобия – и не так-то просто остановить их маскарад, веницианские пляски смерти. Для иллюстрации возможности продолжения видоизменения рекламных знаков возьмем красноречивый пример, предложенный Бодрийяром, хотя и несколько в другом контексте. В «Системе вещей»⁴⁶³ он обыгрывает следующую ситуацию: «Вообразим на миг, что в наших современных городах вдруг не стало никаких знаков – одни голые стены, словно пустое сознание. И тут появляется ГАРАП – одно единственное слово "ГАРАП", написанное на всех стенах. Чистое означающее без всякого означаемого, означающее лишь самого себя, оно начинает читаться, обсуждаться, истолковываться вхолостую, начинает невольно что-то значить: оно потребляется в качестве знака». Знак, никак не связанный не то что с товаром, но и вообще лишенный какого-либо смысла, начинает выполнять функции рекламы – рекламировать полное ничто. Реклама стала знаком, референт которого сам знак, и перестала иметь какого-либо другого

⁴⁶² Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 151.

⁴⁶³ Там же, с. 150–151.

референта в лице товара. Но и это еще не конец. Если постфактум связать ГАРАП с какой-нибудь конкретной вещью, то успех ее продажи обеспечен, ведь ГАРАП уже прочно внедрился в коллективное сознание, и люди в какой-то мере поверили в него. Все переворачивается. Уже не реклама подстраивается под товар, а, наоборот, товар под рекламу. Направленность репрезентации инвертируется. Знак становится референтом, а референт знаком, давая начало новому циклу симуляций. Такова спираль развития рекламы как знаковой системы, в ходе которой симуляция становится генератором реальности. Примечательно, что на примере ГАРАПА Бодрийяр в 1969 г. описал так называемую «тизерную» (дразнящую) рекламу, рекламу того чего в рекламе нет, всплеск которой пришелся на 2013–2014 гг.

Основываясь на теориях Делеза и Бодрийяра, *симулякр* можно определить как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность, и, собственно говоря, доводящий саму идею знака до абсурда, до элиминации. Это даже не «кентавр знака и тела». На самом деле *симулякр сам есть тело, но тело виртуальное*, т.е. он также реален, как реально любое тело, являющееся референтом, но реален он виртуально. Именно поэтому симулякр не есть знак в полном смысле понятия знака, но он сам может быть референтом по отношению к представляющему его знаку-симулякру следующего порядка. Симулякр начинается там, где заканчивается подобие. Там же и начинается *виртуальная реальность*, которая есть не что иное, как *пространство симулякров*. Пример – (почти забытые, но в свое время очень популярные) игрушки тамагочи, виртуальные питомцы. Выстроим детерминированный ряд рассуждений в обсуждаемом контексте. Высшая степень близости между людьми это – любовь. Дружеские отношения – это некое подобие любви. Привязанность человека к домашнему животному – своего рода замещение дружбы с человеком. И вот животное заменяет виртуальный зверек – пластмассовая коробочка с маленьким экранчиком и несколькими кнопками, легко умещающаяся в кармане. Конечно, возможно сказать, что друг подобен любимому(мой), равно как утверждать, что собака или котик подобны другу; но говорить о том, что «примитивная»

электронная игрушка подобна собаке – живому существу, объекту дружбы и любви, уже не представляется возможным. Но, тем не менее, виртуальный зверек реален, он инициирует заботу по отношению к себе, вызывает привязанность, иногда даже не здоровую, отодвигает чувство одиночества.

Итак, там, где обрывается цепочка подобия, знак становится симулякром, той самой копией копии, бесподобного знака, лишенной привычного соответствия и живущей безумием различия, о котором пророчески говорил Ж. Делез еще до наступления цифровой эпохи. Симулякр обретает свое виртуальное бытие, по отношению к которому наша реальность становится конституирующей, порождающей. Но в своей реальности, воспринимаемую нами как виртуальную, он становится референтом, образцом, только без образа...

Возвратимся к примеру. Цепочку с тамагочи можно продолжить: чем будет фотографическое изображение виртуального зверька? Явно, что оно не будет симулякром, поскольку представляет собой лишь копию симулякра, и подобие составляет ее сущность. Но если мы поместим изображение виртуального зверька на экран монитора, «оживим» его, запрограммируем его в соответствии с прообразом, сделав кнопки интерактивными, наделив обратной связью, то копия симулякра обретет собственное бытие и, несмотря на внешнее подобие со своим прообразом, в сущности, становится чем-то отличным от него, т.е. опять станет симулякром, но уже второго порядка. Таким образом, мы получаем симулякр, симулирующий другой симулякр.

Подводя итог рассмотрению виртуальной реальности, охарактеризуем ее как *организованное пространство симулякров – особых объектов, «отчужденных знаков», которые в отличие от знаков-копий фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью, порождая ряды симуляций*⁴⁶⁴.

В противоположность актуальной действительности, выражающей целостность, стабильность и завершенность, виртуальная реальность является источником различия и многообразия (или их иллюзии). Симулякры как

⁴⁶⁴ См.: Емелин В. А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Научный информационно-аналитический, культурно-просветительный журнал "Государство, религия, Церковь в России и за рубежом". 2009. № 2. С. 133–142.

виртуальные объекты всегда присутствовали в различных ипостасях в индивидуальной и социальной жизни, и даже были эффективным средством влияния на ход истории. Достаточно вспомнить такие исторические симулякры как «Протоколы сионских мудрецов», «Жидомассонский заговор», «Константинов дар», «Третий Рим», «Древние укры», «Завещание Петра Первого», «План Даллеса» «Велесова книга», «новая хронология истории», «План Путина» и т.п. Но только сегодня они становятся неотъемлемыми характеристиками, во многом определяющими специфический постмодернистский лик информационного общества, которое и создало технологические возможности для реализации ресурсов, до сих пор остававшихся незадействованными в рамках предшествующей социокультурной парадигмы. Именно информационное общество способствовало утверждению виртуальной реальности в качестве общественно значимого, востребованного феномена, свидетельствующего и демонстрирующего возможности трансформации прошлого, настоящего и будущего.

Буквально «материализовалось» столь долго остававшееся нереализованным желание создавать альтернативные миры без ущерба миру реальному в компьютерной области. Применительно к компьютеру виртуальная реальность неразрывно связалась с графическими технологиями, которые посредством наделенного обратной связью взаимодействия «человек – компьютер» и дают эффект присутствия в некоем другом, отличным от действительного, искусственном мире.

Виртуальный мир, в котором оказывается человек в результате слияния компьютерной графики с возможностью непосредственного воздействия на события, принято называть *киберпространством*. Этот термин впервые появляется в 1985 г. в научно-фантастическом романе Уильяма Гибсона «Neuromancer»⁴⁶⁵, где используется для описания вселенной электронной медитации, в которой сосуществуют миллиарды людей. По мнению одного из первых исследователей в данной области, Френсиса Хэмита, –

⁴⁶⁵ Гибсон У. Нейромант. М., 2006.

«киберпространство – это сфера информации, созданная посредством электроники»⁴⁶⁶. Дж Сулер писал о нем следующее: «Киберпространство – один из способов изменения состояния сознания. Как и в измененном состоянии сознания вообще, киберпространство и все, что в нем происходит, кажется реальным – часто даже более реальным, чем действительность»⁴⁶⁷, что говорит о киберпространстве как о среде, трансформирующей высшие психические функции человека. Есть и другие определения киберпространства, например, «созданное и постоянно дополняющееся человечеством сетевое информационное воплощение ноосферы»⁴⁶⁸. Киберпространство стало новой средой для жизнедеятельности человека как субъекта киберсоциализации. Появляется такая специфическая область исследования влияния киберпространства на человека, как киберпсихология⁴⁶⁹. Особенности жизнедеятельности (в том числе специфика коммуникации) в киберпространстве оказывают влияние на реальную идентичность пользователей на основании того, что киберпространство обеспечивает отличные от условий реальной жизнедеятельности возможности коммуникации, принадлежности человека к определенным социальным категориям, референтной группе и относительно безопасное экспериментирование с идентичностью⁴⁷⁰.

Современные технические разработки уже позволяют достичь полного погружения в виртуальную реальность так, что технологии способны не только симитировать, но и полностью симулировать действительность. Входя в киберпространство, человек начинает ощущать себя не просто окруженным какими-то странными ландшафтами, нереальными телами, но и он сам становится таким телом – симулякром, «развеществленным» телом. Данный факт уже

⁴⁶⁶ *Hammet F.* Virtual reality. N.Y., 1993.

⁴⁶⁷ Цит. по *Белинская Е.П., Жичкина А.Е.* Пространство, населенное ДРУГИМИ [Электронный ресурс] // Киберпсихология Немного о психологии создателей и жителей Интернет. 2011. URL: http://ru-cyberpsy.blogspot.ru/2011/02/blog-post_2592.html

⁴⁶⁸ *Плешаков В. А.* Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С. 27–31.

⁴⁶⁹ *Войскунский А.Е.* Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // *Universum: Вестник Герценовского Университета.* 2013. №4. С. 88-90.

⁴⁷⁰ *Плешаков В. А.* Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1.

выходит за пределы событий чисто технологического плана, и подобный прорыв в области информационной деятельности несет в себе довольно значительные следствия, как для индивида, так и для общества. Посредством VR-технологий человек обретает возможность специфически по-новому ощутить бытие, обрести новый телесный образ, и возникает вопрос, каким образом такая трансформация может повлиять на его идентичность? Кроме того, по-другому следует взглянуть на проблему коммуникации. Ведь наделенные виртуальными телами люди могут осуществлять непосредственное взаимодействие друг с другом в киберпространстве, и трудно предположить, во что могут вылиться такие неожиданно открывшиеся возможности. Пока что мы сталкиваемся с последствиями переплетения реальной и виртуальной жизни в фантастической литературе и кинофильмах в стиле «киберпанк», причем показанное в них положение дел, отнюдь не внушает оптимизма. Так или иначе, но действительность оказывается порою гораздо фантастичнее любой научной фантастики, а брать на себя смелость делать футурологические прогнозы, особенно апокалиптического характера – занятие из разряда неблагодарных.

О чем можно уже говорить сегодня определенно, так это о вхождении в современную культуру специфически новых технологических способов бытия в мире. Провозглашенная постструктуралистами смерть субъекта, находит подтверждение в процессе виртуализации информационных технологий. Для описания позиции субъекта в контексте киберландшафта современного состояния предлагаются новые термины, например, «техносостояние рассудка» (Брюс Стерлинг) или «терминальная (конечная) тождественность» (Уильям Берроуз). По мнению Скотта Бьюкетмена, последний эпитет более удачен, так как в нем воплощаются как техно-пророчества Маршалла Маклюэна, провозвестника электронной эры, так и культурные анализы Жана Бодрийера. *Терминальная тождественность* – это безошибочно вздвоенное сочленение, в котором мы

находим и конец субъекта, и новую субъективность, сконструированную за пультом компьютера или телевизионным экраном⁴⁷¹.

Так, начав с довольно узкой области применения технологий виртуальной реальности, мы приходим к фундаментальным философским проблемам, связанным с деконструкцией субъекта в культуре постмодерна. И дело даже не в том, что сбываются выдвинутые еще в 60–70-х гг. прогнозы М. Маклюэна о расширении и продолжении нервной системы человека электронными медиа⁴⁷², и не в том, что в результате такого расширения происходит слияние человека с машиной и образование «компьютерно-порожденного» субъекта – гибрида человеческого и технологического, т.е. *киборга*. Субъект обращается в собственный симулякр, и физически, телесно оставаясь в действительном мире, ментально переходит в мир виртуальный, в пространство симулякров, где наделяется новым телом, не имеющим ничего общего с телесностью. Налицо факт *слияния субъекта и симулякра*. Вспомним Делеза: «Наблюдатель становится частью самого симулякра, а его точка зрения трансформирует и деформирует последний»⁴⁷³. Можно сказать, имеет место шизофреническое состояние, расщепление целостности индивида, находящегося одновременно в двух пространствах – уютно расположившийся за столом, окруженный компьютером и периферийными устройствами, он в то же время, ощущает себя другим существом, движения которого он видит на экране терминала и управляет ими. Технологии виртуальной реальности становятся инструментом трансформации высших психических функций человека информационного общества.

Очевиден эффект двойного присутствия, обладания двумя самостями. Но в то же время уместен вопрос: умножая самости, не приходим ли мы к ее полной вивисекции ее сути и расщеплению идентичности? Бесспорно, нельзя умалять опасности, связанной с возможностью полного растворения пользователя в киберпространстве, от чего не перестают предостерегать голоса скептиков или противников виртуальных технологий. Действительно, для подобных опасений

⁴⁷¹ Бьюкетмен С. Конечная тождественность // Комментарии. 1997. № 11. С. 177.

⁴⁷² Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003.

⁴⁷³ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 336.

есть все основания. Новейшие программные и сетевые технологические разработки уже сейчас позволяют сделать пребывание в виртуальной реальности настолько доступным и притягательным, что реальный мир с его несовершенством, исканиями и тревогами начинает сдавать свои позиции симулятивному фантазмагорическому миру, где место социальности занимает симуляция. Но если бы симуляция существовала только в мире компьютеров, виртуальных шлемов и интерактивных датчиков. Сегодня симуляция становится тотальной, становится стигматом информационного общества. Именно эти процессы виртуализации общества, опосредованные информационными и имиджевыми технологиями и практиками (интернет, TV, PR, реклама, мода), представляет во многом больший интерес, чем вопросы погружения в виртуальную реальность с помощью специальных устройств. Особенно в рамках проблемы трансформации идентичности в условиях развития технологий информационного общества. Игры в повседневной информационно-технологической действительности зачастую становятся более виртуальными чем компьютерные симуляторы.

Уместно вспомнить размышления М. Хайдеггера об общественном сознании – казуистически-спекулятивном фантоме, который ради самосохранения использует магию слова, создает мнимо-содержательные понятия, посредством которых скрывает истину, не гнушаясь ничем, вплоть до лжи и полного обесценивания истины. «...Соккрытие посредством самоистолкования... мнимой содержательности, ... обеспечивающей ниспадение вот-бытия от своей собственности как обладания-собой-при-себе-самом... в со-бытии вот-бытия»⁴⁷⁴. Не такими ли симулякрами в современном мире являются эрзацы, бессмысленные и бессодержательные понятия, которыми заполняется окружающее нас информационное пространство? Симуляцию можно рассматривать в качестве специфической характеристики постмодернистского мироощущения, а посредством виртуальных технологий симуляция вошла неотъемлемой деятельностной компонентой практически во все подсистемы информационного

⁴⁷⁴ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 295–298.

общества. «Превращение в последнее десятилетие XX века социальной реальности в эфемерную, нестабильную, описываемую постмодернистским принципом anything goes, явно коррелирует с возрастанием роли в жизни людей различного рода симулякров – образов реальности, замещающих саму реальность. В результате общество приобретает черты, описание которых приводит нас к использованию понятия «виртуальная реальность». Применительно к обществу виртуализация предстает не как единый процесс, а скорее как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности. Направленность эта обнаруживается как контраст между прежней «реальностью» социальных институтов и нынешней «виртуальностью» симуляций модернистских институционализированных практик в основных институциональных сферах – экономике, политике, науке, искусстве, семье»⁴⁷⁵. Виртуальные информационные технологии – это лишь одно из возможных воплощений симуляции, проявления которой мы можем найти в самых различных аспектах жизнедеятельности. Но наиболее интенсивное вхождение виртуальной реальности обнаруживается в средствах массовой информации, все в большей степени превращающихся в инструмент вытеснения отражения действительности ее симуляцией и, как результат, формирования виртуальных форм идентичности.

В настоящее время власть – это не просто политические и административные структуры, а не что иное, как технологический гибрид, обнаруживающий себя в роковом соединении власти и знака. Власть не может функционировать без массмедиа, которые и обеспечивают знаковое наполнение информационного пространства. Причем знак предстает в качестве симулякра, объединяя в себе как означаемое, так и означающее, тем самым, фиксируя не сходство, а наоборот, отчужденность от референтной реальности. Новые виды информационной коммуникации, связанные с перестройкой знаковой системы, коренным образом изменили способ реализации властных установок, где симуляция является основополагающей деятельностью. Когда Бодрийяр впервые совместил понятия власти и симулякра, он получил ту социально-политическую

⁴⁷⁵ Иванов Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб., 2002. С. 159.

реальность, в которой существует постмодерная культура информационного общества. Подобное положение дел подтверждается многими фактами, избирательных технологий, освещения военных, национальных и других конфликтов, создания имиджа власти и другими PR-стратегиями, осуществляемыми с помощью индустрии массмедиа. Ситуация складывается так, что средства массовой информации фактически перестают отражать действительность, а сами творят образы и симулякры, которые в силу своей ирреальной яркости собственно, и определяют гиперреальность нашей культуры, в которой происходит симуляция коммуникаций и формирование виртуальных идентичностей. Когда симулякры агрессивно начинают вытеснять породившую их реальность, «их нужно собрать где-нибудь вдалеке от копий, спрятать глубоко под землей, сковать цепями и не выпускать на поверхность»⁴⁷⁶.

Примером подобной деструктивной симуляции может послужить использование виртуальных технологий при ведении военных действий. Само понятие войны сегодня заменяется маскирующими и внутренне противоречивыми, а зачастую и пустыми понятиями-эвфемизмами, подобными таким эпитетам, как «миротворческая акция», «превентивная дипломатия», «антитеррористическая операция», «операция по восстановлению конституционного порядка», «оказание помощи в переходный период», «миссия по восстановлению доверия», «операция по принуждению к миру», «несгибаемая свобода», «позитивная дискриминация», «примирение враждующих сторон», «поддержание мира», «постконфликтное миростроительство», «мирная миссия», смысл которых, по сути, сводится к оруэлловскому «ВОЙНА – ЭТО МИР». Вспомним Р. Барта: «ВОЙНА. – Задача в том, чтобы отрицать ее. Для этого есть два средства: либо как можно реже о ней упоминать (самый распространенный прием), либо придавать ей противоположный смысл (прием более хитрый, и на нем строятся почти все мистификации буржуазного языка). Слово «война употребляется в смысле "мир", а слово "умиротворение" – в смысле "война"»⁴⁷⁷.

⁴⁷⁶ Гиренюк Ф.И. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делёза // Социо-Логос постмодернизма. М., 1996. С. 223.

⁴⁷⁷ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 181.

Более того, последняя воспринимается не как событие, совершающееся в реальности и разрушающее жизни людей и труды их рук, а как *игра в войну*, происходящая на компьютерных и телевизионных экранах. «Стиль» ведения войн современной истории, образцами которых послужили первая Иракская и Югославская кампании, предполагает максимальное отдаление субъекта силового воздействия от жертв и последствий его воздействия. Вспомним оценку Бодрийяром кампании в Персидском заливе в качестве «войны, которой не было», «мертвой войны». По его мнению, логика тех событий не является ни логикой войны, ни логикой мира, это некая «виртуальная невероятность» военных действий⁴⁷⁸.

Отгороженные дисплеями от реального театра военных действий, летчики или моряки, запускающие смертоносные ракеты, оказываются полностью выключенными из универсума войны, заполненного ужасом, смертью и отчаянием. Ситуация такова, что происходит столкновение не с виртуальными событиями в чистом виде, а с какой-то видимостью, выходящей за рамки пространства симулякров и имеющей вполне определенные и совсем не виртуальные результаты: разрушение и смерть. Нажатие кнопки, картинка летящей ракеты, взрыв на мониторе пилота или оператора, его картинка на телеэкране расслабленного обывателя, и конечно, сопровождающие ее заявления о том, что ни один мирный житель не пострадал. Освоившие новейшие информационные технологии, «постмодернистские» войны по-особому страшны...

Симулякры становятся наиболее притягательными и информационно значимыми, резонансными *событиями*. Вернемся с театров военных действий к театрам мирной жизни и вспомним историю со скандальной группой Pussy Riot. Что это было? Да, отвязные девушки просто попрыгали с гитарами у икон в храме, и даже не пели они там. Потом наложили музыку, сделали клип, попросили Богородицу прогнать Президента. И это не анекдот про власть, рассказанный на кухне, скорее мелкое хулиганство. Вряд ли данный инцидент

⁴⁷⁸ Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. М., 1994. №3. С.33 –36.

можно было бы считать значимым для внимания общественности событием. Но, как известно, в мире симуляций и симулякров не события формируют *новости*, а новости делают *события*. Джин из бутылки был выпущен, когда эта новость взорвалась как бомба в заголовках газет, сообщениях информационных агентств и репортажах новостных программ. Симулякр родился, только забвение могло помешать его появлению на свет, но у каждой технологии есть своя природа, и, если симулякр порожден, он начинает жить своей жизнью и творить своих виртуальных клонов, которые распространяются как метастазы, привлекая внимание все больших масс. И понеслось... рассуждения в духе «а если бы они вытворили это в мечети?», «миллионы верующих оскорблены», «христианская вера предполагает прощение», «реакция власти не адекватна», «вернуть молодых девушек к их детям». Ну и, конечно, выступления разгневанной общественности, митинги протеста против церкви, акции поддержки, призывы к «посажению на кол», дискуссии на телеэкранах, опросы общественного мнения, международная реакция, выступления мегазвезд эстрады, и вездесущие лозунги «Свободу Pussy Райт!», которыми расписываются европейские столицы. Снимаются документальные фильмы, ~~фильмы~~, участницы группы получают роли в культовом сериале «Карточный домик», присуждаются призы на престижных фестивалях, в довершение – номинация на премию «За свободу мысли» имени Сахарова, или двумя словами – маскарадные пляски симулякров. Внимание и освещение – это кровь и лимфа симулякров. В итоге группа получает мировую известность. Pussy Riot – самая экзотическая рок-группа в мире. «Они прославились, не записав ни одной песни, не сыграв ни одного концерта. В общем, много поводов для включения коллектива в книгу рекордов Гиннесса», иронично заметил музыкальный критик Артемий Троицкий. Только есть и другая, нелицеприятная сторона, когда симулякры овладевают реальностью, они творят не только картинки на экранах, но и оставляют материальные следы, которые уже не столь блестящие: тюремные камеры, тотальный видеоконтроль, голодовки. Симулякры не безобидны, особенно, когда из виртуальности они приглашают в действительность: «Добро пожаловать в реальность!». Только их реальность

уязвима, а лишенный внимания симулякр теряет свою силу, деградирует и отправляется туда, откуда пришел – в небытие. Уехавшая, после освобождения в надежде на мировую славу в США солистка Pussy Riot оказалась не востребовавшей и в итоге «подзабытой», ставшей никому не нужной вышедшей в тираж с и м у л я к р о й.

Последовавшему по стопам Pussy Riot «ловцу покемонов» екатеринбургскому блогеру Руслану Соколовскому со славой быть «узником совести» не повезло. Благодаря гуманности судьи за выдвинутые против него «нешуточные обвинения» в оскорблении чувства православных «через наделение Иисуса Христа качествами покемона как героя не только компьютерной игры и мультипликационного сериала, но и представителя бестиария японской мифологии», за размещенные на Youtube видеофрагментов ранящих и христиан, и приверженцев ислама через отрицание существования основателей христианства и ислама – Иисуса Христа и пророка Мухаммеда, за «издевательское переосмысление ситуации непорочного зачатия» Соколовский получил лишь условный срок⁴⁷⁹. Симулякр умер мертворожденным, а суд фактически признал, что Бог есть, а главный покемон так и остался не пойманным. По меньшей мере, выглядит странным смешение православной веры с выходками-симулякрами маскирующихся искателей славы под безбожников-симулянтов. Они не стоят внимания, и не стоили бы, если бы на их проступки не обратили поток внимания и не превратили бы в информационную шумиху и не растиражировали бы все это в СМИ.

Эту обратную сторону развития симулякров тонко описал Умберто Эко в своем романе «Маятник Фуко». Трое интеллектуалов, работников аудиозаписи, начитавшись бездарных рукописей «увлеченных» творчеством авторов, создают ради развлечения свою теорию заговоров, причем делают это с таким знанием дела, что шутка «материализуется» и рождается симулякр, захватывающий не только своих создателей, но и вовлекающий в этот круговорот

⁴⁷⁹ *Тумакова И.* Суд признал, что бог есть [Электронный ресурс] // Фонтанка. 2017. URL: <http://www.fontanka.ru/2017/05/11/121/>

событий других участников, для которых их «План» уже не выдумка, а действительность, и намерения у них не столь безобидны. Выпущенные на свободу своими создателями симулякры порождают путем «ракового деления» другие симулякры, которые подобно Олимпийским богам уничтожают породивших их Титанов. Судьба творцов «Плана» трагична, игра в виртуальность заканчивается реальностью смертей и сломанных судеб героев⁴⁸⁰. Символично, что в своем последнем романе «Нулевой номер» Эко снова обратился к теме симулякров. Он описал историю газеты, которая никогда не выходила, не выйдет и не должна выйти. Но в череде придуманных новостей, новостей, созданных газетой, призванных скрывать, подменять действительность, рождается новость-симулякр, о том, что диктатор Муссолини остался жив и в тени итальянской политики действуют группы заговорщиков. В итоге один из редакторов убит, а его коллеги в страхе спасаются бегством⁴⁸¹. Симулякры не безвредны, они ждут своих жертв смеясь.

В ноябре 2015-го произошло шокирующее по способу исполнения, но не выдающееся по своим причинам самоубийство. 16-летняя студентка из Уссурийска Рената Камболина, более известная по-своему нику в соцсетях как Рина Поленкова бросилась под поезд. Повод суицида стар как мир – несчастная подростковая любовь. Обескураживает высокотехнологический способ исполнения. Вместо предсмертной записки девушка опубликовала на стене ВКонтакте фотографию, где она она демонстрирует неприличный жест на фоне железнодорожных путей. Фотографию Рина сопроводила подписью «Ня. Пока»⁴⁸². Необычная предсмертная записка так понравилась пользователям соцсети, что ее не только начали активно лайкать и репостить, но и воспроизводить. Образ героини довольно прост – челка, шарф, натянутый до носа, средний палец в камеру и сленговая фраза. После известия о том, что поезд отрезал Рине голову, причем сделал это как гильотина, ровно отделив ее от

⁴⁸⁰ Эко У. Маятник Фуко. Спб., 1998.

⁴⁸¹ Эко У. Нулевой номер. М., 2015.

⁴⁸² Ня – слово-звукоподражание мяуканью на японском («ня»), аналог русского «мяу». Получило популярность у поклонников аниме, в особенности у детей подросткового возраста.

туловища, несчастная девушка обретает всероссийскую известность. Тем более, она типичная тян⁴⁸³ из интернета – любит блогеров, смотрит аниме и слушает популярную среди подростков музыку⁴⁸⁴. Распространенное в соцсетях фото возымело большой резонанс, а сопровождающая его фраза становится мемом⁴⁸⁵. Куммулятивный эффект локомотива и интернета, технологии творят из подростка самоубийцы символ, у которого нет подобия, и он не может не создавать ряды своих «копий», и начинаются расходящиеся круги симулякров. Камень брошен в виртуальную сеть океана, где плывут «синие киты», чтобы выброситься на сушу и найти там последний покой.

Так, не предполагавшая жизни после смерти милая девочка в розовой шапочке, обретает интернет-бессмертие и становится иконой квеста, игрой-симуляции, унесшей и уносящей жизни молодых, увы, не успевших найти свою идентичность людей. Информационные технологии и сети в совокупности с железнодорожными рельсами и колесами делают из Рины Поленковой симулякр Анны Карениной, только с той разницей, что запутавшаяся, и явно неидеальная супруга не утянула за собой под поезд других и не породила «синих китов» суицида, названных так по аналогии с феноменом самоубийств китов, выбрасывающихся на берег. Под названием «синие киты» скрываются группы смерти, вовлекающие в свой оборот подростков с помощью технологий, предлагаемых социальными сетями. Так, постгутенберговские хэштеги #кит, #китыплывутвверх, #синийкит, #тихий, #синий, #китом, #жду, #синий_кит, #хочу, #море, #разбуди меня в 4.20, #спасименя, #рина, #полерерамалиен, #тихийднм, #4, #китообразный, #Видья, #млечный_путь_далеко, #кураторнапиши, #гдемойкуратор, #явИгре⁴⁸⁶ стали маяками для привлечения дезориентированных и заинтригованных нервных подростков в тихую гавань успокоения.

⁴⁸³ Тян – в японском языке приставка к слову «девушка», а также суффикс, имеющий уменьшительно-ласкательный смысл.

⁴⁸⁴ Ня.Пока: Рина Поленкова [Электронный ресурс] // Memepedia. 2015. URL: <http://memepedia.ru/nya-poka/>

⁴⁸⁵ Интернет-мем (*англ.* Internet meme, мемос) – необычная, иногда бессмысленная фраза, неожиданно прибредшая посредством распространения популярности в интернет-среде.

⁴⁸⁶ «#Киты» и «#явИгре». Хэштеги, опасные для детей [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2017. URL: http://www.aif.ru/society/people/kity_i_yavigre_heshtegi_opasnye_dlya_detey

Обычно причины распространения групп «синих китов смерти» видят в происках ИГИЛ или украинских националистов, или же, как заявил, выявленный и осужденный якобы основатель и идеолог движения китов Филипп Будейкин «Лис», что он просто чистил общество: «Есть люди, а есть биомусор. Это те, кто не представляет никакой ценности для общества и несет или принесет обществу только вред. Я чистил наше общество от таких людей... Они умирали счастливыми. Я дарил им то, чего у них не было в реальной жизни: тепло, понимание, связь»⁴⁸⁷. Но считать, что унылый молодой человек мог создать нагоняющее ужас движение смерти, было бы нелепою Технологии, особенно творящие реальный/иллюзорный=виртуальный мир, в силу своей привлекательности, всегда востребованы, и никогда не будут нейтральными, они будут *соблазнять*. Именно в *не-нейтральности* обыденных виртуальных технологий скрывается загадка контркультуры «китов», соблазняющих и увлекающих своих апологетов в силки смерти.

Синие киты – это радикал тех же загадочных узоров цветных и красивых татуировок, и блестящих колец, прокалывающих и пронизывающих тело и лицо, без которых ты не «моден». Ты изгой, ты не такой как те, кто оригинальней, и не так свободен, как они, заэкранные модераторы. Или проще. Очередная интуитивная и патологическая форма обретения идентичности. *Гипер-решение*. Нет ничего идентичней и эквивалентней, чем объективно распластанное на асфальте тело только что неидентичного и неэквивалентного юного субъекта.

Симулякры проникли и в науку. Триумфально, обстоятельно, со знанием дела, увлекая за собой массы адептов. Блоггер А. Невеев опубликовал остроумную статью «Симулякр, или как продать дырку от бублика?», в которой рассказывается о пустых понятиях в науке, заполняющие собой научный дискурс и вытесняющие действительно значимые проблемы. А. Невеев описывает генезис формирования лженаук, в основе которого лежит сформированная еще в детстве вера человека в то, что, если есть слово, значит, есть и предмет (или

⁴⁸⁷ Чистосердечное признание Филиппа Будейкина [Электронный ресурс] // Livejournal. 2016. URL: <http://sell-off.livejournal.com/16567840.html>

явление), которое этим словом обозначается. «Человеку легче воспринимать мир, как совокупность предметов, чем как недифференцированное поле. И создавая симулякр, вводя его в сознание человека, можно добиться того, что для человека станет реальным, предметным нечто, чего на самом деле нет. Главное – найти слово. Поэтому любая псевдонаука полна новых слов, которые, вдобавок, имеют наукообразный вид». И вот мы оказываемся окружены умными и красивыми словами, причем для симулякринга лучше использовать абстрактные и одновременно знакомые, такие как «энергия», «информация», «система», «комплекс», «аспект», «синергия», снабдив их для наукообразности приставками-симулякрами: «пост», «био», «нео», «нано»⁴⁸⁸. В итоге умы занимают не только астрология, алхимия, нумерология, парапсихология или уринотерапия, но и такие симулякры как, информациология, уфология, волновая генетика, нейролингвистическое программирование, суперкритическая историография, яфетическая теория, торсионные поля, ресурсы физического вакуума, кварк-глюонный конденсат, и конечно трансгуманизм.

Использование научных симулякров порождает и симулякры коммерческие, например, такие высокотехнологичные продукты, как «нанопрокладки», «косметика с живыми молекулами», «фильтры Петрика» и даже «инновационные вагоны». Понятия-симулякры не чужды и бюрократическим структурам. Вместо программы развития мы слышим «Дорожная карта», вместо проблем – «вызовы», вместо новых продуктов – «инновационные», да и вообще, что такое инновация? Может и смысл употребления подобных терминов есть попытка обозначить то, чего нет, и не будет, потому что не может быть? Копии отсутствующих оригиналов, слова, прикрывающие отсутствие означаемого и утрату смысла, знаки, скрывающие, что их нет, оказываются весьма эффективны для постановки и ухода от решения заведомо нерешаемых задач. В результате мы и получаем мир, описанный Ж. Бодрийяром, где вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и

⁴⁸⁸ *Невеев А.* Симулякр, или как продать дырку от бублика [Электронный ресурс] // Livejournal. 2013. URL: <http://neveev.livejournal.com/19935.html>

предназначения, вступая на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда, как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию⁴⁸⁹.

Со смысловым значением слова «симулякр» сопряжен целый ряд других слов и понятий: подобие, фантазмы, фальшивое, притворяться, манекен, имидж, видимость, блеф, неистинное прикидывание, муляж, личина, подделка, иллюзия, ложное, подлог, грим, маска, обман, мираж, мнимое, фикция, камуфляж, химера⁴⁹⁰. И этот ряд можно продолжить, включив в него эрзацы и карикатуры, госзакупки и откаты, народных избранников и казнокрадов, виртуалов и банкиров, ученых и наукометров, трансвеститов и инноваторов, пугалы и жупела. Технологически воспроизводимые ряды симулякров расширяют просторы и ландшафты виртуальности. Приведенный, и далеко не исчерпывающий, обзор возможных вариантов виртуального выстраивания реальности говорит о том, что процессы симуляции и виртуализации играют значительную роль в социокультурном пространстве в современном мире. В виртуализированном обществе симулятивная деятельность позволяет говорить об утрате устойчивости социальных структур и о призрачности и нестабильности социального бытия, что еще раз свидетельствует о кризисе идентичности в ситуации постмодерн. Примером этого стал начавшийся в 2008 г. глобальный кризис и продолжающийся волнами и по сей день, причиной которому стало виртуализация финансовой сферы, жилищного кредитования, а затем и нефтяной отрасли. Затем бесконечные скачки курсов валют, цен на недвижимость и, как итог, неуверенность и утрата устойчивой идентичности.

* * *

Завершая тему, связанную с осмыслением роли симулякров в информационном обществе, еще раз подчеркнем, что, что цифровые технологии

⁴⁸⁹ Бодрийяр 2012, с. 11–12.

⁴⁹⁰ Гусева Е.С. Новые мифологемы современного сознания: симулякры (к проблеме деструкции бинаризма) // Вестник НГУ. Серия психология. 2011. Т. 5. Вып. 2. С. 64.

по мере своего совершенствования все в большей степени приобретают виртуальный характер, перестают отражать, а все больше симулируют действительность. Рассматривая влияние виртуальной реальности на жизнь современного общества, необходимо четко понять, что базисом этого феномена являются информационные технологии, которые, в свою очередь, являются фундаментом окружающей нас культуры (пост-культуры, пост-нормальной культуры), пока не нашедшей для себя лучшего и при этом бесконечно пустого определения, чем сокрытый и прикрытый симулякрами «постмодерн». Именно в неразличимости виртуального и реального Ж. Бодрийяр видел главную проблему трансформации не только идентичности, но и самих высших психических функций. На пороге третьего тысячелетия он задается проклятым вопросом: «Что по ту сторону конца?», и в его ответе нет оптимизма: «по ту сторону конца есть виртуальная реальность, то есть горизонт запрограммированной реальности, в который все наши физиологические и социальные функции (память, аффект, интеллект, сексуальность, работа) постепенно становится бесполезными. По ту сторону конца, в эре трансполитического, трансэстетического или транссексуального все наши машины желания сначала станут крошечными механизмами спектакля»⁴⁹¹.

Способ вырваться из оков постмодернистской практики тотальной симуляции просматривается в другом специфически постмодернистском пути восприятия действительности – иронии. Быть может, именно ироничное отношение к происходящему поможет оградить нас от иллюзии очевидности, созданной диспозитивом власти-технологий-симулякров. Иронию не стоит считать симулятивной реакцией на симуляцию, равно как не стоит расценивать ее как «Великий отказ» – в мире, где власть технологизирована и вездесуща, любая акция под знаком всеобщности была бы бессмысленна⁴⁹². Ирония – это сугубо личная, индивидуальная практика – это то, что Фуко назвал «*техникой себя*», «*заботой о себе*». Вооружившись иронией, можно жить в пространстве

⁴⁹¹ Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка Года [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. 2010. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml>

⁴⁹² Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

симуляции и не обратиться при этом в симулякр. Это действенный способ, находясь в фатальных рамках постмодернистского информационного дискурса, найти свой, собственноличный стиль существования отличный от «гетерогенного единообразия», навязчиво предлагаемого нам постмодерной культурой. Иронию в некотором роде служит панацеей от симулятивных технологий медиа-власти постмодерна, реализующей тотализирующие модернистские по своей сути цели, используя при этом плюралистичные постмодернистские методы. Ирония и самоирония с одновременной заботой о себе, критическое отношение к двум мирам, в которые мы оказались погружены: как к окружающей действительности, так и к виртуальной реальности, поможет помочь противодействовать изменению биосоциальной природы человека, трансформации его высших психических функций, и, в конечном счете, сохранить его идентичность. Симулякры – вампиры постмодерной культуры, отравленная кровь артерий информационного общества. Не биологическое, но предельное, избыточное, технологическое *транспарентное* расширение идентичности, трансформирующее осколки действительности в зеркальные бесконечные ряды отражений утраченных оригиналов. Барьеры, которые отделяют мир от его виртуальной имитации становятся все призрачней. Никто не думал, что это произойдет так быстро.

3.4. Мобильные телефоны: натальные трансформеры идентичности⁴⁹³

Одной из наиболее стремительно развивающихся технологий, является мобильная связь, ее также можно признать и наиболее близкой к человеку – ни с одним прибором он не проводит столько времени в повседневной жизни, сколько со своим сотовым телефоном. При этом неразлучный друг человека слишком хорошо исполняет свое главное назначение – делать своего владельца доступным, предельно доступным. Основная идея мобильного телефона состояла в обеспечении непрерывной возможности доступа к связи абонентов вне зависимости от местоположения последних. Еще в 90-х годах XX века для того чтобы позвонить, нужно было найти телефон-автомат, а междугородный звонок требовал даже нахождения специальной службы, записи и ожидания. Причем по историческим меркам совсем недавно, как минимум до середины прошлого века, а то и дольше, основным средством коммуникации были почтовые письма.

Теперь ситуация изменилась коренным образом с развитием систем сотовой телекоммуникации, напрямую связанным с расширением «зоны покрытия» сетями. Мгновенно охватив города, соты проникли в деревни, в которых не видели никогда проводного телефона, спустились в метрополитен, подземные торговые центры, подвалы ночных клубов в стремлении не допустить такого некомфортного механически сказанного оповещения: «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Результатом этой заботы о человеке стала возможность абонентов мгновенной связи друг с другом – что является бесспорным достижением научно-технического прогресса. Проблема состоит в том, что все стали слишком доступны. Привязав себя к телефону, человек оказался в амбивалентной ситуации – с одной стороны, он хочет быть доступен для тех, чьих звонков он ждет, а с другой стороны, ему необходим

⁴⁹³ При написании параграфа использовались материалы совместных научных исследований с А.Ш. Тхостовым и Е.И. Рассказовой. См.: *Емелин В. А., Тхостов А. Ш.* Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // *Вопросы философии.* 2010. № 5. С. 84–90; *Тхостов А. Ш., Емелин В. А.* От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий [Электронный ресурс] // *Психологические исследования.* 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n6-14/400-tkhostov-emelin14.html>; *Тхостов А. Ш., Емелин В. А.* Мобильные деспоты // *Дети в информационном обществе.* 2012. №12. С. 60–65; *Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш.* Мобильная связь: факторы и механизмы воздействия на человека // *Credo new.* 2013. № 1(73). С. 142–162.

отделенный от других собственный дом. Беря в руки мобильный телефон/смартфон человек становится деприватизированным и превращается в абонента. Зачастую ради удобства люди вынуждены отказываться от приватности. Этот факт был отмечен еще Маршаллом Маклюэном применительно к проводным телефонам: «Сегодня младший руководитель может обращаться по имени к своим старшим коллегам в разных частях страны. “Вы просто начинаете названивать. Каждый может войти по телефону в кабинет любого менеджера. К десяти утра, дозвонившись до нью-йоркского офиса, я уже звал всех по именам”. Телефон – это неотразимый агрессор во времени и пространстве, отчего руководители высшего звена обретают иммунитет к его звонку, только когда обедают за столом для почетных гостей. По самой своей природе телефон – чрезвычайно личная форма, игнорирующая всякие претензии на визуальную приватность, ценимую письменным человеком»⁴⁹⁴. Использование мобильных гаджетов приводит к «размыванию» психологических границ. Человек становится полностью открыт для окружающего мира: с ним можно связаться в любой момент его жизни. Предполагается, что новый iPhone будет знать о своем владельце практически все. И опять возникает тот же вопрос: с кем он сможет этой информацией поделиться?

Американский публицист Марк Дери, описывая разрушение приватности средствами телекоммуникации пишет: в мире, где, «все мы связаны» (утверждение телефонной службы Нью-Йорка), работа вторгается в наше нерабочее время, рабочий день захватывает вечера: видео, телефоны и гнезда для подключения ноутбуков превращают каждое кресло нового «Боинга-777» в воздушный офис, услуги пейджинговой и сотовой связи, предоставляемые одним горнолыжным курортом в Вейле, штат Колорадо, позволяющим отдыхающим использовать для работы то время, которое обычно пропадает, когда они едут на подъемнике⁴⁹⁵. «Нужно плотно закрывать за собой дверь, уходя с работы домой, иначе работа заполнит собой все другие сферы вашей жизни, и вам трудно будет

⁴⁹⁴ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 309.

⁴⁹⁵ Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург, 2008. С.20.

думать о чем-то еще, кроме нее. Особенно о досуге», – констатирует Питер Дж. Хэнсон, автор книги «Стресс ради успеха»⁴⁹⁶.

Мобильный телефон разрушает любые физические преграды, и стены домашнего очага не защитят служащего от позднего и совсем ненужного ему звонка. Простое решение выключить телефон противоречит базовой идее мобильной связи – обеспечения непрерывной доступности, а для человека является бегством, проявлением слабости. Человек, включенный в систему мобильной связи, теряет одну из своих защитных границ. Взамен этого он получает некое странное полупроницаемое пространство, принадлежащее не только ему, но и любому человеку, узнавшему номер его мобильного телефона. Это пространство обладает диффузными свойствами общего коммуникативного тела, формирования необычного и пугающего гомункулуса «неполного авторства», невозможностью контроля субъектности, ощущением «открытости для других» и, в конечном счете, утратой чувства нормальной безопасности. Это странная смесь доступности извне и изнутри делает расплывчатой сердцевину самоидентичности.

Сравнивая особенности коммуникации посредством персонального компьютера и мобильной связи, Эндрю Салливан отвечает, что, если еще совсем недавно коммуникация, осуществляемая в интернете, хотя и вызывала привыкание, но была стационарным действием. «Сидя за рабочим столом или дома с ноутбуком, вы проваливались в кроличью нору ссылок и выныривали минуты (или часы) спустя, чтобы вновь столкнуться с действительностью. Но смартфон сделал кроличью дыру портативной, и теперь мы можем проваливаться в нее где угодно, в любое время, что бы мы еще ни делали. Вскоре информация проникла в каждый квант нашей жизни. И это произошло с ошеломительной скоростью. Мы практически забыли, что десять лет назад смартфонов просто не существовало. Меньше чем за десятилетие это приспособление превратилось из доселе неизвестного в незаменимое. Места, где раньше было невозможно оставаться на связи – самолет, метро, дикая природа, – уже сейчас можно

⁴⁹⁶ Цит. по: Miller B. Got a Minute? // New York Times. 1994. April, 24. Sect. 9. P. 8.

пересчитать по пальцам, и их число стремительно уменьшается. Сегодня даже туристические рюкзаки оснащены батареей для зарядки смартфонов. Возможно, что единственное оставшееся «безопасное место» – это душ⁴⁹⁷. Но это заблуждение, которое развеяли последние топовые модели смартфонов, являющиеся водонепроницаемыми. Душ тоже стал «небезопасен».

В стремлении не допустить ситуации «вне зоны доступа» возникают новые сервисы, призванные обеспечить невозможность выхода абонента из «покрытия» сетью связи. Выключение телефона перестало спасать нас от звонков, с тех пор как была введена услуга SMS-оповещения о поступивших звонках в период, когда телефон не работал. Даже если мы не хотим знать о том, звонил ли кто нам, об этом все равно будет сообщено. Более того, игнорировать вызов не всегда возможно, поскольку звонящий знает, что вам станет известно о факте его звонка. Патологическим симптомом утраты приватности является тревога, испытываемая абонентом, видящим на дисплее своего телефона надпись: «номер не определен». Звонки не прекратятся даже при отрицательном балансе – забота компаний о своих абонентах не знает границ. Для этого существует услуга оповещения, что абонент «стал доступен для звонка». Т.е. – «вы не сможете избежать общения». «Абонент» не может быть «неабонентом».

Сохранение приватности стало самой большой роскошью. Если в начале изобретения мобильного телефона, бывшего в тот момент символом «продвинутости», можно было купить его пластмассовый муляж, а затем появился телефон Vertu, который нужно было показывать, то современные олигархи гордятся тем, что у них вообще нет никакого телефона. *Роскошь недоступности* стала неким высшим признаком избранности, божественного статуса, к обладателю которого можно видимо, обращаться только односторонним способом: молитвой. Маклюэн, еще задолго до изобретения телефона, приводит по этому поводу цитату о прячущихся от телефонных звонков знаменитостей. «Парадоксально, но в то время как их имена и образы не сходят с

⁴⁹⁷ Салливан Э. Когда-то я был человеком. История интернет-зависимости // Slon. 2016. URL: <https://slon.ru/posts/74866#payline>

широких экранов, они предпринимают все больше усилий к тому, чтобы стать недоступными во плоти или по телефону... Многие "крупные имена" никогда не выдают своих телефонных номеров, телефонная служба принимает каждый звонок и только при поступлении запроса передает накопившиеся сообщения... "Не звоните нам" – этот девиз мог бы стать настоящим региональным кодом для Южной Калифорнии». «Все одиноки по телефону» описало полный круг. Скоро сам телефон станет «совсем одиноким и погружившимся в грусть»⁴⁹⁸. Богатые люди не носят телефонов, и не знают своих номеров. Для этого у них есть возможность расширения телесности путем использования помощников и охранников, которые принимают или не принимают поступающие звонки.

Как и любая информационная технология, технология мобильной связи обеспечивает достижимость людей и возможность быстрого получения и передачи информации – тем самым снижая неопределенность и приводя к чувству безопасности. Крайне важно, что ни одна из существующих информационных технологий не обладала такой степени близости, «нательности» для пользователя. Мобильность и удобство приводят к «прочному» вхождению технологии в жизнь людей, и, в конечном счете, появлению зависимости от нее. Сюда относится не столько «проблемное» пользование, сколько широко распространенные явления, когда люди стараются носить телефон с собой, испытывая тревогу при его потере или разрядке. В общественном транспорте, на улицах городов стала привычной картина, когда люди не выпускают из рук свои телефоны, находятся в постоянном состоянии ожидания звонка и механически набирают текстовые сообщения. И будто Данко свое сердце держат перед собой телефоны миллионы абонентов и смотрят на свет их экранов, только вопрос, освещает ли они им путь.

Мобильный телефон или смартфон предоставляет все возможности для персонализации – изменения его черт и особенностей так, чтобы отражать вкусы, предпочтения хозяина, нести социальную информацию^{499, 500}, тем самым вызывая

⁴⁹⁸ Маклюн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 312.

⁴⁹⁹ Srivastava, L. Mobile phones and the evolution of social behavior // Behavior and Information Technology. 2005. №24(2). Pp. 111-129.

у человека представление о телефоне как части физического и персонифицированного Я. Конечно, телефон Vertu определит статус человека, подобно дорогим часам, но качество связи он обеспечит не лучше, чем дешевая модель, равно как часы стоимостью в десять тысяч долларов не покажут время в тысячу раз лучше, чем часы за десять. Но телефоны стали предметом культа. Так описывается желание купить первыми смартфоны компании Apple iPhone 7, продажи которого в России стартовали 23 сентября 2016 г.: «Огромная очередь выстроилась на Красной площади в Москве. Люди занимали места в очереди с раннего утра, а некоторые даже с ночи, несмотря на то, что старт продаж запланирован на 10:00 по московскому времени. "Вчера собирались с друзьями с 8 вечера, сидели, сходили в кафешку. Я был девятым в очереди. Мне повезло, я взял одно из последних устройств. С ночи в очередях стали продавать места в очередях. Седьмое место продавали, шестое, четвертое. Второе место было продано за 50 тысяч рублей", – рассказал один из счастливых обладателей нового iPhone»⁵⁰¹. Кажется бы, что принципиально нового в следующей модели ряда смартфонов, кроме увеличившейся цены? Просто дело не в новизне, а в идентификации с данной маркой телефона, если телефон обновился, то покупка новой модели создает ощущения и «обновления пользователя». Все ради идентичности...или ради мобильных деспотов?

Комплекс услуг по мобильному позиционированию позволяет определить местоположение абонентов – смартфон, будучи доступным по своей сути, делает доступной информацию о местонахождении его владельца, превращая его в экспонат Паноптикона^{502,503}. Абстрактная идея идеальной системы наблюдения, придуманная Джереми Бентамом, реализовалась не в виде специального здания, а в виде миниатюрного прибора, казавшегося вначале невинным гаджетом. Мобильный телефон стал действенным средством контроля как потенциального,

⁵⁰⁰ Tian, L., Shi, J., Yang, Z. Why does half the world's population have a mobile phone? An examination of consumers' attitudes toward mobile phones // *Cyberpsychology and Behavior*. 2009. №12(5). Pp. 513-516.

⁵⁰¹ Места в очереди за iPhone 7 продавали за 50 тысяч рублей [Электронный ресурс] // Рен. 2016. URL: <http://ren.tv/novosti/2016-09-23/mesta-v-ocheredi-za-iphone-7-prodavali-za-50-tysyach-rublej>

⁵⁰² Драгунский Д. Паноптикон. Отнимать и подглядывать [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2009. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=10400>

⁵⁰³ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.

так и реально воплощаемого на практике. Подобно тому как спутниковые телефоны использовались в качестве маяков для наведения на жертву, мобильные телефоны, будучи постоянным спутником человека, одновременно становятся его виртуальным хозяином. Забавным симптомом, отражающим привязанность человека к телефону, становятся факты, когда умерших владельцев хоронят вместе с их мобильными телефонами. Парадоксальная иллюзия: доступность должна обеспечиваться и в «ином мире». Интересно только, с кем же они там разговаривают? И как «там» работает зарядное устройство? Это почти точное повторение идеи древнеегипетских захоронений, где погребенного фараона обеспечивали всем, что могло бы ему пригодиться в потустороннем мире.

В контексте принятых в культуре представлений интересно рассмотреть еще одну особенность мобильной связи и технологий в целом – их способность к продуцированию *мифов* и действие по принципу *плацебо-эффекта в широком смысле слова*⁵⁰⁴. Знания среднестатистического пользователя о том, как реально устроена технология и на основе чего работает, минимальны, как и знания пациента, принимающего таблетку о законах ее воздействия на организм. Поэтому, используя технологию, человек опирается не на знания о механизмах, а на мифологические представления о том, что причина (взял с собой мобильный телефон с заряженным аккумулятором и положительным балансом, оказался в зоне связи) порождает следствие (можно дозвониться куда угодно), между которыми некий «черный ящик», описываемый такими общими словами, как сеть, сигналы соты и станции. Как следствие, возникает *иллюзия контролируемости* – человек *считает*, что границы его телесности расширены, что он может дозвониться куда угодно, но на самом деле он *лишь частично* контролирует этот процесс, человек *считает*, что смартфон – это часть него, но это всего лишь аппарат, который может изменить своему хозяину и сломаться или разбиться в любой момент, может потеряться, и все данные будут утеряны, равно как может в любое время выйти из строя сама сотовая сеть. Простые проявления таких иллюзий: формально все знают о разных причинах недоступности других людей,

⁵⁰⁴ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.

но многократное столкновение с сообщением «абонент недоступен» вызывает тревогу или раздражение; многим знакомы переживания, почти обиды при утере или порче телефона, при этом не немногие люди, опасаясь утраты или распространения личных данных регулярно копируют содержимое адресной книги на другие носители, равно как опасаются довериться облачным хранилищам цифровых данных.

Мифы, связанные с мобильной связью, никогда не становились объектом систематического исследования. Тем не менее, существуют примеры включения мобильной связи в процесс магического мышления в разных странах⁵⁰⁵: например, на Филиппинских островах в рамках католицизма существует направление, при котором сообщение с молитвой отправляется напрямую Богу, а в Нигерии бытуют представления о телефонах-киллерах, навлекающих беду на своих хозяев, если те принимают звонок с определенных номеров. В России и европейских странах пример такого магического по содержанию представления – идея о том, что мобильным телефоном следует пользоваться как можно реже, поскольку посылаемые им сигналы вредны для организма и могут вызвать рак головного мозга (если часто разговаривать) и органов таза (если хранить в кармане). Магического – поскольку на настоящий момент нет сколько-нибудь четкого теоретического обоснования и эмпирического подтверждения этому, и апологеты основываются на мифологических представлениях о воздействии магнитных волн. Римско-католическая церковь официально дала согласие на разработку приложения «Confession: A Roman Catholic App» для iPhone, которое призвано послужить облегчению процесса исповеди. А идея отправляться в последний путь вместе с мобильным телефоном распространилась в ЮАР, где невероятно сильна вера в колдунов и шаманов. Люди боятся, что с помощью заклинаний их погрузят в летаргический сон и похоронят заживо. Но если в гроб умершему положить телефон, то «в случае чего» он сможет позвонить «наверх», а сотрудники погребальной конторы помогут обеспечить покойников и запасными батарейками

⁵⁰⁵ Donner, J. Research approaches to mobile use in the developing world: a review of the literature // The Information Society. 2008. №24. Pp. 140–159.

на тот случай, если телефон разрядится до того, как умерший очнется. Увы, Бог не звонит по мобильному телефону.

В 2004 г. в ходе ежегодного телефонного опроса американцев в рамках программы по популяризации технических изобретений Lemelson-MIT Program было проведено исследование отношения американцев к новым технологическим инструментам. Основным вопросом был сформулирован следующим образом: какое изобретение вы ненавидите, но не можете без него жить? В результате было выявлено, что самым ненавистным и при этом необходимым изобретением является мобильный телефон, опережая будильник, телевизор, бритву, а затем и все остальные технические приспособления, используемые в обыденной жизни. Среди основных аргументов против мобильных телефонов респонденты называли раздражение от ощущения привязанности к трубке, от того, что их всегда могут «достать», и владельцы оказываются «на коротком поводке»⁵⁰⁶. Невротические способы избегания зависимости – частая смена номера мобильного телефона, позволяющая при обеспечении доступности хоть на короткое время сохранить анонимность или использование нескольких телефонных номеров для разграничения кругов общения, что на самом деле лишь усложняет коммуникацию и, в конечном счете, делает человека еще более подчиненным своему одновременно ненавистному и незаменимому слуге.

Необходимо констатировать свершившийся факт психологической зависимости от мобильного телефона. Если от обычного телефона мы можем уйти, переступив порог своего дома, то ситуация с мобильным телефоном носит иной характер. Он по своему предназначению всегда должен быть рядом, и если по каким-либо причинам телефон забыт или потерян или заканчивается заряд батареи, возникает чувство тревоги, неуютности, нехватки, будто его лишили чего-то неотъемлемого, ампутировали жизненно важный орган.

Мобильная связь, как и многие другие современные технологии, призвана сделать нашу жизнь удобней, избавив от повседневных рутинных трудностей, но

⁵⁰⁶ Annual Lemelson-MIT Invention Index Study Gauges Americans' Attitudes Toward Invention [Electronic Resource]. URL: <http://web.mit.edu/invent/n-pressreleases/n-press-04index.html>

вместе с этим комфортом человек утрачивает часть своих способностей, отдавая их электронным слугам. Мобильная связь модифицирует саму модель человеческого *общения*, приводя к ее выхолащиванию и оскудению. Человек превращается в *абонента*. Когда-то, причем не так давно, люди *выходили*, чтобы позвонить с уличного телефона автомата, они *запоминали* телефонные номера, *записывали* их в записные книжки, *считали* в уме, *посылали* собственноручно написанные письма и даже *говорили* друг с другом, а не с телефоном. Сегодня память телефона делает ненужными усилия держать в голове комбинации цифр, простейшие вычисления сделает встроенный в телефон калькулятор. Дополнительная функция GPS/ГЛОНАС-навигатора устраняет необходимость умения ориентироваться в окружающем географическом пространстве. Телефон стал музыкальным проигрывателем и компактной фото- и видеокамерой – примером подобного слияния технологий получения, воспроизведения и передачи данных является слияние компании Sony – своих технологических линеек Cyber-shot (компактных цифровых фотокамер) и Walkman – музыкальных портативных плееров с модельными рядами мобильных телефонов Sony. Это устройство наделили способностями распознавать мелодии, соотнося их с автором и названием песни – система «Track ID» способна сделать запрос на специальный сервер и идентифицировать большинство существующих песен. Благодаря новой системе аутентификации по штриховому коду мобильные телефоны стало возможно использовать в качестве посадочных талонов на самолеты. Практически любое мгновение жизни получает свое «мобильное» сопровождение. Постоянный спутник человека изменил способы общения с близкими, наделив нас уверенностью в возможности постоянной связи, на деле он заменил реальное общение телефонными разговорами в лучшем случае, а чаще - перепиской. С распространением мобильных телефонов люди стали встречаться лишь при крайней необходимости, поскольку всегда доступно дистанционное общение.

В современной психологической науке появился новый термин *ringxiety* (мания звонка), введенный Дэвидом Ларами, докторантом Калифорнийской школы профессиональной психологии в Лос-Анджелесе. Проявления этой фобии

в той или иной степени знакомы практически всем пользователям мобильной связи – порою возникает ощущение, что где-то звонит телефон, похожий рингтон другого телефона, и это невольно заставляет вас искать свой аппарат и т.п. Подобно тому как существует синдром «фантомной конечности», когда человека после ампутации не покидает чувство, что его рука или нога находится на прежнем месте, человека с манией звонка преследует чувство, что его мобильный звонит, – технологически расширенный индивид настолько свыкается со своими вновь обретенными органами, что даже при временном их отсутствии испытывает чувство нехватки, утраты части своих привычных возможностей.

Американские психологи пришли к выводу, что в мании звонка важнейшую роль играет психологическая необходимость постоянно находиться в контакте с миром и страх перед одиночеством и нехваткой информации. А может ее переизбытком? (*прим. автора*). Выделяется ряд признаков мании звонка, среди которых – постоянная потребность проверять наличие пропущенных звонков и непрочтенных SMS-сообщений на своем мобильном телефоне; наблюдение в окружающем пространстве звуков, похожих на звук звонка мобильного телефона или его вибрацию; принятие посторонних звуков за звонок своего мобильного телефона; при звуке звонка / вибрации чужого телефона проверка своего; а также ощущение психологического дискомфорта в случае «выхода в мир» без телефона. Наличие хотя бы двух признаков из вышеперечисленных говорит о том, что вам угрожает мания звонка⁵⁰⁷.

Наряду с манией звонка психологами квалифицируется еще одно расстройство – *номофобия*. Этот неологизм, образованный от английских слов по mobile-phone phobia, означает чувство сильного беспокойства и страха человека остаться на продолжительное время без своего мобильного телефона. Его охватывает паника, если он не может найти свой сотовый телефон, он не может его выпустить из рук, он постоянно хочет отправить сообщения, быть на связи, никогда не выключает свой смартфон. Исследования показывают, что свыше 66%

⁵⁰⁷ Мания звонка [Электронный ресурс] // Психологический портал Anypsy.ru. 2010. URL: www.anypsy.ru/content/maniya-zvonka

владельцев мобильных телефонов страдают «номофобией». Из тысячи человек, опрошенных компанией SecurEnvoy в Великобритании, в страхе остаться без мобильного признались более двух третей респондентов. Кроме того, 41% опрошенных заявили, что у них есть не менее двух телефонов, чтобы всегда оставаться на связи, пишет The Daily Telegraph, ссылаясь на исследование⁵⁰⁸. Потерять мобильник чаще боятся женщины (70%), чем мужчины (61%). В то же время, как показали результаты опроса, у мужчин чаще есть два телефона, чем у женщин (47 и 36%, соответственно). Чем моложе человек, тем чаще он страдает «номофобией», выяснили исследователи. Из возрастной группы от 18 до 24 лет симптомы этой «болезни» проявились у 77% молодых людей. Другой высокий показатель – 68% – был зафиксирован в группе от 25 до 34 лет. Число людей, испытывающих дискомфорт от расставания с мобильником, растет с каждым годом⁵⁰⁹.

Здесь напрашивается простой вопрос: насколько на самом деле необходим мобильный телефон? Рассматривая факт мобильной зависимости и задаваясь тем же самым вопросом, С.С. Степанов⁵¹⁰ отмечает, что в действительности не так часто возникает необходимость экстренной связи, если, конечно, ты не являешься брокером, слесарем-сантехником, курьером или «жрицей любви». Он приводит простой пример и предлагает задуматься, когда возникают ситуации, в которых не обойтись без бинокля? Если вы не являетесь военным разведчиком, полярным исследователем или капитаном дальнего плавания, то потребность разглядеть что-либо на дальнем расстоянии у вас возникнет вряд ли чаще, чем раз в месяц. То есть идея постоянно носить на шее дорогостоящий цейсовский бинокль, да еще и платить всякий раз, когда захочется в него посмотреть, с первого взгляда выглядит избыточной и абсурдной. Но ситуация коренным образом меняется, если вы обнаруживаете, что большинство окружающих уже ходят с биноклями на шее, то и дело прикладывая их к глазам: вы тоже, скорее всего, не пожелаете

⁵⁰⁸ Rise in nomophobia: fear of being without a phone [Electronic resource] // The Telegraph. 2012. URL:

<http://www.telegraph.co.uk/technology/news/9084075/Rise-in-nomophobia-fear-of-being-without-a-phone.html>

⁵⁰⁹ Исследование: две трети владельцев мобильных страдают "номофобией" [Электронный ресурс] // Вести.ru. 2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=718480>

⁵¹⁰ Степанов С.С. Мобильная независимость // Психологическая газета: Мы и Мир. 2009. N 6(154). С.8-9.

остаться белой вороной – такова тривиальная психологическая закономерность. Вы тоже повесите его на шею, а коли уж он висит на шее, почему бы с его помощью не пересчитать воробьев на проводах или не присмотреться к номеру автобуса за полкилометра от остановки? Правда, за это надо заплатить, но немножко и не сразу, потому об этом даже и не думается. Разве не также обстоят дела и с мобильным телефоном?

Новые возможности и изменение идентичности, в первую очередь, приводят к изменению разделяемых в социуме правил и представлений – в сторону долженствований. В частности, если человек потенциально может быть на связи постоянно, он должен быть доступен, это признак современного человека. Далее эти возможности и правила, принятые в культуре и обществе, трансформируются в систему представлений человека. По данным популяционных исследований⁵¹¹, 47% мужчин и 42% женщин в возрасте 20-30 лет отвечают, что должны быть на связи (по работе или из-за отношений) весь день, еще 27% мужчин и 24% женщин – что должны быть на связи круглые сутки. Насколько это действительно необходимо или же таковы представления молодых людей, определяющие их поведение? Немаловажно, что эти представления остаются актуальными и тогда, когда использование мобильного телефона негативно сказывается на жизни человека и даже перестает устраивать его самого. По данным того же исследования, в 13–17% случаев звонки в ночное время будят хозяев телефонов раз в месяц и чаще, в 10–15% случаев молодые люди испытывают выраженный стресс, вследствие своей доступности окружающим, в 6–22% случаев говорят о чрезмерном использовании и невозможности сократить его. Более того, поведение сохраняется, даже если связано с нарушениями сна, симптомами депрессии, стрессом. Поддерживаемая в качестве аксиоматического правила необходимость пользования мобильной связью, и пребывания в статусе «доступен» не оставляет возможности «выбраться» из оков возможностей коммуникации.

⁵¹¹ Thomee, S., Harenstam, A., Hagberg, M. Mobile phone use and stress, sleep disturbances and symptoms of depression among young adults – a prospective cohort study [Electronic Resource] // BMC Public Health. 2011. №66. URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/11/66>

Сегодня мы наблюдаем еще одну тенденцию развития сервисов мобильной связи, а именно установление неразрывной связи между такими средствами массовой коммуникации, как телевидение, интернет и мобильная телефония. В своей совокупности три составляющие являются основой для конвергенции медиа – неразрывного слияния различных технических средств в единое целое посредством сетевых, телекоммуникационных технологий, универсальных программ и протоколов передачи данных – результатом становится появление универсального средства коммуникации, которое назовем «сверхмедиа». В этом устройстве соединились телефон и телеграф, радио и телевидение, книга и кино, тетрадь и органайзер, фото и видеокамера, часы и будильник, секундомер, калькулятор, диктофон, навигатор, сканер, переводчик, игровая приставка, спидометр, высотомер, термометр, люксметр, шагомер, дальномер, магазин для покупок, средство расплаты за них, электронный билет, метеослужба, служба знакомств, туристический гид и турагентство с авиакассой, компьютер с выходом в интернет и возможностью установки мыслимых и немыслимых приложений, благодаря которым он становится не только высокотехнологичным средством коммуникации, но и... компасом, рулеткой, строительным уровнем, фонариком, увеличительным стеклом и просто зеркалом, «черным зеркалом» технологизированного мира.

Гибридное смешение технологий коммуникации на базе смартфонов – «нательных трансформеров идентичности», является наиболее ярким феноменом, обозначающим резкий скачок в развитии электронных медиа, переход их в другое качество, образование новых технологических взаимосвязей и, в конечном счете выход на очередной виток виртуализации информационного общества. Портативный, а лучше сказать «нательный» компьютер, подключенный к интернету, стал наиболее ярким воплощением идеи М. Маклюэна о взаимопроникновении средств коммуникации или их гибридного смешения, под которым он понимал не просто встречу нескольких медиумов, а новое качественное образование – «момент истины и откровения, из которого рождается

новая форма»⁵¹². Это лишь одна из иллюстраций новорожденных союзов между различными технологическими новациями. Сегодня крайне трудно демаркировать еще вчера отдельно воспринимаемые технологии. Время отдельно стоящих HI-FI компонентов уходит в роскошное аналоговое прошлое – на смену приходит организованное вокруг компьютера новое поколение аудио-видеогаджетов, в основе которых унифицированные цифровые начинки и возможность беспроводной связи. Постепенно стираются грани, которые «когда-то» позволяли человеку понять, где заканчивается телевизор, видеоплейер, проигрыватель дисков и начинается компьютер или где сотовый телефон перестает быть тем же фотоаппаратом, аудио-видеоплейером или персональным компьютером. Уже не стоят на пороге, а активно реализуются на практике идеи «умного дома», где цифровые технологии будут обеспечивать оптимальное и, главное, автономное функционирование бытовых приборов, обеспечивая все большую свободу и удобство, вместе с тем, отрешенность от действительности человека. Что может быть лучше кондиционера, включающегося по сигналу с мобильного телефона перед приходом хозяина, или умного холодильника, следящего за свежестью продуктов со встроенным модулем контакта с приложением в телефоне?

Проследим на примерах различных комбинаций, как некогда рожденные в качестве самостоятельных единиц технологии соединяются в неожиданных комбинациях, зачастую даже небезопасных для человека. Пожалуй, наиболее яркий пример – использование сервиса мобильной связи SMS внутри других, сопрягаемых технологий. Уже трудно вспомнить тот недавний момент времени, когда на экранах телевизоров мы впервые увидели бегущие строчки сообщений: «отправьте SMS по короткому номеру, и Вы получите мелодию звонка» и далее следует упоминание о его стоимости. Так технологии мобильной связи начинают активно вливаться в телевизионный эфир. Сегодня они стали неотъемлемой его частью – вокруг SMS выстраиваются целые телепередачи, главная цель которых – используя те или иные рычаги, добиться, чтобы зритель отправил платное SMS-сообщение. В телевизионных роликах рекламируется новая форма лотереи,

⁵¹² Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 32.

принять участие в которой можно посредством отправки SMS на определенный номер. Естественно, каждый день разыгрывается миллион, наверное, как раз те средства, которые будут сняты со счетов жаждущих выигрыша участников, отправивших подтверждающие сообщения. Да и в любви по секрету всему свету можно было признаться бегущей строкой, по музыкальному телеканалу, послав по телефону SMS.

Короткие сообщения вплелись в сеть интернет, где стали одним из средств быстрой оплаты услуг и различных дополнительных опций на сайтах знакомств в социальных сетях, в особенности на порталах, распространяющих контрафактные и порнографические материалы. Более того, без подтверждения, высланного по SMS кода доступа вы не сможете воспользоваться своим банковским счетом и личным кабинетом на каком-либо интернет-сайте. Интегрированный в интернет-сервис SMS оказывается далеко не безобидным инструментом для действий сомнительного финансового характера – если вам придет сообщение о выигрыше автомобиля AUDI, не спешите набирать предложенный номер – никто не знает, во сколько обойдется этот звонок или в какую паутину событий вы окажетесь втянуты путем нехитрых психологических уловок. Вы еще не видели на экране своего вдруг переставшего работать компьютера мигающую надпись: «Ваш компьютер заблокирован»? Для продолжения работы отправьте SMS по указанному номеру. Любые попытки перезагрузки приведут к выходу его из строя и полной потере информации». Стоимость сообщения при этом не указывается. Вы еще не получали пугающих сообщений: «Мама, переведи деньги на мобильный (номер такой-то), позже объясню»? Если это называть сообщением и улучшением коммуникации, то тогда что же такое ухудшение коммуникации?

К «заслугам» телефона/смартфона можно отнести то, что он когда-то разрушил целый слой человеческой жизни – эпистолярную культуру. Современные SMS- или WhatsApp-сообщения не восполнили этой утраты, это не письма, а не что иное, как цифровой вариант телеграммы. Телеграмма, а это горячее медиа, не допускает нюансов и оттенков в отличие от телефонного разговора. Это короткие, хлесткие, эквивалентные фразы, разделенные лакунами,

а не знаками препинания, нечто подобное телеграммам Лиходеева: «Спасибо подтверждение срочно пятьсот угрозыск мне завтра вылетаю Москву Лиходеев». Текстовое сообщение несет на порядок меньше информации сравнительно с личным общением, потому что человек не слышит интонации и не видит жестов и мимики собеседника. СМС не сопоставимы с длинными нитями мыслей. Сама природа коротких текстовых сообщений определяет разорванный, фрагментированный стиль коммуникации в духе идей постмодернизма и «клиповой» культуры. Количество таких «текстов» в разы превышает количество написанного людьми в эпистолярном прошлом. Известно, что люди в мире больше пишут СМС, чем совершают телефонных звонков. При этом их ценность приближается к нулевой. Мы можем представить тома переписки наших предков, но вряд ли возможно представить изданные «тома SMS- или WhatsApp- сообщений наших современников». У диалога по СМС никогда нет конца. Равно как и нет глубины и смысла.

Встроенная в мобильный телефон технология SMS заслуживает особого внимания не столько как новое средство коммуникации, но и как механизм формирования специфических форм общения. Если сама по себе мобильная связь унаследовала от проводной предшественницы имманентное качество быть холодным средством массовой коммуникации, предполагающим высокую степень контакта и передачи нюансов, то высокотехнологичный потомок телеграммы – SMS является горячим медиа, однозначно истолковываемую информацию, фактически лишенную оттенков чувственности. В результате, короткие сообщения становятся инструментом не только нивелирования конфликтных ситуаций, но и генератором оскудненного, обезличенного общения, соблазн простоты и комфортности которого оборачивается неспособностью справиться с реальными жизненными ситуациями путем отгораживания от внешнего «неудобного» мира человеческого общения. Дистанционная неголосовая коммуникация избавляет от излишних нервных затрат, а отсутствие непосредственного *аналогового* контакта провоцирует на симуляцию диалога или

в худшем случае на лживую переписку. Проведенные исследования показывают, что индивид старается заменить телефонный разговор сообщением в тех случаях, когда он испытывает чувство вины, неисполненных обязательств или же элементарное нежелание переключиться на *другого*. Более того, все чаще некоторые пользователи замещают голосовое общение перепиской из текстовых сообщений. Причина отказа от разговоров кроется не в экономии затрат. Скорее в таких случаях налицо психологические механизмы компенсации утраты приватности: текстовое сообщение хотя бы не столь агрессивно внедряется в наше пространство, его можно просмотреть, когда у вас будет для этого время и желание, или же удалить не читая. Отсрочка между отправкой сообщения и его приемом приводит к непониманию, обидам, в особенности, когда на экране отправитель видит галочку, что оно прочитано, а реакции нет. Идея межличностного общения здесь и сейчас становится ненужной в мире дискретного хронотопа отсроченных коротких коммуникаций.

Характерно, что наблюдается феномен влияния смартфонов на семейную жизнь. Согласно социологическому опросу, обнаруживается тенденция роста количества брачных разводов, обусловленных феноменом мобильной связи (SMS-диалоги, детализация SMS, телефонных звонков и др.). Так около 53 процентов жен заявило, что часто страдают стрессами и неврозами от того, что супруг пишет кому-то SMS, удаляясь в изолированные места (в туалет, в ванную и т. п.). 24 процента мужей также переживают за то, что их благоверные с кем-то переписываются, подозревая их в бурных SMS-романах⁵¹³.

Смартфон становится не только посредником, но и участником личных отношений. Не редкими стали ситуации, когда мы видим пару молодых людей, которые демонстративно заменяют традиционное живое общение молчаливым «уходом» в свой смартфон. Привычка отвлекаться на мобильные устройства во время беседы и не обращать внимания на собеседника, подменять реальное общение погружением в телефон, получила название фаббинг (phubbing),

⁵¹³ Гарифуллин Р. Внебрачная мобильная связь и взрыв разводов [Электронный ресурс] // Махпарк. 2010. URL: <http://gidepark.ru/post/article/index/id/83853>

образовано из двух английских слов – phone (телефон) и snubbing (пренебрегать, игнорировать). Быть может, кто-то и находит удовольствие в совместном времяпровождении в телефонах, но, как правило, замена внимания к партнеру погружением в смартфон вызывает раздражение и становится причиной осложнения отношений. В получивших распространение сервисах общения, таких как WhatsApp, Telegram, Viber и др. присутствует опция «заблокировать», «поставить в игнор», говоря проще, закрыть доступ к общению, удалить чем-то вдруг досадившего или же показавшегося «плохим» своего хорошего друга или якобы любимого «друга». Никогда не было так легко стирать людей из жизни. В этой связи вспоминается один из фильмов сериала «Черное зеркало», гипотетически описывающее вторжение в жизнь людей информационных технологий. В нем показано общество недалекого будущего, где функции управления коммуникацией вживлены как имплантаты в структуру зрения и восприятия человека. И если в результате какой-либо ссоры один из субъектов общения решает прекратить дальнейшие отношения, он просто дает команду и блокирует себя, в результате чего исчезают из «облака» не только переписка и совместные фотографии и видеозаписи, но и сами глаза теряют возможность различать удалившего тебя человека, вместо которого видна лишь полупрозрачная тень. Эта тень – гипертрофированный вариант вычеркивания человека, с которым была еще недавно близость. Тем не менее,–сама простота «перекрывания краника» доступа обесценивает личные отношения, ставя их в зависимость от каприза или ухода от решения межличностных проблем. В этой связи интересна широко растиражированная в соцсетях провокация Burger king, в ходе которой давался бесплатный гамбургер каждому, кто публично удалит 10 друзей с Facebook. Хотя официально этот факт не был признан Burger king, но акция стала симулякром и получила широкий резонанс в сети и массмедиа, и многие отправились менять друзей на булочки с котлетой. Может общение и дружба в мессенджерах и сетях и не стоит больше дешевого гамбургера? Но все намного грустней. Если один из субъектов отношений навязет другому в качестве превалирующего способа коммуникации телеграммы СМС, то их

общение окажется заложником выбранной технологии. А технологии, особенно такие горячие, как телеграф, не могут быть нейтральными, они небезобидны и приносят боль, причем буквально, ведь *фразы без нюансов и интонаций бьют как хлысты*. Новая опция в популярном мессенджере Telegram, позволяет в течение 48 часов удалять отправленные сообщения, причем и они также исчезнут у собеседника. Таким образом создатели сервиса хотят помочь пользователям приложения избежать ошибок, допущенных «в пятничный вечер», но при этом «благом намерении» они посягнули на значимость и ценность диалога – можно наговорить = написать что угодно, будь то слова любви или ненависти, а потом...стереть. Ценность слова фиксировалась в пословицах «слово не воробей, вылетит – не поймаешь», «то, что написано пером, не вырубишь топором», «выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймаешь». Сказанное в технологичных телеграммах нынче можно без труда и извинений «брать обратно». Как-то нестерпимо через несколько минут после диалога увидеть исчезнувшие слова собеседника, оставшись один на один *в пустоте* со своими, увы, ставшими вдруг безответными репликами.

Новые способы общения неизбежно порождают новые формы слов. «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек»⁵¹⁴. Мобильный телефон стал «домом» для нового варианта «новояза» – так называемого «олбанского» или «падонковского» языка, суть которого заключается в упрощении грамматических конструкций, написании согласно звучанию и объединении словосочетания в отдельные эпитеты. Вот примеры перевода слов и выражений с олбанского на русский язык: превед – здравствуйте, ржунимагу – ваш тонкий юмор меня, бесспорно, заинтриговал, падонак – друг, друкк – подонок и т.п. Среди молодежи (и не только) стало модным писать SMS на эрзац-языке, позволяющим с помощью шаблонов выразить свою «как бы» мысль (или ее отсутствие), не озадачиваясь знанием и соблюдением правил русского языка. Все чаще слова заменяются графическими символами – так называемыми смайлами. А последние – скобками. То есть можно встретить друга и сказать ему лично, что рад его видеть, можно

⁵¹⁴ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993. С. 192.

позвонить ему и сказать то же самое, можно послать смайлик, а можно и передать сообщение с тремя скобками. Налицо деградация языка. Такие специфические средства «телеграммной коммуникации», как сервисы SMS, WhatsApp, Telegram, различные мобильные приложения с чатами, наглядно показывают, как средство коммуникации меняет не только форму языка, но и выстраивает модели общения. Верно, что медиум есть послание.

Слияние мобильных телефонов с фотоаппаратом не только подорвало рынок продаж последних, но и породило новый культурный феномен – селфи. Селфи (от англ. self – сам, себя, лично) – разновидность автопортрета, когда человек фотографирует сам себя с вытянутой руки, как правило, на мобильный телефон. В 2013 г. Оксфордский словарь признал «селфи» словом года. В производство и потребление селфи как медийного формата включились все: от подростков из Африки до Президента Обамы и Папы Римского⁵¹⁵. Как отметила Кислых Д.Н., на деле, селфи, это попытка найти свою идентичность, создать новые образы своего личностного «я», определить и переопределить уже сложившееся мнение о себе. Делая селфи, человек формирует высказывание о себе. Селфи приучает к поверхностному восприятию реальности. Важно не то, что внутри, а то, что идет на камеру. Событие считается антуражем, признанным подчеркнуть акт самореализации. А превратившись в фон, мир обесценивается. Катастрофа, преступление, смерть отныне – не более, чем декорации для «удачного» снимка. В сетях размещено значительное количество селфи с похорон, но даже здесь камера центрирует внимание человека на своей персоне⁵¹⁶. И не только с похорон. Известны селфи на фоне оперируемого пациента, что в совокупности с вышеупомянутыми «фонами» для самовыражения, выглядят несколько морально ущербно. Но большую опасность представляет пристрастность к экстремальным селфи, например, с медведями и львами, на звезде высотки в Москве, или на шпилях и бортиках самых высоких небоскребов мира, из открытого окна кабины летящего самолета, на кромке гребня горных

⁵¹⁵ Мартынов К. Семейный альбом для одиночки // Дети в информационном обществе. 2015. № 21. С. 21.

⁵¹⁶ Кислых Д.Н. Селфи: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // SCI-ARTICLE. №26. 2015. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1444770526>

вершин и т.п.⁵¹⁷ Здесь скрывается проблема обесценивания жизни, когда эффектный снимок с мобильного телефона с помощью монопода, становится чем-то большим, чем элементарный здравый смысл, предполагающий как минимум, чувство самосохранения⁵¹⁸. По статистике, только в 2015 г. в мире погибли 50 человек, которые в погоне за эффектным селфи не видели ничего вокруг, в том числе теряли чувство опасности. Как и любая технология, технология «селфи» далеко не нейтральна и требует от своих адептов жертв. «Кто-то пожертвует работой или профессией, кто-то социальным положением, а кто-то здоровьем или даже жизнью. «Эпидемия» селфи рискует превратиться в эпидемию селфицида»⁵¹⁹. Это новая грань технологической трансформации идентичности. В совокупности с мирной, сытой жизнью, и постмодернистской «свободой» технологии дают возможности почувствовать утраченную реальность, причем самыми не умными способами. Встроенные в мобильный телефон/смартфон камера и карта памяти провоцируют использование последнего как механизма искушения создания бесконечных рядов селфи, а по сути самых примитивных идентификаций, когда человек начинает отождествлять себя со своей фотографией и удачным фоном к ней, а затем, после размещения в «социальную» сеть, оценивает себя соразмерно количеством «лайков», знаков «внимания и восхищения» запечатленным образом.

Более того, селфи становятся платформой для деперсонализации. «Доведенная до логического конца комбинация цифровой и «реальной» пластики может привести лишь к унификации всех фотографий в социальных сетях, бесконечной череде одинаковых лиц, вытянувших утиные губки⁵²⁰. Стабильность жанра селфи склоняет к рассуждениям о том, что «все люди на одно лицо». Именно в тот момент, когда они начинают делать селфи, ты начинаешь видеть, что они одинаково держат фотоаппарат, одинаково наклоняются, наконец, за счет

⁵¹⁷ См. фотографии на: URL: http://ktotak.ru/blog/samye_krutye_i_strashnye_selfi_34_foto/2014-10-20-32

⁵¹⁸ Популярность в сети требует жертв // Дети в информационном обществе. 2015. № 21. С. 41.

⁵¹⁹ *Садомирский М.* Культ публичности. Почему «эпидемия» селфи рискует превратиться в эпидемию селфицида. Взгляд психотерапевта // Дети в информационном обществе. 2015. № 21. С. 43.

⁵²⁰ Например, приложение Beauty Mirror, позволяет создать варианты формы лица, улучшенного программой, и выбрать наиболее выигрышный вариант перед публикацией селфи в социальных сетях. Beauty Mirror по умолчанию делает глаза больше, щеки тоньше, а губы пухлее.

типичной мимики вроде duckface у них похожие черты лица. Выделиться в рамках селфи, заявить о себе как о частной персоне, как о личности – трудно»⁵²¹. Но выбор всегда есть: Selfy or Selfless.

Пристрастие к «селфи» официально признано психическим расстройством. К такому выводу пришли ученые из американской психиатрической ассоциации, сообщает издание Adobo Chronicles, специализирующееся на «невероятных» новостях. Ассоциация, по данным издания, представила в Чикаго классификацию новой болезни под названием selfies в Чикаго. Так, selfies определяется как обсессивно-компульсивное расстройство, характеризующееся постоянным желанием фотографировать себя и выкладывать снимки в социальные сети, в качестве компенсации низкой самооценки. В заметке отмечается, что в настоящий момент лечения от selfies не существует. Однако один из пользователей портала Global Trend News, комментируя данную новость, предложил свое решение проблемы: просто уничтожить мобильный телефон⁵²². Фотография самого себя или себя с друзьями с помощью мобильных телефонов, а затем передача фото в социальной сети превратилось в пандемию. Более того, количество этих фотоснимков нивелирует их качество, по сути, обесценивая фотографию как культурный феномен. Причины эпидемии «селфи» следует искать в технологических соблазнах, обусловленных качественно изменившимися возможностями фотосъемки, а именно компактностью цифрового устройства, вмонтированного в телефон, практически неограниченным объемом памяти, простотой передачи снимков и их размещения в социальных сетях непосредственно со смартфона. Когда пленка состояла из 36 кадров, то прежде чем нажать кнопку спуска затвора фотоаппарата, приходилось подумать о нужности этого акта, ведь возможное количество снимков было ограничено, да и пленок чемоданами никто с собой не брал. На памяти поколения, родившихся в 70-е годы прошлого века, остались воспоминания о печати фотографий в домашних условиях под лампой с красным цветом, с проявителем и закрепителем

⁵²¹ Мартынов К. Семейный альбом для одиночки // Дети в информационном обществе. 2015. №21. С. 26.

⁵²² Красота требует жертв, или чем опасны "селфи" [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2014. URL: <http://ria.ru/world/20140630/1014185209.html#ixzz495bbTtBb>

и последующей сушкой влажных еле видных изображений на прикрепленных прищепками к натянутой по случаю веревке. Потом были снимки с мгновенными фотографиями с помощью камеры Полароид, потом цветные пленочные фотоаппараты. Везде количество кадров было конечным. 36 снимков – и пленка заканчивалась. Цифровые фотоустройства, оборудованные картами с фактически неисчерпаемыми объемами памяти создали возможности бесконечного фотографирования реальности. Заметим, не потребность к бесконечной съемке кадров стала причиной разработки технологий максимально объемных микроарт, а наоборот, технологии, расширившие нашу память, провоцируют, используя нас, шепча на ухо: снимай, фотографируй, сколько душе угодно, мы все запомним, но только не стирай, а публикуй. На это подстрекают конвергированные в смартфон-фотоаппарат новые функции по мгновенной публикации снимков в сети. Пользователи в наркотическом экстазе наполнили информационное пространство своими селфи, поверхностными кальками сиюминутности. «Феномен селфи отражает глубокие перемены в социальном пространстве. Атомизация общества на фоне кризиса социального института семьи и цифрового разрыва поколений приводит к дефициту искреннего общения и психологической поддержки в офлайне. Этот дефицит компенсируется в онлайн»⁵²³.

Маклюэн, в бытность стационарных телефонов, писал: «Ребенок и тинейджер поднимают телефон, обнимая провод с трубкой так, словно это любимые домашние животные»⁵²⁴. Сегодняшние школьники общаются по мобильному не менее часа в день, – то есть почти столько же, сколько уходит у них на выполнение домашних заданий, кроме того, они постоянно обмениваются SMS-сообщениями и рингтонами. Исходя из анализа данных, осуществленного Американской психиатрической ассоциацией, время, затрачиваемое на общение по мобильному, напрямую связано с депрессией и другими психологическими расстройствами. В свою очередь, доктор Джи Хян Ха, психиатр из

⁵²³ Сандомирский М. Культ публичности // Дети в информационном обществе. 2015. № 21. С. 39.

⁵²⁴ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 302.

южнокорейской клиники Йонгинь, провел опрос среди 575 южнокорейских учащихся и выяснил, что почти треть из них проводит 90% свободного времени с мобильником в руках, прерываясь лишь на сон и еду. Многим покажется странным, но «одержимые» телефонами начинают страшно нервничать, когда их просят выключить мобильный (например, в аудитории), их начинает преследовать чувство одиночества. «Некоторые испытывают синдром отмены, если не получают звонков или SMS, а это ведет к повышенной тревожности и проблемам в самооценке», – делает вывод Джи Хян Ха. Кристина Вассон, психолог из университета Северного Техаса, утверждает, что причина зависимости подростков от мобильного телефона состоит в том, что для них он рассматривается не только как средство связи, а как продолжение собственной личности⁵²⁵. Так еще раз подтверждаются идеи М. Маклюэна о слиянии технологий с человеком, превращении их в неотделимые протезы, без которых последний чувствует себя инвалидом. Особенное опасение вызывает то, что процесс «сращивания» индивида и технологии происходит уже в детском возрасте, когда грань между игрой и реальностью довольно размыта.

Другие исследования также подтверждают высокую степень вхождения сотовой связи в жизнь молодого поколения. Так, средняя частота использования мобильного телефона у подростков составляет 2-5 раз в день, как для звонков, так и для SMS⁵²⁶. В 13% случаев подростки используют телефон для выхода в интернет, в 14% случаев – для других целей, таких как игры. При этом мобильная связь не только чаще других технологий используется человеком, но и является его наиболее частым спутником – многие практически не расстаются с телефоном⁵²⁷. Близкие значения получены и в более поздних работах⁵²⁸: для молодых людей 20-25 лет число звонков и сообщений обычно составляет 1-5 раз в

⁵²⁵ Лушникова М. Дружба с мобильником – признак депрессии [Электронный ресурс] // Правда.ру. 2006. URL: <https://www.pravda.ru/society/family/medicine/13-06-2006/87613-mobile-1/>

⁵²⁶ Madell D., Muncher S. Control over social interactions: an important reason for young people's use of the Internet and mobile phones for communication? // *Cyberpsychology and Behavior*. 2007. № 10(1). Pp. 137–140.

⁵²⁷ Madell D., Muncher S. Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet // *Cyberpsychology and Behavior*. 2004. No 7(3). Pp. 359–367.

⁵²⁸ Thomee, S., Harenstam, A., Hagberg, M. Mobile phone use and stress, sleep disturbances and symptoms of depression among young adults - a prospective cohort study [Electronic Resource] // *BMC Public Health*. 2011. №66. URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/11/66>

день, в некоторых случаях – до 10 раз в день. В исследованиях предикторов частого пользования мобильной связью⁵²⁹ в качестве граничного значения обычно берется "5 и более звонков/сообщений в день". В абсолютном большинстве случаев абоненты звонят или отправляют/получают сообщения по мобильному телефону, который фактически вытесняет другие средства коммуникации.

Развивая свои технологические возможности, мобильная связь одновременно начинает все в большей степени влиять на субъекты, незаметно придавая им свойства объектов, определяя их модели поведения, настроение и даже степень свободы. Более того, телефоны, наряду с интернетом, становятся технической основой для возникновения новых культурных феноменов, в частности, появления организованных с их помощью социальных групп – «виртуальных стай», под которыми понимаются самоорганизующиеся с помощью беспроводных технологий сообщества из, как правило, ранее незнакомых людей.

Готвард Рейнгольд в книге «Умная толпа: новая социальная революция» одним из первых исследователей увидел масштаб влияния технологии мобильной связи на человека. «Ныне, – писал он, – мы наблюдаем первичные последствия поведения владельцев мобильных телефонов – тысячи рассеянных людей, что-то бормочущих себе в руку или перед собой при ходьбе, езде или находясь в концертном зале, и «электронные привязи», превращающие все вокруг в рабочее место и всякое время – в рабочее. Что, если это предвестники грядущего переворота? Наученный опытом технических перемен, я считаю, что вторичные последствия мобильной связи вызовут настоящее цунами в обществе»⁵³⁰. Если обернуться вокруг, мы увидим молодых людей, уставившихся в мобильный телефон, не обращающих внимание на происходящее вокруг них. Они идут по улицам, не замечая происходящего, ведь внешний мир для них – это не больше чем физическое пространство. Являющееся помехой для главного – экрана телефона, – склоняясь над которым они чудом не сталкиваются и не разбивают

⁵²⁹ Walsh, S.P., White, K.M. Me, my mobile and I: the role of self- and prototypical identity influences in the prediction of mobile phone behavior // Journal of Applied Social Psychology. 2007. №37(10). Pp. 2405-2434.

⁵³⁰ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С. 18

лбы друг другу, а главное, свои свои смартфоны. В Китае для характеристики пристрастия к мобильным телефонам получил распространение термин «поколение опущенных голов», и даже просто «зомби». Исследователи Национальной Медицинской Библиотеки⁵³¹ квалифицировали новый недуг – «текстовая шея». Постоянно склоненная голова к экрану смартфона, приводит к дополнительной нагрузке на шейные позвонки, что в последствии приводит к широкому спектру заболеваний. «Это похоже на эпидемию или, по крайней мере, очень распространено», – говорит Кеннет Хансрадж, руководитель отделения хирургии позвоночника в Нью-Йоркском центре хирургии позвоночника и реабилитационной медицины, автор исследования. «Просто посмотрите вокруг: все с опущенными головами»⁵³². Физиотерапевт из Новой Зеландии Стив Огуст регулярно сталкивается с жалобами пациентов на боли в шее и спине. И называет он этот синдром "i-горб", намекая на айфон (i-Phone). Другие врачи дают этой проблеме название «пишущая шея»⁵³³. Смартфоны по добровольному согласию подчинили и склонили людей, будто в молитве, которую, увы, вряд ли услышит Всевышний.

В этой связи показательны выводы профессора Исследовательского института приматов Киото и доктора философии Университета Осаки Нобуо Масатака, сделанные в книге под одиозным названием «Обезьяны с мобильными телефонами». Профессор Масатака считает, что мобильные телефоны повернули эволюцию вспять, фактически превратив молодых японцев в стаю приматов. По его мнению, молодое поколение – «мобильные» юноши и девушки сформировали то, что Масатака назвал «племена». Это общающиеся с помощью SMS компании молодых людей, которые бесцельно слоняются по улицам. Они объявляют некоторые районы своей территорией, которую покидают с большой неохотой. Путешествия в новые места или встречи с новыми людьми утомляют их и

⁵³¹ *Hansraj K.K.* Assessment of Stresses in the Cervical Spine Caused by Posture and Position of the Head [Electronic resource]. 2014. URL: <https://cbsminnesota.files.wordpress.com/2014/11/spine-study.pdf>

⁵³² *Голби Дж.* «Текстовая шея» – явление, которое может погубить целое поколение [Электронный ресурс] // *Vice*. 2014. URL: <http://www.vice.com/ru/read/text-neck-is-a-real-thing-spine-damage-606>

⁵³³ *Гермасиенко А.* Смартфоны портят нам позвоночник, вызывают боль в шее и заставляют грустить [Электронный ресурс] // *Комсомольская Правда*. 2016. URL: <http://amp.kp.ru/daily/26470.5/3340410/>

лишают душевного равновесия. Специалист по приматам отмечает, что шимпанзе делают практически то же самое: подолгу слоняются группами, не направляясь ни в какое определенное место, едят где попало, в том же месте справляют естественные потребности и заваливаются спать там, где их настигнет сон.

Главной причиной этого феномена стало повсеместное распространение мобильной связи, последствием чего стало ослабление связей внутри семей. «Родители разрешают своим детям бесконтрольно гулять, потому как думают, что любое расстояние – это всего лишь телефонный звонок. И даже если ребенок не приходит домой, родители не станут ему звонить, так как полагают, что мобильный телефон обеспечит им неразрывную связь с детьми. Сотовые телефоны позволили людям соединяться друг с другом 24 часа в сутки, что решительно изменило природу отношений, которую человечество создавало в течение эволюции» – такие неутешительные выводы делает Н. Масатака, анализируя «виртуальные стаи» японской молодежи. Этот феномен можно рассматривать как подтверждение гипотезы о том, что самые совершенные технологические инструменты обслуживают наиболее архаические и примитивные формы деятельности.

К не менее интересным и далеко идущим заключениям приходит исследователь социокультурных последствий развития технологий мобильной связи Г. Рейнгольд. Он констатирует факт влияния мобильной связи на человека и задается вопросом о последствиях ее широкого распространения. Он вводит термин «умные толпы», под которыми понимает якобы ситуативно саморганизованные с помощью мобильных электронных технологий для решения тех или иных конкретных задач группы людей⁵³⁴. Зачастую эти задачи носят политический характер. Наиболее знаковый случай использования технологий «умных толп» - отстранение от власти президента Филиппин Джозефа Эстраду 20 января 2001 г. Свыше миллиона жителей Манилы, созванных и направляемых волнами текстовых сообщений, собрались на месте проведения демонстрации и без единого выстрела вынудили Эстраду уйти в отставку. По утверждению

⁵³⁴ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.

молдавских властей, массовые беспорядки в апреле 2009 г. по поводу пересмотров итогов выборов были организованы с помощью SMS-рассылок. Нашумевшие в июле 2009 г. события в Синьцзян–Уйгурском автономном районе Китая также координировались с помощью мобильной связи. Считается, что беспорядки «оранжевых революций» и «арабской весны» также были координированы с помощью мобильной связи. Подобное использование технологии мобильной связи является примером манипуляции человеческими массами при сохранении иллюзии их свободного выбора. Соблазн в данном случае заключается в легкости формирования фальшивой коллективной идентичности и нахождения «себе подобных». Одной из разновидностей действий «умной толпы» является флэш-моб – заранее спланированная массовая акция, организуемая путем рассылки SMS большой группе людей (мобберам), которые следуя указаниям, внезапно появляются в общественном месте, где в течение нескольких минут ~~участники~~ под видеокамерами с серьезным видом выполняют заранее оговоренные сценарием действия абсурдного содержания и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, как ни в чем не бывало.

Проведя анализ воздействия телефона на использующего его человека, Л. Сривастава выделяет несколько аспектов последствий мобильной связи⁵³⁵. Таковы основные итоги этого исследования, которые во многом совпадают с нашими взглядами⁵³⁶:

1. Мобильная связь влияет на *культурную и политическую идентичность*, позволяя организовывать флэш-мобы и регулировать социальные движения, оперативно получать и передавать информацию и быть "на связи". В пределах она позволяет собрать случайных людей в группу за минимальное время. Возможность высказать жалобу, участвовать в шоу, голосовать при помощи мобильного приводит к стиранию не только физических, но и границ в социальной иерархии и границ между группами. В Индии можно

⁵³⁵ Srivastava L. Mobile Phones and the Evolution of Social Behavior // Behavior and Information Technology. 2005. No 24(2). Pp. 111-129.

⁵³⁶ Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Мобильная связь: факторы и механизмы воздействия на человека // Credo new. 2013. № 1(73). С. 142–162.

по мобильному телефону отправить молитву, в Саудовской Аравии действуют скидки на SMS и звонки во время паломничества в Мекку.

2. Мобильный телефон становится *отражением статуса* человека. Нередко люди громче разговаривают по мобильному в общественных местах, чтобы их могли увидеть и услышать. Внешний вид, набор мелодий, номер мобильного телефона позволяют утвердить и повысить свой социальный статус, особенно это характерно для молодежи – подростки часто показывают свои телефоны друг другу. В развивающихся странах⁵³⁷ само обладание телефоном является признаком достатка, что формирует «цифровой разрыв» между разными группами населения. Следует отметить, что "цифровой разрыв" формирует и компенсаторные действия: в тех же странах возникают деревни с "общественными" мобильными телефонами, в которых жители собирают совместную сумму денег на обладание одним аппаратом. В странах с высоким уровнем дохода в последнее время высокий социальный статус, наоборот, может демонстрироваться роскошью отсутствия мобильного телефона.
3. Немаловажную роль играет мобильная связь в отношении аспектов идентичности, связанных с *коммерческой деятельностью*. Много можно купить или заказать по телефону, например, заказать билеты куда-либо, переслать финансовую информацию. С одной стороны, это приводит к размыванию физических границ и дополнительным возможностям. С другой стороны, снижается защищенность и безопасность – что приводит к необходимости защищать идентичность (при утрате мобильного телефона, пересылке важной информации, при возможном использовании информации телефонной компанией и т.п.)⁵³⁸ и доступности человека (в частности, открытости спам-сообщениям и рекламным сообщениям). Вследствие персонализации мобильного телефона, люди нередко доверяют

⁵³⁷ Donner, J. Research approaches to mobile use in the developing world: a review of the literature // The Information Society. 2008. №24. Pp. 140–159.

⁵³⁸ Операторы нередко сохраняют SMS сообщения своих пользователей годами. Правила доступа и длительность хранения такой информации не всегда регламентируются.

полученной с его помощью информации больше, чем информации из других источников – что и создает основу для "спама".

4. Резкое расширение возможностей и утрата приватности связаны с такими *возможностями мобильного телефона* как наличие фотокамеры и выхода в интернет, что позволяет сделать фотографию и отправить ее быстро и незаметно для окружающих. Существуют так называемые «моблоги» – пространство в интернете, где люди размещают фотографии, сделанные мобильным телефоном. Связанная с этим утрата приватности привела к тому, что, например, в Японии все мобильные телефоны оборудуются специальным звуком, издаваемым при фотографировании. В Европе запрещено размещение фотографий, сделанных без согласия сфотографированных людей.
5. Мобильная связь тесно связана с особенностями *общения*. С одной стороны, она создает иллюзию близости других людей (отсутствия одиночества), позволяет решать затруднительные вопросы и общаться стеснительным людям. Так, 78% людей предпочитают отослать SMS, а не звонить в социально затруднительной ситуации. С другой стороны, нередко это «решение всех проблем» иллюзорно: мобильная сеть знакомых не всегда может выполнять функции, характерные для личного общения. Немаловажно, что с развитием мобильной связи появляется возможность смены социальных контекстов и/или их совмещения. Так, можно одновременно проводить совещание и общаться с близкими, а также отвлекаться в случае неприятной или скучной ситуации. Обратная стороны медали этих возможностей – ухудшение качества и глубины непосредственного общения, которое теперь происходит параллельно или с перерывами на мобильную связь. Обмен сообщениями может создавать иллюзию очень личной беседы, очень близких отношений – однако, в таком общении отсутствует большинство элементов, важных для общения между людьми. Хороший пример иллюзии близости – флирт, свидания и построение любовных отношений по мобильному телефону, что активно

предлагается специальными сервисами. Изменениям подверглись особенности назначения встреч. В 71% случаев люди постоянно опаздывают на встречи, поскольку об этом можно предупредить звонком или SMS-сообщением. В 70% случаев они отменяют встречу в последний момент теми же способами. Нередко люди назначают несколько встреч на одно время – поскольку могут выбирать и *регулировать* ситуацию позднее. В целом, из-за доступности большого количества коммуникационных технологий, с людьми стало труднее связаться.

6. Мобильный телефон относится к числу интерактивных средств массовой информации: примерами тому являются участие в шоу при помощи SMS, большой набор мобильных игр и т.п. Как и в отношении телевидения и интернета, это способствует *сидячему образу жизни, снижению активности*, особенно у подростков.
7. Особое внимание следует уделить *гендерным и возрастным особенностям* этих изменений. В частности, женщины чаще используют мобильную связь, нередко она позволяет им совмещать работу и общение с домашним хозяйством. В отношении подростков гендерные закономерности не однозначны. Если интернетом, согласно большинству исследований, чаще пользуются юноши, то частота пользования мобильным телефоном по некоторым данным выше у девушек⁵³⁹, по другим – не связана с полом⁵⁴⁰. Наиболее выраженные изменения мобильная связь привносит в жизнь подростков и молодых людей. Согласно исследованиям, многие молодые люди не чувствуют разницы между личным общением и общением по мобильному телефону, что свидетельствует об изменении самой структуры общения. Более того, эта возрастная группа отдает предпочтение SMS, а не разговору по телефону – отчасти из-за дешевизны текстовых сообщений, но также потому, что их можно писать незаметно и держать в секрете, они

⁵³⁹ Madell D., Muncher S. Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet // *Cyberpsychology and Behavior*. 2004. No 7(3). Pp. 359–367.

⁵⁴⁰ Rees H., Noyes J.M. Mobile phones, computers and the Internet: sex differences in adolescents' use and attitudes // *Cyberpsychology and Behavior*. 2007. 10(3). Pp. 482–484.

облегчают общение в затруднительной ситуации, а также позволяют сохранять и возвращаться к значимым сообщениям. В отличие от большинства взрослых, которые чаще используют SMS для решения практических вопросов и назначения встреч, подростки с помощью этого сервиса выражают свои эмоциональные переживания – что привело к разработке простого языка символов, сокращений, неологизмов, и даже целой «субкультуре» текстовых сообщений. Мобильный телефон позволяет молодым людям создавать и поддерживать свою социальную сеть, которая нередко скрыта от глаз родителей. Так, ночные переписки с друзьями без ведома взрослых были практически невозможны при использовании стационарного телефона.

С развитием мобильной связи структура целого ряда деятельности изменяется таким образом, что необходимость опосредствования внутреннего, требующего от человека усилий и им контролируемого, заменяется *возможностью внешнего опосредствования*, не требующего интериоризации и дополнительного внимания. Примеры приводились выше: нет необходимости запоминать, хранить, записывать номера телефонов (они сохраняются), планировать встречи и приезжать вовремя (их можно отменить), ждать и организовывать свой досуг или заполнять паузы (есть игры и SMS). Формально те же законы действуют и в более широком контексте: нет нужды лично решать неприятные вопросы, просить прощения (можно отправить SMS), выражать и понимать выражение эмоций («смайлы» делают это однозначно, без индивидуальных вариаций), знать правила орфографии (для текстовых сообщений появился специфический выхолощенный сленг, кроме того, есть система распознавания T9). Даже флиртовать и знакомиться, участвовать в политических движениях, а в некоторых странах «ходить» за покупками и голосовать можно, не двигаясь с места. Помимо социального значения (например, исчезновение эпистолярного жанра), эти трансформаций важны с психологической точки зрения. Внешне изменение структуры деятельности выглядит ее упрощением – на деле имеет место замена внутренних опор

внешними «костылями». Продолжая эту аналогию, не используемые «мышцы» (внутренние средства) постепенно ослабевают и атрофируются (дезавтоматизация и невозможность произвольного опосредствования деятельности), что, в свою очередь, делает «костыли» еще более незаменимыми (поддерживает незаменимость мобильной связи).

Мобильные телефоны, не так давно вошедшие в нашу жизнь, мгновенно соблазнившие нас, в результате чего ставшие привычными, само собой разумеющимися средствами коммуникации, оказываются довольно действенными механизмами расширения и изменения человека и его культурной среды, последствия которого требуют глубокого философского и психологического осмысления. Современный смартфон без особых трудностей, путем установления нехитрых программных продуктов наделяется функцией тамагочи. Телефон стал новым местом жительства для виртуального зверька, который переселился из примитивной пластмассовой коробочки с маленьким экранчиком и несколькими кнопками в другое, но уже более высокотехнологичное, но не менее любимое, также легко уместяющееся в кармане и требующее внимания тело. Подобно тому как тамагочи должен виртуально питаться, необходимо электропитание, чтобы не «умереть», оставив хозяина на произвол судьбы без связи с миром. Как известно, первоначальный вариант тамагочи не допускал возможности обратного хода событий, поэтому смерть электронного питомца в силу невнимательности хозяина переживалась особенно сильно, до такой степени, что в Японии были зафиксированы случаи самоубийства подростков, не сумевших пережить смерть своего любимого создания. Виртуальный зверек стал слишком реален, симулякр домашнего животного обратился в симулякр друга, иницируя неподдельную заботу по отношению к себе, вызывая привязанность, отодвигая чувство одиночества. Подобно случаю с тамагочи, в процессе развития «отношений» между телефоном и его владельцем можно наблюдать, как из невинной игрушки, симулирующей забавного виртуального питомца, развлекающего хозяина вариациями мелодий, мультимедийными способностями, новыми функциями, усовершенствованный «мобильный друг» в итоге становится чем-то большим,

чем простое электронное приспособление, и в конечном счете превращается в «виртуальный ошейник».

Порожденные человеческой изобретательностью в использовании техники для получения новых удовольствий технологические симулякры нередко оборачиваются своей непредсказуемой стороной. Созданные для развлечения и удобства, наделенные виртуальным интеллектом, электронные устройства становятся любимыми и необыкновенно близкими питомцами, виртуальными зверьками, которые постепенно превращаются в человеческие аналоги электронных ошейников⁵⁴¹, созданных для собак, чтобы держать их в зоне контроля. Не правда ли – «хвост виляет собакой»? Так часто поглаживаемые нами гаджеты оказываются далеко не столь невинны и «пушисты», как нам кажется. Незаметно, но неотвратно они становятся неотделимы от нас, превращаясь в мобильных деспотов, хищно поглощающих остатки нашей информационной свободы в информационном обществе.

⁵⁴¹ Виртуальный ошейник или зона ограничения доступа. Устройство для ограничения доступа позволяет отучить собаку красть еду со стола, залезать на мягкую мебель, портить вещи и обувь, рыться в мусорном ведре и от других вредных и неприятных привычек. Устройство состоит из передатчика, блока питания и ошейника с приемником. Приемник наполняется специальным газом. Ошейник с приемником надевается на собаку. На передатчике задается радиус «запретной» зоны. Передатчик подключается к сети через блок питания и размещается приблизительно в середине зоны, которую вы хотите оградить. Когда собака приближается к «запретной зоне», она слышит предупредительный звуковой сигнал. Если собака продолжает приближаться, из резервуара на ошейнике выходит шипящая струя газа. Как только собака отходит от зоны, шипение прекращается. (Описание товара в виртуальном магазине «Товары для животных и их хозяев».)

Глава 4. Пределы внешних расширений человека

Стремительность и масштаб развития технологий, непрекращающийся рост степени их включенности в жизнедеятельность людей порождает вопрос – до каких пределов технологии могут трансформировать идентичность? Являются ли технологический рост закономерной предпосылкой дальнейшей эволюции человека? Есть ли у него границы? Не приведет ли нарастающая технологическая экспансия не только к трансформации, но и к полной утрате человеком его изначальной родовой сущности? Здесь можно говорить о многих факторах, определяющих векторы трансформации идентичности в условиях информационного общества. В последней главе внимание будет сосредоточено на таких значимых аспектах вхождения современных технологий в жизнь человека, как тотальный контроль и утрата приватности, обусловленных появлением новых технологических медиумов. Информационное общество предельно расширило спектр удобств, предоставляемых индивиду. Приобретая ряд жизненных «привилегий», технологически расширенный человек теряет свою приватность, технологии становятся средствами тотального контроля. Границы идентичности не только размываются, но и взламываются. Опасности изменений жизни человека стали обусловлены незаметными, повсеместными и обыденными технологиями контроля, причем нарушение границ личности далеко не всегда результатом деятельности государств, а скорее следствием непонимания специфики и возможностей информационных технологий и их роли в формировании способов использования человеком. Обнаруживается феномен, имеющий важное значение для структуры и динамики идентичности: взаимопроникновение двух систем контроля – с одной стороны, технологии дают человеку новые формы контроля над миром, но при этом он сам становится контролируемым с помощью тех же технологических расширений.

Фрейд, рассуждая о роли технологий в культуре говорил: «Не будь железной дороги, преодолевающей расстояния, то и ребенок никогда не покидал бы родного города, и не потребовался бы телефон, чтобы услышать его голос. Не

будь пароходов, пересекающих океан, и мой друг не отправился бы в морское плавание, а мне не было бы нужды в телеграфе для успокоения моей тревоги»⁵⁴². Технологии неотвратимо становятся посредниками между человеком и реальностью, и здесь нужно четко обозначить грань, дабы избежать Сциллы полного отказа от услуг техники и Харибды полного в ней растворения. Маклюэн считал, что «наши технологии так же, как и наши личные чувства, нуждаются во взаимодействии и рационализации, чтобы стало возможным их разумное сосуществование»⁵⁴³. Именно поэтому одна из задач современной философии техники, философской антропологии, социальной философии, а также психологии и биоэтики – это анализ роли информационных, био-, нано- и других высоких технологий в современном обществе, их влияния на трансформацию идентичности человека. В ответе на непростой вопрос, как же преодолеть зависимость от данных нам медиумов, дивайсов, чипов и гаджетов, мы ограничимся гипотезой: технологии должны быть соразмерны натуральным возможностям и способностям человека в объективных условиях нашего мира и служить не упрощению, а развитию личности.

⁵⁴² Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 90.

⁵⁴³ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2003. С. 8.

4.1. Технологическое ускорение и трансформация хронотопа

Сегодня как никогда ранее люди столкнулись с невиданной ранее скоростью технологического прогресса. Поколение смартфонов, расплачиваясь одним касанием карты на терминалах в супермаркетах, вряд ли задумывается, что еще сорок лет назад в магазинах использовали счета, никто и не думал о мобильных телефонах, да и домашние телефоны были доступны не всем. Люди писали письма друг другу и отправляли конверты в почтовый ящик, вряд ли предполагая, что не пройдет и несколько десятилетий, и появится электронная почта и СМС. Книги конспектировались в библиотеках, а не перекачивались из электронных ресурсов. Не было цифрового звука, но были бобины с пленками и виниловые пластинки, а телевизоры напоминали огромные ящики с лупами. Все это стремительно изменилось, но, не смотря на стремительность и масштабность, изменялось как нечто собой разумеющееся. Появлялись новые технологии, в ход вступала реклама, новый товар появлялся на полках и находил тут же своих покупателей, пользователей и поклонников

Скорость стала наркотиком, жизненно важной необходимостью молодого поколения, что отразилось в рекламе скоростного доступа в интернет одного из операторов сотовой связи, который «ждет тех, кто не ждет». В наши дни скорости поклоняются. Скорость стала самоцелью. Скорость разделила поколения. Каждое новое молодое поколение отличает возрастающая толерантность к ускорению. Как говорил М. Маклюэн, наше движение в будущее напоминает человека, ведущего автомобиль, глядя исключительно в зеркало заднего вида. Ожидание новых моделей айфонов, автомобилей, компьютеров превратилось в подобие бесконечного бега к линии горизонта. А что за горизонтом? Вопрос бессмысленен, равно как бессмысленен бег «тех, кто не ждет». Для многих пользователей, пребывающих в объятьях гаджетов и медиа, вопрос о последствиях этого союза просто не стоит в силу того, что они не снимают своих «изумрудных» очков, чью роль выполняют смартфоны, планшеты, плееры, сквозь призму которых видят мир в изумрудном цвете.

То, что для познавших инъекцию скорости, является благом и целью, для предшествующих поколений казалось чуждым. В силу того, что события, связанные с прогрессом, происходят слишком быстро и требуют приспособления, каждое поколение чувствовало, что оно отстает от молодых в гонке за переменами. В начале XX в. даже обсуждалась возможность физического разрушения человеческого организма, столкнувшегося с новыми транспортными технологиями. Когда в универсаме Харродс в Лондоне был установлен первый в мире эскалатор (1898г.), люди сильно нервничали, вступая на него. Чтобы успокоить своих посетителей, сотрудники магазина предлагали выпить стаканчик бесплатного бренди каждому совершеннолетнему мужчине, сошедшему с эскалатора, и понюхать нашатырного спирта каждой даме. В 1911г. на станции «Earl's Court» тоже установили эскалатор, и администрация метрополитена наняла инвалида, который ездил на нем, доказывая пассажирам своим примером безопасность нового транспортного средства.

Это имеет вполне понятные психологические причины: человеку свойственна определенная инертность и лень, даже если что-то можно сделать быстрее иным способом, возникает сопротивление, тем более понятное у пожилых людей, ресурсы которых по освоению нового с возрастом становятся все более ограниченными. Естественный консерватизм не исключает правомерности вопроса о том, существует ли какой-либо предел ускорения происходящих с человеком событий, исчерпывающий его ресурсы адаптации и начинающий разрушать стабильность. В данном случае это не просто вопрос консерватизма или прогрессизма как индивидуальных точек зрения, но вопрос о возможности существования точки или диапазона устойчивости, включающих в себя открытость изменениям, но не приводящих к необратимым разрывам. Элвин Тоффлер, предвосхищая в 1970г. «шок будущего», говорил, что все современные социальные структуры пошатнуло ускорение – одна из самых значимых и наиболее непонятных социальных сил. В его интерпретации ускорение – это не простое повышение скорости изменений, существовавшее всегда, а некий качественно своеобразный вызов, с которым впервые сталкивается человечество,

и следствия которого не вполне очевидны. «...Ускорение перемен – это также и психологический фактор. Хотя его почти полностью игнорировали психологи, возрастающая скорость перемен нарушает наше внутреннее равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни. Внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее»⁵⁴⁴.

Очертим наиболее уязвимые по отношению к скорости технологических изменений психологические сферы. По мнению Э. Тоффлера, первое уязвимое место, по которому бьет ускорение – повседневная жизнь. Стабильность человек ощущает как понятность, прозрачность и интеллигибельность мира. Изменения мира столь неспешны, что человек успевает приспособиться к ним, даже не замечая этого. Создается ощущение безопасности и комфортности. В понятном, прозрачном, предсказуемом мире разные поколения и жители различных регионов не сталкиваются с непониманием, различными ценностями, находятся в примерно равном отношении к неспешному прогрессу. Стабильность, воплощенная в авторитетах, ориентируется на уже существующую модель мира, обладающую перед переменами очевидными преимуществами в диапазоне от «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» Конфуция до «При мне все будет, как при бабушке» Александра I.

Однако очевидность этих преимуществ имеет и обратную сторону, когда избыточная стабильность начинает интерпретироваться как стагнация, отсутствие жизни, новизны и сопровождается психологически очень сложным переживанием сладостного омертвения, неподвижности «сна Обломова»: «Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. Все мертво, только из всех углов несется разнообразное храпенье на все тоны и лады»⁵⁴⁵. Иными словами, имеет смысл говорить о скорости перемен не как об однополюсной шкале, где перемены противостоят комфорту, а как об определенном континууме, где комфорт присущ лишь некоторой средней зоне. На одном полюсе этого континуума находится зона «застоя». На другом полюсе –

⁵⁴⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 45.

⁵⁴⁵ Гончаров И.А. Обломов. СПб., 2010. С. 58.

мир в эпоху быстрых перемен, как создающих ощущение азарта и витальности, так и переходящих в крайних точках к неустойчивости, хаотичности, непонятности, опасности. Сосредоточимся не столько на политических переменных, вернее не на их содержании, но в большей степени на технологических переменных или самом факте непрерывного ускорения, которые затрагивают фундаментальные вопросы его бытия, ощущения безопасности, идентичности и пр. Оставим пока в стороне и вопрос об индивидуальных различиях толерантности к скорости перемен: у различных людей весьма значительно отличаются зоны комфортности. Безотносительно к этому экономическое и технологическое ускорение порождают новую скорость перемен, к которой уже не удастся приспособиться незаметно и приходится прилагать специальные усилия, чтобы успевать за меняющимся миром.

Одно из первых и наиболее ярких клинических наблюдений негативного влияния скорости (во всех смыслах) перемен на человека принадлежит отечественному психиатру С.Г. Жислину, еще в начале прошлого века увидевшему именно в избыточной скорости мелькания событий причину одного из видов параноидов внешней обстановки: так называемого «железнодорожного параноида». «Обстановка на переполненном вокзале, в поезде имеет, несомненно, свои специфические, выдающиеся особенности. Бесчисленное количество людей, проходящих мимо в разные стороны, толкаясь и задевая друг друга; обрывки разговоров, восклицания; озабоченные лица, крики, звонки и гудки; атмосфера спешки, тревоги, взвинченности – все это, несомненно, отличает обстановку переполненного вокзала (отчасти сохраняющуюся и в поезде) от любой другой обычной обстановки в городе и деревне»⁵⁴⁶. Ситуация возникновения описанных С.Г. Жислиным «дорожных параноидов» – острых психотических реакций, сопровождающихся тревогой, спутанностью, бредовой интерпретацией окружающей обстановки, – часто связывалась и самим Жислином и его последователями с алкоголизацией, однако он сам отмечал, что только небольшую часть железнодорожных параноидов можно объяснить употреблением

⁵⁴⁶ Жислин С.Г. Об острых параноидах. М., 1940. С. 22.

алкоголя. Не менее значим фактор «скорости изменений», осложнения (запутанности, усложненности), обусловленный специфической ситуацией быстрого изменения внешней обстановки, в которую попадали люди, до этого зачастую никогда не покидавшие небольших деревень. Ситуация усугублялась неопределенностью, неупорядоченностью, невозможностью ее полного контроля, риском отстать от поезда, быть обокраденным, частотой смены картинки за окном, попутчиков в вагоне, бессонницей и пр. С.Г. Жислин, не зная того, на модели «железнодорожного параноида» довольно точно описал то, что впоследствии получит название у Э. Тоффлера «футурошока». Отметим, что в его работе неспроста описывается актуальный для той эпохи «железнодорожный параноид», а не просто «дорожный параноид». Хотя дорога сама по себе сопровождается изменениями, специфика железнодорожного передвижения состояла в том, что его скорость превышала привычную на тот момент и что самое главное, человек не мог ее контролировать как в обычном путешествии: остановиться, переждать, отдохнуть и т.д. С.Г. Жислин еще не знал, что авиационное путешествие тоже может стать источником параноида: возможное опоздание на рейс, на пересадку, очередь на регистрацию, потеря багажа, таможенный и визовый контроль или в худшем случае досмотр личных вещей. Относительную редкость «авиационных параноидов» можно объяснить лишь тем, что это более кратковременные ситуации, в которые попадают люди, имеющие бóльший опыт скоростных перемещений. Клинически виртуозное описание, данное С.Г. Жислиным, можно довольно легко спроецировать на переживания людей, сталкивающихся с изменениями, скорость которых превосходит их ресурсы совладания⁵⁴⁷.

Сегодня описанный метафорический вокзал стал еще больше, оснащенной, многолюдней, поезда стали на порядок быстрее, а травмирующий характер обстановки по-прежнему сохраняется. Более того, технологическое ускорение превратило мир в «глобальный вокзал», где сплетаются все возможные виды

⁵⁴⁷ Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 14–24.

коммуникаций: от постоянно ускоряющихся поездов и совершенствующихся самолетов до уже разогнанных до скорости света информационных каналов передачи данных и все более умных и «человекоориентированных» электронных терминалов, где вы можете самостоятельно купить, поменять или вернуть билет, зарегистрировать его и пр.

Э. Тоффлер определяет шок будущего как «страдание, физическое и психологическое, возникающее от перегрузок, которые физически испытывают адаптивные системы человеческого организма, а психологически – системы, отвечающие за принятие решений. Проще говоря, шок будущего есть реакция человека на запредельное нервное раздражение ... Чтобы понять этот синдром, мы должны объединить такие разрозненные области знания, как психология, неврология, теория нейронных связей и эндокринология, – все, что наука может рассказать нам об адаптации человека»⁵⁴⁸. Индивидуальная толерантность к футурошоку определяется адаптивными ресурсами, скоростью переработки информации и эффективностью копинговых стратегий. Ответом на нынешнюю ситуацию становится все более нарастающая тенденция к «выходу» из гонки: эскейпизму в форме «дауншифтинга» – отказа человека от перегрузок современного общества и перехода на сниженный уровень функционирования, «зависания на Гоа». Это заметил еще Э. Тоффлер в момент написания своей книги: «...Если некоторые получают мощную подпитку от нового быстрого темпа, у других он вызывает неприязнь, они ни перед чем не останавливаются, чтобы “избавиться от этой карусели”, как они говорят. Принимать участие в зарождающемся супериндустриальном обществе – значит принимать участие в мире, движущемся все быстрее, чем когда-либо, но они предпочитают не участвовать, а бездействуют на собственной скорости... “Остановите мир – Я хочу сойти”... Квиетизм и поиски новых способов “делать выбор” или “улизнуть”, который характерен для некоторых (хотя не всех) хиппи, может быть менее мотивированным их громко выражаемым неприятием ценностей технологической цивилизации, чем бессознательной попыткой убежать от темпа жизни, который

⁵⁴⁸ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 352–353.

многие находят невыносимым. Не случайно они применяют к обществу специфический термин “бешеная гонка”»⁵⁴⁹.

Это только один и не самый принципиальный психологический аспект футурошока. Значительно больший интерес представляет изменение механизма и структуры самоидентификации в условиях быстрых перемен. Устойчивая идентификация требует, как минимум, соблюдения двух условий: минимального времени для освоения модели идентификации и относительной устойчивости самой модели. Первое, на что обращает внимание Э. Тоффлер, это то, что избыточная скорость может привести к межпоколенческим разрывам, не позволяющим реализоваться обычной передаче опыта и единой непрерывной ткани культуры и цивилизации. Здесь нарушаются оба условия. «По мере роста скорости изменений во внешней среде внутренние различия между молодежью и стариками неизбежно становятся более заметными. Темп изменений настолько ошеломляющ, что даже несколько лет разницы дают большие различия в жизненном опыте человека. Вот почему некоторые братья и сестры, возрастная разница между которыми три-четыре года, субъективно ощущают себя принадлежащими к совершенно разным “поколениям”»⁵⁵⁰. Добавим – поколениям, у которых нет общего языка и, следовательно, между которыми невозможна полноценная коммуникация. Этот феномен можно назвать *«вертикальным разрывом»*.

Другой вариант – *«горизонтальный разрыв»* – связан с неравномерностью ускорения на территориально различных участках некогда единой страны, когда скорость перемен в столицах, крупных индустриальных городах нарастает быстрее, чем в провинции, приводя к гетерогенности формально единого пространства.

Наращение скорости изменений формирует *«структурный разрыв»*: скорость отставания уже отставших имеет тенденцию к непрерывному накоплению, делающему возникшие разрывы необратимыми, а отставание

⁵⁴⁹ Там же, с. 52.

⁵⁵⁰ Там же, с. 319.

нарастающим. Человек становится атомарным, не включенным в межпоколенческие вертикальные и горизонтальные социальные сети, чувствующим отсутствие поддержки, одиночество и экзистенциальный вакуум: кто я, откуда и куда иду? В 1967г. В «Сумме технологий» С. Лем высказал мысли, во многом аналогичные последующим заключениям Тоффлера в 1970г.: «Быстрое изменение жизненных условий, вызванное этим ускорением, служит одним из факторов, отрицательно влияющих на формирование гомеостатической системы обычаев и норм в современном мире. Какие уроки и наставления может дать молодежи многоопытная старость, если весь комплекс жизни следующего поколения ничем не напоминает образ жизни родителей?»⁵⁵¹.

На уровне нарушенных отношений в отдельной семье это, возможно, и не так страшно, куда хуже, если быстрые изменения затронут относительно неподвижный фундамент культуры, накопленный предшествующими поколениями и служащий естественной платформой групповой или национальной идентичности. Фаст-культура, рождающаяся на бегу, не может заменить этого фундамента, поскольку она по определению носит сиюминутный характер и рассчитана не на закрепление, а на постоянное обновление. У вас не может быть истории архитектуры, если вы строили здания из бумаги. Если в традиционной культуре любые сдвиги вписывались в определенный контекст и могли быть поняты именно в этом контексте, то фаст-культура больше похожа на калейдоскоп несвязанных или разорванных картинок.

Мы стоим перед необходимостью понять, как меняется в этой ситуации понятие развития, и возможно ли в этом случае вообще развитие? Развитие – это тогда что? – Ситуация, в которой можно четко проследить начало, продолжение, традицию и перспективу? – Или это ситуация отрицания каждого предыдущего шага последующим? Если последнее, то зачем вообще с чем-то идентифицироваться, если течение истории превратит эту идентичность в мусор на пути перемен? Симультанный и сукцессивный поток стремительно меняющихся событий, разрывающий общество по вертикали и горизонтали,

⁵⁵¹ Лем С. Сумма технологий. М., 1996. С. 11.

размывает сердцевину идентичности индивида информационного общества и, по сути, становится патогенетическим звеном в формировании психогенных «параноидов обыденной жизни».

Следствия технологической опосредованности картины мира уходят не только в будущее. Призрачным становится и прошлое. Предшествующая история также может быть в одночасье переписана или проинтерпретирована настолько разнообразно, что порою проще ответить на вопрос «Была ли жизнь на Марсе?», чем найти ориентиры в прошлом и установить с ним связь, особенно если всякая информация о нем либо исключена, либо искажена СМИ. Традиционно спасительный якорь идентичности оказался утерянным, став просто ненужным в момент тектонического всплеска экспансии информационных технологий и постмодернистского релятивизма, – зацепиться стало не за что и незачем. *Хронотоп информационного общества разрушен перегрузками технологического ускорения.*

Термин «хронотоп» (буквально *пространствовремя*) ввел в гуманитарные науки М.М. Бахтин, творчески заимствовав понятие из математического естествознания и придав ему новый смысл – «...существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»⁵⁵². В контексте обсуждения идентичности это – время и место моего пространственно-временного укоренения. Сегодня понятие хронотопа также может быть переосмыслено в рамках пространственно-временных трансформаций, вызванных убыстряющими ритм жизни технологиями. Тогда проблема технологического ускорения заключается в том, что *хронотоп не выдерживает ритмов и скорости технотронного мира.*

Помимо фаст-культуры как варианта неукорененной, поверхностной и непрерывно изменчивой культуры, идентификационные разрывы связаны с формированием особой «одноразовой» культуры. «Одноразовая» культура заведомо обладает ограниченными по сравнению с «вечной» возможностями создания материальной почвы связанной идентификации. Одноразовая чашка

⁵⁵² Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234.

хорошо выполняет только одну функцию – сосуда для питья, но в отличие от чашки «моей бабушки» никак не может послужить материальной опорой укоренения. «Ничто не впечатляет так, как различие между новым поколением девочек, радостно отдающих своих Барби ради новой усовершенствованной модели, и теми, кто подобно их матерям и бабушкам, долго играл одной и той же куклой и был к ней нежно привязан, пока она не разваливалась от старости. В столь разном подходе выражается главное различие между прошлым и будущим, между обществом, базирующимся на постоянстве, и новым, быстро формирующимся обществом, базирующимся на недолговечности»⁵⁵³.

Вещественный мир, окружающий человека, непрерывно стремится к утрате устойчивости. «В прошлом неизменность была идеалом. Занимался ли человек пошивом обуви или строительством кафедрального собора, все его силы и помыслы были сосредоточены на том, как сделать то, что он производит, более прочным. Он хотел, чтобы творение его рук пережило время. Пока общество вокруг него было относительно устойчивым, каждый предмет имел свое определенное назначение, и экономическая логика подсказывала следовать курсом, не подверженным переменам. Даже если нужно было время от времени чинить ботинки, которые стоили 50 долл. и носились 10 лет, они оказывались не такими дорогостоящими, как те, которые стоили 10 долл., а служили только год»⁵⁵⁴. «Человек прошлых эпох, пообедав на лоне природы, свой бурдюк, тыквенную бутылку, погребец увозил обратно. Наш современник бросает целлофановый мешок, пластиковый баллон, коробку на этом самом лоне. Раньше тара служила многожды, теперь – единожды и всё более к этому стремится»⁵⁵⁵. Вспомним сколько тысячелетий не менялась форма чаши или глиняного горшка и что вплоть до второй половины XX в. основной формой перемещения служила подвода. Посмотрим, какие обороты набрало технологическое ускорение сегодня. «Товарное производство в целом сегодня заменяет «мир прочных объектов»

⁵⁵³ Тоффлер Э., 2002. С. 62.

⁵⁵⁴ Там же, с. 67.

⁵⁵⁵ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2012. С. 426.

одноразовыми товарами, разработанными для немедленного устаревания»⁵⁵⁶. Перемещаясь по миру, мы привыкаем к окружению одноразовых вещей. «Самое приятное в поездках – это то, что в них тебя окружает одноразовый мир. Поселяешься в номере отеля и находишь там одноразовое мыло, одноразовые пакетики с шампунем, крошечные одноразовые брикеты масла, одноразовое полоскание для рта и даже одноразовую зубную щетку»⁵⁵⁷. Быстрота перемещений, обеспеченная современными технологическими возможностями, смена мест пребывания формируют неустойчивый мир одноразовых отношений, быстротечных знакомств и коротких связей, свойственных постмодерной культуре. Семейные альбомы с пожелтевшими фотографиями уходят в прошлое с кончиной своих владельцев, новое поколение выбирает альбомы в Facebook и Instagram, где фотографии являются файлами, которые в любой момент могут быть удалены. З. Бауман сформулировал правила жизненной игры потребителей эпохи постмодерна: в ее основе постоянная изменчивость, избегание долговременных обязательств, привязывания к месту, к делу, вообще ни к чему и ни к кому, уход от ответственности, от прошлого, жизнь по принципу «здесь и сейчас». Положение дел, сложившееся в постоянно меняющемся мире З. Бауман назвал «текучей современностью», проводя аналогию с жидкостями, которые легко перемещаются, обходят или растворяют препятствия. На смену стабильной, тяжелой, «твердой» идентичности, свойственной модерну, приходит нестабильная, легкая, «жидкая» идентичность постмодерной культуры. «В мире, где намеренно нестабильные предметы являются сырым строительным материалом идентичности людей, которая по определению нестабильна, человек должен постоянно быть внимательным; но прежде всего он должен охранять свою гибкость и скорость реадaptации для быстрого следования изменяющимся паттернам "внешнего" мира»⁵⁵⁸. В своем эссе «От паломника к туристу» Зигмунд Бауман сложившуюся ситуацию в «текучей современности»: «Играть короткие игры, значит избегать долговременных обязательств. Отвергать любую

⁵⁵⁶ Бауман З. *Текучая современность*. СПб., 2008. С. 94.

⁵⁵⁷ Паланик Ч. *Бойцовский клуб*. М., 2014. С. 27.

⁵⁵⁸ Бауман З., 2008. С. 94.

"фиксацию". Не привязываться к месту. Не обречь свою жизнь на занятие только одним делом. Не присягать на постоянство и верность ничему и никому. Не контролировать будущее и ни в коем случае не закладывать его: следить за тем, чтобы последствия не выносились за рамки самой игры, а в случае чего не признавать своей ответственности»⁵⁵⁹. Скорость, изменчивость, фрагментарность – враги идентичности, последней нужно время и иерархия. «Реальная проблема не в том, как построить идентичность, а в том, как сохранить ее; что бы вы ни строили из песка, замка все равно не будет».⁵⁶⁰ Если Тоффлер выражает опасения, связанные с технологическим ускорением, то Бауман, следуя постмодернистской плюралистичной логике, не дает оценочных характеристик трансформации идентичности от устойчивой до изменчивой, лишь констатирует факт происходящих изменений в информационном обществе. На самом деле здесь скрывается ловушка, в которой теряется сама возможность обретения устойчивых моделей самоидентификации. Если мир представляет калейдоскоп меняющихся целей, ценностей, приоритетов, причем меняющийся со все большими скоростью и масштабом, то собственно с чем и зачем человеку идентифицироваться, где найти точку отсчета?

Сегодня мы еще не успеваем привыкнуть к новшеству, понять, как оно повлияет на нашу жизнь, а оно уже вошло в нашу жизнь и овладело ею, ведь этому новшеству не требуется нашего понимания. Более того, как только мы привыкаем к новинке, она уже устаревает, ибо на смену ей идут новые, совершенные, слишком совершенные гаджеты, требующие отправить их предшественников на помойку. В век прогресса будущее становится прошлым, так и не успев побыть настоящим. Таким образом, можно заключить, что скорость перемен вещественного мира основана на двух близких и равно травматичных для ткани хронотопа тенденциях: непрерывных навязываемых технологических изменениях и формированием культуры одноразового потребления. Первая в

⁵⁵⁹ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №4. С 133–154.

⁵⁶⁰ Там же.

большей степени связана с уровнем адаптации к скорости, а вторая – с материальной основой идентичности.

Корни текучей современности – это технологические новации. Люди оказались вовлеченными в бесконечную гонку за новинками электронного рынка, которые появляются столь же стремительно, как устаревают их когда-то совершенные прототипы. Человек искренне полюбил электронный мир, в свою очередь последний отвечает на его любовь взаимностью, исполняя его любые желания, порождая все новые образцы и вариации технологий, безжалостно отправляя в отставку предшествующие «разонравившиеся» формы. Окружающие нас вещи стали слишком эфемерными, хрупкими: их жизнь слишком коротка подобно сезонной моде. Вещи уже не могут быть маркерами идентификации, они не способны более быть материальной основой идентичности. Вместе с тем роль вещей в жизни человека не следует недооценивать, ведь последние «воздействуют на наше чувство преемственности или ощущение разрыва. У них своя роль в структуре ситуаций, и степень нашего отношения к вещам ускоряет ход жизни»⁵⁶¹. Одноразовая жизнь гаджетов заложена в них как программа, цель которой не допустить остановки в технологическом развитии, обеспечить бесконечное обновление модельных рядов. «Верно то, что потребитель иногда попадает в ловко расставленную западню: производитель преднамеренно укорачивает жизнь старого изделия и одновременно выпускает “новую усовершенствованную” модель, разрекламировав ее как последнее достижение передовой технологии»⁵⁶². Всё происходит слишком быстро: не успеваешь изучить все функции своего нового телевизора или телефона, как выясняется, что он уже устарел, и модель новой серии соблазнительно смотрит на тебя с рекламной картинки, удивляя новыми возможностями технологических расширений.

Сегодня нет смысла делать вещи с долгим сроком службы: он, как правило, ограничивается сроком гарантии, и утилизация становится предпочтительней

⁵⁶¹ Тоффлер Э., 2002. С. 62

⁵⁶² Там же, с. 80.

ремонта, ведь на рынке давно уже появилась более совершенная и модная модель новой сборки. Цикл жизни гаджетов краток. «Развивающаяся технология скорее движется в направлении снижения издержек производства, чем стоимости ремонтных работ. Издержки производства зависят от его автоматизации, ремонтные работы в значительной степени остаются ручной операцией. Отсюда следует, что часто вещь выгодней заменить, чем починить. Поэтому экономически разумнее производить дешевые, не поддающиеся ремонту одноразовые изделия, пусть даже они не служат так же долго, как вещи, которые можно починить»⁵⁶³.

Связанная протяженность хронотопа рассыпается на калейдоскоп разорванных фрагментов, живущих очень короткой жизнью. «Время больше не река, а скопление запруд и омутов... Из этого опыта ничего не возникает кроме однозначных, в основном негативных житейских правил: не планируй слишком длинных путешествий – чем короче путешествие, тем больше шансов его завершить; не допускай эмоциональной привязанности к людям, которых встречаешь на транзитных перекрестках – чем меньше будешь придавать им значение, тем меньше тебе будет стоить расставание; не допускай слишком сильной привязанности к людям, месту, делу – ты не можешь знать, как долго они продлятся, и как долго ты будешь считать их достойными своих обязательств перед ними; не смотри на свои оборотные средства как на капитал – ценность сбережений быстро падает, и перевозносимый некогда "культурный капитал" имеет свойство во мгновение ока превращаться в культурный убыток. А, кроме того, не откладывай удовольствие, если можешь получить его сейчас. Ты не знаешь, каким ты станешь потом, ты не знаешь, доставит ли тебе удовольствие завтра то, чего ты хочешь сегодня»⁵⁶⁴. Анализируя особенности идентичности постмодерна, Бауман беспристрастно отмечает, что стили, которые некогда вели маргиналы в своих обочинных хронотопах, теперь практикует большинство в

⁵⁶³ Там же, с. 67–68.

⁵⁶⁴ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 143.

основное время своей жизни и в местах, расположенных в центре жизненного мира; они поистине превратились в стили жизни.

Общество потребления фактически не оставляет возможности для человека долговременного сосуществования с какой-либо вещью, именно поэтому в качестве компенсаторной реакции возникает страсть к обладанию предметами с историей, антиквариатом, осколками древних культур, т.е. всем тем, что несет отголоски устойчивой идентичности, ценностями, прошедшими испытание временем (или, на крайний случай, их подделками). Расшатанному хронотопу нужны хоть какие-нибудь точки опоры.

Со времени написания «Футурошока», изданного в 1970 году, в развитии информационных технологий произошел существенный скачок. Да, конечно, переход на вещи одноразового употребления и утрата «бабушкиной чашки» затруднили возможности «вещественной» идентификации, но еще более значимый разрыв связан с появлением новых технологических инструментов, принципиально не предназначенных для сохранения. Специалист в области информационных технологий Мартин Форд констатировал: «Почти все мы понимаем, что наш мир быстро изменяется, кажется, что все вокруг развивается невероятными темпами. Особенно мы привыкли к непрерывному прогрессу в области технологий. Мы замечаем, что ноутбук, купленный сегодня, значительно легче, дешевле и функциональнее, чем ноутбук, приобретенный всего несколько лет назад. Наш новый сотовый телефон компактнее и легче, но при этом он выполняет гораздо больше функций». Само по себе это не так бы вызывало опасение, если бы не ускорение развития событий, и в этой связи Форд обратил внимание на то, что мы не вполне осознаем этот факт: «Нам, конечно, знакомо понятие ускорения. Мы сталкиваемся с ним во время движения автомобиля или взлета самолета. Но в повседневной жизни ускорение – это что-то, имеющее очень небольшую продолжительность: что-то в пределах секунд. Возможно, по этой причине нам нелегко понять суть ускорения, которое имеет место последние

десятилетия. Нам сложно осознать его истинный смысл»⁵⁶⁵. То, что на самом деле представляют собой технологии, становится нам понятно ровно тогда (а то и позже), когда они устаревают, уступая место новым. Очевиден факт, что за последние десятилетия информационные технологии осуществили спринтерский рывок в своем развитии, причем скорость этого бега увеличивается с каждой секундой. Способны ли мы справиться с этим ускорением или неизбежна перегрузка?

Характеризуя специфику современного мироощущения, В. Вельш обращает внимание на феномен трансформации пространственно-временных связей. «В эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством. Общая ситуация simultaneity и взаимопроникновения различных концепций и точек зрения более чем реальна»⁵⁶⁶. Итог этих процессов один – пространственно-временные связи, бывшие основой идентичности обитателей хронотопа, не знавшего самолетов и интернета, утрачены. Возможности, обретенные светоскоростными сетями и сверхзвуковыми скоростями еще антропологически не идентифицированы, но приняты, подобно новой, но не прошедшей сертификацию, игрушке.

Очевидно, что открытие аэропорта в джунглях или на затерянном в океане острове мгновенно присоединяет эти территории к «большой цивилизации», и как следствие, уничтожает не только первобытную чистоту природы, но и идентичность жителей этих мест. Сегодня связь между телом и территорией, расстоянием и временем, картой и местностью теоретически может быть поставлена под сомнение. Современные транспортные технологии изменили масштабность хронотопа и кардинально трансформировали натуральную географию⁵⁶⁷. Благодаря индустрии авиаперевозок человеку стали доступны перемещения на большие расстояния за относительно короткое время. Со времен

⁵⁶⁵ Форд М. Технологии, которые изменят мир. М., 2014. С. 35–36.

⁵⁶⁶ Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. Weinheim, 1987. S. 4.

⁵⁶⁷ Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 42–52.

легендарных каравелл Тинты, Ниньи и Санта-Марии прошло несколько веков, но как в Испанской империи, так и в современном информационном обществе транспортная коммуникация является неизменным условием экономического процветания. Радикально изменилась скорость. Если путь Колумба до Гаити занимал порядка трех недель, то сегодня долететь до Доминиканской республики из Москвы можно за 14 часов. Аэропорты стали основными показателями доступности и освоенности места. Если обратить внимание на карту маршрутов той или иной крупной авиакомпании, то мы увидим подлинную карту мира. Все остальное пространство физической карты мира, удаленное от пунктов назначения, становится недоступным белым пятном. Более того, технологически расширенный путем использования реактивных лайнеров человек невольно сталкивается с парадоксами пространственно-временного восприятия. Скорость самолета в некоторых случаях меняет естественный ход времени для пассажира, так при полете на короткие расстояния с востока на запад самолет приземляется по местному времени раньше, чем он взлетел из пункта, удаленного на тысячу километров. Известно, что так и не ставший массово востребованным сверхзвуковой «Конкорд» (быть может, как раз в силу своей технологической избыточности и несоразмерности человеку) приземлялся в Нью-Йорке раньше, чем вылетал из Лондона, опережая вращение Земли и оправдывая рекламный слоган «Arrive before you leave». Такие парадоксы определяются законами физики, но нельзя недооценивать и психологическое воздействие быстроты перемещения на человека. Люди, которые часто путешествуют самолетом, начинают по-особому выстраивать географию своего мира.

Благодаря индустрии авиаперевозок человеку стали доступны перемещения на большие расстояния относительно за короткое время. Так дорога из аэропорта Шереметьево до центра Москвы может оказаться длиннее предшествующего перелета из Парижа. Таким образом мы наблюдаем еще один психологический феномен: близость того или иного географического объекта определяется не расстоянием в километрах, а, с одной стороны, удобством, скоростью его достижения, и с другой стороны, личностной мотивированностью

его посещения. Существуют места, которые ты неизменно стараешься посетить во время пребывания в том или ином городе. Именно в этих точках для человека постмодерной культуры образуются подлинные пункты его субъективно трансформированного хронотопа.

Делая футурологические прогнозы в «Третьей волне» Э. Тоффлер констатирует, что с наступлением постиндустриального, информационного общества «мы вошли в новую фазу связи человечества с пространством». Но при этом он описывает эту фазу лишь неопределенными набросками в небольшом фрагменте «Космические путешественники», мимоходом отмечая, что «интеллект Третьей волны объединил содержание понятий близкого и далекого»⁵⁶⁸, главным образом, с помощью информационных технологий коммуникации, которые позволяют избегать рутинных пространственных перемещений. Как следствие технологического развития средств коммуникации, в частности авиации и сети скоростных железных дорог, постоянного повышения уровня их комфортабельности, люди начинают путешествовать ради удовольствия, а не передвигаться по необходимости. М. Маклюэн отметил, что «дорога ... используется все меньше и меньше для перемещений и все больше и больше для отдыха. Теперь путешественник переключается на воздушные линии, а тем самым перестает переживать сам акт путешествия. Нередко говорят, что как океанский лайнер вполне способен сойти за отель в большом городе, так и воздушный путешественник, независимо от того, пролетает он над Нью-Йорком или над Токио, в плане переживания самой дороги мог бы с таким же успехом находиться в коктейльном зале. Он начинает путешествовать только после того, как приземлится»⁵⁶⁹. Транспорт стал не только средством доставки из одного места в другое, он стал объектом туризма сам по себе.

Вместе с тем, улучшение транспортных средств не является единственной причиной лавинообразного роста передвижений людей по миру. В последнее десятилетие сформировался целый спектр услуг, которые делают путешествия все

⁵⁶⁸ Тоффлер Э., 2002. С. 482.

⁵⁶⁹ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. С. 107.

более доступными. Технологии безналичного дистанционного расчета с помощью кредитной карты и создание специализированных сайтов для бронирования отелей, авиа и железнодорожных билетов изменили карту мира, сделав ее максимально подробной и доступной. Информационные технологии трансформировали натуральную географию, превратив мир в «глобальную деревню». Не выходя из дома, человек может сам составить карту своего путешествия, купить билеты, выбрать место проживания, получить информацию о достопримечательностях, экскурсиях, музеях, ресторанах и т.п. Путешествия в информационном обществе стали простыми и доступными. Сервис интернет-бронирования отелей booking.com привлекает более 20 миллионов посетителей в месяц. Но неизменным остается то, что существование туристического объекта зависит не от его фактической реальности, а от возможности быть включенным в технологические цепочки туристического бизнеса, конвергированные с транспортными маршрутами.

Идея соразмерности расстояния человеку все равно остается актуальной, просто развитие возможностей транспортного перемещения, модифицировало пространственное измерение расстояния во временное. Технология подчинила карту расписанию, создав специфический хронотоп отправления, привязанного ко времени. Человеку трудно представить себе, сколько это будет 10000 миль, но он вполне может представить себе, что такое пять дней пути или 80 дней под водой. На вопрос «как далеко от Москвы до Парижа» сегодня вряд ли кто ответит – 2865 км. Скорее мы услышим – 3,5 часа на самолете.

Как отмечает Э. Гидденс, социальные географы предложили полезное и увлекательное понятие пространственно-временной конвергенции для анализа, как социальное развитие и технологические изменения влияют на формы социальной активности. В контексте пространственно-временной конвергенции с усовершенствованием транспортных систем расстояния «сокращаются»⁵⁷⁰. Так, время путешествия от восточного до западного побережья Соединенных Штатов можно оценить в зависимости от изменения в скорости транспортировки, которое

⁵⁷⁰ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 85.

стало возможным с прогрессом на транспорте. Пешком это путешествие занимает более двух лет; верхом на лошади восемь месяцев; в почтовой карете четыре месяца; по железной дороге в 1910 году четыре дня; на автомобиле сегодня два с половиной дня; обычным авиарейсом четыре часа; на скоростном реактивном самолете чуть больше двух часов; на космическом «челноке» несколько минут⁵⁷¹. Безусловно, расстояния можно измерять по-разному, для человека, который отказался от путешествий или не имеет никакой мотивации, финансовых возможностей, расстояние между Москвой и Парижем вообще становится бесконечным, но нельзя отрицать, что современные технологии коммуникации сформировали новый тип хронотопа, специфический для информационного общества, в котором и паломник, и бродяга и турист получили качественно новые возможности для достижения своих целей.

Негативные следствия разрушения и деформации хронотопа сегодня стали очевидны. Лишенный устойчивой идентичности человек информационного общества превращается в «человека-Протея»⁵⁷². Происходящие трансформации, связанные с постоянно нарастающей скоростью перемен, опережающей натуральные возможности человека их осмысления и интериоризации, требуют не только философского и психологического осмысления, но и выработки механизмов адаптации к ним. Одним из первых поставил такую задачу М. Маклюэн: «Раньше влияние медиа распространялось более постепенно, что в известной мере смягчало восприятие. Сегодня же, в электронный век непрерывной коммуникации, наше выживание – или, как минимум, комфортное существование и счастье – зависят от умения понимать природу окружающего мироустройства. Это умение необходимо, поскольку изменения теперь происходят не так, как в прежние времена: электрические медиа обеспечивают практически непрерывную метаморфозу культуры, ценностей и мировоззрений. Это постоянное превращение настоящего в следующее – причина страданий и потери идентификации, которые возможно компенсировать только через

⁵⁷¹ *Janelle D.G.* Central place development in a time—space framework // *Professional Geographer*. 1968. Vol. 20. Pp. 5-10.

⁵⁷² *Lifton J.L.* *The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation*. New York, 1993.

осознание динамики происходящего. Если мы понимаем революционные перемены, происходящие благодаря медиа, мы можем предвосхищать и управлять ими. Если же мы будем упорствовать в добровольном поддержании нашего подсознания в трансе, то мы останемся его рабами»⁵⁷³. Э. Тоффлер говорил, что «для того чтобы выжить, чтобы предотвратить то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья или профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения. Однако прежде чем он сможет это сделать, он должен понять, как воздействия ускорения проникают в его частную жизнь, сказываются на его поведении и изменяют качество существования»⁵⁷⁴. С. Лем утверждал, что быстрое изменение жизненных условий, вызванное ускорением, служит одним из факторов, разрушающих значимость обычаев и норм в современном мире: «Всякая технология, в сущности, просто продолжает естественное, врожденное стремление всего живого господствовать над окружающей средой или, по крайней мере, не подчиняться ей в борьбе за существование»⁵⁷⁵, но в отличие от природных процессов, сбалансированных во времени, именно лавинообразная скорость технологического прогресса служит реальной угрозой энтропии и утраты гомеостаза – равновесия сил человека и машин, скорости перемен и идентичности постоянства. Одо Марквард рассуждает о проблеме ускоренного устаревания опыта или о «тахогенной чуждости миру»: «тахогенной – потому что она есть результат увеличившейся скорости (от греческого *τάχος* – «скорость») изменений, претерпеваемых современной действительностью... Например, там, где 2000 лет назад был лес, 1000 лет назад – поле, 500 лет назад – дом, 150 лет назад стояла ткацкая фабрика, 75 лет назад – вокзал, 25 лет назад – аэродром, сегодня стоит центр управления космическими полетами, а что будет стоять через

⁵⁷³ Маклюэн М. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY (1969 г.) [Электронный ресурс] // McLuhan. URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-intervyu-dlya-playboy-ch-2/>

⁵⁷⁴ Тоффлер Э., 2002. С. 48.

⁵⁷⁵ Лем С. Сумма техноогий. М., 1996. С. 9.

10 лет – этого мы еще не знаем. Прогресс науки и техники, а также высокая производительность труда обусловили практически во всех областях все большую скорость появления все большего числа новшеств. Одновременно это означает, что все большее число явлений все быстрее устаревает. То же самое происходит и с нашим опытом, ведь в нашем жизненном мире все реже повторяются те ситуации, в которых и для которых мы этот опыт приобретали. По этой причине вместо того, чтобы по мере постоянного роста опыта и познания мира становиться самостоятельными, т.е. взрослеть, мы постоянно и все быстрее вновь откатываемся к состоянию, для которого мир в большинстве своих проявлений неизвестен, нов, чужд и непонятен, а это и есть положение детей»⁵⁷⁶. Происходит эрозия опыта, перестающего быть материалом идентификации, вернее, становящегося бессмысленным для текучей идентичности. Выражая опасения по поводу последствий научно-технического прогресса, Тоффлер приводит метафорическое высказывание Р. Лэппа: «Никто – даже самый блестящий из ныне живущих ученых – в действительности не знает, куда ведет нас наука... Мы находимся в поезде, который набирает скорость, мчимся по пути, где стоит неизвестное количество стрелок, ведущих к неизвестным пунктам назначения. В кабине паровоза нет ни одного ученого, а у стрелок могут оказаться демоны. Большая часть общества находится в тормозном вагоне и смотрит назад»⁵⁷⁷. Несмотря на проницательность, принесшую Э. Тоффлеру славу признанного футуролога, он не мог предвидеть могущества «демонов», меняющих реальность XXI в. Описывая грядущее «супериндустриальное» общество «третьей войны», Э. Тоффлер вряд ли предполагал, что формирующийся в его время постмодернистский плюрализм станет благодатной почвой для возвращения идеологии фундаментализма⁵⁷⁸, что в мировых столицах с ужасающей периодичностью будут слышны взрывы терактов, что на территории Европы произойдут крупномасштабные военные конфликты, а на Ближнем Востоке в

⁵⁷⁶ Марквард О. Эпоха чуждости миру? [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_27-pr.html

⁵⁷⁷ Цит по: Тоффлер, 2002. С. 470.

⁵⁷⁸ Емелин В.А. Терроризм как радикальная реакция на глобальный кризис идентичности // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 47–51.

новоявленном халифате будут резать головы европейцам и американцам в прямой трансляции на весь мир. Вряд ли он предвидел масштаб мировых финансовых кризисов, потрясающих экономики всех стран, независимо от уровня их богатства. Э. Тоффлера нельзя в полном смысле слова назвать оптимистом, но в тоже время он был далек от эсхатологических прогнозов, и «шок будущего» не означал для него «страха будущего». Но сегодня «...есть ощущение, что будущее в какой бы то ни было форме влечет за собой некие неприятности и ухудшения того, что есть. Общая тенденция заключается в том, чтобы как-то удержаться и сохранить настоящее. Иными словами, эсхатологические настроения сделали актуальным спасение от будущего, сохранение статус-кво и гарантию хоть какой-то защиты от надвигающихся опасностей – будь то экономические катастрофы, экологический кризис, нарастание напряженности, возникновение новой безработицы; у всех есть ощущение, что, скорее всего, будет хуже»⁵⁷⁹. Поэтому возникает тенденция к консервации, сохранению стабильности, но только для того чтобы изменения не привели к ухудшающим последствиям. Как бы это не звучало пессимистично, но, увы, стагнация – это закономерная, безжалостно объективная реакция на ускорение, которая бросает нас плыть по течению в океане неустойчивых идентичностей. Стагнация наступает, когда отсутствуют механизмы адаптации к социокультурному ускорению, когда не видны маяки береговых границ, когда недостижим гомеостаз прошлого, настоящего и будущего.

⁵⁷⁹ Гройс Б. Сейчас актуально спасение от будущего [Электронный ресурс] // The Prime Russian Magazine. 2014. № 5(26). URL: http://primerussia.ru/interview_posts/444

4.2. Удобство жизни и утрата приватности: идентичность в условиях тотального технологического контроля

В середине шестидесятых годов XX века известный философ, социолог и культуролог Герберт Маркузе обозначил особую роль технологий в осуществлении контроля над обществом. Речь шла о мягком, «обволакивающем» контроле, осуществляемом путем формирования ложных потребностей индивидов, главным образом связанных с тем, что вещи, техника, иные удобства становятся продолжением человеческого сознания и тела. «Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, прирастают душой к автомобилю, стереосистеме, бытовой технике, обстановке квартиры. Сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился. Общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом»⁵⁸⁰. В современный период технологические формы контроля предстают как воплощения самого Разума, направленные на благо всех социальных групп и удовлетворение всеобщих интересов, так что всякое противостояние кажется иррациональным, а всякое противодействие немислимым⁵⁸¹.

В отличие от развитого индустриального общества времен Г. Маркузе, реальность наших дней характеризуется переходом на новый качественный уровень, связанный с тотальным вхождением в повседневную жизнь информационных электронных технологий, развитие которых сформировало специфику потребностей человека информационного общества. Сегодня мы не сможем представить свою жизнь без таких электронных расширений, как нательные гаджеты, беспроводная связь, персональные компьютеры, кредитные карты, электронные билеты и другие технологические блага, главная задача которых сделать нашу жизнь максимально удобной.

Все технологические новинки создаются исключительно во благо человека, но, как почти любое благо, имеют обратную сторону. Любая инновация,

⁵⁸⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 12.

⁵⁸¹ Там же, с. 13.

трансформирующаяся в механизм уничтожения, изначально создавалась для обеспечения безопасности, сохранения удобства, добра, законности, то есть *блага* в самом широком смысле. Разрабатываемые биохимиками формулы новых лекарств, с целью облегчить страдания больных, становятся основой наркотиков, убивающих других людей. Ради *благополучия* населения создаются генномодифицированные культуры, для защиты от террористической угрозы используются высокотехнологичные системы прослушивания разговоров и перлюстрации электронных писем, для обеспечения демократии проводятся «точечные» ракетные удары, и, в конечном счете, ради мира развязываются войны. *Благими* намерениями дорога в ад вымощена. Логика здравого смысла подсказывает, что у «электронного рая» есть обратная сторона. С развитием технологий человек кроме удобств получает и целый спектр проблем, многие из которых вызваны трансформациями идентичности в процессе расширения собственных возможностей электронными медиумами.

Технологические преобразования вторгаются в личное пространство человека, размывая границы его идентичности. Феноменологически идентичность «определяется структурой разрыва и взаимодействия между субъектом и объектом. Огрубляя, можно сказать: то, что относится к субъекту, составляет его идентичность, а то, что не относится, удаляется за ее границы. Ключевым критерием, определяющим эти границы, является «переживание контролируемости чего-либо, или принадлежности к чему-то»⁵⁸². Если распространить эту интерпретацию на соотношение технологии и идентичности, можно обнаружить довольно своеобразный феномен, имеющий большое значение для структуры и динамики идентичности – взаимопроникновение как минимум двух систем контроля. Технологии дают человеку новые формы контроля над миром, но при этом он сам контролируется с помощью тех же технологических расширений. Пользуясь электронными медиа, человек может получить фактически любую имеющуюся (а при некоторых манипуляциях и закрытую для

⁵⁸² Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771-rasskazova26.html>

свободного доступа) информацию произвести различные транзакции, осуществить коммутации с другими пользователями или абонентами. Но для получения определенного рода информации ему необходимо предоставить владельцам электронных ресурсов (сделать доступным) свои личные данные.

Если говорить о личностных последствиях для человека, то речь идет о нарушении границ идентичности: если человек их утрачивает, то у него радикально увеличивается уровень тревоги, появляется ощущение управляемости и, как результат, возникают психотические переживания. В современном психоанализе центральным звеном психотической структуры, реализующейся при определенных условиях в форме психоза, считается именно неустойчивость или непрочность границ идентичности, порождающая ощущение постоянной опасности. Другая сторона размывания границ идентичности информационными технологиями связана с закрытостью для человека механизмов их проникновения в его личное пространство. Ведь принципы и алгоритмы высокотехнологичных устройств, напичканных программами «двойного назначения», для подавляющего большинства людей остаются вне их понимания.

Технологией, наименее поддающейся контролю на сегодняшний день является интернет. Его децентрализованное, антииерархическое, меняющее свои границы *ризоморфное* устройство – его суть, без которого интернет уже не будет таковым каков он есть, он утратит свою природу, превратившись в централизованную сеть. Интернет стал основой для формирования киберпространства и, несмотря на постоянные попытки юридического и административного ограничения, сохраняет возможность свободного доступа к информации, основывающуюся на недопустимости создания информационных барьеров и фильтров, введения цензуры или других государственных регламентирующих ограничений и подчинения киберпространства единому центру⁵⁸³. Совокупность идей, соответствующих описанному положению дел, мы охарактеризовали как *сетевое*

⁵⁸³ Емелин В. А. Ризоморфная среда интернета и сетевой либерализм // SCHOLA - 2005. Сборник научных статей философского факультета МГУ. — Социально-политическая мысль Москва, 2005. — С. 43–48.

*либертарианство*⁵⁸⁴, под которым понимается неформальная идеология, виртуально установившаяся в киберпространстве глобальной сети, главным лейтмотивом которой является максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков. Сетевое либертарианство – это своего рода социальная, политическая, экономическая и этическая импликация тех основополагающих онтологических принципов устройства глобальной сети, которые были охарактеризованы выше как ризоморфные. Именно то, что интернет по своей природе не что иное, как ризома, и является основной предпосылкой утверждения либертарианской идеологии. И здесь очень важно понять, что между физическим строением глобальной сети и связанными с ней социокультурными явлениями существует непосредственная связь – без ризоморфности интернета не было бы возможным сетевое либертарианство.

Наиболее заметным воплощением интернетовского либертарианства стала «Декларация независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу, написанная и размещенная в сети в 1996г. в ответ на попытку американского правительства ввести цензуру в интернете. Категорически выступая против любых ограничений возможности самовыражения в пространстве глобальной сети, Барлоу во введении к декларации сознательно употребляет непристойные по отношению к власти выражения. В данном случае автор преследовал цель показать, как легко могут быть распространены в интернете изречения, не допустимые в официальной публицистике и средствах массовой информации. Замысел Барлоу удался: тысячи компьютерщиков-сетевиков во всем мире скопировали его текст, и он оказался помещенным на тысячах серверов и переведенным на десятки языков. Если в случае с книгой, газетой, телепрограммой и другими привычными средствами коммуникации государство реально могло поставить барьер, ограждающий циркуляцию нежелательных сведений, то в ризоморфной среде интернета полностью изъять, изолировать, секуляризировать ту или иную информацию оказалось практически нереальным –

⁵⁸⁴ См. *Емелин В.А.* Идентичность в информационном обществе. М., 2017. С.187-199.

паутина ризомы-интернета не поддается системной и директивной регламентации, примером чего и стала Декларация независимости киберпространства, распространенная по всему миру в обход механизмов контроля со стороны властных структур. Именно ризоморфное, то есть номадическое, децентрированное, многомерное и устойчивое к разрывам устройство интернета позволило Барлоу расценить попытку законодательства нанести вред Сети не иначе, как «стремление заварить чай в воображаемой гавани»⁵⁸⁵.

20 лет спустя, Барлоу сказал: «Основная вещь, которую я заявил тогда, заключалась в следующем: у киберпространства по природе есть иммунитет к верховной власти и всегда будет»⁵⁸⁶. Но борьба либертарианцев с властными тенденциями тотального контроля оказывается тщетной в мире, добровольно подвластным глобальным корпорациям. В одном из интервью (2002 г.) на вопрос: «По-видимому, все больше покупок будет совершаться online, и, по-видимому, Microsoft будет делать их все более неудобными для тех, кто не предоставляет свои данные Passport (базе данных потребительской информации). Возможно ли, что в какой-то момент, вы сломаетесь и предоставите Microsoft свою кредитную карточку и другие данные?» Тот же Джон Перри Барлоу тяжело вздохнул и ответил: «Я действительно переживаю по этому поводу и не перестаю молиться о помощи. Темные времена. Практически на всех фронтах, которые важны для меня, вражеские голоса побеждают. Я не теряю веры в то, что так не будет продолжаться, но сейчас время проверки на прочность, это точно». На следующий вопрос: «Вы нарисовали довольно мрачную картину. Как остановить Большого Брата и Ко?», Барлоу отвечает, что люди могли бы просто бойкотировать их продукцию – и продолжает, что только идиот может поставить Windows XP на свой компьютер. Это все равно что установить непрерывный 24-часовой монитор себе в голову. Но люди принялись за это как сумасшедшие,

⁵⁸⁵ Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] // NetSago. 2008. URL: <http://netsago.org/ru/docs/print/3/0>

⁵⁸⁶ Декларации независимости Киберпространства исполнилось 20 лет [Электронный ресурс] // Geektimes. 2012. URL: <https://geektimes.ru/post/270746/>

потому что они не знают ничего лучше⁵⁸⁷. На примере бессилия некогда манифестирующей идеи своды потоков информации контркультурных движений хакеров, киберпанков и др., самоорганизованных идеологиями вокруг глобальной сети и постоянно стремящихся обеспечить покой посредством контроля сил структур власти, показываются неразрешимость противоречий борьбы между антагонистами в понимании меры степени свободы в киберпространстве.

Подытожим. Сегодня *коммуникационный гибрид* – интернет – является наиболее эффективной технологией не только расширения границ телесности, но и трансформации высших психических функций в условиях развития технологий информационного общества. Такое расширение имеет и обратную сторону – уничтожение привычных границ может окончательно «обнажить» человека. Для этого достаточно заглянуть в папку «избранное» на любом из персональных ресурсов, и вы сможете многое понять о ее хозяине. А посмотрев посещаемые им страницы интернета, узнаете немало интересного о его личной жизни. Получив беспрецедентный доступ в неограниченный мир информации, социальных и прочих сетей, соблазненный пользователь, как правило, не понимает, что тем самым обнажает себя, лишаясь всех завес, привычно защищающих его от посторонних глаз. Перед экраном монитора, уводящего в бесконечное и гипнотическое плавание в океане информации, человек, не покидая своего приватного пространства, может неожиданно оказаться голым, причем в очень людном месте. Увеличение возможностей доступа к новым ресурсам приводит к росту доступности в сети самого пользователя – нельзя заблокировать дверь, которой пользуешься сам! Получая информацию о другом, мы, так или иначе, оставляем информацию о себе. И это гораздо сложнее, чем просто фиксация IP-адреса, закрепленным за каждым компьютером. Размещая личные сведения на сайтах социальных сетей для своих друзей и одноклассников, мы одновременно становимся объектами внимания не только наших личных недоброжелателей, но и ряда властных и коммерческих структур.

⁵⁸⁷ Беды минувшие, беды грядущие. Интервью с Lohn Perry Barlow [Электронный ресурс] // Сборник FREE! MUSIC. 2002. URL: <http://ftp.altlinux.ru/pub/distributions/FreeMusic/2/barlow.htm>

«Облачные» мультинациональные корпорации, такие как Amazon, Facebook, Microsoft, Apple и, особенно, Google, оказались главными хранителями персональных данных пользователей практически всех стран мира. Цифровые движки поисковых машин в своей бесконечной бессонице безостановочно обрабатывают миллиарды запросов. От осознания того, что каждое набранное на клавиатуре слово с неизбежностью будет зафиксировано, сканировано и отправлено в определенную секцию хранилища никогда не спящей программой-роботом становится не по себе. Известно, что Google, как и другие глобальные поисковые системы, не ограничиваясь выдачей ответа, записывает следы активности пользователя, сохраняет все записанное, не объясняя, зачем он это делает. Хотя ответ предельно прост: созданы программы, способные из всего объема данных «намыть» крупинки золота – информацию, которую можно продать. Запросы в информационных системах показывают, что нас интересует в конкретный момент времени, обнажают наши интересы и пристрастия. Обладая этой информацией, не трудно создать точный психологический портрет человека. В результате, все увлечения, вкусы, привычки становятся достоянием серверов дата-центров, а владеющие ими корпорации получают немалые прибыли, продавая их (без нашего согласия) рекламным компаниям. Естественно, все это делается ради нашего блага: ведь нас ограждают от мук выбора! А зачем просить разрешение на добрые дела? Сделанные нами online-заказы оказываются в неизвестно где расположенных базах данных вместе с избыточными, но необходимыми персонификациями, которые могут (и будут) использоваться для дальнейших коммерческих рассылок, предложений, акций, поздравлений и прочих ненужных, но уже подспудно навязанных действий. На основании полученных данных нас будут соблазнять новыми покупками, угадывать наши возможные интересы (а иногда и предопределять их), предлагая стиральный порошок от пятен, которые могут появиться завтра, или пирожки, которые следят за нашим аппетитом. И делается все это исключительно ради нас, только для нашего удобства и комфорта. Комфорта отказа от выбора, *бегства от свободы*. Ад полон добрыми намерениями...

Как ни парадоксально, но свобода слова в сети оказывается инструментом тотального контроля и манипуляции свободой поиска информации. «Интернет не цензурируется и доступен всем. То, что в нем написано, должно представлять все мыслимые точки зрения – т.е. быть объективным. Так ли? Кто поручится, что настройки Google не обеспечивают приоритета нужным кому-то ссылкам? А если это не так сейчас, то кто мешает реализовать это в будущем? Фантазия Оруэлла или Хаксли померкнет перед следующим сценарием: перенастроив индексацию 2–3 ведущих поисковиков, некая сила гарантирует, что подавляющее большинство веб-серферов никогда не «домогает» до «ненужных» ссылок. Ничтожное количество маргиналов, начавших просмотр ссылок с конца и обнаруживших альтернативную точку зрения, будут восприниматься как сумасшедшие – примерно так сейчас относятся к людям, видевшим НЛО. В такой модели революция невозможна: ложь не может быть разоблачена, т.к. сам критерий истинности становится объектом манипуляции. Внутренняя слабость тоталитарных режимов прошлого состояла в попытке ограничить поток информации – это было чрезвычайно легко разоблачить. Тоталитарный режим будущего станет порождать информацию – все возможные точки зрения, оставляя за собой лишь контроль за процессом поиска»⁵⁸⁸.

Использование в повседневной жизни интернета и других телекоммуникационных средств остро ставит проблему *приватности*. Человек становится легко доступным для окружающих, а в результате неосознанно теряет устойчивость границ собственной идентичности. Благодаря техническому прогрессу, практически в любой момент времени можно нарушить его уединение, связаться с ним, передать ему информацию, потребовать встречи. Как правило, утрата приватности незаметна самому человеку и может выражаться в раздражении и недовольстве, если человека внезапно «отрывают» от важных дел. Но зачастую люди очень болезненно переживают нарушение своих психологических границ. «Технологии не являются нейтральными по отношению

⁵⁸⁸ Коровкин В. Мышление «пользователя» беззащитно [Электронный ресурс] // Новая газета. 2008. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/40767.html>

к приватности. Подавляющее большинство технологий нарушают приватность, это заложено в самой их природе... Технологии также позволяют осуществлять лучший контроль за недетерминированными процессами, такими как выбор человеком хлопьев на завтрак или политические выборы. Мы игнорируем эту тенденцию на свой страх и риск»⁵⁸⁹. В этой ситуации возникает простой вопрос: как сохранить свою приватность и, в предельном случае, нормальную идентичность в ситуации технологического контроля? Не секрет, что существует тенденция отказа от получения всевозможных идентификационных документов – социальных карт, карт пенсионного и медицинского страхования, тех же банковских карт. Что это? Вариант луддизма, параноидный страх или элементарные меры безопасности по защите личного пространства? Многие предпочтут принести в жертву удобства жизни, дабы избежать большего зла, выступающего все чаще в иррациональной ипостаси, когда в штрих-кодах или ИНН видится «число дьявола». Михаил Косински, один из разработчиков системы, которая на основе активности пользователя в социальной сети составляет подробный психологический профиль человека, констатировал факт: «война за приватность уже проиграна, мы живем в мире постприватности»⁵⁹⁰. Он же и предложил выход – необходимо «вложить усилия в то, чтобы у всех были равные права и возможности, так что и скрывать ничего никому не захочется. Надеюсь, большая толерантность может решить проблему отсутствия приватности»⁵⁹¹.

Пользуясь гаджетами, мы оставляем за собой «электронные хлебные крошки» – следы, лакомые кусочки для того, кто готов использовать эту информацию в своих целях. Плата за доступность – выхолащивание, а затем и окончательная утрата приватности. «*Деприватизация личности*» имплицитно создает угрозу тотального контроля. Облегчающие жизнь, но при этом сеющие «электронные крошки» гаджеты в одночасье оказываются «виртуальными

⁵⁸⁹ Гарфинкель С. Все под контролем: кто и как следит за тобой. Екатеринбург, 2004. С. 354.

⁵⁹⁰ Добрынин С. Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2016. URL: <http://www.svoboda.org/a/28166040.html>

⁵⁹¹ Там же.

ошейниками»⁵⁹², предназначенными для обеспечения благодарному пользователю постоянного доступа к его любимым службам. А в качестве неизбежной платы технологии делают предельно доступным для отслеживания любые наши «телодвижения», подобно боталам на шеях домашнего скота. Нательные мобильные телефоны, смартфоны, коммуникаторы, планшеты и прочие «невинные гаджеты» оснащены идентифицированной с персональными данными SIM-картой, которая всегда выдаст местонахождение владельца. Это природа технологии, обеспечивающей доступность. Чтобы быть постоянно *доступным*, нужно быть всегда *находимым*.

Самым удобным и одновременно наиболее уязвимым инструментом платежей является кредитная карта. Совершенные посредством нее покупки выдают «с потрохами» не только место и время совершенной покупки, маршруты вашего передвижения (современные технологии позволяют оплачивать ими даже проезд в метро прямо у турникета), но и все наши пристрастия. Скажи, что ты покупаешь – я скажу, кто ты. Более того, клиент банка сам стремится так совершать электронные платежи, чтобы информация о них была строго зафиксирована. Иначе он не получит бонусных начислений по выбранной программе, привязанной к его бонусной карте накопления «миль» программам «лояльности» авиационных компаний или «акций» торговых сетей. И сколько избыточных, лишних трат – виртуальных транзакций – совершается ради того, чтобы реализовать желание получить обещанный бесплатный перелет, пусть даже доступный, но не всегда в неудобное для нас время. Налицо свершившийся факт – посредством телекоммуникаций гетерогенные технологии интегрируются в альянсы, чтобы не упустить из расставленных сетей нас, падких на искушения потребителей. Технологические устройства становятся «точками входа» в личное пространство индивида, открывая власти и корпорациям новые возможности для манипуляций и контроля на уровне его обыденной жизни. Возвращаясь к Google – в Рунете получила широкую огласку заметка блогера Владимира Рубцова о

⁵⁹² Тхостов А.Ш., Емелин В.А. От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n6-14/400-tkhostov-emelin14.html>

гипотетической пиццерии Google. Суть истории проста. Пиццерию «Синьор Помидор» купил Google исключительно с *благими* намерениями ради увеличения объема услуг и повышения качества обслуживания. Но обратившийся туда клиент так и не смог сделать заказ, потому что Google, зная о нем все: болезни, покупки и даже информацию о просроченном загранпаспорте, постоянно пытался научить его «правильной» жизни, где пицце с двойным сыром, ветчиной и бутылкой пива нет места⁵⁹³. М. Косински–утверждал, что достаточно десяти лайков (интересов), чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга, то есть если попросить компьютер заполнить вместо вас психологический опросник, он ошибется меньше, чем ваша жена⁵⁹⁴.

Повсеместное проникновение в повседневность технологий, предоставляющих человеку новые услуги, зачастую приводит к нарушению личностных границ и трансформацию идентичности. «Возможность контролировать идентичность приходит вместе с властью – возможностью контролировать личность»⁵⁹⁵. Предлагается даже термин – «цифровая тень» для описания того, как представлен человек, его личность и идентичность в виртуальном мире⁵⁹⁶. «Сейчас человечество, само того не подозревая, научилось плодить личную информацию с огромной скоростью, используя социальные сети и файл-хостинги. Когда они появились в нашей стране, огромное количество людей поспешило зарегистрироваться там, оставив свои настоящие ФИО, домашние адреса, телефоны и другую личную и скрытую информацию и сделав ее доступной для любого посетителя. Конечно, на массовое помешательство повлияла реклама, сообщающая, что благодаря социальным сетям можно найти

⁵⁹³ Рубцов В. Свобода 21-го века – Пиццерия Google, добрый день, слушаю... [Электронный ресурс] // GBLOR-блог. 2014. URL: <http://gblor.ru/blogs/svoboda-21-go-veka-picceriya-google/199498>

⁵⁹⁴ Добрынин С. Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2016. URL: <http://www.svoboda.org/a/28166040.html>

⁵⁹⁵ Shroff, M., Fordham A. «Do you know who I am?» - exploring identity and privacy // Information Policy, 2010. № 15. P. 303.

⁵⁹⁶ Принято различать цифровую тень – информацию, которая создается автоматически, без ведома самого человека, и цифровой след – информацию, которую мы ежедневно сами выкладываем в Интернет, отправляем во вложенных файлах электронными письмами, а также предоставляем, когда делимся скачанной музыкой, фотографиями, видео и т.д.

людей, о которых ничего не было слышно много лет. Приманка проглочена, и на сегодняшний день миллионы людей по всему миру с удовольствием и даже некоторым рвением стремятся выложить побольше своих фотографий, видео и контактных данных, чтобы их онлайн-друзья могли посмотреть их и оставить свои комментарии, а те, кто, быть может, ищет конкретного человека, могли его найти. При этом никто не подозревает, что даже закрытая от посетителей страничка всегда доступна для администраторов и людей в погонах...»⁵⁹⁷. Возникает вопрос: в какой мере человек может контролировать свою «цифровую тень»? И какими будут последствия нарушения приватности? Речь здесь может идти об использовании личной информации другими людьми, об «украденных» профилях в социальных сетях, о появлении в виртуальном пространстве неожиданных фотографий, историй, описаний человека. «Любям необходимо чувствовать, что они могут контролировать свою идентичность или изменить ее ... а также иметь возможность знать, что другие люди, возможно, делают с их идентичностью. Переживание потери, обиды и даже отчаяния – вот что чувствуют люди, когда их личная информация или идентичность потеряна, украдена или неправильно используется» – пишут М. Шрофф и А. Фордхэм⁵⁹⁸.

Главная опасность цифровой тени заключается в том, что ее становится невозможным контролировать. А значит, мы рискуем потерять последние крупинки своей конфиденциальности. «К чему это приведет – судить сложно. Возможно, появятся такие термины, как «цифровая честь», «цифровая неприкосновенность», «цифровой позор». Сейчас нам остаётся лишь ждать и наблюдать. А пока советуем вам привыкать не совершать поступков, за которые вам придётся оправдываться, краснеть или даже отвечать по закону, ведь ваша цифровая тень уже сегодня формирует вашу «цифровую честь», а её, как известно, берегут смолоду»⁵⁹⁹.

⁵⁹⁷ Цифровая тень и цифровой след - новая угроза для человечества! [Электронный ресурс] // Hardwareportal. 2009. URL:

http://www.hwp.ru/articles/tsifrovaya_ten_i_tsifrovoy_sled___novaya_ugroza_dlya_chelovechestva_21/?SHOWALL_1=1

⁵⁹⁸ *Shroff M., Fordham A.* «Do you know who I am?» - exploring identity and privacy // Information Policy, 2010. № 15. P. 300.

⁵⁹⁹ Цифровая тень и цифровой след...

Люди в информационном обществе скованны не только «*виртуальными ошейниками*»⁶⁰⁰, но и «*цифровыми наручниками*». Данный термин использует Ричард Столлман – основатель движения за свободное программное обеспечение (ПО)⁶⁰¹, описывая программы, используемые в повседневной жизни неподозревающим человеком, что они одновременно используют его, передают его личные данные. Пользователь может только предполагать существование скрытых программ-жучков в операционных системах, контролирующих информацию и передающих ее в специальные центры. В качестве примера программ, снабженными «бэкдорами», он приводит Microsoft Windows, Apple Macintosh, Amazon. Столлман, в частности, утверждал: «Amazon Kindle⁶⁰² – вредоносное ПО. Оно наносит удар по исконным свободам читателя. Например, по свободе покупать книги за «наличку» и сохранять инкогнито. ... Они там, в Amazon, знают, кто какие книги прочитал. Это удар по правам человека, так быть не должно! Далее, у нас есть свобода дать книгу другу или даже продать ее. Из-за «цифровых наручников» Amazon мы так поступать больше не можем. И еще – у нас есть свобода держать книгу у себя столько, сколько хотим. Но и тут Amazon предусмотрел «бэкдор», который дает им право удаленно стирать принадлежащие нам книги. Мы об этом знаем, потому что такое уже случалось. В 2009 году Amazon удалил тысячи копий одной и той же книги. Знаете, что это была за книга? «1984» Джорджа Оруэлла. Amazon пообещал, что такое больше не повторится – до тех пор, пока удалить книгу от них не потребуют власти. Обнадеживает, не правда ли?»⁶⁰³. Учитывая, что все автоматические обновления операционных систем и других программ осуществляются через удаленные серверы, как правило, размещенные в США, то никто не может гарантировать, что в случае конфликта компьютеры противника просто будут выведены из строя

⁶⁰⁰ Тхостов А.Ш., Емелин В.А. От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n6-14/400-tkhostov-emelin14.html>

⁶⁰¹ Р. Столлман определял свободное ПО как «программное обеспечение, которое уважает вашу личную свободу и свободу вашего сообщества».

⁶⁰² Amazon Kindle – электронные книги компании Amazon.com, позволяющие пользователям покупать, загружать, просматривать и читать электронные книги, газеты, журналы, блоги через беспроводную сеть.

⁶⁰³ Свободный от слова «свобода». Ричард Столлман о целях движения за свободное программирование [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2011. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/12/03/stallman/>

в ходе очередного обновления. Контроль над программными продуктами, облаками, линиями связи, по сути, обеспечивает контроль над информационным обществом в глобальном масштабе.

Важнейшей составляющей этих новых технологий контроля становится создание компьютеризированных «личных дел», «электронных досье», баз данных на каждого жителя страны, которые должны заполняться с момента рождения и детализироваться по мере расширения возможностей технологий. Такой «учет» позволяет решить массу проблем в здравоохранении, социальной сфере, в области финансов, и, конечно, в борьбе с преступностью. Все сводится к единой системе фиксации статуса жителя, где бумажные документы утрачивают свое значение. Если в «бумажном прошлом» человек мог избежать тотального контроля со стороны государства из-за разрозненности ведомств и наличия неисчислимых бумажных документов, то электронный документооборот полностью устраняет автономность. И все это, еще раз подчеркнем, делается только для обеспечения безопасности людей, для их же *блага*.

У многих особые опасения вызывает введение тотальной административной оцифровки персональных данных, которая должна начаться уже с детства и продолжаться как история болезни/жизни. Уже существующая электронизация процессов обучения – ведение электронных журналов, дневников, уроков – потенциально является формой электронного контроля за детьми. Обратная сторона этого прогрессивного нововведения – умаление родительского контроля, с одной стороны, и усиление административного – с другой. Например, в Финляндии всевозможные ювенальные структуры, получая доступ к таким данным, массово практикуют изъятие детей из семьи за неуспеваемость. Кроме того, всем учащимся планируется выдавать социальные многофункциональные карты, содержащие не только банковские, мониторинговые, но и персональные медицинские приложения. Эта карта станет детским электронным удостоверением личности, фактически наделяющим ребенка правами и полномочиями взрослого, а также пропуском в школу, фиксирующим время прихода и ухода; читательским билетом, содержащим всю информацию о взятых

ребенком книг. На ней будет храниться информация об успеваемости ребенка – ее синхронизируют с электронными журналами и дневниками. В результате чего, ребенок с самого детства будет лишен элементарной свободы действий, он становится полностью подконтрольной личностью. Налицо выстраивание системы тотального цифрового мониторинга, контроля и управления обществом уже на стадии формирования его индивидов⁶⁰⁴. Очевидно, что эти карты дети будут стремиться потерять или испортить, как раньше теряли дневники или вырывали из них страницы с плохими оценками. Но и здесь есть панацея – можно вживить электронный чип в тело или избегая подкожного вмешательства вшить датчик в рукав школьной формы, как это уже сделали в Бразилии, чтобы раз и навсегда покончить со школьными прогулами и опозданиями.

В свое время З. Бжезинский говорил: «Скоро станет возможно осуществлять почти непрерывный контроль за каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, содержащие помимо обычной информации самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека <...> Власть будет сосредоточена в руках тех, кто контролирует информацию...»⁶⁰⁵. Сегодня это пророчество становится реальностью. Самая неприятная сторона контроля – это сочетание его тотальности и незаметности, что может привести человека в состояние постоянного страха, напряженности, подобно тому, что испытывает заключенный в тюрьме. «Тюрьма, место исполнения наказания, является также местом наблюдения над осужденными индивидами. Наблюдения в двояком смысле: конечно, как надзора, но и как познания каждого заключенного, его поведения, глубинных наклонностей, хода его постепенного исправления»⁶⁰⁶. Фуко считал, что свое полное воплощение утопия И. Бентама о паноптиконе⁶⁰⁷ могла получить

⁶⁰⁴ Мишустин Н.Н. Всех детей под тотальный контроль [Электронный ресурс] // Наш дом – наша крепость! 2012. URL: http://nezavisroditeli.ucoz.ru/publ/personalnye_dannye/personalnye_dannye/vsekh_detej_pod_totalnyj_kontrol/18-1-0-17

⁶⁰⁵ Brzezinski Z. America in the Technotronic Age // Encounter. 1968. Vol. XXX. №1. Jan. P.16.

⁶⁰⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 363.

⁶⁰⁷ Паноптиконом называется проект идеальной тюрьмы знаменитого английского юриста Иеремии Бентама, автора труда «Паноптикум», изданного в конце XVIII века. В проекте тюрьма представляет собой цилиндрическое строение со стеклянными внутренними перегородками. Стражник находится в центре, но невидим для

только в исправительных заведениях. Сейчас в глобальном паноптиконе оказываются все те, кто ради комфорта жизни или безопасности доверяют часть своих функций электронным гаджетам.

Цифровая революция предоставила совершенно новые возможности контроля: теперь человека можно опознать по видеоизображению, провести идентификацию по голосу, ДНК, отпечаткам пальцев, сетчатке глаза, уникальному рисунку вен на ладонях и другим параметрам. Технологии геонавигации, мобильной связи и Wi-Fi доступа в интернет сделали возможным фиксацию его передвижений на протяжении всего маршрута следования. Сегодня человек, проходящий под объективом камеры или разговаривающий по телефону, может и не догадываться, что в этот момент автоматически устанавливается его личность и координаты. Современная техника способна это делать, не ставя объект в известность. Особенно настораживает то, что такая техника доступна не только спецслужбам и полиции, но и детективным агентствам, коллекторским конторам и даже папарацци. Мобильные устройства позволяют загружать данные в облачные сервисы, где они могут попасть в распоряжение других людей независимо от желания снимавшего. В рамках маркетинговых соглашений к видеохостингу имеет технический доступ множество совершенно неожиданных партнеров. Например, по базам публичных видео- и фотосервисов был создан сервис Find face, позволяющий установить человека просто по фотографии. В эпоху Big Data⁶⁰⁸ Оруэлла пора переписывать ...⁶⁰⁹

Согласно принципам автоматической идентификации, идентификационный код человека в конечном итоге должен быть нанесен непосредственно на его физическое тело. В последнее время во многих странах мира все более широкое распространение получают идентификационные радиометки или RFID-чипы, которые наклеиваются на товары, транспортные средства, встраиваются в

заключенных. Узники не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля.

⁶⁰⁸ Понятие «Big Data» (большие данные) определяется как совокупность подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных и разнообразных объемов информации.

⁶⁰⁹ *Ширяев В.* В эпоху Big Data Оруэлла пора переписывать [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/12/70879>

брелоки, бэйджи и денежные купюры и даже на кожу человека. Все более широкое распространение получают вживляемые в тело радиопередающие микропроцессорные устройства или «цифровые ангелы». Они позволяют отслеживать перемещение нужных объектов и определять их местоположение. С нанесением номера или вживлением в тело человека идентификационного кода, он становится продуктом продажи и потребления, таким как сыр, колбаса или майонез в супермаркете. В решении Нюрнбергского трибунала записано, что идентификация людей посредством присвоения им номеров и снятие биометрических данных – это унижение человеческого достоинства, преступление против человечества. «То, что считалось преступлением против человечества почти семь десятков лет назад, сегодня возведено в ранг закона. Только сегодня, вместо татуировок на запястьях с номерами заключенных, которые делались в нацистских концлагерях, все данные, касающиеся вашей личности, будут абсолютно законно вноситься в ваши паспорта, и отказаться от этого у вас не будет возможности. Для человека уже придуманы и употребляются обезличенные термины – физлицо, биообъект. Народ в таком случае должен будет называться ... биомассой»⁶¹⁰.

Европейской группой по этике в науке и новым технологиям для Европейской комиссии подготовлено обстоятельное заключение «Этические аспекты имплантатов в человеческое тело средств информационно-коммуникационных технологий», в котором среди прочих проблем обсуждается внедрение в человеческое тело микрочипов, а также вопросы, связанные с осуществлением посредством них общественного и личного контроля⁶¹¹. В параграфе «Личная тайна и надзор» ставятся конкретные вопросы, без ответа на которые использование средств ИКТ (средства, использующие информационные и коммуникационные технологии) обернется окончательной утратой приватности:

- до какой степени ИКТ-имплантаты могут быть угрозой для личной тайны?

⁶¹⁰ Скорородов В. Тотальный контроль: всемирный электронный концлагерь. Ч. 1 [Электронный ресурс] // Информационный портал политической партии «Великая Украина». URL: <http://vu.ua/article/materials/Analytic/1684.html>

⁶¹¹ Ethical aspects of ICT implants in the human body [Electronic resource] // Opinion. 2005. № 20. URL: http://ec.europa.eu/bepa/european-group-ethics/docs/avis20compl_en.pdf

- в какой степени имплантаты ИКТ могут давать личности или группе специфические способности, которые могут стать угрозой для общества?
- каковы потенциальные возможности проникновения в частную жизнь при использовании ИКТ-имплантатов или источников получения информации через сетевую среду?
- до какой степени мы можем быть объектами контроля таких устройств или людей, использующих такие устройства?

Очевидно, что сам факт наделяния человека нательными чипами, хранящими, принимающими и передающими информацию, – уже не научная фантастика, а предмет обсуждения этических комиссий, правоведов и медиков. Сам вопрос о том, что человечество будет снабжено цифровыми имплантатами даже не ставится под сомнение, а основной темой дискуссий становятся скорее этические, юридические и медицинские аспекты внедрения имплантатов в человеческое тело. Тем не менее, если этот вживленный микрочип заменит собой все виды документов (удостоверение личности, медицинский полис, социальную страховку, водительские права и т.д.), а также платежные карты (станет «нательным» электронным кошельком) и при этом будет управляться «хозяевами» электронной системы посредством спутников или других систем связи, то человек рискует в любой момент по воле системы быть не только лишенным материальных средств или возможности получить медицинскую помощь, но может вообще потерять свою личность.

Анализируя послания рекламных слоганов You Will компании AT&T, Марк Дери отмечает, что в них все сладко и гладко, но как раз это и закрывает нам глаза на растущую вокруг тревогу, связанную с опасностью вторжения в личную жизнь индивида. Приведем ход его мысли. «Вы хоть раз в жизни открывали двери с помощью одного только слова?» – спрашивает задушевный голос на фоне мелодии, вызывающей в воображении широкие просторы электронного «фронта». «Теперь будете». Из лифта выходит девушка, руки ее заняты сумками, но двери квартиры открываются по команде. В одном из рекламных роликов «You Will» молодой специалист подключается к видеоконференции из

пляжной кабинки для переодевания. «Вы хоть раз в жизни приходили на встречу не обувшись? – Теперь будете. Наша компания предоставит вам такую возможность... АТ&Т». Мамаша-яппи, находясь в деловой командировке, воркует со своим малышом по видеофону: «ВЫ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ баюкали своего малыша по телефону? – ТЕПЕРЬ БУДЕТЕ». Острая нехватка времени, которую испытывает сегодня страдающая от недосыпа рабочая сила, достигает новых вершин абсурдности в будущем, в котором квинтэссенция материнства – убаюкивание младенца – осуществляется по видеофону, с компанией Ma Bell в роли суррогатной матери. Властное «Вы будете», беспрекословный тон которого исключает любые альтернативы АТ&Т-шному корпоративному будущему, задевает за живое. Канадский журнал Adbusters опубликовал удачную пародию на один из роликов «You Will». Эта сатира напоминает нам о том, что технологии контроля и наблюдения, такие как система глобального позиционирования в навигаторе на приборной панели от АТ&Т, не только способны определять ваше местонахождение в любой точке Земли, но и способны сообщать его правительственным службам или маркетологам. «ВЫ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ чувствовали себя во власти техники? – ТЕПЕРЬ БУДЕТЕ, – предостерегает пародия. – В ближайшем будущем, независимо от того, где вы находитесь, маркетологи, институты исследования общественного мнения и инфороботы достанут вас везде и всегда». Недовольство электронным миром АТ&Т породило дискуссию, которую открыл киберпанковский писатель Брюс Стерлинг: «ВЫ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ испытали на себе в полной мере занудство придурков с работы, которые ходят за вами по пятам и требуют принять жизненно важные деловые решения, хотя и этот момент вы пытаетесь разобраться с камикадзе? – ТЕПЕРЬ БУДЕТЕ!». Росс Стэплтон-Грей в ответ на это сострил следующим образом: ВЫ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ сталкивались с тем, что нанятая вами няня перенастроила сигнал домашнего «видеоинтеркома» и теперь ваши «полуденные утехи» стали достоянием школьной локальной сетки? Митч Рэтклифф подхватил: ВЫ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ пытались жить в мире, придуманном вашей корпорацией? – ТЕПЕРЬ БУДЕТЕ, если, конечно, это можно назвать жизнью. В

этих язвительных пародиях на рекламу «You Will» Стерлинг и его единомышленники возрождают утраченный критический взгляд на призрачное будущее от AT&T. В их остротах затронуты проблемы первостепенной важности, в том числе опасная легкость, с которой нарушается в наш цифровой век частная жизнь человека⁶¹².

Изложим сценарий «доброго утра» жителя недалекого будущего, предложенный Симсоном Гарфункелем⁶¹³ в книге «Все под контролем». Итак, в 6:45 вас будит рекламный звонок, хотя телефон был запрограммирован на блокировку ранних звонков: но кто мог знать, что производитель купленного вами аппарата предусмотрел в его конструкции «черный ход», код которого стал известен рекламному агентству. Сон прерван, но есть время разобрать вчерашнюю почту. В ней обнаруживается письмо из ближайшей больницы, в котором содержится предложение об особых условиях лечения, основанное на знании о растяжении связок на вашем запястье. Бумажка отправляется в шредер, так как нет ничего хуже неосторожного обращения с личными данными – ваша личность может быть украдена. На этой радостной ноте вы берете свой портфель и направляетесь к двери, которая автоматически закрывается за вашей спиной. Когда вы входите в лифт, скрытая видеочкамера сканирует ваше лицо, автоматика идентифицирует личность и направляет лифт в подземный гараж (главное, чтобы двери лифта не заблокировал неизвестный, но запрограммированный сигнал). Бортовой компьютер вашего автомобиля выбирает не очень удачный вариант поездки, и вы попадаете в пробку. Во время вынужденного простоя компьютер каждые пять минут проигрывает один и тот же рекламный ролик, однако вы не можете его выключить: компьютер бесплатный и окупается за счет рекламы.

Ваше опоздание на работу не останется незамеченным для системы учета рабочего времени со всеми вытекающими последствиями. Но за своим столом вы улыбаетесь, а встроенная камера на мониторе вашего компьютера транслирует изображение вашей улыбки боссу и коллегам, так как именно она способствует

⁶¹² Дерри М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург, 2008. С. 20–22.

⁶¹³ Американский компьютерщик и журналист.

формированию духа товарищества и сокращает количество конфликтов на рабочем месте. «Это будущее. Причем не отдаленное, а самое ближайшее. Будущее, в котором исчезнут и те небольшие гарантии неприкосновенности частной жизни, которые мы имеем сейчас. Некоторые называют эту потерю «оруэллианской», имея в виду известный роман Джорджа Оруэлла «1984», посвященный утрате приватности и автономии. ... В будущем, к которому мы движемся, опасность будет исходить не от всезнающего «Большого Брата», отслеживающего и записывающего каждый наш шаг, а от сотен «маленьких братьев», постоянно подглядывающих и вмешивающихся в нашу жизнь». Так описывает новые виды угроз приватности С. Гарфункель, а причину, породившую их, он видит в конвергенции свободного капиталистического рынка, современных технологий и неконтролируемого обмена электронной информацией. Причем в роли Большого Брата скорее будет не жаждущий власти тиран, а помешанный на эффективности бюрократ⁶¹⁴. Такова логика технологических метаморфоз идентичности.

Тотальный контроль – абсолютное зло, но ничуть не меньшее, чем абсолютная свобода. Сартр писал, что «человек есть не что иное, как его проект самого себя»⁶¹⁵. Поэтому за последствия проекта/профиля отвечает он сам. Когда ты передаешь часть своего «я» в Facebook или в Одноклассники, следует четко понимать, что размещенная там информация становится доступной. Круг доступа можно ограничить, выбрав параметры доступности: «все», «друзья», «избранные друзья», только «я», но при этом вся отправленная на неведомые серверы информация, даже, если она и удаляется пользователем, будет храниться на них бесконечно долго. Например, что станет с письмами, комментариями и фотоальбомами в социальных сетях, после того как не станет создавшего их человека? Ответ очевиден: они там останутся если не навечно, то, во всяком случае, до тех пор, пока будет существовать компания, которой принадлежит эта сеть или пока сервер не выйдет из строя. Поэтому, все чаще начинает

⁶¹⁴ Гарфункель С. Все под контролем: кто и как следит за тобой. Екатеринбург, 2004. С. 11–15.

⁶¹⁵ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 319–344.

подниматься вопрос о виртуальной смерти электронных аватаров человека, его «цифровых следов», которые он оставляет за собой в течение своей жизни в пространстве сети. Глава совета директоров Google Эрик Шмидт считает: «В интернете нет кнопки «удалить». Он отметил, что сегодня практически любая информация, попавшая в сеть, остается там навсегда, даже когда теряет свою актуальность или является ложной. «Мне кажется, люди не понимают, что происходит в настоящее время: информация доступна, она зафиксирована полностью, и всем известно, что она существует», – говорил Э. Шмидт. По его мнению, в будущем каждый человек, входя во взрослую жизнь, будет менять свое имя лишь для того, чтобы избавиться от следов собственного виртуального прошлого. В противном случае, поисковые машины всегда смогут рассказать окружающим о человеке гораздо больше, чем ему хотелось бы⁶¹⁶. И этот аспект имеет немаловажное значение, тем более объем серверов дата-центров⁶¹⁷ – цифровых облаков, занимающих целые ангары, таков, что смысла уничтожать какую-либо информацию просто так нет. Иван Бегтин, оценивая последствия внедрения технологии Big Data, констатирует факт, что впервые в истории человечества вся информация хранится вечно. Если еще недавно период хранения данных с камер наблюдения был всего два часа, но все видео с сервисов типа YouTube, размещенное еще в начале века, там так и осталось. Это принципиально другая ситуация. Человеку теперь даны механизмы постоянной фиксации жизни. А все фото, сохраненные в соцсетях, остаются там навечно. В сети неожиданно обретается непрошеное бессмертие. Технологии сохранения профиля/аватара не задаются экзистенциальными вопросами. Их удел хранить в цифрах все попавшее в их зону сети – письма и их черновики, фотографии актуальные и удаленные, первые опыты создания персональных страниц (пароли доступа к которым давно забыты, и их не получится удалить). Сеть оцифровывает людей, превращая их в комбинации нулей и единиц, – констант, не подвластных времени.

⁶¹⁶ Илембитов И. Дурная репутация в Сети может заставить человека сменить имя [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2010. URL: <http://ria.ru/technology/20100817/266137289.html>

⁶¹⁷ Дата-центр (от англ. data center), или центр (хранения и) обработки данных (ЦОД/ЦХОД) — это специализированное здание для размещения (хостинга) серверного и сетевого оборудования и подключения абонентов к каналам сети интернет.

Если хранилище данных создано, то его «природа» будет «подсказывать» хранить столько данных, сколько оно может вместить, так как его задача сохранять, а не уничтожать информацию, даже если в большинстве своем она представляет собой мусор, объем которого увеличивается в геометрической прогрессии. Если технологии слежения разработаны и позволяют наблюдать за объектами, то спецслужбы будут осуществлять это слежение. Если у разведки есть технологические возможности получить и умножить данные, то почему бы их не получать, тем самым расширяя свое влияние? Технологии никогда не остаются нейтральными по отношению к человеку, их суть состоит в том, чтобы реализовывать свое предназначение, независимо от того, хочет он использовать их во благо или во зло, или вообще не хочет ими пользоваться. Ружье, созданное для того, чтобы стрелять, обязательно выстрелит, даже если мирно висит на стенке. Телефон, сколь долго бы он ни сохранял молчание, рано или поздно зазвонит. Жесткий диск будет записывать информацию, пока не будет заполнен и готов хранить ее до тех пор, пока не «посыплется». Более того, любая технология не только не нейтральна, но и зачастую «обоюдоостра, как видно на примере кос, которые хетты прикрепляли к колесам боевых колесниц, или пресловутых мечей, перековываемых на орала»⁶¹⁸. И как заметил Марк Твен, если единственный инструмент, которым вы располагаете, – это молоток, то многое вокруг покажется вам гвоздями.

Проблема тотального технологического контроля имеет и обратную сторону – ввиду своей сложности и герметичности, современные технологии становятся все менее понятными для людей, и эта тенденция набирает рост, так П.Д. Тищенко отмечал, что «в обществе будущего люди не будут понимать, как машина устроена, окажутся не в состоянии ее контролировать. А вот машина как раз и будет осуществлять полный контроль над людьми, причем большинство не увидит в этом ничего плохого – ведь будет уже устойчивая привычка доверять машине, в том числе и доверять решение межчеловеческих, межличностных

⁶¹⁸ Лемм С. Сумма технологий. Москва, 1996. С. 9.

проблем»⁶¹⁹. С точки зрения психологии телесности границы между субъектом и объектом формируются и изменяются в ходе развития человека, причем от четкости этих границ зависят непротиворечивость и субъекта, и объекта. Образно говоря, субъект и объект как бы вырисовываются, оформляясь границами. Ключевым критерием, определяющим эти границы, является переживание контролируемости чего-либо. Полностью контролируемые объекты воспринимаются человеком как часть себя (субъект), они «прозрачны» для него. То, что не управляется, становится внешним объектом. На границе лежит зона «полупрозрачности» – частичной управляемости. Переживание контролируемости определяется не только опытом человека, но также требованиями социума и культуры: под влиянием этих факторов происходит освоение физиологических функций – и их переход в зону «полупрозрачности». Частичная управляемость открывает возможность специфических нарушений – обусловленных принятыми в культуре и индивидуальными представлениями и переживаниями. С одной стороны, люди часто воспринимают функции как полностью контролируемые – это приводит к гипертрофированным усилиям по управлению ими, усилению тревоги и нарастанию нарушений⁶²⁰. «Любопытно, что в обыденном сознании в качестве «реального» переживания работает переживание власти над машиной как средством. Хотя, «чернобыли» и «фукусимы» давно это наивное предположение фальсифицировали. Полная контролируемость машины – фантазм обыденного сознания, используемый трансгуманизмом и пиарщиками нанотехнологических, геномных или иных технологических инноваций. Но опыт неконтролируемости машин вполне реален, доступен каждому»⁶²¹. Машины «отбились от рук», так резюмировал П.Д. Тищенко ситуацию с утрачиванием возможности понимания устройства и функционирования технических средств. Еще не так давно, телефон, радио,

⁶¹⁹ Тищенко П.Д. Мир будущего. 30 лет спустя отношения между людьми могут определять машины [Электронный ресурс] // Фома. №7. 2015. URL: <http://foma.ru/z0-let-spustya-otnosheniya-mezhdu-lyudmi-mogut-opredelyat-mashiny.html>

⁶²⁰ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.

⁶²¹ Тищенко П.Д. К вопросу о внутреннем смысле enhancement technologies (ET) // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 19. М. 2014. С. 65.

телевизор, мотор mopeda и т.п. были подручно, а значит и рационально знакомыми и контролируемыми машинами. Сегодня машин становится все больше, и они становятся все более неконтролируемыми, непонятными в своем устройстве⁶²².

Н.А. Бердяев писал: «Всегда есть эти две стороны в технике: с одной стороны, она несет в себе удобства, комфорт жизни и действует размягчающе, с другой стороны, она требует большей суровости и бесстрашия»⁶²³. Необходимо четкое понимание того, что если мы используем любую технологию для улучшения удобства и комфорта жизни или обеспечения безопасности, то отдаем ей часть своего «я», позволяем себя контролировать. И это осознание является первым шагом в процессе изучения роли технологий в жизнедеятельности человека информационного общества и, в частности, оценки степени их контроля. Если исходить из того, что нейтральность технологий – это миф, осознавая при этом, что нереально добровольно отказаться от удобств, которые предоставляют последние, очевидным становится факт, что технологические расширения навсегда останутся составляющей идентичности человека. Поэтому отказ от использования пластиковых карт, мобильных телефонов, социальных сетей из-за того, что они могут выдать нас «с потрохами», так же абсурден, как отказ от автомобиля, потому что можно попасть в аварию или от самолета из-за того, что случаются авиакатастрофы. Если контроль посредством технологий неизбежен, и он будет законодательно санкционирован, исходя из принципа презумпции общего блага, то ничего не остается, как принять его как данность. Можно осознать этот факт и попытаться провести «технологическую детоксикацию» и соблюдать элементарную «информационную личную гигиену» для сохранения границ идентичности, либо превратиться в маргинала, оказавшегося на периферии технологизированного социума.

⁶²² Тищенко П.Д. Машина как антропопроекция (зонд) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 17. М., 2013. С. 11-14.

⁶²³ Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии. 1989. №2. С. 154.

4.3. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека

Сегодня смело можно говорить о симбиотическом сосуществовании человека и технологий. Впервые этот феномен был отмечен в статье Джозефа Ликлайдера «Симбиоз человека с машиной»⁶²⁴, где описывалась картина тесного взаимодействия «живущих совместно» человека и компьютера, в котором машинному интеллекту отводилась существенная роль для расширения и интенсификации человеческого разума. Спустя полвека, предсказанный машинно-человеческий симбиоз стал свершившимся фактом. Сверхтехнологичные медиумы незаметно и мягко обволакивают нас, вплетаются в повседневность, расширяют организмы, становятся плотью, кровью и нервами. Сращаясь с технологиями, человек оказывается на пороге превращения в *киборга*. Сам этот термин (сокращение от англ. *cybernetic organism* – кибернетический организм) введен инженером Манфредом Клайнсом и психиатром Натаном Клином в 1960 г., в связи с их концепцией расширения возможностей человека для выживания вне Земли⁶²⁵. Эта концепция являлась результатом размышлений на тему необходимости более близких отношений между человеком и машиной, по мере того как космические исследования становятся реальностью.

Процесс сращивания человека и машины есть не что иное, как *киборгизация*. Описывая этот процесс, Станислав Лем говорил, что он должен служить определенным целям, а именно – адаптации к космосу как «экологической нише». «Киборгизация» заключается в удалении системы пищеварения (кроме печени и, возможно, части поджелудочной железы), в связи с чем излишними становятся также челюсти, их мышцы и зубы. Если проблема речи решается «космически» – постоянным применением радиосвязи, – исчезает и рот. Киборг имеет ряд биологических элементов, таких, как скелет, мышцы, кожа,

⁶²⁴ Licklider J. C. R. Man-Computer Symbiosis / IRE Transactions on Human Factors in Electronics. Volume HFE-1. March 1960. Pp. 4–11.

⁶²⁵ Clynes M. and Kline N. Cyborgs and space // Astronautics. September 1960. Pp. 27–31.

мозг, но этот мозг сознательно управляет непроизвольно осуществлявшимися ранее функциями тела: в ключевых точках организма расположены осмотические насосы, впрыскивающие в случае надобности то питательные вещества, то активизирующие тела – лекарства, гормоны, препараты, повышающие или, наоборот, снижающие основной обмен и даже вводящие киборга в состояние гибернации. Такая автогибернационная готовность может серьезно увеличить шансы на сохранение жизни в случае какой-то аварии и т. п. По мнению С. Лема, киборг – это уже не частично «протезированный» человек. Это частично реконструированный человек. При этом Лем не ставит вопрос о том, желательна киборгизация или нет, а лишь упоминаем о ней, чтобы показать, что проблемы этого рода вообще начинают рассматриваться специалистами⁶²⁶.

Также следует отметить, что существует мнение, что киборгизация является неотъемлемой стороной развития человека. Как пишет в начале своей книги «Техногенезис» Дэвид Эрик: «Люди были киборгами с самого начала. Нам выпало жить в обществе, изобретающем инструменты, определяющие форму и этого общества, и живущих в нем индивидов. Тысячелетиями люди, не слишком отличающиеся от нас самих, создавали и использовали могущественные, поражающие воображение технологии, включая информационные, и эти инструменты и техники со временем вплетались в полотно общественной жизни. Несмотря на то, что технология стала господствовать в обществе и определять его лишь при жизни нескольких последних поколений, основное утверждение верно для всего пути, который проделал homo faber в своих кочевках: культура – это технокультура»⁶²⁷. Подобное отождествление понятий: человека творящего, контролирующего внешний мир с помощью инструментов, с одной стороны, и человека-машины, кибернетического организма, представляющего собой хоть и сложный, но все же инструмент, конечно интересна, но слишком механистична, и носит упрощенный характер. «Киборг не является обычным союзом человека и машины, как, например, обычное использование человеком механических

⁶²⁶ Лем С. Сумма технологии. М., 1996. С. 394–395.

⁶²⁷ Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М., 2008. С. 23.

устройств. Киборг – это уникальная связь между человеком и машиной, в которой машина должна работать без помощи разума, чтобы согласовывать свои действия с собственными гомеостатическими средствами управления тела»⁶²⁸. Человек, создающий и использующий технологии, конечно не киборг, киборгизация предполагает симбиоз, максимальное слияние человека с искусственными органами, приспособлениями, это предельный случай технологизации, не оставляющей зазор между человеком и орудием труда.

Сегодня киборгизация стала объективным процессом, развивающимся в нескольких направлениях. Первое из них находится в биологической плоскости и связано с решением проблем, вызванных утратой органов человеческого организма или потерей части их функций. Здесь существует много вариаций, например, как в случае Оскара Писториуса – печально известного атлета с ограниченными возможностями из ЮАР, но неограниченного потенциала, который с ампутированными ногами, но с совершенными протезами бегал быстрее, чем его коллеги с натуральными возможностями. Так, легковесные протезы Писториуса позволяют ему передвигаться на 15,7 процентов быстрее, по сравнению с пятью предыдущими мировыми рекордсменами по 100-метровой дистанции, пружинистые легковесные протезы позволяют ему достигать тех же скоростей, затрачивая на 20 процентов меньше усилий и энергии, чем здоровые атлеты, пружинистые протезы сокращают мышечные усилия, затрачиваемые Писториусом, в более чем 2 раза, по сравнению со здоровыми соперниками⁶²⁹.

Другой путь предполагает внедрение искусственных имплантатов или вживления управляющих микрочипов, и здесь можно начать с силиконовыми «улучшениями» и закончить искусственным сердцем. Примерно каждый десятый житель высокоразвитых стран напичкан синтетическими протезами и имплантатами – кардиостимуляторами, дефибрилляторами, сердечными клапанами, коленными суставами, не говоря уже о силиконовых дополнениях и

⁶²⁸ Channell D.F. The Vital Machine: A Study of Technology and Organic Life. New York, 1992. P. 129. Цит. по: Деру, М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург, 2008. С. 314.

⁶²⁹ Протезы дают Оскару Писториусу явное и существенное преимущество в забегах на короткие дистанции [Электронный ресурс] // Спортивная медицина. 2009. URL: http://www.sportmedicine.ru/news_science/pistorius.php

ботексных или гиалуроновых инъекциях. Один из самых известных в мире киборгов Нил Харбиссон. Он родился с ахроматопсией, видя мир черно-белым. В 2004 году ему закрепили портативное устройство Eyeborg для перевода светового спектра в звуки на голове, и Харбиссон постепенно научился различать цвета. Со временем он так привык к своему новому восприятию мира, что решился на хирургическую операцию. Сейчас сильно усовершенствованная версия Eyeborg, которую Харбиссон называет антенной, имплантирована в его череп. Хореограф Мун Рибас установила на затылок специальные датчики, вибрирующие каждый раз, когда к ней кто-то приближается со спины. Вообще, налицо тенденции роста востребованности имплантатов, и как отмечал по этому поводу критик Томас Хайн, сегодняшние старики находятся в авангарде техники, они с готовностью соглашаются на то, чтобы в их тела вмонтировали искусственные устройства, заменяющие вышедшие из строя части. «Киборги – довольно старый продукт научной фантастики, но никто и никогда не мог представить себе, что твоя любимая бабушка может стать одним из них»⁶³⁰. Весьма скоро, однако, бабушка сможет присоединиться к постчеловеческому авангарду: если верить футурологу Э. Тоффлеру, в недалеком будущем миниатюрные компьютеры «будут имплантироваться в наши тела не только для того, чтобы компенсировать физические недостатки, но и для того, чтобы увеличить возможности человека. Граница между человеком и компьютером в какой-то момент окончательно сотрется»⁶³¹. Хирург Джозеф Роузен, чья работа с инвалидами и далеко идущие планы покорили воображение многих ревностных фанатов киберпанка, заявлял, что в настоящее время, когда мы оперируем, мы восстанавливаем какое-либо повреждение. В пластической хирургии – области хирургии, которой занимаюсь я, – мы восстанавливаем природные или приобретенные дефекты. В косметической или эстетической хирургии мы меняем внешность пациента. Следующий шаг – имплантацию здоровым людям устройств, способных улучшать их способности, – мы не можем сделать прямо сейчас, но не исключено,

⁶³⁰ *Hine Th.* Facing Tomorrow: What the Future Has Been, What the Future Can Be. New York, 1991. Pp. 230–231.

⁶³¹ *Diehl D.* NeXTWORLD Interview: Alvin and Heidi Toffler // NeXTWORLD. 1991, March/April. P. 14.

что нечто подобное случится в будущем⁶³². Подобные тенденции обобщил крупнейший аналитик современности, профессор Кембриджского университета Стив Хокинг заявил, что лет через 20 – 30 эксперименты по вживлению микрочипов в человеческое тело и замена естественных органов на искусственные завершатся полной победой человека-киборга над хомо сапиенс⁶³³. Эволюция заканчивается, когда техника вторгается в тело⁶³⁴. К слову, не стоит далеко ходить за примерами инженер Влад Зайцев из Москвы вшил себе в 2015 г. под кожу левой руки NFC-чип от транспортной карты «Тройка», сняв этот процесс на видео и выложив в интернете⁶³⁵.

В основе другого направления киборгизации лежит иная идея. Речь идет о дополнении возможностей здорового и полноценного физически человека некими механическими, электронными приспособлениями, которые входят в тесный контакт с его телесностью. Главным плацдармом внедрения кибертехнологий, впрочем, как и других инноваций, выступает поле войны. Все активней для увеличения боеспособности активно применяются технологии, созданные с целью увеличить его натуральные возможности путем максимального слияния с технологическими расширениями. Примером таких расширений являются специальная военная экипировка, обеспечивающая не только использование включенных в нее электронных средств управления, обзора и навигации, вплоть до того, что боец может посмотреть на мир сквозь дуло своей винтовки, но и увеличение мускульной силы человека за счет, например, экзоскелета – устройства, повторяющее биомеханику человека для пропорционального увеличения усилий при движениях⁶³⁶. Интересен другой вариант военно-технологического расширения: слияние с машиной пилотов вертолетов «Апач», особенности которого описал боевой пилот Эд Мэйси, служивший в

⁶³² Дери М. Скорость убегаия: Киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург, 2008. С.387 –388.

⁶³³ Кузина С. Человека сменит киборг [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2004. URL: <http://kp.ru/daily/23229/27078/>

⁶³⁴ Stelarc. Prosthetics, Robotics, and Remote Existance: Postevolutionary Strategies. Leonardo, 1991. P. 591.

⁶³⁵ URL: www.vm.ru/news/2015/06/12/primeru-stolichnogo-inzhenera-kotorij-vshil-pod-kozhu-chip-ot-karti-trojka-mogut-posledovat-ego-kollegi-289075.html

⁶³⁶ Ищенко С. Новая амуниция солдат убивает надежнее вражеской пули [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2009. URL: <http://svpressa.ru/society/article/16179/>; Токарев С. Война, XXI век [Электронный ресурс] // Бумажная Компьютерра. 2003. URL: <http://www.kinnet.ru/cterra/488/index.html>

Афганистане. Главная особенность управления этим вертолетом состоит в том, что у шлема пилота есть монокуляр, помещенный на правый глаз. Глядя через него на ландшафт, вертолетчик попутно видит показания самых главных приборов – скорость, высоту и многое другое, включая всевозможные прицельные марки. Куда бы пилот ни повернул голову, эти показания всегда будут видны. Через монокуляр можно вывести картинку с приборов ночного видения. Шлем сопряжен со всем оружием; навести пушку можно просто посмотрев на цель. Но проблема в том, что когда правый глаз смотрит в монокуляр, а левый – на все остальное, между ними начинается сильный конфликт. Каждый глаз хочет доказать, что он «главнее». На практике это проявляется в сильнейших головных болях, которые начинаются у новичков еще до взлета. Через несколько месяцев такого мучения глаза все же адаптируются к шлему и боли проходят через пару лет. Если посмотреть на пилота со стороны, то будет хорошо видно, что в ходе пилотирования его глаза дергаются независимо друг от друга. Фактически это то же самое, что читать две книги одновременно⁶³⁷. На этом примере иллюстрируется сложность процесса конвергенции человека и машины, и здесь не все так однозначно, как с использованием экзоскелетов. Речь идет уже не о приобретении необходимых физических навыков, это уже более глубокие изменения высших психических функций, приобретение новых способностей, выходящих за пределы натуральных. Доводя до предела идеи Маклюэна, представитель киберпанковского боди-арта Стеларк (урожденный Стелиос Аркадиу), описывая свои эксперименты с оборудованием, видоизменяющем восприятие реальности, делал вывод, что именно физиологическое оборудование тела определяет его интеллект, восприятие происходящего вокруг. Смена оборудования приводит к изменению восприятия. Стеларковский постчеловек – выпотрошенный, наполненный модульными, легко заменяющимися компонентами, обтянутый железными мускулами экзоскелета, оснащенный антеннами, которые увеличивают его поле зрения и усиливают слух, и снабженный мозговым имплантатом или генетически измененным мозгом, не

⁶³⁷ Macy E. Apache. The Man. The Machine. The Mission. New York, 2009.

уступающему по своим свойствам суперкомпьютеру, – будет обладать «панпланетарной физиологией: прочной, гибкой и способной функционировать в любых атмосферных условиях, при разном гравитационном давлении и электромагнитном поле⁶³⁸.

Обозначенные направления киборгизации объединяет то, что они являются воплощением в реальности идей слияния организма человека с искусственными протезами, созданных для расширения его возможностей для более эффективного решения тех или иных задач, либо заменить утраченные органы на протезы и имплантаты. Но существует еще несколько вариаций проблемы киборгизации, связанных с проблемами модификации человеческого тела. Так получает распространение интеллектуальное течение «постгендеризм», последователи которого выступают за полное устранение гендера посредством применения передовых биотехнологий и вспомогательных репродуктивных технологий, например, с помощью клонирования или использования «искусственной утробы». Теория постгендера имеет корни в идеологии феминизма и является ее радикальным вариантом, где речь идет уже не столько о равноправии полов, а вообще об элиминировании половой идентичности. Грядет постгендерный бесполой мир. Генитальные различия между людьми больше не будут иметь культурного значения, равно как и деление на гетеро-, гомо- и бисексуальность, утверждает Шуламит Файрстоун⁶³⁹. Ее мысль развивает другая активная феминистка Элисон Джаггер, тверждая, что следует помнить, что окончательная трансформация человеческой природы, к которой стремятся социалистки-феминистки, выходит за рамки либеральной концепции психологической андрогинности и подразумевает возможность трансформации «физических» способностей человека, до сих пор считавшимися биологически присущими только одному полу. Эта трансформация может даже включать в себя способности к оплодотворению, кормлению грудью и беременности, та, что одна женщина сможет оплодотворить другую, мужчины и не рожавшие женщины

⁶³⁸ *Stelarc*. Prosthetics, Robotics, and Remote Existence: Postevolutionary Strategies. Leonardo, P. 594.

⁶³⁹ *Firestone S.* The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York, 1970.

смогут вырабатывать молоко и оплодотворённую яйцеклетку можно будет пересадить в тело женщины или даже мужчины⁶⁴⁰. Безусловно, реализация подобного подхода потребует технологической модификации человеческого организма, наделения его искусственными, не свойственными ему от природы функциями, что, по сути, есть создание киборгов, как следствие, уничтожение не только гендерной, но и самой родовой идентичности человека. Радикально постмодернистское понимание этой проблемы было озвучено в 1985 году в так называемом «Манифесте Киборга» Донной Харауэй⁶⁴¹, представляющем собой главу из ее работы «Обезьяны, киборги и женщины»⁶⁴². Основная идея манифеста состоит в полном преодолении бинарных оппозиций (люди/животные, человек/машина, физическое/нефизическое). Для Д. Харауэй понятие «киборг» является посмодернистской химерой, фиксирующей окончательное смешение животного, человеческого и машинного. Пронизанный идеями постструктурализма манифест переполнен пафосными высказываниями, по сути, являющимися отражениями кризиса идентичности постмодерной культуры. «Киборг – создание постгендерного мира; он не имеет ничего общего с бисексуальностью, предэдиповским симбиозом, неотчужденным трудом или прочими соблазнами органической целостности, достигаемой окончательным собиранием всех сил всех частей в некое высшее единство»⁶⁴³. Заканчивает свой манифест Д. Харауэй чередой громких фраз: «Киборганическая образность может подсказать путь из лабиринта дуализмов, в который мы загнали своим объяснением наши тела и наши орудия... Это значит и строить, и разрушать машины, идентичности, категории, отношения, пространства, истории. Мне хотелось бы быть больше киборгом, чем богиней»⁶⁴⁴. На самом деле Д. Харауэй использует понятие «киборг» как метафору, фиксирующую полную утрату человеческой идентичности в результате деконструкции всех конструктов,

⁶⁴⁰ *Jaggar A. Feminist Politics and Human Nature. Rowman & Littlefield, 1983.*

⁶⁴¹ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970—2000». Под редакцией Л.М.Бредихиной и К.Дипуэлл. Москва, 2005.

⁶⁴² *Haraway D. J. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. New York, 1991.*

⁶⁴³ *Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970—2000». Москва, 2005. С. 325.*

⁶⁴⁴ Там же, с. 367.

смыслов, ценностей, дифференциаций культуры в духе «воинствующего» постмодернизма.

Марк Дери в «Скорости убегания», рассматривая различные аспекты киберкультуры, пишет, что борьбу за наше тело ведут несколько равносильных претендентов, так и норовя разорвать его на части: это хайтечное протезирование, генная инженерия, пластическая хирургия, операции по изменению пола, публичные дебаты вокруг политики тела и переоценка тела как теплокровной машины или потенциально прибыльного источника «запчастей»⁶⁴⁵. Также он делает акцент еще на одной технологией, в определенной степени родственной киборгизации. Речь идет о техниках формирования и моделирования человеческого тела. Типичным артефактом эры машин, в сущности, является штампованный шедевр под названием «качок», отмечает М. Дерри. Эффект достигается при помощи процесса, предполагающего объективизацию телосложения, намек на то, что содержится в популярной надписи на футболках: BODY SCULPTING. По меткому наблюдению Стюарта Ивэна, принципы «инструментального основания, инженерного дела и технической систематизации» сходятся воедино в тренажерном зале, где посетители проходят через конвейер тренажеров, каждый из которых тренирует различную группу мышц». Тело воспринимается как процесс сборки из деталей, а желаемый результат, когда ягодичцы, бицепсы, трицепсы приобретают заданную рельефность, сильно напоминает продукцию штамповального прессы⁶⁴⁶. Тела культуристов неестественны, бугры мышц, выпирающие вены вряд ли являются эстетическим продуктом, но, тем не менее, эти трансформации создают иллюзию контроля над своим телом (а на деле подчинению ему, ведь вся жизнь, распорядок, питание, общение бодибилдера подчиняются телу, он превращается в машину по воспроизводству тела. Причем с этого пути отступать нельзя, ведь иначе конструкция «стальных» мышц превратится в бесформенные массы жира. Вообще опыты над телом имеют аддиктивные последствия, так сделанная

⁶⁴⁵ Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков М., 2008. С. 318.

⁶⁴⁶ Ewen S. All Consuming Images: Advertising and the Social Roots of the Consumer Culture. New York, 1976. P. 188.

пластическая операция зачастую вызывает непреодолимое желание перенести другую, третью и еще, сделанная одна татуировка становится началом к пути изменения всей кожи тела и даже лица.

Ставшие в последнее десятилетие особенно модными татуированные и пирсингованные тела представляют собой еще один вариант искусственного вторжения в кожу человека инородных элементов. Если раньше татуировки служили маркерами принадлежности их носителя к тому или иному сообществу или обладания определенным статусом, то сегодня тату стали обыденностью массовой культуры. Можно высказать предположение, что страсть к татуировкам является завуалированным выражением стремления к изменению своего природного тела и по сути «легкой» формой киборгизации.

Но отвлечемся от будто сошедших со страниц киберпанковских фантастических романов «технологических мутантов», и обратим внимание на незаметное, но эффективное замещение интеллектуальных способностей человека различными умными машинами и технологиями. Современные технологии окружили нас своей повседневной заботой, без которой нам, еще недавно не знавшим таких возможностей простоты решений не всегда сложных задач, уже все сложнее обойтись. Так, калькулятор подменяет способности считать в уме, пульт дистанционного управления делает ненужным «излишние» телодвижения, автоматическая предиктивная проверка орфографии и исправление грамматических ошибок в современных текстовых редакторах порождает небрежное отношение к соблюдению правил написания, миниатюрные микрофоны, прикрепленные к телу артистов театра делают ненужным усилия по озвучиванию зала, презентация PowerPoint, если не убивает практику устного доклада, то существенно трансформирует ее в иную плоскость, компьютерные приставки убили смысл культуры игры, GPS навигация фактически делает ненужными способности ориентироваться на местности, мобильный телефон свел на нет тактильность общения, а встроенная в него записная книжка сделала ненужными ряд функций памяти, и в довершение всего Фейсбук фактически уничтожил дружбу. «Если люди придумывают или создают «умные» машины, то

делают это потому, что втайне разочаровались в своем уме или изнемогают под тяжестью чудовищного и беспомощного интеллекта; тогда они загоняют его в машины, чтобы иметь возможность играть с ним (или на нем) и насмеяться над ним. Доверить свой интеллект машине – значит освободиться от всякой претензии на знание...» - так обозначает факт технологической зависимости Жан Бодрийяр⁶⁴⁷. Он говорит о формировании «Человека Виртуального», неподвижно сидящего перед вычислительной машиной, занимающегося любовью посредством экрана и приученном слушать лекции по телевизору, и, как следствие, страдающего от дефектов двигательной системы, несомненно, связанных с мозговой деятельностью. Подобно тому как очки или контактные линзы в один прекрасный день станут интегрированным протезом, который поглотит взгляд, мы можем также опасаться, что искусственный интеллект и его технические подпорки станут протезом, не оставляющим места для мысли⁶⁴⁸. Продолжая логику опасений Бодрийяра, Джарон Ланир отмечает, что слепая вера в безграничные возможности машин, приводит к нивелированию умственных способностей, а вместе с ними и ответственности человека – «чтобы машины все время казались умными, люди сознательно деградируют». Примеры тому – власть алгоритмов, определяющих кредитные риски (одна из причин мирового кризиса), стандартизированные тесты, задающие уровни оценки образованности учеников, поисковые машины, дающие неверифицированные ответы на наши запросы. «Действительно ли поисковик знал, что вам нужно, или вы подыгрываете, снижая стандарты, чтобы он казался умным? ...Чтобы человек рассматривал разум машины как реальный, требуется ослабить собственную связь с реальностью»⁶⁴⁹. Современные технологии, по мере их освоения человеком, объективируются им все в меньшей степени.

Новейшие средства коммуникации – мобильные телефоны, компьютерные системы, цифровое телевидение, игровые приставки – предполагают максимальную интерактивную связь с пользователем, становясь неразрывными

⁶⁴⁷ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 75.

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 58.

его частями, органами, нервами. Говоря о «гомеостазе человека с машиной», в «Прозрачности зла» Жан Бодрийяр писал, что новые технологии, новые машины, новые изображения, интерактивные экраны вовсе не являются механизмами отчуждения, а наоборот, вместе с индивидом, они составляют целостную окружность. «Видео, телевидение, компьютер, минитель⁶⁵⁰ – эти контактные линзы общения, эти прозрачные протезы – составляют единое целое с телом, вплоть до того, что становятся генетически его частью». Уже трудно сказать, где заканчивается человек и начинается машина⁶⁵¹. Предельно расширив мир человека, покорив пространственно-временные границы, сделав возможным мгновенный доступ к фактически любым востребованным данным, технологии XXI века, постепенно превращающие добровольно отдавшегося им человека в свой придаток, в соблазне получить новую информацию, удовольствие, и, в конечном счете, власть. Все каким-то образом перемешалось, и уже не технологии являются артефактами, а человек превращается в артефакт технологий. Современный мир, а вместе с ним человек информационного общества, оказался в паутине сотовой связи, кабельного телевидения, глобальных систем навигации и в особенности интернета.

В интервью журналу «THEORY» Поль Вирильо нарисовал футуристический прогноз, суть которого состоит в том, что в своем развитии технологии сначала оснащают территориальное тело мостами, акведуками, железными дорогами, автострадами, аэропортами и т.д. Затем наиболее влиятельные технологии становятся тонкими – микротехнологиями, «микромашинами» способными внедряться и обеспечивать тело. Человеческие имплантаты становятся микротехнологическими. В ближайшем будущем экология будет иметь дело не только с загрязненной фабриками и дорогами флорой, фауной и воздухом, она будет занята также и самим телом, а именно –

⁶⁵⁰ Минитель – французская информационная система, предшествующая появлению интернета. Впоследствии название «минитель» стало нарицательным, и используется для обозначения вида связи, как «телефон» или «интернет»

⁶⁵¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 86.

вторжением в него тех технологий посредством миниатюризации⁶⁵². Нанотехнологии – следующий этап технологической колонизации тела. Современные «гаджеты» еще не нано-имплантаты, но уже нательны, и, как следствие, мы сталкиваемся с фактом распространяющейся от них зависимости – мы испытываем беспокойство, если забыли дома мобильный телефон, отключение интернета воспринимается как технотронная катастрофа, потеря «флэшки» может обернуться раскрытием персональной информации, поломка компьютера становится реальной угрозой личному миру, который может быть уничтожен с потерей хранящихся данных, а лишение возможности смотреть телевизор вызывает чувство изоляции и ощущение нехватки привычного информационного шума.

С легкой руки голландского философа Рини ван Эста в современной философии техники получил распространение термин «интимные технологии»⁶⁵³, в котором фиксируется связь между человеком и машиной намного глубже, чем фиксируемая в предложенном выше термине «нательные технологии». «Интимность» технологий, по сути, означает то, что для современного человека технология стала в буквальном смысле чем-то самым близким, доверительным, да и трудно поспорить, что более всего об индивиде знают его телефон и персональный компьютер. Эти медиумы не только расширяют возможности человека, они сливаются с ним в «интимных» объятах в результате чего формируются люди, которые ни на секунду не могут расстаться со своими гаджетами, не выпускают из рук, доверяют самое сокровенное. Но вернемся к идеям Рини ван Эста. Он предлагает классификацию технологий, с которыми в той или иной степени ежедневно сталкивается современный человек и различает четыре вида технологий: «технологии в нас», «технологии о нас», «технологии между нами», «технологии, подобные нам». К первому типу относятся: RFID чипы, электронные пилюли, кохлеарные имплантаты, глубокая стимуляция мозга, искусственные органы по обеспечению равновесия, искусственная сетчатка. Они

⁶⁵² *Вирильо П.* Бог, кибервойна и ТВ // Комментарии. 1995. №6. С. 87–93.

⁶⁵³ *Est R., van.* Intimate Technology: The Battle for Our Body and Behavior. The Hague, 2014.

расположены в теле человека, либо воздействуют на человеческие органы, их действие направлено внутрь. Ко второму типу (технологиям о нас) относятся: GPS, считыватели RFID, камеры, Google Streetview, ДНК-чипы, МРТ-сканирование, сенсоризаторы сердцебиения и температуры тела. Эти технологии фиксируют определенные физиологические параметры, могут предоставить информацию о местонахождении человека, о совершенных им действиях. Они как бы наблюдают за человеком, за разными аспектами его физического присутствия в мире. Технологии «между нами» – это социальные сети Facebook, Foursquare, Grindr, дополненная реальность (Google Glass). Эти технологии находят применение во взаимодействиях между людьми, существенно трансформируя формат социальных отношений, сближая людей во времени и пространстве, изменяя их социальную идентичность в виртуальном мире. К технологиям, подобным нам, относятся реальные виртуальные миры, Chatbots, электронный коучинг, технологии, создающие гуманоподобных роботов⁶⁵⁴.

Но почему-то зачастую опускается из вида то, что человек является неотъемлемой частью этого техногенного гибрида, и что именно люди являются теми узлами, которые имплицитно вплетены в нити окружающих сетей. Вместе с поколением новых машин неизбежно приходят новые поколения людей с присущей технологической толерантностью и устойчивой зависимостью от своих технологических продолжений. Возникающие гибридные формы обретения идентичности в союзе людей и машин уже не кажутся фантастическими прогнозами. Хотя, следует отметить, что существуют прогнозы о том, что процесс киборгизации приведет не к слиянию человеческого и машинного, а, наоборот, к сегрегации и поляризации двух видов. Так А. Вассерман утверждает, что киборги не смогут – да и не захотят – быть частью человечества. Более того, по мере распространения киборгизации у них будет всё больше возможностей и стремления создать собственное общество, никоим образом не связанное с

⁶⁵⁴ Попова О. В. Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва): в 3 т. М., 2015. Т. 3. С. 86.

нашим. У них будут свои интересы, у нас свои. «Не исключаю, что желающих превратить себя в высокосоввершенные сверхмощные машины будет немало. Но эти машины – даже если будут созданы усилиями всего человечества – не будут ни частью человечества, ни поддержкой человечеству. Впрочем, надеюсь, что и помехой человечеству не станут», приходит к выводу А. Вассерман⁶⁵⁵.

Таким образом, *киборгизация* есть не что иное, как замещение технологиями функций тела и разума человека. В этой связи следует вспомнить понятие «самоампутация», под которой М.Маклюэн понимал процесс перепоручения технологиям привычных действий с целью уменьшения нагрузки на тот или иной человеческий орган. «Любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел, и такое расширение вовне требует, помимо прочего, новых пропорций, или новых равновесий, между другими органами и расширениями тела»⁶⁵⁶. В историческом развитии цепь примеров протезов, обретенных посредством самоампутации, можно обозначить следующей последовательностью: дубина, нож, колесо, рычаг ... автомобиль, печатающая машинка, калькулятор, ЭВМ, пульт дистанционного управления, принтер, мобильный телефон... робот, искусственный интеллект. В итоге результатом самоампутации становится создание нового, технологически расширенного тела в новых физических и психических границах. Приобретенные органы тут же соблазняют нас вновь открывшимися возможностями, но при этом мы уже не можем жить без них полноценной жизнью. Подобно Нарциссу, мы погружаемся в оцепенение зачарованности вновь обретенными формами. Самоампутация – это шок, который надо преодолеть, чтобы воспользоваться новыми расширениями. Маклюэн иронично выписывает образ Нарцисса, зачарованного ампутацией и расширением собственного существа в новую техноформу – *технонаркомана*, назовем этот

⁶⁵⁵ Вассерман А. Киборги не смогут стать частью человечества [Электронный ресурс] // Russia.ru. 2013. URL: <http://www.russia.ru/news/tech/2013/1/29/7522.html>

⁶⁵⁶ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. 2003. С. 54.

итог так. И наша идентичность начинает определяться степенью толерантности/слитности с любимившимися протезами.

Причем самоампутация – это плохо обратимый процесс, в силу того, что человек быстро привыкает к хорошему и с трудом отказывается от него: «Перейти от ходьбы по грунтовым дорогам к езде по асфальтовым покрытиям проще, чем наоборот. Для того чтобы решиться на обратный переход, нужны довольно суровые мотивы – либо "жизнь прижмёт", либо какая-то мощная идеология. А как вести дела и общаться без мобильной связи? Искать информацию без интернета? Хуже того, технологии меняют пропорции личного восприятия и личного опыта, и это изменение ещё более труднообратимо. Сознание, "заняв" расширенный и трансформированный опыт, с трудом сужается обратно»⁶⁵⁷.

Утрату привычных технологических расширений назовем *инвалидизацией*. Человек, сращенный с технологическими медиумами, становится *киборгом*. Киборг, лишенной своей машинной составляющей части тела – искусственных протезов и имплантатов, уже не может быть полноценным человеком. Он становится *инвалидом*. Обратим внимание на бесконечное стремление людей разучиться ходить, которое сначала, воплотившись в колесной повозке, в процессе эволюции породило современные самодвижущиеся коляски, электрические самокаты, сигвеи – «инвалидки» для здоровых. Идентичность расширенного технологиями и потерявшего свою физическую, органическую и психологическую самодостаточность человека оказывается под угрозой. Технологии, неразрывно включенные в ткань повседневной жизнедеятельности человека, требуют выработки определенных моделей отношений к ним.

Ставшая обыденной система GPS предельно трансформирует натуральную географию за счет технологических усовершенствований, позволяющих окончательно экстерииоризировать когнитивную карту. Это безусловное расширение человека, но здесь, как и в случае уничтожения памяти

⁶⁵⁷ Ибсорат Р. Средства коммуникаций: инструмент, симбионт или паразит? [Электронный ресурс] // Livejournal. 2010. URL: <http://ibsorath.livejournal.com/152374.html>

письменностью, о котором говорил Платон, что письменность уничтожает память, карта может подменять способность к ориентировке. «В души научившихся им [письменам] они [письмена] вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою»⁶⁵⁸ – заменим слово «письмена» на «GPS» и мы осмыслим притчу Сократа в ином контексте. Переосмысливая этот миф, рассказанный Платоном о боге Тевте (Тоте), принесшем людям в дар письменность, и египетском царе Тамосе, отвергнувшим его, так как считал, что, научившись писать, люди разучатся запоминать, Умберто Эко в рождественском письме своему внуку высказал мысль: «Плохо то, что понимание того, что компьютер может в любой момент ответить на твой вопрос, отбивает у тебя желание запоминать информацию. Этому явлению можно привести следующее сравнение: узнав, что с одной улицы до другой можно добраться на автобусе или метро, что очень удобно в случае спешки, человек решает, что у него больше нет необходимости ходить пешком. Но если ты перестанешь ходить, то превратишься в человека, вынужденного передвигаться в инвалидной коляске... Память подобна мускулам твоих ног. Если ты ее перестанешь упражнять, то она станет дряблой, и ты (будем говорить без обиняков) превратишься в идиота»⁶⁵⁹. М.Маклюэн, исследуя влияние письменности и печати на культуру, что запоминание не составляло особой проблемы для людей допечатной эпохи, а еще менее того для бесписьменного человека. Туземцы часто недоумевают по поводу своих владеющих письмом учителей и спрашивают: «Зачем вы все записываете? Неужели вы не можете запомнить?». Далее приводит цитату Дж. Чейтера: «Наша память значительно ослаблена воздействием печатного текста. Мы знаем, что нет необходимости «перегружать память» всем тем, что можно найти, просто сняв с полки книгу. Когда же большая часть населения не владеет грамотой, а книги являются раритетом, требуется цепкость памяти, значительно превосходящая память современного европейца. Например, индийские студенты способны

⁶⁵⁸ Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. М., 1993. Том. 2. С. 186.

⁶⁵⁹ Эко У. Дорогой внук, учи наизусть [Электронный ресурс] // Лайвлиб. 2014. URL: <http://www.livelib.ru/blog/news/post/9661>

выучить наизусть учебник и повторить его на экзамене слово в слово. Устная передача священных текстов служила надежным средством сохранения их неизменными. Говорят, что, если бы все рукописные и отпечатанные экземпляры Ригвед были утеряны, текст все равно можно было бы восстановить до буквы»⁶⁶⁰. Память современного человека ослаблена телефонами, навигаторами и калькуляторами, результатом чего стала постепенная утрата способности к формированию когнитивных карт.

Если указатель, как карта, воплощенная на земле, еще предполагает элементы внутренней ориентировки, то в случае GPS мы сталкиваемся с редким вариантом реально расширенного человека, передающего собственную деятельность по ориентировке технологической системе, фактически самоампутируя одну из своих способностей, тем самым инвалидизируя себя. Возможно это одно из первых воплощений идеи трансгуманистов о создании гибридов-киборгов, поскольку активность человека в этом случае ограничивается лишь выбором направления и необходимостью следования затем показаниям GPS. Если в соотношении памяти и письменности позиция Платона, а затем и Маклюэна остается спорной, то здесь, видимо, следует признать его правоту. При использовании навигатора происходит интересная подмена и упрощение деятельности по ориентировке: человек может быть в принципе избавлен от необходимости интериоризировать какую-то ни было карту, за исключением инструкции по пользованию GPS, превращающейся в извозчика, избавляющего современных Митрофанушек от необходимости учить географию⁶⁶¹.

Примером еще одного варианта инвалидизации – атрофирования чувства опасности при передвижении стал курьезный и одновременно трагический случай, произошедший в Испании, когда в условиях плохой видимости ведомая навигатором машина упала в водохранилище – дело в том, что дороги, по которой был проложен маршрут, уже давно не существовало, в результате погиб водитель. К сожалению, навигатор не обладает элементарным здравым смыслом, который

⁶⁶⁰ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. К., 2003. С. 137.

⁶⁶¹ Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 50.

иногда оказывается для человека наилучшим помощником в пространственно-временной ориентации. И дело не в том, что в дороге не всякий кратчайший путь оказывается самым быстрым, а то, что, слепо доверившись прибору, человек утрачивает способности ориентироваться на местности, «потеряв вместе с тем и некогда важный для выживания страх пространства»⁶⁶². Оснащенный навигационным прибором, человек слепо плывет в отданной на откуп гаджету ментальной карте, которая по своей сути мало отлична от представлений о мире Колумба, открывшему Индию в Америке. Очевидно, что отсутствие должных карт или неправильно выбранный режим делает бесполезным, а иногда вредным и даже опасным современные спутниковые навигаторы, ставшими не только поводьями расслабленных людей информационного общества, но и важнейшим технологическим средством трансформации представления и понимания натуральной и городской географии.

И опять вернемся к мысли, от том, что первым шагом к осмыслению влияния технологий на общество и культуру, будет отрицание подхода, основывающегося на их нейтральности к человеку. Высказывания, что сами по себе технологии не хорошие и не плохие и их ценность определяется тем, какое они получают применение, являются глубоким заблуждением. Высокотехнологичные медиа XXI века еще раз продемонстрировали верность ключевой мысли М. Маклюэна «The medium is the message». Содержание интернет-сайтов, программ спутниковых каналов, телефонных звонков или текстовых сообщений не оказывает на нас такое сильное воздействие, как специфика технологической оболочки. Независимо от своей содержательной наполненности, рассмотренные технологии несут онтологическую сущность и психологическое воздействие, которые во многом и определяют особенности их использования (ружье рано или поздно выстрелит, а провода всегда запутаются). В основе мобильной связи всегда будет лежать принцип доступности, телевидение будет иметь мозаичное, фрагментированное строение, а интернет

⁶⁶² *Мирошниченко А.* Заменяет мозг смартфоном, или Как стать Юлием Цезарем [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://www.mcluhan.ru/about-media/zameni-mozg-smartfonom-ili-kak-stat-yuliem-cezarem/>

всегда будет базироваться на ризоморфности, которая предельно затрудняющей его структурирование и осложняет контроль. Все эти имманентные характеристики, так или иначе, несут скрытую угрозу для безопасности человека в самом широком смысле. Но если попытаться избавиться, очистить технологии от этих потенциально опасных качеств, то вместе с водой будет выплеснут и ребенок, так как именно данные качества составляют их суть. Если мы захотим избавиться от доступности, принесенной мобильным телефоном, то мы вместе с ней потеряем саму возможность мобильности связи. Если попытаться централизовать интернет для того, чтобы поставить надежную препопу циркулированию нежелательной информации, мы тем самым уничтожим его, получив при этом принципиально иное средство коммуникации с иным, скорее всего тоталитарным, воздействием на индивида. Если мы лишим телевидение мозаичной сетки эфира в благородных целях оградить человека от пустых и зомбирующих каналов, то вместо него получаем радио с изображением – нечто подобное Оруэлловской утопии, обрушивающее монополизированные потоки «правильной» информации. Соблазны человека избавиться от технологических соблазнов столь же тщетны, как и попытки их игнорировать.

Отрицание идеи о нейтральности технологий само по себе является лишь исходной точкой в процессе познания их роли в нашей жизни. Главная задача состоит в ответе на вопрос – как человеку сосуществовать вместе с технологиями, не утратив при этом своей родовой идентичности, окончательно превратившись в биологическую «собаку», которой управляет технологический «хвост». Решение этой проблемы напрямую зависит от выработки механизмов адаптации к существованию индивида в новых техногенных условиях информационного общества.

4.4. Радикалы трансформации идентичности: от неолуддизма к трансгуманизму

Вопросы технологических трансформаций, технологических расширений и технологических улучшений человека стали одной из ключевых проблем наук о человеке. Возникают различные представления о будущем технологий, каждая из которых предлагает свое решение выхода из нарастающего кризиса, вызванного процессами киборгизации и инвалидизации технологически расширенного человека⁶⁶³.

Первое видение развития отношений в системе «человек-машина», по сути, является современной реинкарнацией идеи луддизма, возникшего в XIX веке как реакция на промышленный переворот, повлекший за собой резкое сокращение количества востребованных работников. Машины стали заменять и вытеснять ручной труд, поэтому человек решил уничтожить своих автоматизированных «соперников», объявив им войну, предводителем которой считался некто Лудд. Предположительно, история выглядела так: в 1779 г. работник ткацкой фабрики Нед Лудд в припадке ярости разможил молотком две чулочновязальные машины. То ли его разозлили обвинения начальства в лени, то ли проблемы в личной жизни, то ли выпил вечером лишнего эля, но так или иначе Лудд, как бывает, обрушил весь свой гнев на беззащитную технику – допотопные чулочновязальные машины, сыгравшие важнейшую роль в то время в механизации производства. Случай получил огласку в прессе и разошелся в народе, а когда годы спустя рабочие ткацких предприятий завели моду ломать машины, повелось шутить: «Это Лудд всё сломал!». В следующем веке самоорганизовавшиеся активисты промышленного саботажа всерьез водрузили на знамя имя «Короля Лудда» или «Генерала Лудда»⁶⁶⁴, создав, как бы мы сказали сегодня, симулякр. В независимости от того, представляет собой персона Неда Лудда реальную личность, или же это мифическая фигура, но движение луддитов

⁶⁶³ *Емелин В.А.* Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1(9). С. 62–70.

⁶⁶⁴ Восстание против машин: Краткая история луддизма [Электронный ресурс] // Furfur. 2014. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/172069-vosstanie-protiv-mashin-kratkaya-istoriya-luddizma>

– это исторический факт. Нет сомнения, что оно представляло собой реальную радикальную антисоциальную силу, но именно луддитами впервые были поставлены вопросы, которые приобрели особую актуальность в настоящее время. Речь идет о последствиях вмешательства технологий в жизнь человека и о потенциальном ущербе, который они могут принести обществу, с точки зрения социальных, психологических, этических и иных последствий.

В XX веке идеи, которые тревожили луддитов выходят на качественно новый уровень осмысления в рамках формирующейся философии техники и привлекают интерес ряда философов. Среди них можно выделить М. Хайдеггера, размышлявшего о роли в судьбе человека технологического способа бытия, итогом господства которого стал примат технологий смерти над миром жизни. Смерть как бы перестает быть индивидуальной, и теперь уже не болезни, не старость или даже другой человек приносят ее, но механизм, который сам по себе не является ни живым, ни мертвым.⁶⁶⁵ Жак Эллюль в книге «Технологическое Общество» утверждал, что рациональность технологии проводит в жизнь логическую и механическую организацию, которая «устраняет или подчиняет мир природы». Он рассматривал феномен техники как самую опасную форму детерминизма. Техника, по его словам, превращает средства в цели, стандартизирует человеческое поведение и, следовательно, не просто делает человека объектом научного исследования, но объектом «калькуляций и манипуляций»⁶⁶⁶. Еще одним из крупных критиков господствующего подхода о решающей роли развития технологий в прогрессе являлся Льюис Мамфорд. В своей книге «Миф машины. Техника и развитие человечества», изданной в 1967 г., он выражал глубокие сомнения, что именно развитие орудий труда и техники было главной движущей силой в становлении человека, а также выступил критиком «мегамашины власти», под которой он понимал образец монотехники или авторитарной техники, базирующейся на научной интеллигенции и квалифицированном производстве, ориентированном главным образом на

⁶⁶⁵ Фрид Г. Полемос Хайдеггера: от Бытия к Политике [Электронный ресурс] // HPSY. 2000. URL: <http://hpsy.ru/public/x1487.htm>

⁶⁶⁶ Ellul J. The Technological Society. N.Y., 1965.

экономическую экспансию, материальное насыщение и военное превосходство⁶⁶⁷. Эти, а также ряд других философов XX века возродили интерес к проблемам философии техники, и конечно, их нельзя было назвать в прямом смысле луддитами или «машиноборцами», равно как и неолуддитами, скорее речь шла о попытках пересмотреть традиционно позитивные взгляды на технику.

Неолуддизм XXI века – это одна из очередных попыток переосмысления влияния научно-технического прогресса на будущее человечества, особенно – в части компьютерных технологий. Современный неолуддизм не представляет собой четко оформленного интеллектуального течения с едиными целями, а представляет собой некое умонастроение, как политических движений, таких как зеленые или анархо-примитивисты, так и индивидуалов, среди которых и рядовые граждане, стремящиеся оградить своих детей от разрушительного влияния телевидения или интернета, и радикальные борцы с технологиями, которых скорее можно отнести к технофобам или технотеррористам. Наиболее известным из них считается доктор философии Гарвардского университета Теодор Качинский, разославший в период с 1978 по 1995 г. в ряд университетов и авиакомпаний Америки 16 бомб. В СМИ за ним закрепилось прозвище «унабомбер» (University and Airline Bomber – «бомбист университетов и авиалиний»). Он прожил двадцать пять лет в хижине в лесу без техники, что в западном мире стало одним из немногих примеров столь длительного отказа от достижений цивилизации, а также последовательности в отстаивании взглядов – ведь многие причисляющие себя к неолуддитам не прекращают и не думают прекращать пользоваться плодами научно-технического прогресса. За год до ареста он убедил издать свой одиозный манифест «Индустриальное общество и его будущее»⁶⁶⁸, посвященный критике промышленной цивилизации.

И все же в большей степени в основе современного неолуддизма лежит во многом почерпанное из футурологических прогнозов и фантастических романов и кинофильмов, опасение воцарения власти машин над человеком. Что касается

⁶⁶⁷ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие. М., 2001.

⁶⁶⁸ Качинский Т. Индустриальное общество и его будущее. Манифест унабомбера. СПб., 2006.

фантастики, то в сознании людей закрепилось мнение, что многие из фантастических технологий обретают впоследствии реальность, например, как в случае описанных в романах Жюль Верна полета на Луну, подводной лодки, летательных аппаратов и даже оружия массового поражения, предсказанного романах «Пятьсот миллионов бегумы» и «Флаг Родины». Одно из призваний фантастики в художественной форме показать возможные, пусть и научно не подкрепленные сценарии развития событий, в том числе и для того, чтобы их избежать. Вспомним культовую фантастическую сагу Френка Герберта «Дюна», где основополагающим принципом космической империи было отрицание «мыслящих машин», которые в далеком прошлом покорили и едва не уничтожили человечество. Войны или конфликты людей и машин лежат в основе многих фантастических фильмов и сериалов, таких как «Газонокосильщик», «Терминатор», «Трон», «Битва за Галактику», «Я робот», и в особенности «Матрица». Идея войны людей и машин, пройдя сквозь призму массовой культуры, обретает «материальную силу» и становится источником формирования страхов и фобий в отношении развития технологий.

Но самую большую роль в развитии неолуддизма играет, как бы это ни показалось тавтологично... само развитие технологий. «Что делать, когда технологии безумней луддитов?», – задался вопросом Дж. Ланир в процессе анализа влияния идеи «сингулярности» на человека и реальность в целом. Сингулярность (технологическая сингулярность) – это апокалиптическая идея, изначально предложенная Джоном фон Нейманом, одним из создателей цифровых вычислений, и разъясненная Вернором Винджем⁶⁶⁹ и Рэйем Курцвейлом⁶⁷⁰. Существует множество ее интерпретаций, но суть можно свести к следующему. В процессе развития компьютерных технологий возможности машинного разума будут возрастать вплоть до реперной точки, когда сверхразумный интеллект не только превзойдет возможности человеческого, но

⁶⁶⁹ Вернор Стеффан Виндж – американский писатель-фантаст, лауреат премии «Хьюго». Профессор математики.

⁶⁷⁰ Рэймонд Курцвейл – известный американский изобретатель и футуролог. Считал, что в будущем человечество достигнет почти неограниченного материального изобилия, а люди могут стать бессмертными. Один из теоретиков технологической сингулярности и киборгизации людей.

станет способным создавать свои копии, более совершенные, чем оригинал. В 60-е гг. прошлого века Ирвинг Джон Гуд⁶⁷¹ отмечал, что первая сверхразумная машина станет последним изобретением, которое выпадет на долю человека, при условии, что машина будет достаточно покорна и поведает нам, как держать ее под контролем...⁶⁷². Именно в сомнении, удастся ли держать сверхразум под контролем, и состоит разумная основа страхов не только неолуддитов, но и любого «нейтрального» по отношению к технологиям человека. Примечательно, что в поздних повестях братьев Стругацких сама мысль свершения «вертикального прогресса», то есть выхода части людей на качественно иной уровень существования, эволюции людей до иной природной формы – «люденов» (от «*homo ludens*» – человек играющий, а также анаграмма слова «нелюдь»), не связанных с физической оболочкой, по сути, достижения точки сингулярности, приводила в ужас властные структуры придуманного ими «Полуденного мира»⁶⁷³. «Мы – не люди. Мы – людены. Не впадите в ошибку. Мы – не результат биологической революции. Мы появились потому, что человечество достигло определенного уровня социотехнической организации»⁶⁷⁴, – так описывают себя порожденные прогрессом вселенские странники.

Джарон Ланир сравнивает идею сингулярности с идеей Апокалипсиса. Не гарантируя переселение бессмертной души в рай, сингулярность, так же как Апокалипсис, «влечет физическую гибель людей и загрузку их сознаний в компьютер, где они продолжают осознавать себя, или даже аннигиляцию человечества в тот неуловимый миг, который предшествует воцарению на Земле сверхразума. Общим у Апокалипсиса и сингулярности является то, что живых свидетелей их пришествия не останется»⁶⁷⁵. На апокалиптических страхах базируется логика неолуддитов – человек должен уничтожить технологии до того,

⁶⁷¹ Ирвинг Джон Гуд – британский математик, криптограф, работал с Аланом Тьюрингом. Известен как один из авторов концепции технологической сингулярности.

⁶⁷² Винджд В. Технологическая Сингулярность [Электронный ресурс] // Компьютерра. 2012. URL: <http://old.computerra.ru/think/205650/>

⁶⁷³ Эта тема обсуждается братьями Стругацкими в повестях «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». «Вертикальный прогресс» понимался как выход части людей на качественно иной уровень существования, превращение их в иную высшую расу:

⁶⁷⁴ Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Волны гасят ветер. М., 1986. С.301.

⁶⁷⁵ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 48.

как они уничтожат его идентичность. Если для неолуддитов технологическая сингулярность стала воплощением ада на земле, то для их оппонентов-трансгуманистов моментом наступления рая, основанного на реализации идеи полного слияния человека и технологий, где он переходит в новое качество, на более высокий этап антропологической эволюции. Только остается непонятным, почему это «взрывное» событие свершится одномоментно, как Октябрьская революция, а не будет растянуто в череде постепенных изменений, к которым адаптироваться несколько проще, чем к быстрым и масштабным переменам. Размышляя о взрывах в культуре, Ю.М. Лотман писал: «Взрыв может реализоваться как цепочка последовательных, сменяющих друг друга взрывов, накладывающихся на динамическую кривую многоступенчатую непредсказуемость»⁶⁷⁶. Именно проблема предсказуемости/ непредсказуемости цепи событий, связанных с технологическим ускорением, и стала питательной почвой для техногенных страхов и размыванию идентичности. «Спасет технология человечество или уничтожит его? Этот страстный спор регулярно всплывает на поверхность общественной жизни, пожалуй, с тех самых пор, когда были осуждены на казнь луддиты... Этот резкий спор привел к абсурдной поляризации мнений, однако столь крайние взгляды на технологию либо как на спасительницу, либо как на разрушительницу, говорят лишь о слепой вере и страхе, которые мы проецируем на технологию, подвергая ее тем самым культурному обожествлению»⁶⁷⁷.

Движение трансгуманистов все больше овладевает умами интеллектуалов. Б.Г. Юдин характеризовал данный процесс словами: «Призрак бродит по Европе. Призрак... трансгуманизма»⁶⁷⁸. П.Д. Тищенко комментирует его метафору: «Появление этого призрака – вполне закономерный результат конвергирования двух мощных тенденций новоевропейской культуры. Машины как

⁶⁷⁶ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 186.

⁶⁷⁷ Нейсбит Дж. при участии Нейсбит Н. и Филиппа Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М., 2005. С. 15.

⁶⁷⁸ Цит. по: Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181.

доминирующие средства производства очеловечиваются и становятся все более антропоморфными. В свою очередь, человек все более машинизируется в своем человеческом существе, становясь гибридом с машиной не только в своей телесной организации (результат тенденции замещения естественных органов и тканей сконструированными искусственными «протезами»), но и социально-психологической. Он все больше и больше в сложных перипетиях современной жизни замещается своим «следом» – некоторой объективно представленной политической, экономической, социально-психологической, демографической или иной функциональной единицей («человеком одномерным», «человеком экономическим» и т. д.)»⁶⁷⁹.

В основе логики трансгуманистов лежит предположение, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, но скорее, ее началом. Это «рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека»⁶⁸⁰. Собственно говоря, с такой сверхгуманной целью трудно спорить. Но в слишком высоких и благородных начинаниях всегда сокрыто дьявольское «но». Ловушка трансгуманизма как раз и таится в интерпретации технологической сингулярности в качестве начала нового отсчета человеческой истории, причем в оценке этого события главенствуют сугубо позитивные настроения. В трансгуманизме само понятие «человек» превращается в анахронизм. На смену ему технологии формируют трансчеловека (*transhuman*) – «переходный человек», самосознающее существо, представляющее потенциальный шаг на пути эволюции в постчеловека. Перефразируя метафору Ницше «человек – это канат, натянутый между обезьяной и человеком»⁶⁸¹, можно

⁶⁷⁹ *Тищенко П.Д.* Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181.

⁶⁸⁰ *Бостром Н. и др.* FAQ по трансгуманизму [Электронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. 2011. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman/>

⁶⁸¹ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 2. С. 9.

сказать, для трансгуманистов трансчеловек занимает место каната, человек становится обезьяной, а постчеловек – сверхчеловеком.

По своей сути трансгуманизм является радикально-технологической версией модернизма, в которой воплощается вера в то, что прогресс, основанный на развитии научного знания и совершенствования техники, будет способствовать повышению уровня человеческого счастья, а также гипертрофируется базовое для модернистской идеологии положение о примате будущего над прошлым. Причем будущее уже мыслится без господина прошлого – человека, на смену которому должны прийти другие технологически улучшенные создания. Трансгуманисты с беспристрастным вожделием описывают высшее существо творения модернистской эволюции следующим образом: «Постчеловек (posthuman) – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком». И далее: «Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же не доступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни»⁶⁸².

Возникает вопрос, не окажутся ли для этих совершенных киборгов не успевшие пройти технологическую инициацию «отсталые» люди обезьянами, которым заказано место в клетках лагерей? Трансгуманизм, несмотря на всю свою риторику человеколюбия, имплицитно содержит в себе тоталитарную идеологию. Джарон Ланир почувствовал эту тенденцию и охарактеризовал экстраполяцию идей некоторых разделов информатики на человека как

⁶⁸² Бостром Н. и др. FAQ по трансгуманизму [Электронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. 2011. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman/>

*технологический тотализм*⁶⁸³. К последнему Ланир относит идеологию кибернетического мира о возвеличивании роли компьютеров, объединенных в глобальную сеть, о вычислительных облаках, о ноосфере – глобальном мозге, состоящим из мозгов всех людей, соединенных посредством Сети. «Человек в данной схеме не представляет собой ничего особенного. Скоро компьютеры станут такими большими и быстрыми, а сама Сеть – настолько информационно насыщенной, что люди превратятся в нечто устаревшее, либо в оставленных, как в апокалиптических романах, либо будут поглощены киберсверхчеловеческим нечто»⁶⁸⁴. В то время как трансгуманисты заявляют о распространении в последние годы своей идеологии по всему миру экспоненциальными темпами, Ланир констатирует свершившийся провал кибернетического тотализма, вызванный двумя основными причинами. «Первая может быть названа духовным провалом <...> Практическая проблема, которая может проистекать из этой ошибки, состоит в том, что мы становимся уязвимыми для переноса той веры, которую мы называем «надежда», с людей на гаджеты. Второй провал – поведенческий. Разработки, следующие идеалам ноосферы и кибернетического тотализма, естественным образом имеют тенденцию недооценивать людей <...> Не должно удивлять, что такие разработки укрепляют безразличное или пренебрежительное отношение к людям»⁶⁸⁵. Обе ошибки объединяет одно – выхолащивание гуманизма в технологически оснащенном мире, что является тревожным симптомом капитуляции человека перед миром машин, с которой многие не хотят примириться.

Основатель трансгуманизма Джулиан Хаксли так описывал путь к «дивному новому миру»⁶⁸⁶: «Человеческий вид может, если он захочет, преодолеть себя – не только спорадически, ... но в целом, как человечество. Нам необходимо имя для этой новой веры. Может быть этим именем будет трансгуманизм: человек оставшийся человеком, но преодолевший себя, благодаря

⁶⁸³ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 45.

⁶⁸⁴ Там же, с. 50.

⁶⁸⁵ Там же, с. 125.

⁶⁸⁶ Джулиан Хаксли - английский биолог, эволюционист и гуманист, политик. Первый генеральный директор ЮНЕСКО, брат Олдоса Хаксли, автора известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

реализации и ради реализации новых возможностей человеческой природы». И далее тоном пророка он провозглашает: «"Я верю в трансгуманизм": однажды наберется достаточно людей, которые действительно смогут сказать это, тогда человеческий вид будет на пороге нового состояния бытия, отличающегося от нашего так же, как наше – от пекинского человека. Это, наконец, и будет осознанным выполнением нашей настоящей судьбы»⁶⁸⁷.

Иронизируя над этими постулатами новой веры Джулиана Хаксли, Эрик Дэвис⁶⁸⁸ заметил, что «если история человечества – это история превращения обезьяны в ангела, или, как провозгласил Ницше, зверя в Сверхчеловека, то, по видимому, на одном из этапов этого пути мы должны побывать машинами»⁶⁸⁹. Николай Бердяев пессимистично пророчествовал: «Настает время, когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения»⁶⁹⁰. Но может человек еще не готов стать киборгом, а тем более машиной?

Предшествующие рассуждения о технологическом оптимизме и скрытых в нем подводных камнях ограничивались главным образом областью кибернетики и компьютерных технологий, но очевидно, что экспансия киборгизации охватывает более обширный пласт повседневной реальности. Если покинуть рафинированное пространство научной лаборатории, пройти через рекреацию и выйти на улицу, спуститься в метро, посетить мегамол и зайти в кафе, то везде мы увидим людей, слившихся со своими *нательными интимными гаджетами* – наушниками, смартфонами, планшетниками. Когда мы видим молодых людей, не выпускающих из рук своих «электронных слуг» и замороженно прикованных подобно зомби к их мерцающим экранам своими «покорными головами», можно

⁶⁸⁷ Huxley J. *New Wine in New Bottles*. N.Y., 1957. Pp. 13–17.

⁶⁸⁸ Эрик Дэвис – американский философ, культуролог и писатель.

⁶⁸⁹ Дэвис Э. *Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху*. Екатеринбург, 2008. С. 185.

⁶⁹⁰ Бердяев Н.А. *Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии*. 1989. № 2. С. 157.

с уверенностью сказать – перед нами предтечи постлюдей, которым, по прогнозам трансгуманистов, возможно будет суждено успеть войти в точку технологической сингулярности. Только вопрос о выходе из нее, причем желательно без получения физической инвалидности или трансформации высших психических функций, пока остается открытым.

Еще одна немаловажная составляющая трансгуманитарной веры – это *иммортализм*, то есть продление жизни человека и достижение, в конечном итоге, неограниченного долголетия. Так в манифесте трансгуманистского движения «Россия 2045» утверждается, что «не позднее 2045 года искусственное тело не только значительно превзойдет по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. Люди самостоятельно будут принимать решение о продолжении жизни и развития в новом теле после того, как все ресурсы биологического тела будут исчерпаны»⁶⁹¹. Конечно, идея борьбы со старением сама по себе благородна и даже благодарна, но трудно поверить в трансплантацию сознания, создание аватаров и киборгов, крионику или в другие радикальные способы продления жизни. Эти способы находятся где-то на грани разрушения родовой сущности человека и его высших психических функций, выглядят, по меньшей мере, слишком провокационными и непроработанными, в особенности, если учесть, что толком до сих пор не ясна природа человеческого сознания, и пока мы его только «ищем в мозгу». С резкой критикой движения «Россия 2045» выступил П.Д. Тищенко в статье «Россия 2045: котлован для аватара»⁶⁹², положив начало острой полемике⁶⁹³ с Д.И. Дубровским на страницах журнала «Вопросы философии», ставшей примером неоднозначности подходов к идеям трансгумагизма среди отечественных философов. По мнению П.Д. Тищенко, идеологи этого движения предлагают «уставшему и вялому населению, погрязшему в бездуховном

⁶⁹¹ Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» [Электронный ресурс] // Россия 2045. 2011. URL: <http://www.2045.ru/manifest/>

⁶⁹² Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–186.

⁶⁹³ См.: Дубровский Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) // Вопросы философии. № 3. 2015. С.214-220.

потребительстве, общее дело – грандиозный проект платоновского котлована для создания аватара – бессмертного человеческого тела (эквивалент платоновского «общего дома»), в которое переселится идеальное, очищенное от эгоизма сознательное сознание борцов за дело трансгуманизма»⁶⁹⁴. Особое опасение у П.Д. Тищенко вызывает имплицитно содержащееся в манифестах «Р-2045» убеждение в исключительности и неоспоримости их идеологии, претендующей стать государственной генеральной линией развития науки, а по сути, являющейся трансгуманистической версией большевизма. Призывы «воспроизвести сознание как функцию живого мозга в системной динамике неживых (и только поэтому – не умирающих!) кибернетически работающих носителей»⁶⁹⁵ ведут к построению тоталитарной модели общества бессмертных людей-роботов.

Интересна точка зрения А.Ш. Тхостова, высказанная по поводу создания прямых интерфейсов «мозг–машина», описываемое трансгуманистами следующим: «Передача нашего сознания в виртуальный мир. Если бы мы смогли бы сканировать синаптическую матрицу человеческого мозга и смоделировать ее на компьютере, то тогда стало бы возможно перемещение из нашего биологического воплощения полностью в цифровой субстрат (приняв некие философские предположения относительно природы сознания и персональной идентичности). Для надежности мы всегда могли бы иметь запасные копии, и могли бы реально пользоваться неограниченной продолжительностью жизни, обрабатывая и направляя информационные потоки в сети. Это потребовало бы, вероятно, развитой нанотехнологии. Но имеются и менее радикальные пути слияния человеческого разума с компьютерами. Сегодня ведется работа по разработке контакта микрочипа и нейрона. Технология находится пока еще на ранней стадии; но когда-нибудь она позволит нам изготовить нейропротез,

⁶⁹⁴ Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181.

⁶⁹⁵ Там же, с. 186.

посредством которого мы смогли бы “подключиться” к киберпространству»⁶⁹⁶. Если отбросить нагромождение «научных» слов (матрицы, синапсы, нанотехнологии, информационные потоки и пр. симулякры), отмечает А.Ш. Тхостов по поводу этих провокатных утверждений, то здесь мы сталкиваемся с абсолютным непониманием пока непреодолимого психофизиологического разрыва между сознанием и мозгом, кажущимся простым продолжением одного или другого. Это принципиальное непонимание распространено не только среди трансгуманистов, просто у них оно отражается в предельно открытой и наивной форме. Но оно же лежит в основе увлечения методами нейровизуализации, на успехи и перспективы которой так любят ссылаться трансгуманисты. «Я несколько не отрицаю этих действительно впечатляющих успехов, но я не могу понять, какое значение они имеют для принципиального решения психофизиологической проблемы. Связь мозга с психикой известна уже примерно несколько тысяч лет, и что собственно нового для понимания этой связи нам дает тот факт, что нейровизуализация позволяет оценить связь не вообще мозга в целом, а его отдельных частей с теми или иными психическими функциями? Суть проблемы не может быть подменена поисками локализации»⁶⁹⁷.

О.В. Попова рассматривает этические аспекты проблемы бессмертия и задается вопросом, а не скучно ли им кибер-людям будет в начиненном электроникой теле долгожителя? Не возникнет ли отвращения от нового образа? Не будет ли пресыщения и идентификации собственной жизни с запчастью для механика?⁶⁹⁸. Далее она отмечает, что «модальность живого тела всегда обращена к боли и страданию. Страдание человека определяет его онтологический статус – статус живого человеческого существа, в рамках которого выстраивается его ценностный мир. Страдание, доведенное до высшей точки, равным образом, как и доведенное до предела наслаждение, способно вывести онтологию человека из

⁶⁹⁶ Что такое трансгуманизм? [Электронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. 2006. URL: <http://transhuman.ru/biblioteka/transgumanizm/cto-takoe-transgumanizm>

⁶⁹⁷ Тхостов А.Ш. Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. Под ред. Г.Л. Белкина, М.И. Фролова. М., 2014. С. 190–191.

⁶⁹⁸ Попова О.В. Бессмертные машины // Рабочие тетради по биоэтике. Вып.18: Человек – NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования). М., 2014. С. 34.

границ человеческого. Резкое увеличение продолжительности жизни, сопровождающееся устранением модусов страдающей живой телесности, будет неизменно сопровождаться устранением привычного ценностного измерения человеческого бытия»⁶⁹⁹.

Критикуя редуccionизм иммортализма, П.Д. Тищенко писал об опасности кибернетического бессмертия: «Жизнь для человека – источник страданий и смерти. Спасем человека, но уничтожим жизнь. Она же будет всегда мешать! Не только нам, несовершенным людям на биологических носителях, но и аватарам будущего. Жизнь привыкла приспосабливаться к любой среде. Поэтому, если ее оставить – начнет паразитировать на цифровых носителях»⁷⁰⁰. В.А. Лекторский утверждает: «Смысл жизни и смысл смерти – взаимосвязанные вещи. Если смерть теряет смысл, то и жизнь теряет смысл»⁷⁰¹. Обретенное бессмертие может оказаться наказанием, в особенности, если постчеловек не захочет утратить иррациональность человеческого бытия. Вспоминается приведенная Ф. Ницше притча о царе Мидасе, пожелавшем узнать от мудрого Силена, что есть наилучшее для человека. Ответ сатира был нелицеприятен. «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя – скоро умереть»⁷⁰². Описанный Айзеком Азимовым в рассказе «Двухсотлетний человек»⁷⁰³ бессмертный робот, главным смыслом совершенствования которого было очеловечивание, в результате чего он внешне и даже духовно становится практически идентичным человеку, приходит к нестерпимому выводу: чтобы стать человеком, ему надо умереть. Возникает

⁶⁹⁹ Там же, с. 43.

⁷⁰⁰ Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 185.

⁷⁰¹ Токарева М. Академик Лекторский: «Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл». Крупнейший философ, специалист в теории познания Владислав Лекторский – о грядущем постчеловеке, наступающем обществе знания и будущих путях спасения человечества [Электронный ресурс] // Новая газета, № 35. 2015. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/03/63668-akademik-lektorskiy-171-esli-prihodit-bessmertie-zhizn-teryaet-smysl-187>

⁷⁰² Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: соч. в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 66.

⁷⁰³ Азимов А. Двухсотлетний человек // Мировые Айзека Азимова. М., 1996-1997. Т. 1. С. 621–667.

вопрос, не попросят ли законодательно разрешить эвтаназию бессмертные человеки-роботы после пришествия сингулярности?

Попытки продлить человеческую жизнь были всегда, и на них власти и олигархи никогда не жалели денег. «В этом контексте «трансгуманизм занимает почетное место наряду с булгаковской “пересадкой яичников обезьяны”, “золотыми нитями”, “молодильными яблоками”, “живой водой” и прочими мифологическими средствами вечной молодости»⁷⁰⁴. Но, как правило, конечный результат магами или учеными откладывался на будущее, лет, скажем, на сорок. Видимо, по аналогии с обещаниями Никиты Хрущева о наступлении через 40 лет коммунизма, и хрущевками, которые к тому времени просто исчезнут как нечто не совместимое с идеалами светлого будущего. Или же лет на тридцать, на 2045 год, как сейчас, например, обещает одноименное трансгуманистическое движение. Это мало отличается от плутовства Ходжи Насреддина, обещавшего падишаху обучить ишака говорить за двадцать лет, но он прекрасно знал, что за это время кто-нибудь обязательно умрет: «или ишак, или падишах, или я». И зачастую специалисты, занятые проблемой бессмертия, умирали сами раньше, чем высокопоставленные заказчики получали результаты их обещаний. Так произошло с ученым, большевиком Александром Богдановым, ставшим в 1925 г. директором Института переливания крови; при поддержке уже начинавшего стареть Сталина, который естественно предложил ему все возможности и средства для работы. Чудом избежав сталинских репрессий, Богданов пытался найти способ продления жизни с помощью переливания крови молодых людей старикам. Но сам стал жертвой неудачного переливания крови от студента, разочаровав «хозяина» и сыскав славу «советского дракулиста». Аналогичная история произошла и с академиком Александром Богомольцем, президентом Академии наук УССР и основателем Института экспериментальной биологии и патологии, в Киеве прославившегося своей теорией продления жизни. Он изучал феномен кавказского долголетия, изобрел антиретиккулярную цитотоксическую

⁷⁰⁴ Тхостов А.Ш. Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М., 2014. С. 195.

сыворотку, якобы замедляющую процесс старения, всячески поощрялся Сталиным, возлагавшим на него большие надежды. Крылатым выражением А. Богомольца было «Я взял старость в осаду». По легенде, когда Сталину в 1946 г. доложили, что академик Богомолец скончался на 66-м году жизни, вождь воскликнул: «Вот жулик! Всех обманул!».

Как писал еще один одиозный теоретик трансгуманизма Ферейдун М. Эсфендиари, «мы стремимся извлечь человеческий род из животного мира – дебиологизировать интеллект»⁷⁰⁵. Он родился 15 октября 1930 г. и впоследствии сменил имя на FM-2030 в надежде, что оно поможет ему обмануть смерть и дожить до ста лет. Но это не помогло, увы, ему превзойти биологическую природу, он умер в 69 лет, хотя и не оставляя надежду на воскресение, распорядившись поместить свое тело в криохранилище, убежденный в реализуемости еще одной цели и задачи трансгуманизма – развитие крионики, или не будем лукавить, эгоизма посмертного воскресения.

Между тем у проблемы кибернетического бессмертия есть философско-методологические основания, с помощью которых осуществляется фундирование идей трансгуманистов. Так, Д.И. Дубровский неоднократно отмечал, что бессмертие не противоречит принципам науки. «Более того, находит в них теоретическую опору. Прежде всего – в фундаментальном принципе изофункционализма систем, открывшем, по сути, компьютерную эру. Суть его в том, что один и тот же комплекс функций может быть воспроизведен на разных по своим физическим свойствам субстратах. Отсюда следует принципиальная возможность воспроизведения функций живой системы и головного мозга на небологических субстратах, что целиком относится и к психическим функциям»⁷⁰⁶. В биологии изофункциональные органы называют «аналогами». Это органы различных биологических видов, представляющие собой функционально тождественные единицы, но не имеющие прямой генетической

⁷⁰⁵ *Esfandiary M.F.* (FM-2030). *Are You a Transhuman? Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World.* N.Y., 1989.

⁷⁰⁶ *Дубровский Д.И.* Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? [Электронный ресурс] // Взгляд. 2012. URL: <http://zmdosie.ru/chitalnyj-zal-zm/stati/1449-d-i-dubrovskij>

связи. Как крыло бабочки, птеродактиля, птицы, летучей мыши являются аналогами друг друга в мире природы, так и крылья самолета являются аналогами крыльев насекомых, рептилий, птиц и млекопитающих в мире культуры. Гипотетически и в мире техники могут быть созданы изофункциональные аналоги человеческого тела и мозга. Оценка, насколько это возможно с точки зрения технологии и приемлемо ли с этической точки зрения, становится одним из наиболее обсуждаемых вопросов в современных науках о человеке. Хотя отметим, что трансгуманистическое сотворение нового человека имеет алиби или даже, скажем, индульгенцию, в отличие от инкриминированных программ клонирования. Иначе как объяснить, что последние технологии запрещены, а первые пользуются поддержкой, или, по меньшей мере, имеют статус неприкасаемости, со стороны лояльных властей ведущих государств. А кто знает, вдруг бессмертие будет обретено, и кто тогда первые в списке на его получение претенденты?

Не забудем о нанотехнологиях, иначе бы это было преступлением против настоящего и будущего. И здесь, кстати, и появляется «умная пыль». Это нанопыль в теории представляет собой сеть из множества микроскопических электромеханических систем и устройств, которые могут взаимодействовать между собой, получать данные о внешней среде. Базовые элементы «умной пыли» – так называемые «моты» (*англ.* mote – пылинка), размер которых сопоставим с частицей песка или пыли. Каждый мот имеет собственные сенсоры, вычислительный узел, коммуникацию и питание. Группируясь вместе, моты автоматически создают очень гибкие и при этом малоэнергоёмкие сети. С идеей умной пыли, вплоть до смешения, соседствует концепция «утилитарного тумана». Утилитарный туман (*англ.* Utility fog) – это самоорганизующаяся сеть нанороботов, способных образовывать вместе различные конфигурации, принимать облик предметов разной формы⁷⁰⁷. Трансгуманисты надеются на то, что удастся создать гибрид человека и подобного «тумана», состоящего из

⁷⁰⁷ *Storrs Hall J.* Utility Fog: The Stuff that Dreams Are Made Of [Electronic resource] // Kurzweil. 2001. URL: www.kurzweilai.net/utility-fog-the-stuff-that-dreams-are-made-of

множества нанороботов, размером с человеческие клетки, присутствующих в человеческом организме и выполняющих постоянно какие-то «сервисные» работы в организме по аналогии с обычными клетками человеческого организма (лейкоцитами и фагоцитами, например). Таким образом, тело человека при подобной модификации трансформируется так, что его трудно назвать биологическим, это уже иная сущность, отличная от природной.

Мощной поддержкой идеологии трансгуманизма является NBIC-концепция конвергенции четырех крупных направлений научных исследований – нанотехнологий, биотехнологий, когнитивных технологий и информационных технологий. Термин NBIC-конвергенции (по первым буквам областей: N-нано; B-био; I-инфо; C-когно) был введен сравнительно недавно, в 2002 г. Михаилом Роко⁷⁰⁸ и Уильямом Бейнбриджем⁷⁰⁹. Согласно этой теории «на уровне наномасштаба атомы, цепи, код ДНК, нейроны и биты становятся взаимозаменяемы»⁷¹⁰. Важно отметить, что ключевой проблемой этого подхода является технодетерминистская редукция проблемы развития человека к практическим прикладным решениям, игнорирующим антропологическую сложность, особенно в плоскости биотехнологий. В рамках идеи конвергенции сформировалась и идея двух этапов совершенствования человека – совершенствование как улучшение и футуристический проект создания нового человека, стадия два, где подразумевается, что человек станет обладать неестественными свойствами, такими как способность видеть ночью и т. п.

Не хотелось бы показаться неолуддитом, критика которых звучала выше. Да и болеть и стареть, не хотелось бы тоже. Но будучи не ангажированным адептом новой технократической религии сложно верить в то, что, возможно оторвавшись от жизни, витать в облаках «умной пыли» или переместиться в полимерное тело в надежде дожить до бессмертия или обретения сверхвозможностей, благодаря

⁷⁰⁸ Михаил Роко – председатель подкомитета по нанотехнологиям Национального совета США по науке и технологиям.

⁷⁰⁹ Уильям Симс Бейнбридж – современный американский социолог.

⁷¹⁰ *Аришинов В.И.* Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования в контексте парадигмы сложности // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2014. С. 94–106.

«утилитарному туману». И дело не в том, что оппонентам трансгуманизма не хочется развития технологий продления жизни для всех, именно для всех, *это важно*. Проблема в том, что зачастую эпатаж вокруг концепций с красивыми названиями и многообещающими прогнозами вытесняют на периферию более значимые, актуальные и приоритетные вызовы современного мира, а то уже не пыль и не туман, это болезни и смерти. Мы живем в мире, где не прекращаются военные конфликты, где географическое, социальное, и экономическое неравенство, заставляет перемещаться массы людей в пока еще благополучные западные державы. Привносят опасения изменения климата, увеличение штормов, наводнений, периодов засухи, лесных пожаров, а главное – социальных конфликтов. Д.И. Дубровский, выступая сторонником идей трансгуманизма в целом и движения Р-2045, в частности, приводит список бедствий, угрожающих человечеству и требующих немедленных действий, составленных 2700 экспертами из 30 стран мира, среди которых уничтожение лесов, фактор глобального потепления, появление новых опасных инфекционных заболеваний, как для людей, так и для растений, эскалация военных конфликтов, оборачивающихся не только тысячами смертей, но и глобальными экологическими катастрофами, растущий уровень преступности⁷¹¹.

Неоспоримо, что с серьезностью этих угроз нельзя не согласиться, но только остается под вопросом, каким образом идеи продления жизни человека или кибернетического бессмертия способны их решить? С помощью пересадки сознания в компьютер, как в апокалиптическом фильме «Превосходство»⁷¹²? А может, поможет крионика – всех заморозим до пробуждения (если капсулы не разгерметизируются) в чудном мире «чужих»? Очевидно ли это всем, или не всем и не совсем, но, сомнительно, что объективные глобальные угрозы решит радикальная трансформация идентичности субъекта путем его усыпления в

⁷¹¹ Дубровский Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 214–220.

⁷¹² Научно-фантастический фильм 2014 года режиссера Уолли Пфистера. После покушения радикалов из антитехнологической группировки перед смертью сознание выдающегося специалиста в системах искусственного интеллекта Уилла Кастера (в его роли – Джонни Депп) загружается в суперкомпьютер, что приводит к непоправимым последствиям в глобальном масштабе.

криокамере или оцифровки «пойманного» в мозге технотронными сетями сознания.

Как никогда раньше особую тревогу вызывают проблемы перенаселения многих стран «третьего мира», спровоцированные внедрением западных медицинских технологий, на порядок сокративших детскую *естественную* смертность. Их игнорирование, в совокупности с нехваткой питьевой воды и продовольствия, может привести к катастрофе планетарного масштаба. Вспомним «Инферно», фантастический беллетристический роман Дэна Брауна, в котором литературный герой – биолог, отошедший от идей трансгуманизма, распространяет разработанный им вирус, спорадически ограничивающий способности к зачатию людей, тем самым, путем пандемии, предотвращает ад – Инферно – гибель человечества в борьбе за ресурсы. Вопрос, если посмотреть объективно, так ли гуманистичен трансгуманизм? И нельзя сбрасывать со счетов, что замалчивание проблем народов в неблагоприятных странах, говорит о том, что трансгуманисты хотят решить эти «вопросы» в рамках цивилизации западного типа, а может и только для избранных тысяч своих сторонников из «золотого миллиарда».

Реймонд Курцвейл прозрачно об этом писал: «Машинная производительность мозга» человека будет удваиваться каждый год. Люди-машины будут обрабатывать информацию в сотни раз быстрее своих биологических предшественников, никогда не ощущая усталости. Наши полупроводниковые потомки почувствуют себя королями Вселенной и завоюют ее. А старое доброе человечество, превратившееся в устаревшие модели, обречено⁷¹³. Вопрос, кем будут эти потомки? Потомки миллиардов индусов и африканцев, сотен миллионов вьетнамцев, или украинцев, албанцев, молдаван? Простой, очевидный вопрос, но его, почему-то, не принято задавать – *кто они?* И когда трансгуманизм рвется в политику, то появляется конкретика, и среди тезисов уже упоминавшегося выше кандидата в президенты США от трансгуманистов Золтана Иствана есть следующие слова: «Тем людям, которых

⁷¹³ Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. New York, 2006.

сочтут недостойными в силу ряда причин, среди которых он указал отсутствие жилья, криминальное прошлое и бедность, не будет позволено рожать детей до тех пор, пока они не докажут, что смогут быть подходящими родителями»⁷¹⁴. Естественно, у элиты, пиши равно, у трансгуманистов, проблем не будет как с потомками, так и с вечной жизнью. Идея выдавать лицензию на рождение детей далеко не новая.

Как отмечала И.А. Асеева, «современная антропоморфизация интеллектуальных технологий является довольно рискованной идеей, поскольку может спровоцировать конфликт “разумных” машин и человечества»⁷¹⁵. По сути, налицо очередная версия социал-дарвинизма – выживает сильнейший, то есть мир предполагается поляризовать на хозяев киборгов и людей-рабов. Критика трансгуманизма основывается на проведении параллелей между трансгуманизмом и евгеникой, согласно утверждениям которой сильные должны процветать и развиваться, в то время как слабые – отсеиваться и уничтожаться. В статье «Трансгуманизм: техноевгеника узурпирует человечество» Зен Гарднер обосновывает, что трансгуманизм по своей сути – евгеника. «Это отъём человечности у самого человечества в угоду правящей клике». И далее: «Публику наставляют на путь любви к идеям трансгуманизма, избегая утверждений о его направленности на отдельную расу или этнос. Публике говорят о совершенствовании всего человечества. Это как раз неправда. Элита трансгуманистов не имеет ни малейшего намерения “развивать” всё человечество. Их единственная цель – совершенствование своих родословных, оставляющая остальных несчастных за бортом без права выбора. Последним уготована участь рабов, подопытных и рабочей силы»⁷¹⁶. Таким образом, постчеловек, согласно З. Гарднеру – вовсе не то же самое, что человек. Это другие существа, которые, не

⁷¹⁴ Золтан Ишван: Необходимо запретить рожать «недостойным» [Электронный ресурс] // REF News. 2014. URL: <http://www.refnews.ru/read/article/785961>

⁷¹⁵ Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. 2017. № 1. С. 131.

⁷¹⁶ Gardner Z. Transhumanism - Techno-Eugenics Usurping Humanity [Electronic resource] // The Dayly Sheeple. 2012. URL: http://www.thedailysheeple.com/transhumanism-techno-eugenics-usurping-humanity_072012. Цит. по: Дмитриева Л.Д. Освещение феномена трансгуманизма в России // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 10(14). С. 34.

являясь прямыми родственниками оставшимся людям, заинтересованны только в эксплуатации последних. Есть также мнения, что переход к трансгуманизму будет сопровождаться глобальной войной невиданных масштабов. Предполагается, что вряд ли обычные люди (последние люди) будут терпеть рядом с собой сверхлюдей (постлюдей, киборгов, людей-роботов, нелюдей), а сверхлюди будут терпеть людей обычных, особенно учитывая, что последние обладают слишком мощным для их статуса оружием – ядерным. Война между развитыми близкородственными видами – это, как правило, война на тотальное истребление⁷¹⁷. Дивергенция людей и киборгов вырисовывается как неизбежная и ужасная перспектива. Вспоминаются фантастические слова А. Азимова: «Люди способны терпеть бессмертного робота – не все ли равно, как долго машина сохраняется в рабочем состоянии? Но они не способны смириться с бессмертием человека, поскольку мысль об их личной смерти переносима только потому, что это общая участь»⁷¹⁸. Обобщает опасения последствий светлого постгуманистического будущего предостережение Донны Харауэй⁷¹⁹, что любая «трансценденталистская» идеология, обещающая «выход из истории, способ преодоления смерти», содержит семена самосовершающегося апокалипсиса. Что нам необходимо сегодня больше, чем когда-либо, так это глубокое, постоянное ощущение зыбкости нашей жизни, что все мы действительно умрем, что наша Земля действительно имеет пределы, что во Вселенной не существует других планет, на которых мы могли бы жить, и что скорость освобождения – это опасная фантазия⁷²⁰.

Два рассмотренных выше радикала отношений человека и технологий – неолуддизм и трансгуманизм – не могут предложить действенных механизмов адаптации человека к технологическим трансформациям информационного общества, и главная причина заключается в декларируемом наличии дисбаланса между технологиями и человеком. Простой, но при этом очень гуманитарно

⁷¹⁷ Там же.

⁷¹⁸ Азимов А. Двухсотлетний человек // Миры Айзека Азимова. Пер. с англ. «Полярис». М., 1996-1997. Т.1. С. 666.

⁷¹⁹ Донна Харауэй – профессор кафедры феминистских исследований в университете Калифорнии, Санта-Крус, США, феминистка, неомарксистка и постмодернистка.

⁷²⁰ Penley C., Ross A. Cyborgs at Large: Interview with Donna Haraway // Technoculture. Minneapolis, 1991. P. 16.

значимый вопрос не перестает задаваться: «является ли киборг монстром? И где заканчивается человеческое и начинается технология»⁷²¹. Если, в случае «неолуддизма», перевешивает чаша весов в сторону человека, но при этом он становится инвалидом, лишенным ставших привычными ему протезов-костылей-мышц-гаджетов, то в случае трансгуманизма оказывается более весомой чаша машин, обращая во благо своего прародителя достижения технологического прогресса, но с одним маленьким условием – человек должен стать киборгом, пройти таинство брачного союза с машиной (плод которого – Кибер-Франкенштейн?). Как уже отмечалось выше, идентичность в любом из этих вариантов развития событий испытывает смертоносный удар.

В контексте мировой философской традиции в противостоянии неолуддизма и трансгуманизма угадывается давний спор идей Парменида и Гераклита. «Греки не были склонны к умеренности ни в своих теориях, ни в своей практике. Гераклит утверждал, что все изменяется. Парменид возразил, что ничто не изменяется»⁷²². По сути в этом споре фигурирует фундаментальная проблема человеческого бытия, связанная с дихотомией темпоральных векторов его развития. С одной стороны, человек не склонен менять свою устоявшуюся идентичность и его приверженность к традиционным устоям, недоверие и даже враждебное отношение к новациям является здоровой и действенной охранительной реакцией. Здесь в качестве смыслообразующей выступает идея, восходящая к Пармениду, а также позднее описанная Маргарет Мид в контексте межпоколенческих связей⁷²³. Ею выделяются постфигуративная и кофигуративная модели идентификации, соотносимые, соответственно, с прошлым и настоящим, но не предполагающие и даже отрицающие любые изменения: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» – вот девиз этих типов культуры. Неолуддизм, как мировоззренческая позиция, не приемлющая технологический прогресс в силу опасений его последствий, соответствует парменидовской позиции. В свою

⁷²¹ Уайнсток Д. Постмодернизм с Сэмом Рэйми, или Как я научился не волноваться насчет теории и полюбил «Зловещих мертвецов» // Логос. 2014. № 5(101). С. 76

⁷²² Рассел Б. История западной философии. М., 1993. Т. 1. С. 63.

⁷²³ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. М., 1988. С. 322–361.

очередь трансгуманизм, нацеленный не только на кардинальные изменения, но и вообще связывающий изменения с благом, вписывается в парадигму Гераклита. Направленность на будущее описывается М. Мид в рамках префигуративной модели идентификации. Но если в постфигуративной и кофигуративной схемах присутствуют тенденции к застою, стагнации и, в конечном счете, деградации, то префигуративная модель несет в себе тоже свой «камень за пазухой» – неопределенность, неуверенность, неконтролируемость, следствием чего становится диффузия идентичности. «Будущее – достаточно эфемерная субстанция, оно просто может наступить (или не наступить) не в той форме, которую мы ожидаем, причем как объективно, так и субъективно, поэтому префигуративность имплицитно несет в себе экзистенциальный страх разочарования, потери реальной точки опоры»⁷²⁴. Трансгуманизм, отягощенный страхом человека перед непредсказуемостью грядущего, спасается от этого тревожного чувства сам и манифестирует спасение для других, прикрывая навязчивое экзистенциальное беспокойство ширмой из радужных прогнозов и многообещающих проектов, планов, деклараций, «дорожных карт» и «пятилеток». Сколько этих симулякров осталось до наступления момента «сингулярности» или до того, как пробьет час «вертикального прогресса»? Надеюсь, снос «хрущевок» к тому времени будет завершен, а «Москва-Сити» будет достроен.

Но существует третий вариант, который и будет отстаиваться в качестве предпочтительного. Выход из ситуации может быть в достижении баланса между человеком и машиной. Ключевыми понятиями здесь выступают соразмерность, гармония, и наконец, *идентичность*. Уже не идет речь ни о никакой сингулярности и ни о каких *разрывах, способных дивергировать человека и созданные им машины*. Сегодня нужно обосновывать необходимость гармонизации человека и технологий и пытаться найти возможные пути

⁷²⁴ Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 123.

осуществления этой задачи. Джон Нейсбит⁷²⁵ говорит, что «чем больше вокруг нас сложной техники, тем больше нам нужно человеческое»⁷²⁶. Он предлагает в качестве ключевой идеи сосуществования человека и технологий метафору: «высокая технология – глубокая гуманность», суть которой состоит в способности принять технологию, которая сохраняет нашу человечность, и отвергнуть технологию, которая грубо в нее вторгается, понять, как избежать отчуждения и изоляции, к которым вынуждают нас высокие технологии, осознать, что технология отнюдь не нейтральна, научиться знанию того, когда включить прибор и когда его выключить, а главное – не переставать придерживаться шкалы человеческих ценностей⁷²⁷. Нейсбит предлагает «полюбить» технологии, то есть пропустить ее сквозь призму человечности: «Полюбив технологию, мы будем очень осторожно к ней относиться. Мы не станем проявлять бесшабашность. Осознав суть проблем, и сделавшись восприимчивыми к чужому мнению, мы сможем вступить в диалог относительно будущего технологий. Мы начнем *воспитывать* власть технологии вместо того, чтобы отрицать ее (как это делают так называемые технофобы) или слепо бросаться в ее объятия (как это делают технофилы)»⁷²⁸. Речь о нейтральности отношений между человеком и технологиями уже не идет, речь идет *о согласии*.

Порожденная человеком техника должна быть гуманной, несмотря на стремление замкнуть на себя человека, а потом замкнуться на себе, вытеснив ненужное и несовершенное звено. Джарон Ланир также видит выход из тупика технологического эсхатологизма в предупреждении развития антигуманистической философии, наполнившей сетевую культуру трансгуманистическими идеями ноосферы и сингулярности. «Мы должны задумываться о том, какие цифровые основы закладываем сегодня, чтобы принести пользу будущим поколениям. Мы должны верить, что цивилизация переживет этот трудный век, и приложить некоторые усилия к созданию

⁷²⁵ Джон Нейсбит – американский писатель и футуролог.

⁷²⁶ *Нейсбит Дж. при участии Нейсбит Н. и Филиппа Д.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М., 2005. С. 83.

⁷²⁷ Там же, с. 39–41.

⁷²⁸ Там же, с. 8.

наилучшего из возможных миров для тех, кто унаследует наши достижения»⁷²⁹. Несмотря на кажущуюся легкость вхождения технологий в обыденную жизнь людей, к ним нужно адаптироваться. Процесс адаптации начинается с понимания глубокой связи человека и технологий. Хайдеггер писал: «Сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем»⁷³⁰. Быть может, предостережения Мартина Хайдеггера о том, что техника стала для европейского человека его судьбой, вызовом его бытию, поможет нам найти возможности избежать фатальных сценариев развития непростых отношений слишком технологизированных людей и слишком очеловеченных машин.

⁷²⁹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М., 2011. С. 39.

⁷³⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 221.

Заключение

Расширяясь технологически, человек трансформируется. Трансформация – процесс постепенный и даже незаметный, и в отличие от революции «в большей степени скрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в ее подсистемные части чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом»⁷³¹. Нельзя уснуть человеком и проснуться на следующий день киборгом, но и не стоит умалять значение очевидных фактов, говорящих о неуклонно возрастающей скорости и силе влияния сливающихся с человеком технологий на структуру его идентичности. Именно стремительность и масштабность технологической трансформации позволили М. Кастельсу характеризовать эти процессы как «революция»⁷³².

Революции, как и гении, не любят детей, особенно своих, – это эмпирически пройденный факт. Будущее – ящик Пандоры, который нельзя, увы, не открыть. Будущего не существует, настаивал Владимир Набоков в своих рассуждениях о времени, перекликающихся с прозой Марселя Пруста и с философией Мориса Мерло-Понти. Можно продолжить: если будущее существует, значит, завтра я умру. «Будущее – это шарлатан при дворе Хроноса»⁷³³, будущее, это революция, а как говорил Дантон, революция открывает сто тысяч вакансий. Но их соблазны будут стоить искусившемуся ими смерти. В идеале она придет быстро, технично и гуманно, например, в виде недолгого полета с башни Сан-Жак, или же мгновения свиста летящего на шею ножа машины-гильотины. Так и случилось с Дантоном, сказавшим перед казнью: «Немного больше или меньше крови на твоей машине, что за важность...»⁷³⁴. Когда нужно освободить места для новых кандидатов в светлое грядущее и открыть очередной список стажеров в «страну чудес», жизнь становится разменной монетой. Увы, «Революция, как бог Сатурн

⁷³¹ Миронов В.В. Современные трансформации в культуре. Спб., 2011.

⁷³² Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.

⁷³³ Набоков В. Ада, или Радости страсти. СПб., 2000. С.538.

⁷³⁴ Sanson C.H. Mémoires de Sanson: Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française, par Sanson, exécuteur des arrêts criminels. Paris, 1831. Vol. 2.

пожирает своих детей. Будьте осторожны, боги жаждут», так в отчаянии манифестировал П. Вернье⁷³⁵, также закончивший жизнь с отсеченной головой. Технологии остры и стремительны, как кромки топоров войны, как серпы гильотин правосудия и как лезвия не/без/опасных бритв повседневности.

«Ахиллесов» технологический прыжок и «черепашье» философское осмысление его последствий лежат в основе неконтролируемых социокультурных трансформаций. Сама постановка задачи выявления «черных ходов» и «червоточин» технологий уже является первым шагом в поиске механизмов адаптации человека к техногенной реальности информационного общества и предотвращения призраков технологических «гильотин». Предвосхитить и вскрыть последствия триумфального шествия умнеющих машин и стремительного вовлечения в это действие очарованного и покоренного человека – пожалуй, главная задача перспективных исследований в современных науках о человеке. Не так просто осуществить объективный анализ ставших частью субъекта объектов, и главная проблема, которая является определяющей для дальнейших исследований в данной области, состоит в выработке способов мирного сосуществования с далеко не нейтральной, как в позитивном, так и в негативном смысле технологической реальностью, окружающей жителей разросшейся до глобального масштаба «деревни» информационного мира.

В «Недовольстве культуре», ставя под сомнение возможность обеспечения подлинного счастья человека технологиями, Фрейд говорил очень современные слова: «Человек стал, так сказать, богом на протезах, величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставляют ему порой еще немало хлопот. Грядущие времена принесут новые, непредставимые сегодня плоды прогресса в этой области культуры, они сделают еще большим его богоподобие. Однако... мы не должны забывать, что при всем своем богоподобии современный человек не чувствует себя счастливым»⁷³⁶. Вопрос о том, сможет ли сделать счастливым человека сращивание с

⁷³⁵ Пьер Викторниен Вернье – французский политический деятель, революционер и выдающийся оратор; глава партии жирондистов.

⁷³⁶ Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 90.

технологиями, становится ключевым в понимании дальнейших путей развития технологического расширения человека. Что станет его результатом? Киборгизированные люди или очеловеченные киборги? Эта дилемма просто не оставляет выбора, напрочь элиминируя человеческую идентичность. И снова избитая всеми Сцилла технологического оптимизма и набившая оскомину Харибда алармистских прогнозов, смотря друг на друга, вождельно задают один и тот же вопрос – как же между нами проплыть? Но и в том, и в другом случае мы имеем дело с гипертрофированием «потаенности» техники. Оставаясь тайной с точки зрения понимания ее непостижимости или мечтой о ее познании и подчинении технологических достижений – техника всегда остается разделенной с человеком.

Вопрос о том, сможет ли сделать жизнь человека лучше сращивание с технологиями, превращение в киборга, становится ключевым в понимании дальнейших путей развития технологического расширения человека. Не стоит абсолютизировать мысль, что технология – это силлок, в который попал «киборгизированный кролик», он же НОМО TECHNOLOGICUS, расслабленный цифровым опиумом культуры информационного общества, но не следует и отделять мир машин от мира людей, наделяя первый эпитетом «виртуальный», а второй – «реальный», смешивая все вместе в компоте броского сочетания «виртуальная реальность».

К тому же, кроме объективной технологической виртуальности и субъективной человеческой реальности существует еще элементарная действительность, данность информационного общества, пронизанного технологиями, в котором наш мир обречен жить. Интуитивно мы понимаем, что избавление от телевизора, телефона, компьютера – от этих трех апостолов силы вторжения машин-слуг – не приведет нас к искомому балансу равновесия. Скорее всего, основой решения загадки «гордиевого узла» связки человек–машина станет следование принципу соразмерности. Но достичь гармонии в текучем, стремительно меняющемся социокультурном пространстве информационного общества не так просто. «Ведь сам человек меняется намного медленнее, чем

окружающий его мир. Кроме того, как всегда, мы все разные. Кто-то с энтузиазмом принимает все перемены, сам творит новый мир и с оптимизмом смотрит в будущее. Кто-то переполнен всевозможными страхами – страхом перемен (тропофобия), нового (неофобия) или страхом технического прогресса (технофобия). Первые ведут нас вперед, вторые бьют тревогу и заставляют задуматься о возможных опасностях этого пути. А подавляющее большинство – те, кто между этими полюсами, – как должное принимает все технические новинки, спокойно покупает новые гаджеты, скачивает полезные приложения, активно пользуется поисковиками и госуслугами и увлеченно играет в Pokemon Go, пока не надоест»⁷³⁷. И кто-то думает о пределах вхождения в жизнь тех же покемонов. И может быть, они не так особо нужны? Понимая неотъемлемую культурно-историческую потребность людей в технологических расширениях, еще раз повторим о необходимости достижения соразмерности технологий и человека с обязательным условием осознания их ненейтральности по отношению к нему.

Что касается решения проблемы адаптации к технологическим изменениям в информационном обществе и сохранения стабильных форм идентичности личности, то здесь выходом может стать достижение динамического равновесия, которое возможно путем непрерывного соотнесения базисных элементов, формирующих идентичность, и технологических трансформаций, оказывающих на нее перманентное воздействие. Для понимания идентичности в динамике социокультурного и технологического ускорения нами была предложена метафора «точка сборки», отражающая момент устойчивости и гармонии с собой личности в условиях ускорения технологических социокультурных трансформаций. Утверждение о фиксированности идентичности в мире «panta reu» кажется внутренне противоречивым, но понять смысл тождественности в изменчивости поможет пример феномена моды. Мода меняется, и это аксиома парадоксально отражает устоявшееся положение дел. При этом моде необходимо соответствовать, то есть выполнять ее требования буквально здесь и сейчас. Быть

⁷³⁷ Солдатова Г.У. Мы в новой реальности? // Дети в информационном обществе. 2016. № 3(25). С. 1.

модным значит оставаться модным, что означает меняться в соответствии с тенденциями. Мода – это показательная технология находки идентичности в согласии с тем, что последняя неизбежно будет меняться, но при этом она будет двигаться как процесс фиксации самоотождествления, как двигающаяся точка сборки, точка равновесия человека и мира.

Призма, через которую индивид информационного общества видит себя и взаимодействует с окружающим миром, это порожденные им технологии. Возможно, как не раз говорилось ранее, *ему и им* следует обрести некую гармонию («точку сборки»), подобную той, что была присуща древним грекам, для которых принципы соблюдения меры и «заботы о себе», реконструированные Мишелем Фуко, стали основой гармоничного сосуществования с телом, полисом и природой⁷³⁸. Идея соразмерности вдохновила их на создание памятников, до сих пор воспринимающихся как образец осмысленного единства человека и его творений. Они *не подавляют*. Наследниками гармоничных эллинов стали несоразмерные своим гигантским творениям римляне, подавившие сначала все Средиземноморье, а затем и себя. «Греческая душа и римский интеллект... Так различаются культура и цивилизация»⁷³⁹. Сегодня плод культуры западного типа – привязанность к технологиям, неся за собой соблазны легкой, а главное рефлексивно не осмысленной жизни, стремится распространиться в качестве господствующего вектора цивилизации на всю неожиданно ставшую обозримой, будто в придуманной М. Маклюэном «глобальной деревне», поверхности земного шара. Массово привитая инъекция неосмысленных технологий убивает самобытность идентичности НОМО TECHNOLOGICUS, и *последствия этих трансформаций не должны быть непоправимыми*.

⁷³⁸ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. Киев, 1998.

⁷³⁹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 164.

Библиография

1. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев; ред.: Е. С. Ивашкина, В. Г. Деткова. — М.: ВЛАДОС, 1994. — 336 с.
2. Автономова, Н.С. Возвращаясь к азам / Н.С. Автономова // Вопросы философии. — 1993. — №3. — С. 17–23.
3. Адорно, Т.В. Негативная диалектика / Т.В. Адорно. — М.: Научный мир, 2003. — 374 с.
4. Азимов, А. Двухсотлетний человек / А. Азимов // Миры Айзека Азимова; пер. с англ. «Полярис». — М.: Полярис, 1996–1997. — Т.1. — С. 621–667.
5. Алексеев, П.В. Философия: Учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. — 608 с.
6. Алексеева, И.Ю. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека / И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, В.В. Чеклецов // Вопросы философии. — 2013. — №3. — С. 12–21.
7. Антоновский, А.Ю., Емелин В.А. Инфообщество и механизмы адаптации к его структурам // Эпистемология & философия науки. — 2012. — №1. — Т. 31. — С. 90–107.
8. Артамонов, Г.Т. О концептуальной базе построения в России информационного общества / Г.Т. Артамонов, Б.В. Кристальный, И.Н. Курносов и др. // Информационное общество. — 1999. — №9. — С. 16–19.
9. Аршинов, В.И. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования в контексте парадигмы сложности / Под ред. проф. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. — М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2014. — С. 94–106.
10. Аршинов, В.И. Конвергирующие технологии в перспективе будущего человека / отв. ред. Г.Л. Белкина // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. — М.: Ленанд, 2012. — С. 262–273.

11. Асеева, И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада / И.А. Асеева // Эпистемология и философия науки. – 2017. - №1. – Т. 51. – С. 124-137.
12. Асмолов, А. Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире / А.Г. Асмолов, Г.А. Асмолов // Вопросы психологии. — 2009. — №3. — С. 3–15.
13. Асмолов, А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества / А.Г. Асмолов // Вопросы образования. — 2008. — №1. — С. 65–86.
14. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — 314 с.
15. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989. — С. 384–391.
16. Бауман, З. О проблеме искусственных границ / З. Бауман // Мыслить социологически: учеб. пособие. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — С. 187–204.
17. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. — 1995. — №4. — С. 133–154.
18. Бауман, З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социологический журнал. — 1994. — №4. — С. 70–79.
19. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
20. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 234–407.
21. Белинская, Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей / Е.П. Белинская // Образование личности. — 2016. — № 2. — С. 31–40.
22. Белинская, Е.П. Социальная психология личности: учеб. пособие / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 301 с.

23. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Отв. ред. П.С. Гуревич // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. — С.330–342.
24. Бердяев, Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. — 1989. — №2. — С. 147–162.
25. Бибихин, В.В. Узнай себя / В.В. Бибихин. — СПб.: Наука, 1998. — 577 с.
26. Бодрийяр, Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // Художественный журнал. — М., 1994. — №3. — С. 33–36.
27. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.
28. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — М.: Добросвет, 2012. — 258 с.
29. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — М.: ПОСТУМ, 2015. — 240 с.
30. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. — М.: Рудомино, 1995. — 174 с.
31. Борхес, Х.Л. Вавилонская библиотека / Х.Л. Борхес // Коллекция. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — С. 142–150.
32. Буданов, В.Г. Проблемы коэволюции антропо- и техносферы: квантово-синергетический подход / В.Г. Буданов // Разум, сложность, постнеклассика. — 2014. — №4. — С. 56–71.
33. Бурдьё, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдьё. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — 159 с.
34. Бурдьё, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё // Социология социального пространства. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 64–86.
35. Бьюкетмен, С. Конечная тождественность / С. Бьюкетмен // Комментарии. — 1997. — №11. — С. 177–199.

36. Бэкон, Ф. Новый органон / Ф. Бэкон // Сочинения в двух томах. — М.: Мысль, 1972. — Т. 2. — 582 с.
37. Вайнштейн, О. Б. Постмодернизм: история или язык? / О.Б. Вайнштейн // Постмодернизм и культура: материалы "круглого стола" // Вопросы философии. — 1993. — №3. — С. 3–7.
38. Васюков, В.Л. Нанотехнологии и проблема функционального описания технических артефактов // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы шестой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17–19 октября 2013 года). — Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново», 2013. — С. 20–28.
39. Вирильо, П. Бог, кибервойна и ТВ / П. Вирильо // Комментарии. — 1995. — №6. — С. 87–93.
40. Вирильо, П. Машина зрения / П. Вирильо. — СПб.: Наука, 2004. — 140 с.
41. Войскунский, А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики / А.Е. Войскунский // Universum: Вестник Герценовского университета. — 2013. — №4. — С. 88–90.
42. Войскунский, А.Е. Метафоры Интернета / А.Е. Войскунский // Вопросы философии. — 2001. — №11. — С. 64–79.
43. Вопросы социальной теории: научный альманах. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой. — М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. — Т.4. — 528 с.
44. Воронин, А.А. Миф техники / А.А. Воронин. — М.: Наука, 2004. — 198 с.
45. Гарфинкель, С. Все под контролем: кто и как следит за тобой / С. Гарфинкель. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 458 с.
46. Герасимова, И.А. Биомедицинские технологии как проблема истории и философии науки / И.А. Герасимова // Эпистемология и философия науки. — 2014. — №2. — С. 5–18.
47. Гибсон, У. Нейромант / У. Гибсон. — М.: АСТ; Спб.: Terra Fantastica, 2000. — 317 с.

48. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
49. Гиренюк, Ф.И. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делёза // Социо-Логос постмодернизма. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. — С. 215–234.
50. Гончаров, И.А. Обломов / И.А. Гончаров. — СПб.: Азбука-классика, 2010. — 640 с.
51. Горохов, В.Г. Основы философии техники и технических наук: учебник для студентов и аспирантов / В.Г. Горохов. — М.: Гардарики, 2007. — 335 с.
52. Гребенщикова, Е.Г. Биотехнонаука и границы улучшения человека / Е.Г. Гребенщикова // Эпистемология и философия науки. — 2016. — №2. — С. 34–39.
53. Гребенюк, О.С. Терминологический словарь / О.С. Гребенюк, М.И. Рожков. — М.: Педагогические технологии, 1999. — 178 с.
54. Гулыга, А.В. Что такое постсовременность? / А.В. Гулыга // Вопросы философии. — 1988. — №12. — С. 153–159.
55. Гуревич, А.Я. Представления средневекового европейца о пространстве и времени / А.Я. Гуревич // Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — С. 156–166.
56. Гуревич, П.С. Закономерности и социальная перспектива научно-технического прогресса / П.С. Гуревич // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С 3–30.
57. Гуревич, П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии / Под. ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой // Вопросы социальной теории: научный альманах. Человек в поисках идентичности. — М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. — Т.4. — С. 63–87.
58. Гусева, Е.С. Новые мифологемы современного сознания: симулякры (к проблеме деструкции бинаризма) / Е.С. Гусева // Вестник НГУ. Серия: Психология. — 2011. — Т.5. — Вып.2. — С. 63–69.

59. Дайзард, У. Наступление информационного века / П.С. Гуревич // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 343-344.
60. Декарт, Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом / Р. Декарт // Сочинения в двух томах. — М.: Мысль, 1994. — Том 2. — 640 с.
61. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — М.: Издательский центр «Академия», 1995. — 298 с.
62. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
63. Дери, М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков / М. Дери. — Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ Москва, 2008. — 478 с.
64. Джемс, У. Психология / У. Джемс; под. ред. Л.А. Петровской. — М.: Педагогика, 1991. — 368 с.
65. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс. — М.: Стройиздат, 1985. — 136 с.
66. Дмитриева, Л.Д. Освещение феномена трансгуманизма в России / Л.Д. Дмитриева // Научно-исследовательские публикации. — 2014. — №10(14). — С. 27–36.
67. Дубровский, Д.И. Биологическая основа познания и антропотехнологическая эволюция / отв. ред. В.А. Лекторский // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. — М.: ИФ РАН, 2014. — Ч. 2. — С. 5–25.
68. Дубровский, Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. — 2015. — №3. — С. 214–220.
69. Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. Социальные последствия развития Интернета и миф о величии электричества // Интернет. Общество. Личность. Тезисы доклад. Межд. Конф. — СПб.: Институт «Открытое общество», 1999. С. 162–163.

70. Дэвис, Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. — 480 с.
71. Емелин, В.А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2013. — №1. — С. 74–82.
72. Емелин, В.А. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2015. — №2. — С. 14–24.
73. Емелин, В.А. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2018. — №1. — С. 26–37. (принято в печать).
74. Емелин, В.А. Идентичность в информационном обществе / В.А. Емелин. — Канон+РОИ «Реабилетация». — Москва, 2017. — 360 с.
75. Емелин, В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11 / Емелин Вадим Анатольевич. — М., 1999. — 164 с.
76. Емелин, В.А. Кванторная механика телевидения / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2011. — №11. — С. 27–36.
77. Емелин, В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека / В.А. Емелин // Национальный психологический журнал. — 2013. — №1(9). — С. 62–70.
78. Емелин, В.А. Мобильная связь: факторы и механизмы воздействия на человека / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Credo new. — 2013. — №1(73). — С. 142–162.
79. Емелин, В.А. Проблема утраты и обретения идентичности в современном мире / В.А. Емелин // Личность. Культура. Общество. — 2012. — №1. — Т. 14. — С. 341–344.

80. Емелин, В.А. Психологические последствия развития информационных технологий / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Национальный психологический журнал. — 2012. — №1. — С. 81–87.
81. Емелин, В.А. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова // Психологическая наука и образование. — 2013. — № 1. — С. 171–180.
82. Емелин, В.А. Ризоморфная среда интернета и сетевой либерализм / В.А. Емелин // SCHOLA-2005. Сборник научных статей философского факультета МГУ. — М.: Социально-политическая мысль, 2005. — С. 43–48.
83. Емелин, В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе / В.А. Емелин // Национальный психологический журнал. — 2016. — №3(23). — С. 86–97.
84. Емелин, В.А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации / В.А. Емелин // Научный информационно-аналитический, культурно-просветительный журнал «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом». — 2009. — №2. — С. 133–142.
85. Емелин, В.А. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2016. — №8. — С. 115–125.
86. Емелин, В.А. Терроризм как радикальная реакция на глобальный кризис идентичности / В.А. Емелин // Национальный психологический журнал. — 2010. — №2(4). — С. 47–51.
87. Емелин, В.А. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2010. — №5. — С. 84–90.
88. Емелин, В.А. Трансформация натуральной географии: технологические и когнитивные карты / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. — 2014. — № 2. — С. 42–52.

89. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
90. Жислин, С.Г. Об острых параноидах / С.Г. Жислин. — М.: Московский научно-исследовательский невро-психиатрический институт им. П.Б. Ганнушкина, 1940. — 115 с.
91. Затонский, Д. Постмодернизм в историческом интерьере / Д. Затонский // Вопросы литературы. — 1996. — №3. — С. 182–205.
92. Зверев, А. Черепаха Квази / А. Зверев // Вопросы литературы. — 1997. — №3. — С. 3–23.
93. Зинченко, В. П. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. — М.: Тривола, 1994. — 304 с.
94. Зинченко, Ю.П. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С.Выготского– А.Р.Лурия / Ю.П. Зинченко, Е.И. Первичко // Национальный психологический журнал. — 2012. — №2(8). — С. 32–45.
95. Зинченко, Ю. П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности / Ю.П. Зинченко // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2007. — №4. — С. 3–7.
96. Зинченко, Ю.П. Технологии виртуальной реальности в системе постнеклассической психологии / Ю.П. Зинченко // Мир психологии. — 2013. — №1(73). — С. 31–42.
97. Зинченко, Ю. П. Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России: в 2 т. / Под ред. Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой. — М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016. — Т.1. — 222 с.
98. Зинченко, Ю. П. Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России: в 2 т. / Под ред. Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой. — М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016. — Т.2. — 245 с.
99. Зыбайлов, Л.К. Постмодернизм: учеб. пособие / Л.К. Зыбайлов, В.А. Шапинский. — М.: Прометей, 1993. — 103 с.

100. Иванов, Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. — 96 с.
101. Иванов, Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений / Д.В. Иванов. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. — 212 с.
102. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. / И.П. Ильин. — М.: Интрада, 1996. — 256 с.
103. Ильин, И.П. Постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс // Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины: энцикл. справ. / Науч. ред., сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Интрада, 1999. — С. 114–117.
104. Иноземцев, В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире / Под ред. В.Л. Иноземцева // Новая постиндустриальная волна на западе. Антология. — М.: Academia, 1999. — С. 3–64.
105. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В.Л. Иноземцев. — М.: Логос, 2000. — 304 с.
106. Исмагилов, С. Мусульмане Европы / С. Исмагилов // Газета «Аррайд». — 2001. — Июнь. — №6(31).
107. История и философия науки: энциклопедический словарь / Отв. ред. Е. В. Гутов. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского Гос. Гуманитарного Ун-та, 2010. — 342 с.
108. История философии: энциклопедия / Под ред. А.А. Грицанова. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. — 1376 с.
109. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П.Д. Тищенко) // Вопросы философии. — 2015. — №3. — С. 214–220.
110. Капп, Э. Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. — Л.: Прибой, 1925. — 192 с.

111. Карабанова, О.А. Прежде всего, мы формируем гражданскую идентичность / О.А. Карабанова // Образовательная политика. — 2010. — №1–2. — С. 9–14.
112. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза — М.: Алгоритм, 2001. — 830 с.
113. Карасев, Л.В. Сегодня и завтра. Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» / Л.В. Карасев // Вопросы философии. — 1993. — №3. — С. 12–16.
114. Касавин, И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология / И.Т. Касавин. — М.: Весь мир, 2016. — 265 с.
115. Кастельс, М. Галактика Интернет / М. Кастельс. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
116. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
117. Кастельс, М. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / М. Кастельс, П. Химанен. — М.: Логос, 2002. — 224 с.
118. Качинский, Т. Индустриальное общество и его будущее. Манифест унабомбера / Т. Качинский — СПб.: Революция, 2006. — 148 с.
119. Киященко, Л.П. Опыт философии трансдисциплинарности («казус биоэтика») / Л.П. Киященко // Вопросы философии. — 2005. — №8. — С. 105–117.
120. Князева, Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса / Е.Н Князева. — М.: Институт философии РАН, 1995. — 228 с.
121. Князева, Е.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е.П. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. — 1992. — №12. — С. 3–20.
122. Козловски, П. Культура постмодерна / П. Козловски. — М.: Республика, 1997. — 240 с.

123. Косиков, Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Ролан Барт. Избранные работы: семиотика, поэтика / Сост., общ. ред и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
124. Красильщиков, В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории / В.А. Красильщиков // Общественные науки и современность. — 1993. — №2. — С. 165–175.
125. Кроузер, А. Телевидение и торжество культуры / А. Кроузер, Д. Кук // Комментарии. — 1997. — №11. — С. 159–168.
126. Культурология XX век. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред., сост и авт. Проекта С.Я. Левит. — СПб.: Университетская книга, 1998. — 893 с.
127. Курносов, И.Н. Информационное общество: планы и программы зарубежных стран / И.Н. Курносов. — М.: Книжный мир, 1997. — 217 с.
128. Ланир, Дж. Вы не гаджет. Манифест / Дж. Ланир; пер. с англ. М. Кононенко. — М.: Астрель, Corpus, 2011. — 320 с.
129. Лейбин, В.М. Словарь-справочник по психоанализу / В.М. Лейбин. — М.: АСТ, 2010. — 956 с.
130. Лекторский, В.А. Современные технологии и человеческие ценности / Отв. ред. Г.Л. Белкина // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. — М.: URSS, 2012. — С. 252–261.
131. Лем, С. Сумма технологии / С. Лем. — М.: Текст, 1996. — 462 с.
132. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
133. Лиотар, Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. — М.: Инион РАН, 1995. — С. 168–184.
134. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — М.: Прогресс, 1988. — 160 с.
135. Лисеев, И.К. Вместо заключения. Высокие технологии в контексте изменения регулятивов культуры / Отв. ред. В.С. Степин, И.К. Лисеев и др. // Высокие технологии и современная цивилизация. — М.: ИФРАН, 1999. — С. 126–129.

136. Ллойд, Дж. Книга цитат / Дж. Ллойд, Дж. Митчинсон. — М.: Фантом Пресс, 2012. — 512 с.
137. Лосик, Г.В. Лемма об антропогенной природе информационных технологий / Г.В. Лосик // Наука и инновации. — 2013. — №5(123). — С. 61–65.
138. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
139. Луман, Н. Медиа коммуникации / Н. Луман. — М.: Логос, 2005. — 280 с.
140. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. — М.: Праксис, 2005. — 256 с.
141. Лысак, И.В. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры / И.В. Лысак, Л.Ф. Косенчук. — М.: Издательство «Спутник +», 2016. — 147 с.
142. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре. — М.: Астрель, 2012. — 219 с.
143. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. — К.: Ника-Центр, 2003. — 432 с.
144. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. — М.: Академический проект, Фонд «Мир», 2005. — 496 с.
145. Маклюэн, М. Понимание медиа. Внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М.: Гиперборей, Кучково Поле, 2003. — 464 с.
146. Малахов, В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М., 2001. — Т. 3. — С. 78–79.
147. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие / Л. Мамфорд. — М.: Логос, 2001. — 416 с.
148. Мамчур, Е.А. Фундаментальная наука и современные технологии / Е.А. Мамчур // Вопросы философии. — 2011. — №3. — С. 80–89.
149. Марквард, О. Эпоха чуждости миру? / О. Марквард // Отечественные записки. — 2003. — № 6. — С. 139–148.
150. Маркс, К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Издательство политической литературы, 1955. — Т. 4. — 616 с.

151. Маркс, К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Издательство политической литературы, 1958. — Т. 12. — 771 с.
152. Маркс, К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Издательство политической литературы, 1960. — Т. 23. — 908 с.
153. Маркс, К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Издательство политической литературы, 1963. — Т. 30. — 757 с.
154. Маркс, К. Сочинения: тома 40–50 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — Т. 46. — Ч. II. — 245 с.
155. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. — М.: REFL-book, 1994. — 368 с.
156. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. / Г. Маркузе. — Киев: ИСА, 1995. — 352 с.
157. Мартынов, К. Семейный альбом для одиночки / К. Мартынов // Дети в информационном обществе. — 2015. — № 21. — С. 20–27.
158. Мелик-Гайказян, И.В. Информационные процессы и реальность / И.В. Мелик-Гайказян. — М.: Наука, Физматлит, 1997. — 192 с.
159. Мелик-Шахназаров, А. Олимпионик из Артаксаты / А. Мелик-Шахназаров. — М.: Физкультура и спорт, 1986. — 128 с.
160. Мелюхин, И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1999. — 308 с.
161. Мид, М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями / М. Мид // Культура и мир детства. — М.: Наука, 1988. — С. 322–361.
162. Миронов, В.В. Современные трансформации в культуре / В.В. Миронов. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 208 с.
163. Моисеев, Н.Н. Информационное общество: возможность и реальность / Сост. А. Лактионов // Информационное общество: сб. М.: АСТ, 2004. С. 428–451.
164. Момджян, К.Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие / К.Х. Момджян. — М.: Высш. Шк, КД «Университет», 1997. — 448 с.

165. Набоков, В. Ада, или Радости страсти / В. Набоков. — СПб.: Симпозиум, 2000. — 667 с.
166. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. — М.: Прогресс, 1981. — 232 с.
167. Научные и методологические проблемы информационной безопасности: сборник статей / под ред. В.П. Шерстюка. — М.: МЦНМО, 2004. — 208 с.
168. Негодаев, И.А. На путях к информационному обществу / И.А. Негодаев. — Ростов-на-Дону: Изд-во ДГТУ, 1999. — 247 с.
169. Нейсбит, Дж. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Дж. Нейсбит; при участии Н. Нейсбит, Д. Филиппа. — М.: АСТ, 2005. — 381 с.
170. Никифоров, А.Л. Наука и ее роль в развитии человечества / Под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина // Наука и социальная картина мира: к 80-летию акад. В.С. Стёпина. — М.: Альфа-М, 2014. — С. 327–346.
171. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше; пер. с нем. Р.А. Рачинского // Сочинения в 2-х томах. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. С. — 47–157.
172. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого / Ф. Ницше; пер. с нем. Ю.М. Антоновского // Сочинения в двух томах. — М., 1990. — Т. 2. — С. 5–237.
173. Новиков, В.И. В поисках определения / В.И. Новиков // Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 1993. — №3. — С. 7–9.
174. Носов, Н.А. Виртуальная психология / Н.А. Носов. — М.: Аграф, 2000. — 432 с.
175. Орлова, Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой // Вопросы социальной теории: научный альманах. Человек в поисках идентичности. — М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. — Т.4. — С. 87–111.

176. Паланик, Ч. Бойцовский клуб / Ч. Паланик. — М.: АСТ, 2014. — 256 с.
177. Панарин, А.С. Политология / А.С. Панарин. — М.: Проспект, 1997. — 408 с.
178. Пантин, В.И. Ритм общественного развития и переход к постмодерну / В.И. Пантин // Вопросы философии. — 1998. — №7. — С. 3–6.
179. Пенн, М. Дж. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / М.Дж. Пенн, К.Э. Залесн. — М.: АСТ, 2009. — 240 с.
180. Печенкин, А.А. Проблема концептуального обоснования научного знания: классика и современность / А.А. Печенкин // Вопросы философии. — 1987. — №6. — С. 48–57.
181. Платон. Софист / Платон // Собрание сочинений в 4 т. — М.: Мысль, 1993. — Т. 2. — С. 275–345.
182. Платон. Федр / Платон // Собрание сочинений в 4 т. — М.: Мысль, 1993. — Т. 2. — С. 135–191.
183. Плешаков, В. А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве / В.А. Плешаков // Педагогическое образование и наука. — 2010. — №1. — С. 27–31.
184. Попова, О. Телесноориентированные технологии: трансформация интимности // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва): в 3 т. — М., 2015. — Т.3. — С.86–96.
185. Попова, О.В. Бессмертные машины // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек – NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования), сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. — С. 28–45.
186. Попова, О.В. Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФРАН (Москва): в 3 т. — М.: Научная мысль, 2015. — Т.3. — С. 86.

187. Попова, О.В. Интимные технологии и кризис социальности / О.В. Попова // Человек. — 2017. — №1. — С. 138–152.
188. Попова, О.В. «Фантастические» перспективы развития гуманитарного знания в свете развития технологий усовершенствования человека // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий). — Москва: URSS, 2016. — С. 164–174.
189. Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. — СПб.: Мирь, 2009. — 672 с.
190. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.
191. Психоаналитические термины и понятия: словарь / под ред. Э.М. Борнесса и Д.Ф. Бернарда. — М.: Независимая фирма «Класс», 2000. — 304 с.
192. Ракитов, А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях / А. И. Ракитов — М.: ИНИОН РАН, 1998. — 104 с.
193. Рассел, Б. История западной философии: в 2 т. / Б. Рассел. — М.: Миф, 1993. — Т. 1. — 512 с.
194. Рассел, Б. Мудрость Запада: Ист. исслед. зап. философии в связи с обществ. и полит. обстоятельствами / Б. Рассел. — М.: Республика, 1998. — 479 с.
195. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. — М.: Фаир Пресс, 2006. — 416 с.
196. Розанов, В.В. Опавшие листья (короб второй и последний) / В.В. Розанов // Уединенное. — М.: Политиздат, 1990. — С.203–370.
197. Розин, В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов: монография / В.М. Розин. — Йошкар-Ола: ПГТУ, 2016. — 279 с.
198. Рубанова, Т.Д. История библиотечного дела: Древний мир – Средние века – Эпоха Просвещения: учебное пособие / Т.Д. Рубанова. — Челябинск: ЧГАКИ, 2003. — 112 с.
199. Руссо, Ж.-Ж. Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты — М.: Наука, 1969. — С. 10–30.

200. Сандомирский, М. Культ публичности: почему «эпидемия» селфи рискует превратиться в эпидемию селфицида. Взгляд психотерапевта / М. Сандомирский // Дети в информационном обществе. — 2015. — №21. — С. 36–43.
201. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр // Сумерки богов. — М.: Издательство политической литературы, 1989. — С. 319–344.
202. Севальников, А.Ю. Техника как взыскание потаенного / Редкол.: Е.А. Мамчур и др. // Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки. — М.: ИФРАН, 2014. — С. 222–226.
203. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения: серия монографий «Научные проблемы безопасности и противодействия терроризму» / под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. — М.: МЦНМО, 2007. — 216 с.
204. Соколов, А.Г. Монтаж: телевидение, кино, видео / А.Г. Соколов. — М.: Изд-во А. Дворников, 2000. — Ч. 1. — 245 с.
205. Солдатова, Г.У. Мы в новой реальности? / Г.У. Солдатова // Дети в информационном обществе. — 2016. — №3(25). — С. 1.
206. Солдатова, Г.У. Содержание этнической идентичности: стереотипы и ценности / Г.У. Солдатова // Психологическое обозрение. — 1997. — №2(5). — С. 22–26.
207. Соловьев, А.В. Динамика культуры информационной эпохи / А.В. Соловьев. — Рязань: РГУ, 2009. — 228 с.
208. Соснин В.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ / В.А. Соснин, Т.А. Нестик. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — 240 с.
209. Степанов, С.С. Мобильная независимость / С.С. Степанов // Психологическая газета: Мы и Мир. — 2009. — № 6(154).
210. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. — М.: ИФРАН, 1994. — 274 с.

211. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. — 1989. — №10. — С. 3–18.
212. Степин, В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция) / В.С. Степин. — М. Прогресс–Традиция, 2000. — 744 с.
213. Степин, В.С. Философия науки и техники / В.С. Стёпин, В.Г Горохов, М.А. Розов. — М.: Гардарики, 1996. — 399 с.
214. Степин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. — СПб.: СПбГУП., 2011. — 408 с.
215. Стефаненко, Т.Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий / Т.Г. Стефаненко // Мир психологии. — 2004. — №3(39). — С. 38–43.
216. Стругацкий, А.Н. Волны гасят ветер / А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. — Наифа: Keshet Book Shop, 1986. — 212 с.
217. Сурнов, К. Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона / К.Г. Сурнов, А.Ш. Тхостов // Психологический журнал. — 2005. — Т.26. — №6. — С. 16–24.
218. Тавризян, Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации» / Г.М. Тавризян. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 216 с.
219. Тищенко, П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий / П.Д. Тищенко. — М.: ИФ РАН, 2001. — 177 с.
220. Тищенко, П.Д. К вопросу о внутреннем смысле inhancement technologies (ET) // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 19. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. — С. 59–69.
221. Тищенко, П.Д. Машина как антропопроекция (зонд) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 17. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. — С. 4–46.
222. Тищенко, П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и

- трансгуманистическая эволюция») / П.Д. Тищенко // Вопросы философии. — 2014. — №8. — С. 181–186.
223. Тищенко, П.Д. Человек-NBIC машина: истолкование смысла // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 13. Человек-NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, ИФРАН. — 2012. — С. 19–20.
224. Тоффлер, О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 250–275.
225. Тоффлер, О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 276–288.
226. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2010. — 784 с.
227. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2002. — 557 с.
228. Труфанова, Е.И. Человек в лабиринте идентичностей / Е.И. Труфанова // Вопросы философии. — 2010. — №2. — С. 13–22.
229. Турнье, М. Тело // Комментарии. — М., 1996. — №10. — С. 98–110.
230. Тхагапсоев, Х. Г. Проблема идентичности в когнитивно-эпистемологической системе культурологии // Альманах Научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурологии». Вып. I. — СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С.26–35.
231. Тхостов, А.Ш. Блеск и нищета трансгуманизма / Под ред. Г.Л. Белкина, М.И. Фролова // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. — М.: Ленанд, 2014. — С. 186–198.
232. Тхостов, А.Ш. Мобильные деспоты / А.Ш. Тхостов, В.А. Емелин // Дети в информационном обществе // Вопросы философии. — 2012. — №12. — С. 60–65.
233. Тхостов, А.Ш. Мотивация террориста / А.Ш. Тхостов, К.Г. Сурнов // Национальный психологический журнал. — 2007. — №1(2). — С.27– 32.
234. Тхостов, А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. — М.: «Смысл», 2002. — 287 с.

235. Уайнсток, Д. Постмодернизм с Сэмом Рэйми, или Как я научился не волноваться на счет теории и полюбил «Зловещих мертвецов» / Д. Уайнсток // Логос. — 2014. — №5(101). — С. 51–78.
236. Уваров, М.С. Человек в век телевидения, компьютера и интернета // Новый человек: воспитание и образование. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2003. — С. 58–71.
237. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. — М: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
238. Федотова, Н.Н. Глобализация и изучение идентичности / Н.Н. Федотова // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — №1. — С. 72–80.
239. Федотова, Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации / Н.Н. Федотова // Человек. — 2003. — №6. — С. 50–58.
240. Фейерабенд, П. Теоретическая необоснованность использования телескопа / П. Фейерабенд // Избранные труды по методологии науки. — М.: Прогресс, 1986. — С. 262–282.
241. Фидлер, Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы / Л. Фидлер // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. — М.: Ad Marginem, 1993. — С. 462–518.
242. Философия истории / под ред. А.С. Панарина. — М.: Гардарики, 1999. — 432 с.
243. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
244. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В.А. Лутченко. — М.: Инфра-М, 2005. — 576 с.
245. Флоренский, П.А. Органопроекция // Русский космизм: антология философской мысли. — М.: Педагогика-пресс, 1993. — С. 149–162.
246. Форд, М. Технологии, которые меняют мир / М. Форд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 272 с.
247. Франк, М. Политические аспекты нового французского мышления / М. Франк // Логос. — 1994. — №6. — С. 323–326.

248. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд // Психоанализ. Религия. Культура. — М.: Ренессанс, 1992. — С. 70–98.
249. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 256 с.
250. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2011. — 284 с.
251. Фуко, М. История сексуальности—III: Забота о себе / М. Фуко. — Киев: Дух и литература, Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. — 288 с.
252. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.
253. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М.Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления; пер. с нем. В.В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — С. 221–238.
254. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие: статья и выступления. М.: Республика, 1993. — С. 192–221.
255. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. — Томск: Издательство «Водолей», 1998. — 384 с.
256. Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970—2000». — Москва: РОССПЭН, 2005. — С. 322–377.
257. Хунинг, А. Первые германские философы техники // Философия науки и техники — природа и техника на пороге 3 тысячелетия: материалы международной конференции. — М.: РФО, 2005. — С. 261–262.
258. Цурина, И.В. Социально-политический контекст философии постмодернизма / И.В. Цурина. — М.: ИНИОН РАН, 1994. — 52 с.
259. Черных, А. Мир современных медиа / А. Черных. — М: Территория будущего, 2007. — 312 с.
260. Чудаков, А.П. Ложится мгла на старые ступени / А.П. Чудаков. — М.: Время, 2012. — 638 с.
261. Шалак, В.И. Логический анализ сети Интернет / В.И. Шалак. — М.: ИФРАН, 2005. — 96 с.

262. Шматко, Н.А. Предисловие. Блеск и нищета массмедиа // О телевидении и журналистике. — М.: Фонд научных изданий «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — С. 7–16.
263. Шпенглер, О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер. — М.: Мысль, 1993. — Т.1. — 667 с.
264. Шпенглер, О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. — М.: Юрист, 1995. — С. 454–496.
265. Шульга, Е.Н. Компьютерная герменевтика / Е.Н. Шульга // Вопросы философии. — 2007. — №2. — С. 97–106.
266. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Имя розы. — М.: Симпозиум, 1997. — С. 427–482.
267. Эко, У. Картонки Минервы / У. Эко. — М.: АСТ, 2015. — 448 с.
268. Эко, У. Маятник Фуко / У. Эко. — СПб.: Симпозиум, 1998. — 764 с.
269. Эко, У. Нулевой номер / У. Эко. — М.: АСТ, 2015. — 256 с.
270. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст / У. Эко // Интернет. — 1998. — №6–7. — С. 91–92.
271. Эрикссон, Э. Детство и общество / Э. Эрикссон. — СПб.: Речь, 2000. — 415 с.
272. Эрикссон, Э. Идентичность и утрата корней в наше время. Из цикла лекций «Инсайт и ответственность» / Под общ. ред. П.С. Гуревича // Философские сюжеты Эрика Эрикссона. — М.: Канон+, 2017. — С. 261–274.
273. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. — 344 с.
274. Эрикссон, Э. Эволюция и эго. Из цикла лекций «Инсайт и ответственность» / Э. Эрикссон // Философские сюжеты Эрика Эрикссона. — М.: Канон+, 2017. — С. 275–285.
275. Этциони, А. Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 293–315.
276. Юдин, Б.Г. Человек как объект технологических воздействий / Б.Г. Юдин // Человек. — 2011. — №3. — С. 5–20.

277. Юнгер, Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф.Г. Юнгер. — СПб.: Владимир Даль, 2002. — 564 с.
278. Ясперс, К. Современная техника // Новая технократическая волна на западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 119–146.
- Печатные издания на иностранных языках:***
279. Abrams, D., Hogg, M.A. Meta-theory: Lessons from Social Identity Research / D. Abrams, M.A. Hogg // Personality and Social Psychology Review. — 2004. — No 8(2). — Pp. 98–106.
280. Bell, D. The Coming of Postindustrial Society / D. Bell. — N.Y.: Random House, 1971. — 507 p.
281. Borel, E. Mécanique Statistique et Irréversibilité / E. Borel. — J. Phys, 1913. — 5e série. — Vol. 3. — Pp. 189–196.
282. Brzezinski, Z. America in the Technotronic Age / Z. Brzezinski // Encounter. — 1968. — Vol. XXX. — №1. — Pp. 16–26.
283. Brzezinski, Z.K. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era / Z.K. Brzezinski. — New York: The Viking Press, Inc., 1970. — 335 p.
284. Carter, T.J. I am What I Do, not What I Have: the Differential Centrality of Experiential and Material Purchases to the Self / T.J. Carter, T. Gilovich // Journal of Personality and Social Psychology. — 2012. — No 6. — Vol. 102. — Pp. 1304–1317.
285. Castells, M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. / M. Castells. — Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998, 2nd edition, 2010. — Vol. III. — 488 p.
286. Castells, M. The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. — Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998. — Vol. III. — 418 p.
287. Castells, M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells. — Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997, 2nd edition, 1997. — Vol. II. — 461 p.

288. Castells, M. *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture* / M. Castells. — Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997, 2nd edition, 2010. — Vol. II. — 488 p.
289. Castells, M. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture* / M. Castells. — Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. — Vol. I. — 556 p.
290. Castells, M. *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture* / M. Castells. — Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2010. — Vol. I. — 656 p.
291. Channell, D. F. *The Vital Machine: A Study of Technology and Organic Life* / D.F. Channell. — New York: Oxford University Press, 1992. — 216 p.
292. Clynes, M. *Cyborgs and Space* / M. Clynes, N. Cline // *Astronautics*. — 1960. — Pp. 27–31.
293. Crocetti, E. *The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). Italian validation and cross-national comparisons* / E. Crocetti, S.J. Schwartz, A. Fermani, W. Meeus. // *European Journal of Psychological Assessment*. — 2010. — No 26(3). — Pp. 172–186.
294. Diehl, D. *NeXTWORLD Interview: Alvin and Heidi Toffler* / D. Diehl // *NeXTWORLD*. — 1991. — Vol. I. — No 2. — Pp. 14–17.
295. Donner, J. *Research Approaches to Mobile Use in the Developing World: a Review of the Literature* / J. Donner // *The Information Society*. — 2008. — No 24. — Pp. 140–159.
296. Eddington, A. *The Nature of the Physical World: The Gifford Lectures* / A. Eddington. — New York: Macmillan, 1928. — 361 p.
297. Ellul, J. *The Technological Order* / J. Ellul; Ed. C.F. Stover // *The Technological Order*. — Detroit: Wayne State Univ. Press, 1963. — 394 p.
298. Ellul, J. *The Technological Society* / J. Ellul. — N.Y.: Vintage Books, 1965. — 449 p.

299. Esfandiary, M.F. (FM-2030). Are You a Transhuman?: Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World / M.F. Esfandiary. — N.Y.: Anno, 1989. — 227 p.
300. Est, R. van. Intimate Technology: The Battle for Our Body and Behavior / R. van Est; with the assist. of V. Rerimassie, I. van Keulen, G. Dorren. — The Hague: Rathenau Instituut, 2014. — 86 p.
301. Ewen, S. Captains of Consciousness: Advertising and the Social Roots of the Consumer Culture / S. Ewen. — New York: McGraw-Hill, 1976. — 416 p.
302. Firestone, Sh. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution / Sh. Firestone. — New York: William Morrow and Company, Inc., 1970. — 212 p.
303. Frager, R. Glossary of "Personality & Personal Growth" / R. Frager, J. Fadiman. — New York, London: Longmans, Green & Co, 5th ed., 2002. — 690 p.
304. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. — 264 p.
305. Giddens, A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration / A. Giddens. — Berkeley, CA: University of California Press, 1984. — 402 p.
306. Gomez, A. On the nature of identity fusion: insights into the construct and a new measure / A. Gomez, M.L. Brooks, M.D. Buhrmester, A. Vazquez, J. Jetten, W.B. Swann // Journal of Personality and Social Psychology. — 2011. — No 100(5). — Pp. 918–933.
307. Hall, E.T. The Silent Language / E.T. Hall. — N.Y.: Doubleday, 1959. — 240 p.
308. Hammet, F. Virtual reality / F. Hammet. — N.Y.: Straus Ed, 1993. — 208 p.
309. Haraway, D. J. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature / D.J. Haraway. New York: Routledge, 1991. — 290 p.
310. Heidegger, M. Identität und Differenz: Gesamtausgabe / M. Heidegger. — Pfullingen: Neske, 1957. — Vol. 11.
311. Hine, Th. Facing Tomorrow: What the Future Has Been, What the Future Can Be / Th. Hine. — New York: Knopf, 1991. — 264 p.

312. Hogg, M.A. Attitudes in Social Context: a Social Identity Perspective / M.A. Hogg, J.R. Smith // *European Review of Social Psychology*. — 2007. — Vol.18. — Pp. 89–131.
313. Hogg, M.A. Social Identity, Self-Categorization and the Communication of Group Norms / M.A. Hogg, S.A. Reid // *Communication Theory*. — 2006. — Vol. 16. — Pp. 7–30.
314. Hogg, M.A., Terry, D.J., White, K.M. A Tale of Two Theories: a Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory / M.A. Hogg, D.J. Terry, K.M. White // *Social Psychology Quarterly*. — 1995. — No 58(4). — Pp. 255–269.
315. Hudson, R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? / R.A. Hudson. — Honolulu, Hawaii: University Press of the Pacific, 2005. — 192 p.
316. Huxley, J. New Wine in New Bottles / J. Huxley. — N.Y.: Harper & Row, 1957. — 320 p.
317. Innis, H. Empire and Communications / H. Innis. — Toronto: Dundurn Press, 2007. — 288 p.
318. Innis, H. The Bias of Communication / H. Innis. — Toronto: University of Toronto Press, 2003. — 226 p.
319. Jaggar, A. Feminist Politics and Human Nature / A. Jaggar. — Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield Publishers, 1983. — 416 p.
320. Janelle, D.G. Central Place Development in a Time—Space Framework / D.G. Janelle // *Professional Geographer*. — 1968. — Vol. 20. — Pp. 5–10.
321. Kaiser, C.R. Group Identification and Prejudice: Theoretical and Empirical Advances and Implications / C.R. Kaiser, C.L. Wilkins // *Journal of Social Issues*. — 2010. — No 66(1). — Pp. 461–476.
322. Kapp, E. Grundlinien einer Philosophie der Technik / E. Kapp. — Braunschweig: G. Westermann, 1877. — 360 p.

323. Kroker, A. *Television and the Triumph of Culture* / A. Kroker, D. Cook // *The Postmodern Scene: Excremental Culture and Hyper-Aesthetics*. — New York: St. Martin's Press, 1986. — Pp. 270–279.
324. Kroker, A. *The Postmodern Scene: Experimental Culture and Hyper-Aesthetics* / A. Kroker, D. Cook. — Basingstoke: Macmillan, 1988. — 330 p.
325. Kurzweil, R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology* / R. Kurzweil. — New York: Penguin Books, 2006. — 672 p.
326. Licklider, J. C. R. *Man-Computer Symbiosis* / J.C.R. Licklider // *IRE Transactions on Human Factors in Electronics*. — 1960, Vol. HFE-1. — Pp. 4–11.
327. Lifton, R.J. *The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation* / R.J. Lifton. — New York: Basic Books, 1993. — 272 p.
328. Luyckx, K. *A Developmental Contextual Perspective on Identity Construction in Emerging Adulthood: Change Dynamics in Commitment Formation and Commitment Evaluation* / K. Luyckx, L. Goossens, B. Soenens // *Developmental Psychology*. — 2006. — No 42. — Pp. 366–380.
329. Luyckx, K. *Parenting, identity formation and college adjustment: a mediation model with longitudinal data* / K. Luyckx, B. Soenens, L. Goossens, M. Vansteenkiste // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. — 2007. — No 7(4). — Pp. 309–330.
330. Lynch, M.F. *The Self–Concept in Relationships* / N. Weinstein (Ed.) // *Human Motivation and Interpersonal Relationships: Theory, Research and Applications*. — New–York: Springer, 2014. — Pp. 121–135.
331. Macy, E. *Apache. The Man. The Machine. The Mission* / E. Macy. — New York: HarperCollins Publishers, 2009. — 400 p.
332. Madell, D. *Back from the beach but hanging on telephone? English adolescents' attitudes and experiences of mobile phone and the Internet* / D. Madell, S. Muncher // *Cyberpsychology and Behavior*. — 2004. — No 7(3). — Pp. 359–367.

333. Madell, D. Control over Social Interactions: an Important Reason for Young People's Use of the Internet and Mobile Phones for Communication? / D. Madell, S. Muncher // *Cyberpsychology and Behavior*. — 2007. — No 10(1). — Pp. 137–140.
334. Mandelbrot, B.B. *The Fractal Geometry of Nature* / B.B. Mandelbrot. — San-Francisco: W.H. Freeman and Company, 1982. — 470 p.
335. Marcia, J.E. Development and Validation of Ego-Identity Status / J.E. Marcia // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1966. — No 3. — Pp. 551–558.
336. Marcia, J.E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood / J.E. Marcia // *Identity*. — 2002. — No 2. — Pp. 7–28.
337. Masuda, Y. *The Information Society* / Y. Masuda. — Bethesda, MD: Bethesda, 1980. — 222 p.
338. McKimmie, B.M. Dissonance reduction in the context of group membership: the role of meta-consistency / B.M. McKimmie, D.J. Terry, M.A. Hogg // *Group Dynamics: Theory, Research and Practice*. — 2009. — 13(2). — P. 103–119.
339. Miller, B. Got a Minute? / B. Miller // *The New York Times*. — 1994. — April, 24th.
340. Penley, C. *Cyborgs at Large: Interview with Donna Haraway* / C. Penley, A. Ross // *Technoculture*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. — P. 1–20.
341. Rees, H. Mobile Phones, Computers and the Internet: Sex Differences in Adolescents' Use and Attitudes / H. Rees, J.M. Noyes // *Cyberpsychology and Behavior*. — 2007. — No 10(3). — Pp. 482–484.
342. Sanson, C.H. *Mémoires de Sanson: Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française, par Sanson, exécuté des arrêts criminels* / C.H. Sanson.— Paris, Chez les marchands de nouveautés, 1831. — Vol. 2.
343. Sartre, J.-P. *Critique de la raison dialectique: vol. 1* / J.-P. Sartre. — Paris: Gallimard, 1960. — 761 p.
344. Sartre, J.-P. *Critique de la raison dialectique: vol. 2* / J.-P. Sartre. — Paris: Gallimard, 1985. — 473 p.

345. Sassenberg, K. Group-Based Self-Regulation: the Effects of Regulatory Focus / K. Sassenberg, K. Woltin // *European Review of Social Psychology*. — 2008. — No 19. — Pp. 126–164.
346. Schwartz, S.J. *Handbook of Identity Theory and Research* / S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds). — New York: Springer, 2011. — 998 p.
347. Schwartz, S.J. Identity Status Measurement Across Contexts: Variations in Measurement Structure and Mean Levels Among White American, Hispanic American and Swedish Emerging Adults / S.J. Schwartz, L. Adamson, L. Ferrer-Wreder, F.R. Dillon, S. Berman // *Journal of Personality Assessment*. — 2006. — No 86(1). — Pp. 61–76.
348. Schwartz, S.J. Measuring Identity from Eriksonian Perspective: Two Sides of the Same Coin? / S.J. Schwartz, B.L. Zamboanga, W. Wang, J.V. Olthuis // *Journal of Personality Assessment*. — 2009. — No 91(2). — Pp. 143–154.
349. Shroff, M. «Do you know who I am?» — Exploring Identity and Privacy / M. Shroff, A. Fordham // *Information Policy*. — 2010. — No 15. — P. 299–307.
350. Sinclair, S. Self-Stereotyping in the Context of Multiple Social Identities / S. Sinclair, C.D. Hardin, B.S. Lowery // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2006. — No 90(4). — Pp. 529–542.
351. Srivastava, L. Mobile Phones and the Evolution of Social Behavior / L. Srivastava // *Behavior and Information Technology*. — 2005. — No 24(2). — Pp. 111–129.
352. Stelarc. Prosthetics, Robotics, and Remote Existence: Postevolutionary Strategies / Stelarc // *Leonardo*. — 1991. — Vol. 24. — No 5. — Pp. 591–595.
353. Stryker, S. Identity Theory and Personality Theory: Mutual Relevance / S. Stryker // *Journal of Personality*. — 2007. — No 75(6). — Pp. 1084–1101.
354. Suh, E.M. Culture, Identity Consistency, and Subjective Well-being / E.M. Suh // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2002. — Vol. 83. — Pp. 1378–1391.
355. Swann, W.B. Identity fusion: the Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior / W.B. Swann, A. Gomez, D.C. Seyle, J.F. Morales, C.

- Huici // Journal of Personality and Social Psychology. — 2009. — No 96(5). — Pp. 995–1011.
356. Tian, L. Why Does Half the World's Population Have a Mobile Phone? An Examination of Consumers' Attitudes toward Mobile Phones / L. Tian, J. Shi, Z. Yang // Cyberpsychology and Behavior. — 2009. — No 12(5). — Pp. 513–516.
357. Toffler, A. Future shock / A. Toffler. — New York: Random House, 1970. — 505 p.
358. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. — New York: Bantam Books, 1980. — 544 p.
359. Toulmin, S. The Return to Cosmology: Postmodern Science as the Theology of Nature / S. Toulmin. — Berkeley: University of California Press, 1982. — 283 p.
360. Touraine, A. La Société Postindustriale: Reliure Inconnue / A. Touraine. — Paris: Denoel, 1969. — 319 p.
361. van Zomeren, M. Introduction to Social and Psychological Dynamics of Collective Action / M. van Zomeren, A. Iyer // Journal of Social Issues. — 2009. — No 65(4). — Pp. 645–660.
362. Walsh, S.P. Me, My mobile and I: the Role of Self- and Prototypical Identity Influences in the Prediction of Mobile Phone Behavior / S.P. Walsh, K.M. White // Journal of Applied Social Psychology. — 2007. — No 37(10). — Pp. 2405–2434.
363. Welsch, W. Unsere postmoderne Modeme / W. Welsch. — Weinheim: VCH, Acta Humaniora, 1987. — 344 S.
364. Wilson, J.Q. Broken Windows / J.Q. Wilson, G.L. Kelling // The Atlantic Monthly. — 1982. — No 249(3). — Pp. 29–38.

Электронные ресурсы:

365. Андреева, Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] / Г.М. Андреева // Психологические исследования. — 2011. — №6(20) — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html>. — Дата обращения: 23.11.2014.

366. Барлоу, Дж.П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] / Дж.П. Барлоу // NetSago. — 2008. — Режим доступа: <http://netsago.org/ru/docs/print/3/0>. — Дата обращения: 18.10.2016.
367. Беды минувшие, беды грядущие. Интервью с Lohn Perry Barlow [Электронный ресурс] // FREE! MUSIC. — 2002. — Режим доступа: <http://ftp.altlinux.ru/pub/distributions/FreeMusic/2/barlow.htm> — Дата обращения: 18.10.2016.
368. Белинская, Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? [Электронный ресурс] / Е.П. Белинская // Психологические исследования. — 2015. — Т.8. — №40. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html>. — Дата обращения: 08.05.2016.
369. Белинская, Е.П. Пространство, населенное ДРУГИМИ [Электронный ресурс] / Е.П. Белинская, А.Е. Жичкина // Киберпсихология. Немного о психологии создателей и жителей Интернета. — 2011. — Режим доступа: http://ru-cyberpsy.blogspot.ru/2011/02/blog-post_2592.html. — Дата обращения: 21.11.2016.
370. Бизеев, А.Ю. Переход и переходность в культуре постмодерна. Философствование постмодернизма и современная культура [Электронный ресурс] / А.Ю. Бизеев // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — Режим доступа: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Bizeev/. — Дата обращения: 13.04.2016.
371. Бодрийяр, Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка Года [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр // Цифровая библиотека по философии. — 2010. — Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml>. — Дата обращения: 31.08.2016.
372. Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр; перевод с фр. А.Д. — журнал «KRISIS» // Арктогея, Элементы, №9. — 2000. — Режим доступа:

- <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=555>. — Дата обращения: 31.08.2015.
373. Бостром, Н. FAQ по трансгуманизму [Электронный ресурс] / Н. Бостром и другие // Российское трансгуманистическое движение. — 2011. — Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#posthuman/>. — Дата обращения: 30.13.2016.
374. Бурмистров, П. 1968: год великого перелома [Электронный ресурс] / П. Бурмистров, Д. Жутаев, Д. Великовский, Р. Хестанов, Г. Тарасевич // Эксперт Online. — 2008. — Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/. — Дата обращения: 02.09.2016.
375. Вассерман, А. Киборги не смогут стать частью человечества [Электронный ресурс] / А. Вассерман // Russia.ru. — 2013. — Режим доступа: <http://www.russia.ru/news/tech/2013/1/29/7522.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
376. Вербицкий, М. LJ: конец эпохи [Электронный ресурс] / М. Вербицкий // Русский журнал. — 2005г. — Режим доступа: <http://russ.ru/pole/LJ-konec-epochi>. — Дата обращения: 31.08.2016.
377. Виндж, В. Технологическая Сингулярность [Электронный ресурс] / В. Виндж // Компьютерра. — 2012. — Режим доступа: <http://old.computerra.ru/think/205650/>. — Дата обращения: 30.03.2016.
378. Восстание против машин: Краткая история луддизма [Электронный ресурс] // Furfur. — 2014. — Режим доступа: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/172069-vosstanie-protiv-mashin-kratkaaya-istoriya-luddizma>. — Дата обращения: 01.09.2016.
379. Гарифуллин, Р. Внебрачная мобильная связь и взрыв разводов [Электронный ресурс] / Р. Гарифуллин // Махпарк. — 2010. — Режим доступа: <http://maxpark.com/user/235247021/content/511376>. — Дата обращения: 05.08.2015.

380. Герасименко, А. Смартфоны портят нам позвоночник, вызывают боль в шее и заставляют грустить [Электронный ресурс] / А. Герасименко // Комсомольская Правда. — 2016. — Режим доступа: <http://amp.kp.ru/daily/26470.5/3340410/>. — Дата обращения: 26.11.2016.
381. Голби, Дж. «Текстовая шея» — явление, которое может погубить целое поколение [Электронный ресурс] / Дж. Голби // Vice. — 2014. — Режим доступа: <http://www.vice.com/ru/read/text-neck-is-a-real-thing-spine-damage-606>. — Дата обращения: 12.01.2015.
382. Горжалцан, Е. Технология уничтожения [Электронный ресурс] / Е. Горжалцан // Livejournal. — 2014. — Режим доступа: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>. Дата обращения: 18.10.2016.
383. Горюнова, О. Медиа: история экспансии. Курс лекций. Часть IV. Маршалл Маклюэн — пионер медиа теории: гений или идиот? [Электронный ресурс] / О. Горюнова // Гуманитарные технологии. — 2008. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3173>. Дата обращения: 31.08.2016.
384. Гройс, Б. Сейчас актуально спасение от будущего [Электронный ресурс] / Б. Гройс // The Prime Russian Magazine. — 2014. - №5(26). — Режим доступа: http://primerussia.ru/interview_posts/444. — Дата обращения: 15.01.2015.
385. Декларации независимости Киберпространства исполнилось 20 лет. [Электронный ресурс] // Geektimes. — 2012. — Режим доступа: URL: <https://geektimes.ru/post/270746/> — Дата обращения: 18.10.2016
386. Добрынин, С. Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект [Электронный ресурс] / С. Добрынин // Радио Свобода. — 2016. — Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/28166040.html>. — Дата обращения: 10.12.2016.
387. Драгунский, Д. Паноптикон. Отнимать и подглядывать [Электронный ресурс] / Д. Драгунский // Частный корреспондент. — 2009. — Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=10400>. — Дата обращения: 01.12.2015.

388. Драгунский, Д. Прекрасное и без того трудно. Музыка интерлюции [Электронный ресурс] / Д. Драгунский // Частный корреспондент. — 2013. — Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/prekrasnoe_i_bez_togo_trudno_28005. — Дата обращения: 31.08.2016.
389. Дубровский, Д.И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? [Электронный ресурс] / Д.И. Дубровский. // Взгляд. — 2012. — Режим доступа: <http://zmdosie.ru/chitalnyj-zal-zm/stati/1449-d-i-dubrovskij>. — Дата обращения: 30.10.2016.
390. Емелин, В.А. Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики [Электронный ресурс] / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Психологические исследования. — 2016. — Т. 9 — №45. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1233-emelin45.html>. — Дата обращения: 12.05.2016.
391. Емелин, В.А. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС) [Электронный ресурс] / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Психологические исследования. — 2012. — Т. 2. — №22. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/655-emelin22.html>. — Дата обращения: 05.07.2015.
392. Ибсорат, Р. Средства коммуникаций: инструмент, симбионт или паразит? [Электронный ресурс] / Р. Ибсорат // Livejournal. — 2010. — Режим доступа: <http://ibsorath.livejournal.com/152374.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
393. Ивлев, Ю. В. Наука и техника sub precise philosophie: новый учебник новый подход [Электронный ресурс] / Ю.В. Ивлев // Вестник государственного университета "Дубна". Серия "Науки о человеке и обществе". Электронный научный журнал. — 2016. — №1. — Режим доступа: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues/Ivlev.pdf>. — Дата обращения: 01.09.2017.

394. Илембитов, И. Дурная репутация в Сети может заставить человека сменить имя [Электронный ресурс] / И. Илембитов // РИА Новости. — 2010. — 17 августа. — Режим доступа: <http://ria.ru/technology/20100817/266137289.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
395. Инцест — социальная традиция Норвегии? [Электронный ресурс] // Русь-Фронт. — 2013. — Режим доступа: <http://www.rusfront.ru/5676-incest-socialnaya-tradiciya-norvegii.html>. — Дата обращения: 18.10.2016.
396. Исследование: две трети владельцев мобильных телефонов страдают "номофобией" [Электронный ресурс] // Вести.ru. — 2012. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=718480>. — Дата обращения: 23.03.2017.
397. Истван, З. Необходимо запретить рожать «недостойным» [Электронный ресурс] / З. Истван; пер. А. Углева // REF News. — 2014. — Режим доступа: <http://www.refnews.ru/read/article/785961>. — Дата обращения: 07.09.2016.
398. Ищенко, С. Новая амуниция солдат убивает надежнее вражеской пули [Электронный ресурс] / С. Ищенко // Свободная Пресса. — 2009. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/16179>. — Дата обращения: 04.04.2013.
399. К вопросу об эффективности населения. Миграция [Электронный ресурс] // Развитие России. — 2013. — Режим доступа: <http://razvitierossii.ru/content/editor/people/text/PrezentIlin.pdf?r=1392623605>. — Дата обращения: 03.09.2014.
400. Кислых, Д.Н. Селфи: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / Д.Н. Кислых // SCI-ARTICLE. — 2015. — №26. — Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1444770526>. — Дата обращения: 31.08.2016.
401. «#Киты» и «#явИгре». Хэштеги, опасные для детей [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. — 2017. — Режим доступа: http://www.aif.ru/society/people/kity_i_yavigre_heshtegi_opasnye_dlya_detey. — Дата обращения: 12.02.2017.
402. Клишин, И. Частный авторитаризм. Как Facebook и Google угрожают демократии [Электронный ресурс] / И. Клишин // Московский Центр

- Карнеги. — 2016. — Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/2016/09/09/ru-64518/j54x>. — Дата обращения: 30.10.2016.
403. Коваленко, Е. За что боролся, на то и напоролся. Или синдром Пьяцца Дуомо для Сильвио Берлускони [Электронный ресурс] / Е. Коваленко // Частный корреспондент. — 2009. — Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/za_chno_borolsya_na_to_i_naporolsya_13567. — Дата обращения: 17.11.2013.
404. Кон, И.С. Идентичность [Электронный ресурс] / И.С. Кон // Энциклопедия Кругосвет — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/IDENTICHNOST.html. — Дата обращения: 08.09.2016.
405. Конрад, Р. Беды минувшие, беды грядущие. Интервью с Lohn Perry Barlow / Р. Конрад. - 2002. - Режим доступа: <http://ftp.altlinux.ru/pub/distributions/FreeMusic/2/barlow.htm>. - Дата обращения: 18.10.2016.
406. Коровкин, В. Мышление «пользователя» беззащитно [Электронный ресурс] / В. Коровкин // Новая газета. — 2008. — Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/40767.html>. — Дата обращения: 18.10.2016.
407. Котрикадзе, Е. Сюжет телекомпании Имеди. Часть 2-ая [Электронный ресурс] / Е. Котрикадзе // LiveInternet. — 2010. — Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/michel_perm/post122727160/. — Дата обращения: 17.10.2016.
408. Красота требует жертв, или чем опасны "селфи" [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2014. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140630/1014185209.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
409. Крылов, А. Исламизация Европы: миф или реальность? [Электронный ресурс] / А. Крылов // Столетие. — 2009. — Режим доступа:

- http://www.stoletie.ru/geopolitika/islamizaciya_evropi_mif_ili_realnost_2009-01-30.htm. — Дата обращения: 15.04.2016.
410. Кудряшов, Н.Н. Любим — не любим... [Электронный ресурс] / Н.Н. Кудряшов // 33 плюс 1. — Режим доступа: http://www.33plus1.ru/Decor/Fine_Monumental_Art/ARTICLE/KORPUS3.htm. — Дата обращения: 31.08.2016.
411. Кузина, С. Человека сменит киборг [Электронный ресурс] / С. Кузина // Комсомольская правда. — 2004. — Режим доступа: <http://kp.ru/daily/23229/27078/>. — Дата обращения: 15.02.2014.
412. Курбанов, Р. Европейская цивилизация сначала высмеяла Бога, затем раздела своих женщин... [Электронный ресурс] / Р. Курбанов // Islam News. — 2010. — Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-24491.html>. — Дата обращения: 21.04.2016.
413. Лейбов, Р. Язык рисует Интернет [Электронный ресурс] / Р. Лейбов // Интернет. — 2012. — Режим доступа: <http://www.gagin.ru/internet/4/9.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
414. Леонтьев, Д. А. Идентичность [Электронный ресурс] / Д.А. Леонтьев, О.О. Савельева // Энциклопедия. — Режим доступа: <http://knowledge.su/i/identichnost->. — Дата обращения: 14.11.2013.
415. Ложкин, А. Миф о Прютт-Айго [Электронный ресурс] / А. Ложкин // Экспертный строительный портал. — 2014. — Режим доступа: <http://estp-blog.ru/rubrics/rid-5505/>. — Дата обращения: 23.10.2016.
416. Лушникова, М. Дружба с мобильником — признак депрессии [Электронный ресурс] / М. Лушникова // Правда.ру. — 2006. — Режим доступа: <https://www.pravda.ru/society/family/medicine/13-06-2006/87613-mobile-1/>. — Дата обращения: 13.11.2014.
417. Маклюэн, М. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY (1969г.) [Электронный ресурс] / Пер. К. Елфимова и группы переводчиков // Mcluhan.ru. — Режим доступа: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-intervyu-dlya-playboy-ch-2/>. — Дата обращения: 20.01.2014.

418. Манин, Д. Задушит ли коммерция утопию? [Электронный ресурс] / Д. Манин // Журнал. — 2012. — Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/4/utopia.htm>. — Дата обращения: 18.10.2016.
419. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» [Электронный ресурс] // Россия 2045. — 2011. — Режим доступа: <http://www.2045.ru/manifest/>. — Дата обращения: 30.03.2016.
420. Мания звонка [Электронный ресурс] // Психологический портал Anupsy.ru. — 2010. — Режим доступа: www.anupsy.ru/content/maniya-zvonka. — Дата обращения: 01.10.2013.
421. Мараховский, В. Без доблести, без подвигов, без славы [Электронный ресурс] / В. Мараховский // УМ+. — 2016. — Режим доступа: <https://um.plus/2016/09/28/bez-doblesti-bez-podvigov-bez-slavy/>. — Дата обращения: 31.10.2016.
422. Марквард, О. Эпоха чуждости миру [Электронный ресурс] / О. Марквард. // Отечественные записки. — 2003. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru>. — Дата обращения: 07.12.2008.
423. Места в очереди за iPhone 7 продавали за 50 тысяч рублей [Электронный ресурс] // Рен. — 2016. — Режим доступа: <http://ren.tv/novosti/2016-09-23/mesta-v-ocheredi-za-iphone-7-prodavali-za-50-tysyach-rublej>. — Дата обращения: 28.09.2016.
424. Мин, И. Мы смотрим на мир через зеркало заднего вида»: интервью Маршалла Маклюэна журналу Playboy [Электронный ресурс] / И. Мин; перевод К. Елфимова и группы переводчиков // Theory&Practice. — 2013. — Режим доступа: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy. — Дата обращения: 31.08.2016.
425. Мирошниченко, А. Замени мозг смартфоном, или Как стать Юлием Цезарем [Электронный ресурс] / А. Мирошниченко. — 2013. — Режим доступа: <http://www.mcluhan.ru/about-media/zameni-mozg-smartfonom-ili-kak-stat-yuliem-cezarem/>. — Дата обращения: 11.07.2015.

426. Мишустин, Н.Н. Всех детей под тотальный контроль [Электронный ресурс] / Н.Н. Мишустин // Наш дом – наша крепость! — 2012. — Режим доступа: http://nezavisroditeli.ucoz.ru/publ/personalnye_dannye/personalnye_dannye/vsekh_h_detej_pod_totalnyj_kontrol/18-1-0-17. — Дата обращения: 26.05.2016.
427. Мурсалиева, Г. Группы смерти [Электронный ресурс] / Г. Мурсалиева // Новая газета. — 2016. — №51. — Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/73089.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
428. Мусвик, В. Фотофальсификации. Расследование: не ври своим глазам [Электронный ресурс] / В. Мусвик // Обозреватель. — 2009. — Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/news/2007/7/3/178112.htm>. — Дата обращения: 31.08.2016.
429. Невеев, А. Симулякр, или как продать дырку от бублика? [Электронный ресурс] / А. Невеев // Livejournal. — 2013. — Режим доступа: <http://neveev.livejournal.com/19935.html>. — Дата обращения: 21.01.2014.
430. Ня.Пока: Рина Паленкова [Электронный ресурс] // Memeredia. — 2015. — Режим доступа: <http://memeredia.ru/nya-roka/>. — Дата обращения: 08.09.2016.
431. Порно в России и в мире. Инфографика [Электронный ресурс] / Сноб. — 2017. — Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/127995>. — Дата обращения: 17.08.2017.
432. Почепцов, Г. Новые медиатеории: Гарольд Иннис [Электронный ресурс] / Г. Почепцов. — 2016. — Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/newmedia3.htm>. — Дата обращения: 31.10.2016.
433. Простаков, С. Самый кровопролитный конфликт после Второй мировой — Вторая конголезская война [Электронный ресурс] / С. Простаков. — 2014. — Режим доступа: http://rusplt.ru/fact/facts_13302.html. — Дата обращения: 17.10.2016.
434. Протезы дают Оскару Писториусу явное и существенное преимущество в забегах на короткие дистанции [Электронный ресурс] // Спортивная

- Медицина. — 2009. — Режим доступа: www.sportmedicine.ru/news_science/pistorius.php. — Дата обращения: 18.10.2016.
435. Пятерка животных, которые баллотировались на пост мэра... и выиграли! [Электронный ресурс] // Интернет-блог. — 2012. — Режим доступа: www.kukharski.net/interesting/pyaterka-zhivotnyx-merov.html. — Дата обращения: 31.08.2016.
436. Рассказова, Е. И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода [Электронный ресурс] / Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Психологические исследования. — 2012. — Т.5. — №26. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771-rasskazova26.html>. — Дата обращения: 10.10.2013.
437. Рубцов, В. Свобода 21-го века – Пиццерия Google, добрый день, слушаю ... [Электронный ресурс] / В. Рубцов // GBLOR-блог. — 2014. — Режим доступа: <http://gblor.ru/blogs/svoboda-21-go-veka-picceriya-google/199498>. — Дата обращения: 31.08.2016.
438. Салливан, Э. Когда-то я был человеком. История интернет-зависимости [Электронный ресурс] / Э. Салливан // Slon. — 2016. — Режим доступа: <https://slon.ru/posts/74866#payline>. — Дата обращения: 15.10.2016.
439. Свободный от слова «свобода». Ричард Столлман о целях движения за свободное программирование [Электронный ресурс] // Lenta.ru. — 2011. — Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2011/12/03/stallman/>. — Дата обращения: 31.08.2016.
440. Скороходов, В. Тотальный контроль: всемирный электронный концлагерь. Часть 1 [Электронный ресурс] / В. Скороходов // Информационный портал политической партии «Великая Украина». — Режим доступа: <http://vu.ua/article/materials/Analytic/1684.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.

441. Соломонова, И. Наркоманы со смартфонами: как слезть с иглы технологий [Электронный ресурс] / И. Соломонова // Slon. — 2016. — Режим доступа: <https://slon.ru/posts/75089#payline>. — Дата обращения: 23.10.2016.
442. Талеб, Н. Диктатура меньшинства [Электронный ресурс] / Н. Талеб. — 2016. — Режим доступа: <http://sputnikpogrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk>. — Дата обращения: 18.10.2016.
443. Тищенко, П.Д. Мир будущего. 30 лет спустя отношения между людьми могут определять машины [Электронный ресурс] / П.Д. Тищенко // Фома. — 2015. — Режим доступа: <http://foma.ru/z0-let-spustya-otnosheniya-mezhdu-lyudmi-mogut-opredelyat-mashinyi.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
444. Токарев, С. Война, XXI век [Электронный ресурс] / С. Токарев // Компьютерра. — 2003. — Режим доступа: <http://old.computerra.ru/2003/488/201924/>. — Дата обращения: 03.09.2014.
445. Токарева, М. Академик Лекторский: «Если приходит бессмертие, жизнь теряет смысл» [Электронный ресурс] / М. Токарева // Новая газета. — 2015. — Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/03/63668-akademik-lektorskiy-171-esli-prihodit-bessmertie-zhizn-teryayet-smysl-187>. — Дата обращения: 01.09.2016.
446. Толкачев, С.А. Постмодерн как мировоззрение перманентного кризиса [Электронный ресурс] / С.А. Толкачев // Капитал страны. — 2008. — Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/996>. — Дата обращения: 18.10.2012.
447. Трагедия дирижабля «Гинденбург» [Электронный ресурс] // Новости сегодня. — 2015. — Режим доступа: <http://news24today.info/tragediya-dirizhablya-gindenburg.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
448. Трудно быть богом: что предлагает миру первый трансгуманист с президентскими амбициями [Электронный ресурс] // Furfur. — 2015. — Режим доступа: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/215265-zoltan-istvan>. — Дата обращения: 31.08.2016.

449. Тумакова, И. Суд признал, что бог есть / И. Тумакова // Фонтанка. — 2017. — Режим доступа: www.fontanka.ru/2017/05/11/121/. — Дата обращения: 11.05.2017.
450. Тхостов, А.Ш. От тамагочи к виртуальному ошейнику: границы нейтральности технологий [Электронный ресурс] / А.Ш. Тхостов, В.А. Емелин // Психологические исследования. — 2010. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n6-14/400-tkhostov-emelin14.html>. — Дата обращения: 31.08.2016.
451. Филатова, В. Примеру столичного инженера, который вшил под кожу чип от карты «Тройка», могут последовать его коллеги [Электронный ресурс] / В. Филатова / Вечерняя Москва. — 2015. — Режим доступа: <http://www.vm.ru/news/2015/06/12/primeru-stolichnogo-inzhenera-kotorij-vshil-pod-kozhu-chip-ot-karti-trojka-mogut-posledovat-ego-kollegi-289075.html>. — Дата обращения: 17.06.2015.
452. Философия истории [Электронный ресурс] / под ред. А.С. Панарина. — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2912012-p34.html>. — Дата обращения: 01.09.2016.
453. Фокина, К. Расстрела в Рачаке не было [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2000. — Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-03-25/6_rachak.html. — Дата обращения: 31.08.2016.
454. Фрид, Г. Полемос Хайдеггера: от Бытия к Политике [Электронный ресурс] / Г. Фрид; реферативный перевод City Twilight // HPSY. — 2000. — Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x1487.htm>. — Дата обращения: 27.02.2016.
455. Фукуяма, Ф. Идентичность и миграция [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма // Новая Европа. — Режим доступа: <http://n-europe.eu/content/index.php?p=1290>. — Дата обращения: 28.09. 2016.
456. Халиков, Р. Хиджабофобия как кризис идентичности [Электронный ресурс] / Р. Халиков, С. Исмагилов // IslamOnline. — 2010. — Режим доступа: <http://www.islamonline.ru/index.php?catid=5:2009-03-27-12-14-53&id=1516:lr-->

--&Itemid=13&option=com_content&view=article. — Дата обращения:
29.09.2016.

457. Цифровая тень и цифровой след - новая угроза для человечества! [Электронный ресурс] // Hardwareportal. — 2009. — Режим доступа: http://www.hwp.ru/articles/tsifrovaya_ten_i_tsifrovoy_sled___novaya_ugroza_dl_ua_chelovechestva_21/?SHOWALL_1=1. — Дата обращения: 24.10.2016.

458. Чистосердечное признание Филиппа Будейкина [Электронный ресурс] // Livejournal. — 2016. — Режим доступа: <http://sell-off.livejournal.com/16567840.html>. — Дата обращения: 31.11.2016.

459. Что такое трансгуманизм? [Электронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. — 2006. — Режим доступа: <http://transhuman.ru/biblioteka/transgumanizm/chto-takoe-transgumanizm>. — Дата обращения: 30.03.2016.

460. Ширяев, В. В эпоху Big Data Оруэлла пора переписывать [Электронный ресурс] / В. Ширяев // Новая газета. — 2016. — Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/12/12/70879>. — Дата обращения: 13.01.2017.

461. Эко, У. Дорогой внук, учи наизусть [Электронный ресурс] / У. Эко // Лайвлиб. — 2014. — Режим доступа: <http://www.livelib.ru/blog/news/post/9661>. — Дата обращения: 31.08.2016.

462. Эпштейн, М. О виртуальной словесности [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // RoyallLib. — Режим доступа: http://royallib.com/read/epshteyn_mihail/o_virtualnoy_slovesnosti.html#0 — Дата обращения: 31.08.2016.

Электронные ресурсы на иностранных языках:

463. Annual Lemelson-MIT Invention Index Study Gauges Americans' Attitudes Toward Invention [Electronic resource]. — Mode of access: <http://web.mit.edu/invent/n-pressreleases/n-press-04index.html>. — Date of access: 02.09.2016.

464. Brophy-Warren, J. Oh, That John Locke [Electronic resource] / J. Brophy-Warren // The Wall Street Journal. — 2007. — Mode of access: <http://online.wsj.com/article/SB118194482542637175.html>. — Date of access: 31.08.2016.
465. Ethical aspects of ICT implants in the human body [Electronic resource] // Opinion. — 2005. — Mode of access: http://ec.europa.eu/bepa/european-group-ethics/docs/avis20compl_en.pdf. — Date of access: 31.08.2016.
466. Gardner, Z. Transhumanism — Techno-Eugenics Usurping Humanity [Electronic resource] / Z. Garner // The Daily Sheeple. — 2012. — Mode of access: http://www.thedailysheeple.com/transhumanism-techno-eugenics-usurping-humanity_072012. — Date of access: 30.03.2016.
467. Hansraj, K.K. Assessment of Stresses in the Cervical Spine Caused by Posture and Position of the Head [Electronic Resource] / K.K. Hansraj. — 2014 — Mode of access: <https://www.phschiropractic.com/webres/File/iTrac%20Surgical%20Technology%20Doc.pdf>. — Date of access: 30.01.2016.
468. Rise in Nomophobia: Fear of Being without a Phone [Electronic resource] // The Telegraph. — 2012. — Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/technology/news/9084075/Rise-in-nomophobia-fear-of-being-without-a-phone.html>. — Date of access: 12.05.2013.
469. Storrs Hall, J. Utility Fog: The Stuff that Dreams Are Made Of [Electronic resource] / J. Storrs Hall // Kurzweil. — 2001. — Mode of access: <http://www.kurzweilai.net/utility-fog-the-stuff-that-dreams-are-made-of>. — Date of access: 31.08.2016.
470. Thomee, S. Mobile Phone Use and Stress, Sleep Disturbances and Symptoms of Depression Among Young Adults – a Prospective Cohort Study [Electronic resource] / S. Thomee, A. Haerenstam, M. Hadberg // BMC Public Health. — 2011. — Mode of access: <https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-11-66>. — Date of access: 20.06.2012.